

ДОНСКАЯ ЛЬТОПИСЬ

Сборникъ матерьяловъ по новѣйшей исторіи
Донского Казачества
со времени Русской революціи 1917 года

... За честь отчизны, за казачье
имя кипить, волнуется, шумитъ
сѣдой нашъ Донъ — Родимый Край...

Ф. КРЮКОВЪ.

1923 г.

№ 1

Издание
ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ

ОТЪ ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

I.

Въ періодъ революціи въ Россіи, Донское казачество явило высокій образецъ разумнаго пониманія гражданской свободы, бережнаго отношенія къ началамъ государственности и порядка, уваженія къ праву и законности.

Искони присущая казачеству дисциплинированность и навыкъ къ организаціи дали Донцамъ возможность въ разгаръ гражданской войны создать въ своей землѣ государственность, установить власть на основахъ народоправства, ввѣривъ Верховную и Законодательную власть народному представительству — Войсковому Кругу — и поставить во главѣ Донскаго войска выборнаго Атамана.

Героическая борьба Дона и всего казачества съ російскимъ коммунизмомъ и совѣтской властью представляетъ эпоху величайшаго напряженія народнаго духа въ стремленіи отстоять право и свободу противъ грубаго насилія и разнузданныхъ инстинктовъ народныхъ массъ.

Мѣстное законодательство въ области политическихъ, социальныхъ, торгово-промышленныхъ, финансовыхъ и др. вопросовъ важны, какъ первые опыты строительства жизни на новыхъ началахъ права и свободы.

Отношеніе Дона къ общероссійскимъ задачамъ и общероссійскому національному движенію являютъ характерный примѣръ разумнаго сочетанія идеи государственнаго единства съ стремленіями отдѣльныхъ народовъ и областей къ автономіи и федерации.

Были тяжелыя и мрачныя страницы въ жизни Дона за этотъ періодъ. Нельзя проходить мимо нихъ, не отмѣчая всего съ правдивостью лѣтописца.

Въ изложеніи и освѣщеніи событій не должно быть мѣста преднамѣренному подбору фактовъ и сознательному отверженію авторомъ неугоднаго ему матеріала.

За послѣднее время въ печати появилось нѣсколько трудовъ, авторы которыхъ касаются въ своихъ произведеніяхъ разныхъ сторонъ жизни Дона въ революціонный періодъ. Къ сожалѣнію, содержаніе указанныхъ трудовъ страдаетъ или тенденціозностью или краткостью и схематичностью изложенія, очевидно, вслѣдствіе недостаточности, матеріала и незнакомства съ первоисточниками.

Еще не настало время для полной и всесторонней истории Дона за этот бурный и богатый событиями период. Мало для этого материала.

На нас, живых участников всего пережитого Доном, лежит нравственный долг собрать и сохранить этот материал. Время уходит, отдельные события и характерные подробности их ускользают из памяти, документы могут утратиться и, наконец, наша жизнь эмигрантов может подвергнуться всяким случайностям.

Донская Историческая Комиссия приняла на себя обязательство выполнить этот долг перед Доном. Но успешно разрешить эту задачу она может только при сочувствии всех Донцов, принимающих участие в событиях революционной эпохи.

Пусть каждый воспроизведет то, чему свидетелем или участником он был.

Такую же просьбу Комиссия обращает к представителям других казачьих войск и ко всем, кто боролся за честь и свободу России плечо к плечу с казачеством.

Это надо сделать во имя любви к Родине и родному краю, во имя светлого будущего казачества, в честь высоких идеалов, за осуществление которых мы боролись и в память тех героев, которые пали сраженными в этой борьбе.

В. Харламов.

II.

Донская Историческая Комиссия, осуществляя свою задачу по собиранію, обработкѣ и изданію матеріаловъ, относящихся къ новѣйшей исторіи Дона послѣ государственнаго переворота 1917 года и приступая къ изданію «Донской Лѣтописи» — должна была съ логической неизбежностью расширить рамки своей работы, выйти за предѣлы 1917 года въ глубь исторіи, связаться съ далекимъ прошлымъ казачества.

Исторія казачества до 1918 года — это введеніе въ новѣйшую исторію. Прошлое — даетъ разгадку настоящему. Прошлое, выработавши извѣстные духовныя и физическія особенности, свойства, навыки, правовыя традиціи, своеобразныя черты характера — въ процессѣ многовѣковой жизни, въ устоявшихся формахъ казачьяго быта, естественно предопредѣляло поведеніе казачества въ новую революціонную эпоху, какъ предопредѣляетъ его роль въ будущемъ. Отношеніе казачества къ государственному перевороту, къ Временному Правительству, къ совѣтской власти, его быстрое объединеніе, организація имъ самоуправленія, рѣшимость на вооруженную борьбу съ совѣтской властью, степень проявленнаго напряженія силъ и жертвъ — все это имѣетъ подъ собой извѣстное міропониманіе и міроощущеніе, вытекающее изъ историческихъ факторовъ, которые должны быть выяснены и установлены. Это міропониманіе и міроощущеніе казачества, исторически установленное, даетъ возможность насколько это доступно человѣческому провидѣнію, заглянуть

и въ будущее, въ которое казачество вѣрится, считая, что оно не сказало еще въ исторіи своего послѣдняго слова, и предугадать будущіе пути его, будущую роль его въ строительствѣ Новой Россіи.

Въ частности новѣйшая эпоха, представляя изъ себя сложный, запутанный комплексъ различныхъ историческихъ событий, какъ и всякое жизненное явленіе, въ общемъ намѣтила, поставила и отчасти разрѣшила два кардинальныхъ вопроса:

1. Вопросъ о широкомъ краевомъ государственномъ самоуправленіи Донской Области, бывшей административной единицы Россійской Имперіи;

2. Вопросъ вооруженной борьбы съ вопиствующимъ большевизмомъ въ видѣ гражданской войны.

Но и первый и второй вопросы правильно освѣщаются и разрѣшаются только при свѣтѣ исторической науки.

Исторія казачества указываетъ, что Войсковые Круги и выборные Атаманы — не «продуктъ революціи», не академическое измышленіе «гнилой» казачьей интеллигенціи, «оторванной отъ народа», «зараженной революціонной гангреной», а выявленіе особенностей казачьяго быта.

Эта же исторія объясняетъ, почему изъ всего русскаго народа только часть его, именно казачество, отвергло совѣтскую власть, заявивъ объ этомъ открыто, и съ оружіемъ въ рукахъ вступило въ борьбу съ нею. Почему послѣ кратковременнаго подчиненія этой власти оно вновь возстало противъ этой власти стихійно, всѣмъ народомъ; рѣшительно и не взирая на безконечныя жертвы людьми и имуществомъ, вело борьбу до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ.

Кромѣ того, казачество всегда чувствовало себя окруженнымъ атмосферой какого-то упорнаго непониманія его, незнанія его быта, его побужденій, намѣреній, предубѣжденія противъ него и даже прямого недоброжелательства всего русскаго общества.

Такъ было въ до-революціонное время, во время революціи, такъ обстоитъ дѣло и нынѣ.

Въ юбилейномъ сборникѣ Военнаго Министерства — «столѣтіе Военнаго Министерства» (см. ст. Сватикова «Донской Войсковой Кругъ») — говорится: «Въ казачьихъ областяхъ Военное Министерство имѣло одну заботу — возможно прочѣе подчинить казачье населеніе центральной власти, упразднить внутреннее самоуправленіе казачества и превратить его въ исполнителей велѣній государственной власти, какъ прежде оно было исполнителемъ велѣній Войскового Круга».

Эта забота и задача выполнялась Правительствомъ свыше 200 лѣтъ и въ результатѣ — постоянныя болѣе или менѣе глубокія и тяжелыя недоразумѣнія съ казачествомъ. Казачество раздражено и озлоблено, а идея самоуправленія не только не убита, а наоборотъ, особенно бережно и ярко культивировались въ казачьей душѣ. Въ реализаціи этой идеи казачество видѣло выходъ изъ тяжелаго положенія. И немедленно, послѣ устраненія враждебныхъ ей условій, органы казачьяго самоуправленія были возстановлены.

Это — большого значения исторический опыт, говорящий о необходимости считаться с фактом казачьей самобытности.

Донская Историческая Комиссия вѣритъ, что распространение исторических свѣдѣній о быломъ казачества устранить многія недоразумѣнія, предубѣждения и недоброжелательство и установить на казачество взглядъ, соответствующій назначенію и роли его въ исторіи русскаго государства.

Съ другой стороны, готовясь принимать активное участіе въ строительствѣ будущей Россіи, казачество желаетъ изъ пережитаго въ послѣднее время опыта взять для будущаго все цѣнное, здоровое, жизнеспособное.

Въ этихъ видахъ Донская Историческая Комиссия выпускаетъ отдельнымъ изданіемъ капитальный исторический трудъ С. Г. Святикова «Донъ и Россія» и удѣляетъ значительное мѣсто въ первомъ номерѣ «Донской Лѣтописи» другой работѣ того же автора «Донской Войсковой Кругъ», имѣющей непосредственную связь съ существовавшимъ на Дону съ 1917 года Войсковымъ Кругомъ. Затѣмъ, удѣляя особенное вниманіе событіямъ, работамъ, законоположеніямъ и пр. изъ эпохи послѣ 1917 года, могущимъ имѣть большое значеніе въ будущемъ при возстановленіи Донской Области и Россійскаго Государства, отмѣчая дѣятельность выдающихся лицъ новѣйшаго періода исторіи Дона, духовное вліяніе которыхъ должно распространиться и на будущія поколѣнія, Донская Историческая Комиссия открываетъ въ первомъ номерѣ Донской Лѣтописи отдѣлъ о работахъ по возрожденію Юго-Востока Россіи, произведенныхъ уже казачествомъ въ эмиграціи.

А. Каклюгинъ.

III.

Не всегда будетъ мракъ тамъ,
гдѣ теперь онъ огустѣлъ.

Пророкъ Исаія, гл. 8.

Семь лѣтъ прошло съ того момента, когда въ неравной борьбѣ героической сербской народъ вынужденъ былъ покинуть свою Родину и идти въ неизвѣстность, устилая Албанскія горы костями своихъ лучшихъ сыновъ.

На протяженіи своей многовѣковой исторіи, сербский народъ зналъ и горечь поражений и радость побѣдъ, но онъ не зналъ потери національной чести. И когда наступилъ моментъ, — что ему нужно было склонить голову передъ врагомъ не одного только сербскаго народа, но больше того, — всего Славянства, — онъ предпочелъ покинуть Родину и идти въ неизвѣстность.

И Сербы ушли. . .

За уходящей въ Албанскія горы Сербской арміей, съ ея старымъ Королемъ Петромъ, двигались тысячи семей бѣженцевъ, оставившія свои семейные очаги и связанный съ ними душевный покой, уходившіе съ арміей въ ея крестный путь.

По немъ шелъ весь сербский народъ, ибо Король, Правительство, Скупщина и Армія есть олицетвореніе всей націи, а не группы недовольныхъ людей, хотя-бы численность ихъ не превышала и тысячной доли всего народа. Они составляли мозгъ и душу Націи, они сохраняли честь ея и они же доблестно сохранили ее.

И когда въ горахъ Албаніи, среди нечеловѣческихъ страданій идущихъ сербовъ раздавались торжествующіе звуки Стараго Сербскаго Гимна:

Кто свою отчизну любитъ
И кто сербъ душой,
Тотъ спѣши на бой кровавый,
На кровавый бой. . .

высоко и гордо поднимались, измученныя физически, но сильныя духомъ головы солдатъ, ибо они знали, что на своихъ усталыхъ, въ кровавыхъ ранахъ плечахъ, — они несутъ «святая святыхъ» націи — ея Честь.

Можно ли было говорить, что это шла разбитая Армія и побѣжденная Нація?

Нѣтъ. Это шла Армія побѣдителей, — ибо счастливъ тотъ народъ, какой сумѣетъ найти въ себѣ силу воли, въ послѣднія минуты своего существованія, — поставитъ Национальную гордость и честь выше самой жизни.

Обновленная Армія возвратилась на Родину, сохранивъ честь Націи и давъ ей свободу.

* * *

Вспоминая эту лучшую страницу многовѣковой исторіи братскаго сербскаго народа, мы, Донцы, невольно переносимъ ее на свою собственную исторію недавняго прошлаго, когда намъ пришлось оставить свою Великую Родину — Россію и свой Родимый Край и идти въ неизвѣстность. . .

Съ оставившей Донъ Донской Арміей, покидали свои очаги десятки тысячъ казачьихъ семей.

И нужно было видѣть въ декабрь 1919 г. безконечныя степныя дороги, по которымъ, утопая въ грязи, тянулись сотни тысячъ головъ скота и овецъ, табуны лошадей и десятки тысячъ подводъ, нагруженныхъ стариками, женщинами и дѣтьми, и нужно было видѣть тѣ безчисленные могильные холмики, устилавшіе этотъ Крестный путь, чтобъ понять всю трагедію Донскаго казачества.

Это не былъ только уходъ недовольныхъ, а «исходъ» цѣлаго народа, приносившаго себя въ жертву во имя спасенія Чести поруганной Великой Родины — Россіи, забытой и оставленной русскимъ народомъ. . .

Тотъ десятокъ тысячъ Героической Добровольческой Арміи, истекавшей кровью въ отходъ отъ Орла, было все то, что дала столѣтисотмилліонная масса русскаго народа — въ защиту своей Национальной Чести.

Съ пятидесятитысячной Донской Арміей, шель Атаманъ, Правительство, Войсковой Кругъ и свыше трехсотъ тысячъ бѣженцевъ.

И это былъ «исходъ» лучшей части русскаго народа, во имя сохраненія достоинства и чести Русской Націи.

Не изъ-за страха за собственную жизнь уходили казачьи массы, а изъ-за нежеланія склонить свои вольныя казачьи головы передъ предателями Родины и расхитителями національнаго достоянія, скопленнаго тысячелѣтней исторіей трудами націи, въ которыхъ почетное мѣсто принадлежитъ казакамъ.

Крестный путь этого исхода для большей половины шедшихъ явился и путемъ въ вѣчность, скошенныхъ тифомъ и физическимъ истощеніемъ. . .

Кубань, Новороссійскъ, побережье Чернаго моря и Грузія, это — Донская Голгофа.

На нее шли Донцы, унося свое послѣднее достояніе — национальную гордость и непоколебимую вѣру въ торжество ея правды.

Крымъ — проблески надежды на близкое осуществленіе своей вѣры; но русскій народъ еще пребывалъ въ своемъ невѣдѣніи и еще въ недостаточной степени почувствовалъ тяжесть большевизма.

Босфоръ, лагеря Чаталджи и Лемнось, съ потерей послѣдняго клочка Родной земли, — новые этапы все той же Голгофы.

Это — Донская Албанія. . .

* * *

Мысль, — собрать возможно полнѣе и издать матеріалы этой скорбной, но лучшей страницы четырехъ вѣковой исторіи Дона, — возникла въ средѣ представителей Дона еще въ маѣ мѣсяцѣ 1922 г., во время пребыванія ихъ въ Парижѣ. Работа должна была начаться въ Софіи, но создавшееся въ Болгаріи положеніе для русскихъ, и въ частности для Донскаго Представительства, — исключило всякую возможность осуществленія этой мысли. И отъ нея пришлось отказать.

И только вотъ теперь здѣсь, среди братскаго сербскаго народа мысль эта возродилась снова и претворена въ жизнь.

И въ томъ, что именно здѣсь, въ Сербіи, явилась возможность спокойно заняться подведеніемъ итоговъ страдальческаго, но доблестнаго пути Донскаго казачества, въ странѣ братскаго народа, недавно еще пережившаго всю горечь потери Родины, Донская Историческая Комиссія видитъ хорошее предзнаменованіе. . .

Въ горахъ Албаніи, въ страданіяхъ выковывалась гордая воля братьевъ—сербовъ, потерявшихъ Родину, и крѣпла вѣра въ ея обрѣтеніе; и они нашли ее, — доблестную, славную, обвѣянную лаврами, съ широкими надеждами не только на ея процвѣтаніе, но и на свѣтлое будущее всего славянства, ибо въ героической исторіи Сербіи идея общеславянскаго бытія, составляетъ основу ея.

Какъ русское казачество, въ исторіи Великой Россіи всегда выполняло роль авангарда Национальнаго роста русскаго народа, такъ

Сербія играла въ исторіи Европейскихъ народовъ роль аванпоста Славянства.

По глубокому выраженію полковника Бошковича: — «Сербія, это — казачество славянства».

И эту почетную роль она доблестно выполняетъ въ теченіи многихъ вѣковъ.

И то, что именно здѣсь, — въ странѣ безграничной любви къ своей Родинѣ и непоколебимой вѣрности общеславянской идеѣ, странѣ высокаго пониманія національной чести и доблести, — Донской Исторической Комиссії приходится начинать свой скромный трудъ по собиранію матеріаловъ новѣйшей исторіи Донскаго казачества, — даетъ ей право надѣяться на откликъ всѣхъ, въ комъ еще не угасла любовь къ Родинѣ и надежда на ея воскресеніе.

Казаки глубоко вѣрятъ въ близкое возрожденіе Великой Россіи и вѣрнѣйшаго изъ сыновъ ея — Тихаго Дона.

И будетъ день, когда безпристрастный историкъ подведетъ итоги страдальческой эпохи русскаго народа XX столѣтія и роли въ ней казачества, и возрожденная Россія оцѣнитъ по достоинству неисчислимыя жертвы, принесенныя въ эти дни: —

«безвременья, смутнаго развала и паденья духа», во имя ея достоинства и національной чести, старшимъ изъ казачьей семьи — Дономъ.

Такъ будетъ, ибо иначе не можетъ быть. И это будетъ лучшей наградой Дону за его безкорыстныя, святыя жертвы, принесенныя: «за Честь Очизны».

* * *

Съ этой вѣрой Донская Историческая Комиссія приступаетъ къ тяжелой по отвѣтственности, но благодарной работѣ.

П. Скачковъ.

Бѣлградъ, іюнь 1923 г.

ОТЪ ДОНСКОГО АТАМАНА.

Въ жизни Россіи Казачество, во главѣ со своимъ старшимъ братомъ — Войскомъ Донскимъ, всегда играло большую роль. Расширяя и оберегая ея предѣлы, постепенно создавъ самобытныя военныя общины, единственныя въ исторіи всего человѣчества, Казачество и до сихъ поръ не утратило своего историческаго значенія, только примѣнившись къ современнымъ условіямъ жизни.

За свое многовѣковое существованіе казаки совершили много подвиговъ доблестнаго служенія общей Великой Матери Россіи, которые не должны быть забыты потомствомъ. Для казака нѣтъ ничего выше Родины. Свыше пятисотъ лѣтъ казаки вѣрой и правдой служили Россіи при Царяхъ, но когда Государь Императоръ Николай II отрекся отъ престола, и Россія фактически стала республикой при Временномъ Правительствѣ, казаки также честно служили ей и послѣдними оставили фронтъ, когда міровая война на русскомъ фронтѣ уже прекратилась.

Во время революціи казаки, какъ и весь русскій народъ, поддались гипнозу демагогическихъ рѣчей и лживыхъ обѣщаній. Но когда близко, у себя дома увидѣли и узнали новую большевистскую власть предателей и каторжниковъ, — они рѣшительно отказались подчиниться ей и начали упорную, кровавую борьбу съ насильниками и убійцами. Изъ всего многомилліоннаго русскаго населенія одни казаки на окраинахъ Россіи, съ горстью смѣлыхъ добровольцевъ, вели непрерывно эту страшную борьбу, десятками тысячъ безвѣстныхъ могилъ, своихъ и вражыхъ, усыявъ родные края. . .

Эта борьба далеко еще не кончена. Россія еще стонетъ подъ кровавымъ игомъ совѣтской власти, ея населеніе быстро вымираетъ, отчаянныя усилія людей, еще сохранившихъ бодрость духа и вѣру въ лучшее будущее, окончились неудачей. Но уже близокъ разсвѣтъ послѣ темной страшной ночи. . .

Скоро Казачеству снова придется принять дѣятельное участіе въ спасеніи и возрожденіи Россіи. Но пока настанетъ это время, мы, еще оставшіеся въ живыхъ участники и свидѣтели доблестной борьбы казачества за честь и свободу Россіи и родного края, обязаны сохранить для потомства память о подвигахъ и дѣятельности казаковъ во время гражданской войны, въ которой яркимъ свѣтомъ

засіяло государственное сознаніе Казачества и его глубокий патриотизмъ.

Отъ всей души привѣтствую идею, положенную въ основаніе настоящаго Историческаго Сборника Донской Лѣтописи. Пусть искренность и правда сопутствуютъ всемъ работамъ Донской Исторической Комиссіи. Будущій историкъ, уже въ исторической перспективѣ, пользуясь собранными матеріалами, относящимися къ только что пережитой намъ бурной, тяжелой, но славной эпохѣ, легко разберется въ нихъ для своего безпристрастнаго труда.

Увѣренъ, что все Донское Казачество и Русское Общество съ полнымъ вниманіемъ отнесутся къ предстоящей важной работѣ.

Искренно желаю полного успѣха въ ней на славу и пользу Россіи, всего Казачества и Тихаго Дона. . .

Въ добрый часъ!

Донской Атаманъ,
Генералъ-Лейтенантъ БОГАЕВСКІЙ.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ ГИМНЪ.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ
И послушно отозвался
На призывъ Свободы онъ.

Зеленѣетъ степь родная,
Золотятся волны нивъ,
И, съ простора долетая,
Вольный слышится призывъ.

Донъ дѣтей своихъ сзываетъ
Въ Кругъ Державный Войсковой,
Атамана выбираетъ
Всенародною душой.

Въ боевое грозно время,
Въ память дѣдовъ и отцовъ —
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцовъ.

Славься, Донъ, и въ наши годы,
Въ память вольной старины.
Въ часъ невзгоды — честь свободы
Отстоять твои сыны.

Статьи

Одобрень Большимъ Войсковымъ Кругомъ.

20 сентября 1918 года.

АЛЕКСѢЙ МАКСИМОВИЧЪ КАЛЕДИНЪ

Личность и дѣятельность

(Воспоминанія)

I.

Часто приходится слышать, что оскудѣла русская земля большими людьми, измельчалъ народъ и даже въ бурную революционную эпоху, когда сами собой падаютъ многія препятствія, отпадаютъ условности и открываются широкія возможности для выдвиганія впередъ людямъ съ инициативой, темпераментомъ и энергійей, хотя лишеннымъ подготовки, такъ необходимой для работы въ нормальныхъ условіяхъ — даже въ это время — не въ силахъ былъ онъ выбросить на поверхность героевъ.

Не вполнѣ такъ . . .

Дѣйствительность наша выдвинула достаточное количество сильныхъ людей (по крайней мѣрѣ, не менѣе сильныхъ, чѣмъ мы наблюдаемъ за рубежомъ), а наиболѣе живое, активное и организованное казачество оказалось богатымъ этимъ людьми, часто даже расточительнымъ.

А. М. Калединъ, Л. Г. Корниловъ, А. И. Дутовъ, М. П. Богаевскій, А. М. Назаровъ, М. А. Карауловъ . . . Большіе, сильные люди, казаки, погибшіе въ борьбѣ за правое дѣло . . .

О первомъ изъ нихъ, А. М. Калединѣ, — съ которымъ мнѣ довелось вмѣстѣ работать, я и хочу подѣлиться своими воспоминаніями, пока не все еще улетучилось изъ памяти. Попутно, поскольку это необходимо для выясненія личности Алексѣя Максимовича и условій, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать, я коснусь и событій того времени, свидѣтелемъ которыхъ или участникомъ и мнѣ пришлось быть.

Въ лицѣ Алексѣя Максимовича сошелъ съ житейской сцены большой человекъ не только съ точки зрѣнія Дона, — ушелъ вождь всего казачества всѣхъ двѣнадцати казачьихъ войскъ, ушелъ дѣятель общероссійскаго масштаба.

А. М. Калединъ не только выдающійся офицеръ генеральнаго штаба, не только увѣковѣчившій себя въ военной исторіи герой Луцкаго прорыва, не только прославившійся начальникъ 12 кавалерійской дивизіи, командиръ 12 корпуса и, затѣмъ, командующій 8-й арміей, — онъ — и прежде всего — человекъ высокой культуры, широкихъ взглядовъ, большой терпимости, государственный человекъ, чуждый рутинѣ и трафаретовъ.

А. М. Калединъ — больше всего и прежде всего — человекъ долга; чувствомъ долга было проникнуто все его существо. Качества, особенно его отличавшія и привлекавшія сердца къ нему — такому суровому и молчаливому съ виду, — это: абсолютная его чистота, полная, подкупающая искренность и прямота; въ этомъ — разгадка обаянія его личности.

Я не стану здѣсь говорить о его біографіи, о жизненныхъ его этапахъ — и эта работа необходима, и ее нужно, если не для Россіи, то для казачества и для Донского въ особенности зафиксировать: на примѣрѣ А. М. Каледина мы должны воспитывать будущія казачьи поколѣнія, ибо Алексѣй Максимовичъ — наша гордость и наше знамя.

Начну съ весны 1917 года, оставивъ въ сторонѣ все прошлое.

Когда произошла революція, казачество, никогда не знавшее крѣпостнаго права, привыкшее къ самоуправленію, на дѣлѣ въ своемъ быту осуществлявшее когда то равенство и братство, не опьянѣло отъ свободы — оно трезво расцѣпило новую свободу, какъ возстановленіе древнихъ вольностей своихъ, отобранныхъ въ 1709 году Импер. Петромъ I, и быстро воплотило ихъ въ жизнь, создавъ демократическую войсковую организацію, сумѣвъ сочетать свободу съ порядкомъ.

Уже въ мартѣ 1917 г. собрались въ Петроградѣ представители всѣхъ 12-ти казачьихъ войскъ, устроили съѣздъ и учредили обще-казачій органъ — «Советъ Союза Казачьихъ Войскъ». Въ апрѣлѣ мѣсяцъ уже шумѣлъ въ Новочеркасскѣ первый Донской казачій съѣздъ, делегаты котораго были выбраны на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Работа шла быстро и продуктивно. Безъ долгихъ разговоровъ, не разбрасываясь, съѣздъ намѣтилъ себѣ всего лишь двѣ задачи: 1) выработать основныя начала новаго устройства Дона, 2) поставить на надлежащее мѣсто организовавшійся въ первые дни революціи Исполнительный Комитетъ, въ теченіе мѣсяца успѣвшій уже захватить въ свои руки управленіе краемъ.

По п. 1-му Съѣздъ единогласно призналъ необходимымъ возстановить сѣдую старину — Войсковой Кругъ и Выборнаго Войскового Атамана, поручивъ оставленному въ Новочеркасскѣ временному Исполнительному Комитету немедленно организовать и провести въ краѣ выборы въ Войсковой Кругъ и подготовить для Круга проекты необходимыхъ законовъ. По п. 2-му — вопросъ рѣшенъ былъ быстро — отъ организованности, спайки Донского казачества вѣяло такой силой, сила эта такъ импонировала, что черезъ нѣсколько дней послѣ начала работъ съѣзда Президіумъ Исполнительнаго Комитета (революціоннаго) по требованію казачьяго съѣзда уже давалъ свои объясненія, а выбранный въ первые дни марта Врем. Атаманъ просилъ Съѣздъ о подтвержденіи его атаманскихъ полномочій. Казачій Комитетъ выработалъ инструкцію по выборамъ въ Войсковой Кругъ и приступилъ къ самымъ выборамъ, и во 2-й половинѣ мая въ Новочеркасскѣ уже собрались хозяева донского края, избранные по четырехчленной формулѣ отъ казачьяго населенія въ Войсковой Кругъ.

Подъ предѣлательствомъ М. П. Богаевского началъ свою работу мѣстный парламентъ и съ первыхъ же дней глубоко задумался надъ вопросомъ: кого выбрать первымъ Войсковымъ Атаманомъ. Дѣловая работа шла въ общихъ собраніяхъ и комиссіяхъ, а также въ засѣданіяхъ округовъ, — президіумъ же Круга выяснялъ возможность кандидатуры на постъ Атамана, велъ переговоры, наводилъ справки и . . . приходилъ въ смущеніе отъ слишкомъ большого количества кандидатуръ: ихъ набралось болѣе 20. Тутъ были между прочимъ генералы Никулинъ, Ажиновъ, Хрещатицкій, полк. Грузиновъ (командов. тогда войсками Московскаго воен. округа), Войсковой Старшина Волошиновъ (Временный Атаманъ), Членъ Гос. Думы И. Н. Ефремовъ (снявшій свою кандидатуру) и др.

Совѣщанія по округамъ показывали, что голоса на Кругѣ разобьются и авторитетнаго Атамана мы не получимъ, а между тѣмъ обстановка требовала поставить во главѣ Донского Войска человека сильнаго, опирающагося на общее довѣріе, за которымъ пошло бы все Войско Донское. Моментъ былъ тревожный, президіумъ Круга нервничалъ. . .

Я никогда не забуду сияющаго лица Митрофана Петровича Богаевского, когда онъ однажды, сильно запоздавъ на засѣданіе президіума, быстро вошелъ въ залъ засѣданія и возбужденнымъ голосомъ заявилъ:

«Извините, господа, за опозданіе . . . знаете, у кого я задержался? Приѣхалъ генералъ Калединъ. . . Вотъ человекъ, около котораго объединятся Донцы».

Далѣе изъ разговора выяснилось, что ген. Калединъ, не желавшій, не умѣвшій угождать толпѣ, разошелся на этой почвѣ съ ген. Брусилковымъ и, какъ «несоответствующій духу времени», отставленъ отъ командованія арміей и назначенъ на покой, въ Военный Советъ; что въ Новочеркасскѣ онъ проѣздомъ по пути въ Кисловодскъ, гдѣ думаетъ отдохнуть и подлѣчить свою рану, что о кандидатурѣ своей на постъ Войскового Атамана и слышать не хочетъ. А. М. Калединъ уже видѣлъ на фронтѣ развалъ арміи и моральное паденіе русскаго человека . . . На другой день имя Каледина было у всѣхъ на устахъ — и у членовъ Войскового Круга, и въ печати, и во всемъ городѣ. Со всѣхъ сторонъ слышалось только одно: «лучшаго Атамана не найти». Число кандидатовъ сразу упало съ 20 до 2-хъ — Калединъ и Ефремовъ, другихъ кандидатовъ уже не называли.

Со всѣхъ сторонъ повели атаку на будущаго Атамана, но онъ не сдавался. Долго ломали волю А. М. Каледина и, наконецъ, нашли его «Ахиллесову пятю» — доказывали, что онъ во имя интересовъ родного Дона не имѣетъ права отказываться въ трудную минуту, что долгъ его, какъ казака, обязываетъ его согласиться на баллотировку, ибо на немъ — и не на комъ другомъ — можетъ объединиться весь Донъ. И Алексѣй Максимовичъ согласился. . .

Тѣ овации, которымъ Алексѣй Максимовичъ былъ встрѣченъ на Кругѣ, когда онъ выступилъ на трибунѣ съ краткимъ привѣтствіемъ Войсковому Кругу, не оставляли сомнѣній въ резуль-

тагъ предстоящихъ выборовъ; только сѣверные — депутаты Усть-Медвѣдицкаго и Хоперскаго округовъ — были сумрачны: наиболѣе радикально настроенные, они побаивались «царскаго генерала», опасаясь, что въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи онъ не сумѣетъ или не захочетъ въ трудную минуту отстоять казачьи вольности, если имъ будетъ грозить опасность. Остальные округа на сѣли на сѣверянъ и заставили ихъ пойти на компромиссъ, убѣдивъ, что интересы Дона требуютъ, чтобы будущій Атаманъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Сдались Медвѣдица и Хоперь и лишь въ частныхъ бесѣдахъ съ представителями центральныхъ и южныхъ округовъ продолжали высказывать свои опасенія и тревоги.

Всѣ остальные кандидатуры отпали сами собой, и Алексѣй Максимовичъ баллотировался одинъ, получивъ 18 іюня 1917 года изъ семисотъ (приблизительно) голосовъ свыше 600. Голосовали противъ или воздержались, надо думать (голосованіе было тайное) фронтовики (представители войсковыхъ частей, находившихся на фронтѣ и въ предѣлахъ Дона) и небольшая группа непримѣримыхъ сѣверянъ.

Нужно отмѣтить, что «православный Тихій Донъ» и за все время революціи и въ періодъ ожесточенной борьбы съ большевиками, никогда не порывалъ со своими дѣдовскими обычаями и каждое важное событіе въ своей жизни ознаменовывалъ торжественнымъ краткимъ молебствіемъ.

Нѣсколько сотъ членовъ Большаго Войскового Круга, при громадномъ стеченіи народа послѣ выборовъ торжественно направились въ Войсковой Соборъ, во главѣ съ новымъ Атаманомъ, впервые свободно избраннымъ Войскомъ Донскимъ послѣ двухсотлѣтняго перерыва. Алексѣй Максимовичъ, осыненный старинными бунчуками, шелъ, имѣя въ рукахъ древній перначъ, и впереди процессіи колыхались знамена Отечественной войны и другія регалии, вынесенныя изъ Войскового Музея.

Послѣ молебна, передъ парадомъ войскамъ, со специально воздвигнутой трибуны народу было объявлено объ избраніи Атамана.

Членъ Войскового Круга Н. Д. Дувакинъ, обладавшій сильнымъ голосомъ, прочиталъ съ трибуны «грамоту» слѣдующаго содержания:

«Грамота отъ Перваго Войскового Круга всего Великаго Войска Донскаго избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку, генералу и георгиевскому кавалеру Алексѣю Максимовичу Каледину. По праву древней обыкновенности избранія Войсковыхъ Атамановъ, нарушенному волею Царя Петра I въ лѣто 1709-ое и нынѣ восстановленному, избрали мы тебя нашимъ Войсковымъ Атаманомъ. Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаемъ тебѣ знаки атаманской власти и поручаемъ управленіе Великимъ Войскомъ Донскимъ въ полномъ единеніи съ членами Войскового Правительства, избраннаго также вольными голосами Войскового Круга. Руководствомъ къ законному управленію въ Войскѣ нашемъ должны служить тебѣ, нашъ Ата-

манъ, постановленія, утвержденныя Войсковымъ Кругомъ въ соответствии съ общегосударственными законами.»

Послѣ оглашенія этой грамоты стоявшій рядомъ съ Атаманомъ Предѣдатель Круга М. П. Богаевскій провозгласилъ: «Войско Донское постановило считать тебя своимъ Атаманомъ».

Всѣ мы тогда переживали необычайно свѣтлое настроеніе.

Надежды на будущее, вѣра въ счастье Дона и Россіи, вѣра въ своего Атамана — все это волновало, возвышало. . . У всѣхъ, находившихся около меня, я видѣлъ на глазахъ слезы. . . Казачество вернулось къ своимъ старымъ завѣтамъ и обычаямъ, оно снова, какъ ветарь, получило возможность устроить свою жизнь своими руками, вернуло свои вольности, свободу. Казачество крайне осторожно отнеслось къ выборамъ главы Войска, понимая все значеніе момента, и оно не ошиблось въ своемъ выборѣ. . .

Помню, какъ во время принесенія Атаману поздравленій, — тутъ же, на Соборной площади — къ Алексѣю Максимовичу подошелъ сѣдой, съ большой бородой, казакъ, и обращаясь къ избраннику Войска, сказалъ:

«Смотри, не измѣни, Атаманъ.» . .

Алексѣй Максимовичъ тихо отвѣтилъ старику:

«Себѣ не измѣню, станичникъ.»

Словъ своихъ Алексѣй Максимовичъ, молчаливый, тпшайшій, не бросалъ на вѣтеръ. . .

Я никогда не встрѣчалъ человѣка, обаяніе личности котораго было бы такъ велико. . .

Искренность, прямота, абсолютная честность и чистота, проникавшее все его существо чувство долга — все это обезоруживало его враговъ и, въ конечномъ итогѣ, превращало ихъ въ друзей и почитателей.

Опасенія и тревоги, бывшія при выборахъ Атамана у депутатовъ Круга отъ сѣверныхъ округовъ Войска, быстро исчезли.

«Царскій генералъ», сынъ простаго донскаго офицера, никогда и не бывшій реакционеромъ, а теперь искренно признавшій, что безъ народа управлять нельзя, честно, искренно и послѣдовательно проводилъ въ жизнь начала народоправства, признанныя имъ единственными. Это былъ безукоризненно корректный конституціонный глава Донской Земли.

Черта эта правильно отмѣчена и А. И. Деникинымъ во 2 томѣ его замѣчательныхъ «Очерковъ Русской Смуты», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ по адресу А. М. Каледина: «Этотъ всею революціонной демократіей и темной толпой подозрѣваемый, уличаемый и обвиняемый человѣкъ проявлялъ такую удивительную лояльность, такое уваженіе къ принципамъ демократіи и къ волѣ казачества, его избравшаго, какъ ни одинъ изъ вождей революціи.»

Для насъ всѣхъ, имѣвшихъ счастье быть сотрудниками Алексѣя Максимовича, узнавшихъ и полюбившихъ его, эта лояльность не была удивительной — она логически вытекала изъ его честности, искренности, прямоты и чувства долга.

Этимъ объясняется и то, что недовѣрчиво сначала относившіеся къ нему сѣверяне стали его вѣрными друзьями.

Именованійся въ большевистскихъ прокламаціяхъ «кровожаднымъ», видѣвшій много крови во время Европейской войны, А. М. Калединъ, вынужденный, при защитѣ Дона отъ большевиковъ, пролить первую братскую кровь въ бояхъ 1 декабря 1917 года подъ Ростовомъ, сильно былъ взволнованъ этой неизбежностью и говорилъ въ тотъ моментъ на Кругѣ: «Я пришелъ на Донъ съ чистымъ именемъ, а уйду, можетъ быть, съ проклятіями», и поставилъ вопросъ о довѣріи, сложилъ свои полномочія и категорически потребовалъ перевыборовъ.

Чѣмъ больше жили казаки съ А. М. Калединымъ, чѣмъ больше узнавали его въ процессѣ ответственной и текущей работы, тѣмъ выше становился онъ въ ихъ глазахъ. Его авторитетъ, обаяніе, довѣріе къ нему были безграничны. Какъ-то само собою исчезло самое слово «генералъ» — не въ смыслѣ заподозривающемъ, а въ своемъ простомъ значеніи — «генералъ Калединъ». «Генералъ» — дѣйствительный, полный, настоящій, съ достоинствомъ, покрытый славой Луцкаго прорыва, носившій это высокое званіе — просто пересталъ существовать, какъ терминъ: остался «нашъ Атаманъ», «Алексѣй Максимовичъ»: такъ, а не иначе, все его называли въ глаза и за-глаза — и произносили эти слова, вкладывая въ нихъ большое чувство.

Атамана уже узнали, и декабрьскіе перевыборы дали единственно возможный результатъ: свыше 700 голосовъ было подано за Атамана — за него голосовали все, кромѣ одного, и этотъ одинъ былъ молодой, безусый хорунжій Автономовъ, впоследствии въ началѣ 1918 г. главнокомандующій совѣтскими войсками на Сѣверномъ Кавказѣ. До этого времени молодой хорунжій скрывалъ еще свое увлеченіе большевизмомъ, и это выступленіе противъ Атамана, особо рѣзко подчеркнутое Автономовымъ, носило характеръ нарочнаго вызова.

Послѣ семимѣсячной работы на посту Атамана въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ — большинство 700 голосовъ противъ одного.... Въ числѣ этихъ 700 — и сѣверяне, подходившіе въ маѣ мѣсяцѣ къ кандидатурѣ А. М. Каледина съ такой подозрительностью, въ томъ числѣ и фронтовики. На примѣрѣ съ представителями отъ фронтовыхъ частей можно было особенно выпукло прослѣдить вліяніе личности Алексѣя Максимовича. Почти все они пріѣзжали съ фронта на Кругъ Савлами, а уѣзжали Павлами. Особенно сказалось это въ декабрьскихъ перевыборахъ: въ это время власть внѣ Донского Войска была уже въ рукахъ большевиковъ, которые вели чрезвычайно сильную пропаганду въ казачьихъ частяхъ, остававшихся на фронтѣ, и фронтовые казаки — члены Круга — пріѣзжали на Войсковой Кругъ распропагандированные, озлобленные, увѣренные въ томъ, что засѣвшій на Дону Калединъ — контръ-революционеръ, кровожадный извергъ, стремящійся отнять у народа свободу. И наши казаки пріѣзжали съ фронта мрачнѣе тучи, рѣшившіеся покончить однимъ ударомъ съ «гидрой контръ-революціи» и, въ первую очередь избавитися отъ Каледина (Каледина — какъ неправильно называли его фамилію не-казаки). Фронтная группа на Кругѣ была

значительной силой, ибо въ рядахъ ея насчитывалось около 200 человекъ. Группа эта шумѣла и кипѣла, но проходили дни, казаки встрѣчались съ Атаманомъ, всматривались въ него, узнавали ближе, вникали въ свободные порядки, установленные на Дону, и разводили руками. Проходило еще немного времени — и въ частыхъ засѣданіяхъ фронтовой группы исчезалъ «генералъ Калединъ», превращавшійся въ «Алексѣя Максимовича». И молчаливый суровый Атаманъ, на лицѣ котораго такъ рѣдко можно было увидѣть улыбку, улыбался въ эти дни своей особенной кроткой улыбкой, дѣлавшей его лицо необычайно привлекательнымъ.

Я помню растерянность фронтовиковъ, обратившихся въ сентябрѣ 1917 г. ко мнѣ, бывшему въ то время председателемъ Круга, съ просьбой дать совѣтъ, какъ имъ выйти изъ создаваемаго тяжелого для нихъ положенія. Въ сентябрѣ Кругъ былъ созванъ въ чрезвычайную сессию, внѣ программы, въ связи съ объявленіемъ А. Ф. Керенскимъ ген. Каледина измѣнникомъ, заподозреннымъ въ организационной возстанія для поддержки ген. Корнилова. Кругъ судилъ А. М. Каледина и единогласно оправдалъ — за оправданіе голосовали и фронтовики, а между тѣмъ они явились съ фронта на Кругъ съ «наказомъ» свалить «контръ-революціоннаго» Атамана. Фронтовики боялись появиться передъ своими частями, не надѣясь, что они люди отъ сохи, сумѣютъ убѣдить пославшихъ ихъ, что ген. Калединъ въ дѣйствительности совсѣмъ не такой, какимъ его описываютъ социалисты и большевики. Рассказывая мнѣ о своемъ горѣ, казаки такими трогательными словами говорили объ «Алексѣѣ Максимовичѣ», объясняя, почему они не могли дѣйствовать въ духѣ «наказа», что мнѣ оставалось только посовѣтывать имъ и въ своихъ полкахъ рассказать то самое, что они говорятъ мнѣ: я успокоилъ ихъ, выразивъ увѣренность, что казакъ не можетъ не понять казака, что казаки, какъ бы они не расходились во взглядахъ по разнымъ вопросамъ, всегда должны найти общій языкъ въ вопросахъ общеказачьихъ. И теперь, послѣ пережитыхъ послѣ того пяти лѣтъ, все же держусь того же взгляда, отменяя лишь въ сторону платныхъ предателей слѣва и справа, продающихъ казачьи интересы за чечевичную похлебку.

II

Помимо личнаго обаянія, громадное вліяніе имѣлъ на окружающихъ и глубокий государственный умъ Каледина.

Какъ то разъ въ сентябрѣ 1917 года Алексѣй Максимовичъ заявилъ мнѣ, какъ председателю Круга, что онъ въ этотъ день сильно занятъ, а между тѣмъ очень хотѣлъ бы присутствовать при обсужденіи одного изъ вопросовъ, стоящихъ на повѣсткѣ (какого именно я не помню), и просилъ не ставить этого вопроса въ началѣ засѣданія, оттянувъ его обсужденіе до 1 часа дня; Алексѣй Максимовичъ добавилъ, что если къ часу онъ не придетъ, значитъ, не придетъ совсѣмъ, а потому послѣ часа дня вопросъ придется поставить, какъ тѣсно связанный съ общей повѣсткой дня. Такъ какъ Атаманъ къ часу не пришелъ, я поставилъ этотъ вопросъ и,

послѣ долгихъ и горячихъ преній, рѣшеніе было принято: когда Кругъ перешелъ къ слѣдующему пункту повѣстки, вошелъ Алексѣй Максимовичъ, сѣлъ рядомъ съ председателемъ и, нагнувшись ко мнѣ, спросилъ, состоялось ли уже рѣшеніе и какое именно; выслушавъ отвѣтъ, онъ разволновался и заявилъ, что Кругъ впалъ въ ошибку, взялъ слово для вѣбочередного заявленія и внесъ предложение о пересмотрѣ состоявшагося уже рѣшенія.

Кругъ, чрезвычайно внимательно относящійся ко всѣмъ выступлениямъ своего Атамана, согласился съ предложеніемъ Алексѣя Максимовича, и послѣдній кратко и сжато, какъ всегда, изложилъ свои соображенія, въ силу которыхъ онъ считалъ рѣшеніе ошибочнымъ. Доводы его были глубоки и такъ ярко съ новой стороны освѣтили вопросъ, что когда я предложилъ желающимъ высказаться, желающихъ не оказалось, и вопросъ, при первомъ обсужденіи котораго было поломано такъ много копій, единогласно былъ разрѣшенъ уже иначе — въ смыслѣ предложенія А. М. Каледина.

Ясность и глубина ума, широта взглядовъ и способность предвидѣть и точно взвѣшивать могущія быть отъ того или иного рѣшенія послѣдствія, особенно проявлялись во время участія Атамана въ работахъ правительства. Не разъ случались казусы, подобные описанному выше. Они особенно были рельефны тогда, когда къ управленію Краемъ было привлечено т. н. «паритетное» Правительство — объединенное, когда, помимо казаковъ къ управленію краемъ были привлечены и неказачьи слои населенія.

Среди членовъ Объединеннаго Правительства отъ неказачьей части населенія были люди, сочувствовавшіе большевикамъ или балансировавшіе на грани этого сочувствія; вошли они въ составъ Объединеннаго Донского Правительства, какъ принципиальные противники ген. Каледина съ цѣлью бороться противъ его реакціонности, опираясь на мѣстныя революціонныя организаціи, и въ этомъ случаѣ намъ пришлось быть свидѣтелями той-же постепенной перемѣны, какую мы отмѣтили раньше въ отношеніи фронтовиковъ — подъ вліяніемъ непосредственнаго общенія съ А. М. Калединымъ, соприкасаясь съ нимъ въ процессѣ текущей работы, они съ изумленіемъ (какъ сами послѣ признавались) начинали видѣть въ немъ совсѣмъ другого человѣка, далекаго отъ того чудища, которое рисовалось ихъ воображенію со страницъ хлесткихъ большевистскихъ прокламацій; не всѣ, конечно (ибо въ ихъ числѣ были люди, опредѣленно и сознательно работавшіе на большевиковъ), но большинство ихъ начинало отдавать должное его глубокому уму, такту, его прямотѣ и искренности, его подлинному демократизму и высоко честному отношенію къ принятымъ на себя обязанностямъ; та особенная, Калединская, чистота, которая вѣяла отъ всего его существа, доканчивало дѣло — д-ръ Шошниковъ, прис. пор. Мирандовъ, д-ръ Брыкинъ и нѣкоторые другіе, превращались на нашихъ глазахъ въ «каледиинцевъ».

Чтобы не возвращаться къ вопросу «паритета», считаю не излишнимъ здѣсь отмѣтить, что всякіе разговоры о томъ, что П. М. Агѣевъ «навязалъ» Дону «паритетъ» и тѣмъ «связалъ» А. М. Каледина, не со-

отвѣтствуетъ дѣйствительности: Алексѣя Максимовича и Митрофана Петровича, а равно и все Донское Правительство послѣдняго состава эпохи Каледина, всегда озабочивалъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ казачьяго и неказачьяго населенія края, и всѣ — и прежде всего Алексѣй Максимовичъ — когда въ край была объявлена полнота власти въ предѣлахъ Донской Земли — пришли къ выводу о невозможности управлять краемъ при участіи въ этомъ управленіи только однихъ казаковъ. Для успѣха самой борьбы съ большевиками необходимо было заинтересовать въ благосостояніи края и крестьянъ, необходимо было подвести подъ краевую власть болѣе широкій фундаментъ, и А. М. Калединъ началъ настаивать на болѣе прочной связи казачьей части края съ неказачьей.

III.

Вмѣстѣ съ Алексѣемъ Максимовичемъ мнѣ пришлось быть на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи въ серединѣ августа 1917 г. А. М. Калединъ, въ качествѣ Донского Войскового Атамана, получилъ приглашеніе персонально и выѣхалъ въ Москву раньше насъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніи общественныхъ дѣятелей, предшествовавшемъ совѣщанію Государственному.

Отъ Войска Донского была отправлена делегация изъ трехъ (членъ Круга А. П. Поповъ и членъ Правительства М. Е. Генераловъ и Н. М. Мельниковъ) мною, какъ Предсѣтелемъ Круга, возглавлявшая ея. Делегаты всѣхъ 12 казачьихъ Войскъ поселились всѣ вмѣстѣ — въ Круглой угловой залѣ Московскаго дворянскаго Собранія, а А. М. Калединъ, пріѣхавшій раньше, поселился на частной квартирѣ. Среди казачьихъ делегатовъ были люди, которымъ впослѣдствіи суждено было играть большую роль въ судьбахъ казачества — тутъ, помимо А. М. Каледина, былъ полк. А. И. Дутовъ, (впослѣдствіи извѣстный атаманъ Оренбургскаго Войска), М. А. Карауловъ (впослѣдствіи атаманъ войска Терскаго), Кубанецъ И. Л. Макаренко, Н. С. Рябоволь и многіе другіе.

При первомъ же свиданіи былъ организованъ президіумъ казачьяго совѣщанія, причемъ Предсѣтелемъ единогласно былъ избранъ А. М. Калединъ, какъ глава старѣйшаго и самаго сильнаго войска Донского, а товарищами Предсѣдателя М. А. Карауловъ и А. И. Дутовъ. Въ первомъ же засѣданіи члены совѣщанія — каждый отъ имени посланшаго его войска — кратко изложили свои мнѣнія о создавшемся въ Россіи положеніи и о выходахъ изъ этого положенія...

Всѣ мы были поражены — съѣхались представители 12 казачьихъ войскъ Европейской Россіи, Сибири и далекаго Востока, впервые увидѣли другъ друга и, не сговариваясь, заговорили на одномъ и томъ же языкѣ — одинаковая оцѣнка положенія и одинаковые методы лѣченія. Это обстоятельство, такъ радостно всѣхъ поразившее, сразу внесло въ нашу среду атмосферу сердечности и полнаго взаимнаго пониманія.

Разговаривать долго не приходилось — сейчасъ же избрали двѣ комиссіи (одну по общимъ вопросамъ, другую — по специально-

военнымъ) и весь матеріалъ передали въ эти комиссіи для согласованія и переработки. Во главѣ первой комиссіи — по общимъ вопросамъ — былъ поставленъ М. А. Карауловъ, во главѣ второй — А. И. Дутовъ; докладчиками: въ первой — я, во второй — И. Л. Макаренко.

Въ первую комиссію, кромѣ М. А. Караулова и меня, вошли Предсѣдатель Астраханскаго Войскового Круга (впослѣдствіи Атаманъ) — Н. В. Ляховъ и членъ Терскаго Правительства — Ткачевъ. Составъ второй комиссіи не помню.

Въ той и другой комиссіяхъ работа была закончена въ одно засѣданіе, въ тотъ же день состоялось объединенное засѣданіе обѣихъ комиссій; въ выработанные ими тексты резолюцій были внесены небольшія поправки, и мнѣ въ качествѣ докладчика соединеннаго засѣданія обѣихъ комиссій на другой день пришлось уже докладывать въ Общемъ Собраніи текстъ деклараціи всего казачества. А. М. Каледина въ это время не было — онъ уѣхалъ къ Л. Г. Корнилову — и предсѣдательствовалъ А. И. Дутовъ. Предложенный текстъ былъ принятъ единогласно (было рѣшено, что огласить декларацію въ Совѣщаніи А. М. Каледина). Когда обсужденіе деклараціи было закончено, меня отозвалъ въ сторону членъ Донскаго Круга, сопровождавшій въ частномъ порядкѣ А. М. Каледина, и высказалъ свои опасенія — декларація составлена въ такихъ тонахъ, что неминуемо вызоветъ въ крайнихъ кругахъ взрывъ ненависти противъ того, кто эту декларацію огласитъ. Алексея же Максимовича нужно всячески беречь для будущаго. Согласившись съ этими соображеніями, я пригласилъ остальныхъ членовъ Донской делегации; они вполне присоединились къ мысли, и нами этотъ вопросъ немедленно внесенъ на обсужденіе общеказачьяго совѣщанія. Совѣщаніе съ соображеніями Донцовъ согласилось и было намѣчено другое лицо. Пришелъ Алексій Максимовичъ и, узнавъ объ измѣненіи постановленія, спросилъ о мотивахъ. А. И. Дутовъ разсказалъ о нашей тревогѣ за него.

Алексій Максимовичъ, помолчавъ немного, задалъ еще одинъ вопросъ:

«Скажите откровенно, другихъ соображеній нѣтъ?»

И получивъ отрицательный отвѣтъ, категорически — тономъ, отклоняющимъ всякія возраженія — заявилъ:

«Если только это, то читаю я — я не привыкъ уклоняться отъ опасностей».

Происходило это въ тотъ день, когда назначено было выступленіе А. М. Каледина. Засѣданіе Государственнаго Совѣщанія уже началось, и казачьи представители направились въ Большой Театръ. Я, какъ докладчикъ Общеказачьяго Совѣщанія, остался, спѣшно свѣривъ перепечатанный экземпляръ деклараціи. А. М. Каледина сидѣлъ около меня, ожидая конца свѣрки. Когда я кончилъ, Алексій Максимовичъ попросилъ меня прочитать еще разъ тотъ пунктъ деклараціи, гдѣ говорилось объ армейскихъ и другихъ комитетахъ и совѣтахъ. Немного подумавъ, онъ набросалъ новый текстъ этого пункта и заявилъ мнѣ: что онъ прочтетъ пунктъ въ этой новой

редакціи и просилъ поставить объ этомъ въ извѣстность остальныхъ членовъ Совѣщанія, принимавшихъ участіе въ составленіи деклараціи.

Новый текстъ совершенно измѣнялъ смыслъ этого пункта — вмѣсто требованія ограничить компетенцію армейскихъ комитетовъ областью лишь хозяйственныхъ распоряженій (какъ было въ первомъ текстѣ), новый текстъ этого пункта требовалъ полного упраздненія армейскихъ комитетовъ, соглашаясь лишь на сохраненіе полковыхъ и ротныхъ (сотенныхъ) съ функціей только хозяйственнаго свойства.

По настроенію представителей казачества я зналъ, что это измѣненіе по существу не встрѣтитъ возраженій, но обратилъ вниманіе А. М. Каледина, что предложенная имъ редакція какъ разъ особенно будетъ способствовать той ненависти, которую мы всѣ хотѣли бы отъ него отвратить въ интересахъ всего казачества.

Алексій Максимовичъ отвѣтилъ, что онъ понимаетъ наши чувства и очень цѣнитъ высокую оцѣнку его и вниманіе къ нему казачества, но что онъ то самъ не можетъ принять этой заботы.

На мой вопросъ, почему именно онъ настаиваетъ на измѣненіи уже принятого пункта, Алексій Максимовичъ отвѣтилъ что онъ только что вернулся отъ Л. Г. Корнилова, который прочиталъ ему проектъ своей рѣчи на Государственномъ совѣщаніи, — въ пунктѣ о комитетахъ ген. Корниловъ будетъ требовать ограниченія дѣятельности армейскихъ комитетовъ сферой хозяйственной, что Корниловъ этимъ и другими своими требованіями возстановитъ противъ себя крайнихъ лѣвыхъ, а потому изъ тактическихъ соображеній, чтобы подкрѣпить Верховнаго Главнокомандующаго, необходимо еще болѣе радикальнѣе требованія, въ свѣтъ которыхъ требованія ген. Корнилова покажутся умѣренными и относительно приемлемыми.

Такимъ образомъ, Алексій Максимовичъ не только не далъ намъ возможности оградить его, но сознательно подставилъ себя подъ ударъ ради общихъ интересовъ. Пришлось сдаться.

Придя въ засѣданіе Государственнаго Совѣщанія, я прошелъ въ ложу А. И. Дутова и М. А. Караулова и сообщилъ имъ о внесенномъ А. М. Калединымъ измѣненіи.

Они не возражали, о чемъ я и передалъ Алексію Максимовичу.

Во всей своей остальной части декларація была оставлена цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ Общеказачьяго засѣданія, и А. М. только прочиталъ то, что было предложено всѣми 12-ю казачьими войсками.

Общеказачья декларація, прочитанная А. М. Калединымъ отъ имени Донскаго, Терскаго, Кубанскаго, Оренбургскаго, Яицкаго (Уральскаго), Астраханскаго, Сибирскаго, Амурскаго, Забайкальскаго, Семирѣченскаго, Уссурийскаго и Енисейскаго казачьихъ войскъ, была изложена слѣдующимъ образомъ:

«Выслушавъ сообщеніе Временнаго Правительства о тяжеломъ положеніи Русскаго государства, казачество, въ лицѣ представителей

всѣхъ 12 казачьихъ войскъ, — Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Оренбургскаго, Яицкаго, Астраханскаго, Сибирскаго, Амурскаго, Забайкальскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго и Уссурийскаго, — казачество, стоящее на общенациональной государственной точкѣ зрѣнія, и, отмѣчая съ глубокой скорбью существующій нынѣ въ нашей внутренней государственной политикѣ перевѣсъ частныхъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ надъ общими, привѣтствуетъ рѣшимость Временнаго Правительства освободиться, наконецъ, въ дѣлѣ государственнаго управления и строительства отъ давленія партійныхъ и классовыхъ организацій, вмѣстѣ съ другими причинами, приведшаго страну на край гибели.

Казачество, не знавшее крѣпостнаго права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широкимъ самоуправленіемъ, всегда осуществлявшее въ средѣ своей равенство и братство, не оспаривало отъ свободы. Получивъ ее, вновь вернувъ то, что было отнято царями, казачество, крѣпкое здоровымъ смысломъ своимъ, проникнутое здоровымъ государственнымъ началомъ, спокойно, съ достоинствомъ приняло свободу и сразу воплотило ее въ жизнь, создавъ въ первые же дни революціи демократически-избранныя войсковыя Правительства и сочетавъ свободу съ порядкомъ.

Казачество съ гордостью заявляетъ, что полки его не знали дезертировъ, (аплудисменты), что сохранили свой крѣпкій строй и въ этомъ крѣпкомъ свободномъ строѣ защищаютъ и впредь! будутъ защищать многострадальную отчизну и свободу.

Служа вѣрой и правдой новому строю, кровью своей запечатлѣвъ преданность порядку, спасенію родины и арміи, съ полнымъ презрѣніемъ отбрасывая провокаціонныя навѣты на него, обвиненія въ реакціи и контр-революціи, казачество заявляетъ, что въ минуту смертельной опасности для родины, когда многія войсковыя части, покрывъ себя позоромъ, забыли о Россіи, оно не сойдетъ съ своего историческаго пути служенія родинѣ съ оружіемъ въ рукахъ на поляхъ битвы и внутри въ борьбѣ съ измѣной и предательствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ казачество отмѣчаетъ, что это обвиненіе въ контр-революціонности было брошено именно послѣ того, какъ казачьи полки, спасая революціонное правительство по призыву министровъ-соціалистовъ, 3-го іюля вышли рѣшительно, какъ всегда, съ оружіемъ въ рукахъ для защиты государства отъ анархіи и предательства (аплудисменты). Понимая революціонность не въ смыслѣ братанія съ врагомъ, не въ смыслѣ самовольнаго оставленія назначенныхъ постовъ, неисполненія приказовъ, предъявленія къ правительству неисполнимыхъ требованій, преступнаго расхищенія народнаго богатства, не въ смыслѣ полной необезпеченности личности и имущества гражданъ, грубаго нарушенія свободы слова, печати и собраній — казачество отбрасываетъ упреки въ контр-революционности, казачество не знаетъ ни трусовъ, ни измѣны, и стремится установить дѣйствительныя гарантіи свободы и порядка. Съ глубокой скорбью отмѣчая общее разстройство народнаго организма, разстройство въ тылу и на фронтѣ, развалъ дисциплины въ войскахъ

и отсутствіе власти на мѣстахъ, преступное разжиганіе вражды между классами, попустительство въ дѣлѣ расхищенія государственной власти безответственными организаціями какъ въ центрѣ, такъ и внутри на мѣстахъ, отмѣчая центробѣжное стремленіе группъ и національностей, грозное паденіе производительности труда, потрясеніе финансовъ, промышленности и транспорта, казачество призываетъ всѣ живыя силы страны къ объединенію, труду и самопожертвованію во имя спасенія родины и укрѣпленія демократическаго республиканскаго строя. (Вся зала аплодируетъ).

Въ глубокомъ убѣжденіи, что въ дни смертельной опасности для существованія родины, все должно быть принесено въ жертву, казачество полагаетъ, что сохраненіе родины требуетъ прежде всего доведенія войны до побѣднаго конца въ полномъ единеніи съ нашими союзниками. Этому основному условію слѣдуетъ подчинить всю жизнь страны и, слѣдовательно всю, дѣятельность Временнаго Правительства.

Только при этомъ условіи (сильно повышая голосъ, говоритъ Калединъ) Правительство встрѣтитъ полную поддержку казачества. Пораженцамъ не должно быть мѣста въ Правительствѣ. Для спасенія родины мы намѣчаемъ слѣдующія главнѣйшія мѣры:

1. Армія должна быть внѣ политики. Полное запрещеніе митинговъ и собраній съ ихъ партійной борьбой и распрями.

2. Всѣ совѣты и комитеты должны быть упразднены какъ въ арміи, такъ и въ тылу, кромѣ полковыхъ, ротныхъ, сотенныхъ и батареинныхъ, при строгомъ ограниченіи ихъ правъ и обязанностей областью хозяйственныхъ распоряженій.

3. Декларация правъ солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина въ арміи должна быть поднята и укрѣплена самими рѣшительными мѣрами (рѣзкій возгласъ: «это контр-революція!»).

5. Тылъ и фронтъ — единое цѣлое, обеспечивающее боеспособность арміи и всѣ мѣры, необходимыя для укрѣпленія дисциплины на фронтѣ, должны быть примѣнены и въ тылу.

6. Дисциплинарныя права начальствующихъ лицъ должны быть возстановлены.

7. Вождямъ арміи должна быть предоставлена полная мощь.

8. Въ грозный часъ тяжкихъ испытаній на фронтѣ и полнаго развала внутренней политической жизни страны, страну можетъ спасти отъ окончательной гибели только дѣйствительная твердая власть, находящаяся въ опытныхъ, умѣлыхъ рукахъ лицъ, не связанныхъ узко партійными, групповыми программами, свободная отъ необходимости послѣ каждаго шага оглядываться на всевозможные совѣты и комитеты и отдающая себѣ ясный отчетъ въ томъ, что источникомъ суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдѣльныхъ партій и группъ.

9. Власть должна быть едина въ центрѣ и на мѣстахъ. Расхищенію государственной власти центральными и мѣстными ко-

митетам и совѣтам долженъ быть немедленно и рѣзко поставленъ предѣлъ.

10. Россія должна быть единой. Всякимъ сепаратнымъ стремленіямъ долженъ быть поставленъ предѣлъ въ самомъ зародышѣ.

11. Въ области государственнаго хозяйства необходимо: а) строжайшая экономія во всѣхъ областяхъ государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца, б) безотлагательно привести въ соответствие цѣны на предметы сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности, в) безотлагательно ввести нормировку заработной платы, прибыли предпринимателей, г) немедленно приступить къ разработкѣ и проведенію въ жизнь закона о трудовой повинности, д) принять самыя строгія дѣйствительныя мѣры къ прекращенію подрыва производительности сельско-хозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей отъ самочинныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и всевозможныхъ комитетовъ, нарушающихъ твердый порядокъ въ землепользованіи и арендныхъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не остановиться передъ предстоящимъ государству величайшимъ событіемъ, на которое весь русскій народъ смотритъ, какъ на свою конечную надежду — получить для нашей многострадальной родины прочныя твердыя основы новой государственной жизни. Мы говоримъ объ Учредительномъ Собраніи. Мы требуемъ, что бы во всей подготовительной обстановкѣ и теченіи самыхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе, Временное Правительство приняло всѣ мѣры, обеспечивающія правильность и закономѣрность выборовъ на всемъ пространствѣ земли русской. Мы полагаемъ, что мѣстомъ созыва Учредительнаго Собранія должна быть Москва, какъ по своему историческому значенію и центральному положенію, такъ и въ интересахъ спокойной и планомерной работы Учредительнаго Собранія.

Мы обращаемся, наконецъ, къ Временному Правительству съ призывомъ, чтобы въ тяжкой борьбѣ, вѣдущейся Россіей за свое существованіе, Временное Правительство использовало весь народъ Государства Россійскаго, всѣ жизненныя народныя силы всѣхъ классовъ населенія и чтобы самый свой составъ Временное Правительство подчинило необходимости дать Россіи въ эти тяжкіе дни все, что можетъ дать наша родина по части энергіи, знанія, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересамъ отечества.

Время словъ прошло. Терпѣніе народа истощается. Нужно дѣлать великое дѣло спасенія родины.»

Выступленія А. М. Каледина ждало все Государственное Совѣщаніе.

Гробовая тишина царилъ въ залѣ, пока Алексѣй Максимовичъ медленно, тихимъ голосомъ, отчетливо и подчеркивая отдѣльныя слова, читалъ декларацию.

Въ томъ мѣстѣ декларация, гдѣ казачество «съ презрѣніемъ отбрасываетъ всѣ обвиненія въ реакціи и контръ-революціи» и призывало «всѣ живыя силы страны къ объединенію, труду и самопожертвованію во имя спасенія Родины и укрѣпленія демократи-

ческаго республиканскаго строя», весь залъ, — отъ правыхъ до лѣвыхъ — загремѣлъ аплодисментами; зато въ другомъ мѣстѣ, гдѣ «армія должна быть внѣ политики и политическіе митинги должны быть въ ней запрещены» — въ лѣвой части зала раздались крики — «ого», «что, что?», «позоръ!», «контръ-революція».

Прочитавъ слова: «пораженцамъ не должно быть мѣста въ правительствѣ», — А. М. Калединъ повернулся въ сторону министра В. М. Чернова, который мирно продолжалъ сосредоточенно читать свой текстъ.¹⁾

Последнія слова декларации: «время словъ прошло, терпѣніе народа истощается, нужно дѣлать (это слово было особенно подчеркнуто) великое дѣло спасенія Родины» — А. М. Калединъ произнесъ звенящимъ голосомъ.

Впечатленіе отъ этой декларации было колоссальное.

Чтобы ослабить это впечатленіе, крайніе лѣвые отказались отъ слова одного изъ своихъ видныхъ ораторовъ и выпустили вмѣсто него бывшаго въ средѣ представителей военныхъ комитетовъ есаула Оренбургскаго Войска Ногаева, который пытался доказать, что ген. Калединъ не имѣлъ права говорить отъ всѣхъ казачьихъ войскъ, что избиратели есаула Ногаева думаютъ совсѣмъ иначе.

По требованію А. И. Дутова, А. Ф. Керенскій на другой день выступилъ съ заявленіемъ, что ген. Калединъ, дѣйствительно, уполномоченъ отъ 12-ти казачьихъ войскъ прочитать декларацию отъ имени всего казачества, что есаула Ногаева никто не уполномочивалъ — однако тяжелое, досадное впечатленіе розни между массой казачества и нѣкоторыми его фронтовыми частями осталось.

Выступленіе Ногаева заставило всѣхъ насъ тогда задуматься, и сердце забилося въ тревогѣ за будущее казачества.

То, чего мы опасались, случилось: ярлыкъ контръ-революціонера былъ къ Каледину приклеенъ.

Обратно въ Новочеркасскъ мы возвращались съ Алексѣемъ Максимовичемъ въ его вагонѣ. Государственное Совѣщаніе и выяснившаяся въ связи съ нимъ общая обстановка произвели на Алексѣя Максимовича тяжелое впечатленіе; въ будущемъ онъ ждалъ тяжелыхъ потрясеній для всей Россіи и Дона, говорилъ о предстоящемъ развалѣ и о необходимости спасенія хотя бы отдѣльныхъ оазисовъ, если не удастся спасти цѣлое.

А. М. Калединъ говорилъ уже тогда, что Россія будетъ спасаться постепенно отдѣльными кусками, и тогда, въ вагонѣ, мы впервые заговорили о необходимости объединенія Юго-Востока Россіи, о созданіи Юго-Восточнаго Союза, который, увы, значительно позже — и удалось впоследствии создать въ видѣ Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека.

Алексѣй Максимовичъ, помню, очень интересовался тогда проэктомъ такого будущаго возстановленія, вышедшимъ изъ-подъ пера г. Гирса (какого именно Гирса — не знаю); проэктъ этотъ былъ тогда у него въ рукахъ.

¹⁾ Въ кулуарахъ Совѣщанія говорили, что министру В. М. Чернову въ посланной запискѣ указали на неумѣстность его занятія.

Возвратившись изъ Москвы, Алексѣй Максимовичъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ объѣзда донскихъ станицъ, чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ, и въ 20-хъ числахъ августа отправился въ сѣверные округа, т. к. оттуда поступали свѣдѣнія о полномъ неурожаѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о чрезвычайномъ развитіи тайнаго винокуренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вмѣлъ въ виду поговорить съ казаками о предстоящихъ выборахъ въ Учредительное Собраніе.

Алексѣй Максимовичъ уѣхалъ безъ свиты и «какъ въ воду канулъ» — о немъ не было «ни слуху, ни духу», а между тѣмъ въ это время въ центрѣ и на Дону разыгрались событія, требовавшія присутствія Атамана въ Новочеркасскѣ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ мы оставили Москву, когда, неожиданно для всѣхъ насъ (въ томъ числѣ и для А. М. Каледина) ибо иначе онъ не забивался бы въ глушь,) разыгралось «Корниловское выступленіе».

Въ то время, когда Атаманъ переѣзжалъ изъ станицы въ станицу вдали отъ желѣзной дороги, въ Усть-Медвѣдицкомъ и Хоперскомъ округахъ, мирно бесѣдуя со станичниками, 29 августа почтово-телеграфное вѣдомство разослала по всей Россіи измышленную, опытной въ этихъ дѣлахъ рукой, телеграмму: «отъ Атамана казачьихъ войскъ Каледина, по сообщенію газетъ, Временнымъ Правительствомъ, получена телеграмма о присоединеніи его къ Корнилову. Въ случаѣ, если правительство не договорится съ Корниловымъ, Калединъ грозитъ прервать сообщеніе Москвы съ Югомъ. . .»

Провокація попала на благодарную почву — представители Совѣтовъ и Комитетовъ на Московскомъ Государственномъ Совѣщаніи уже кричали по адресу А. М. Каледина: «контръ-революционеръ».

И Временное Правительство, не запросивъ Донского Атамана, не освѣдомившись даже у своего Областного Комиссара М. С. Воронкова, сидѣвшаго въ Новочеркасскѣ, на сколько правильны слухи, не взирая даже на то, что никакой телеграммы съ угрозами прервать сообщеніе съ Югомъ оно само отъ ген. Каледина не получало, Правительство объявляетъ Донского Атамана измѣнникомъ Родины, — отдастъ его подъ судъ, и въ Новочеркасскѣ присылаетъ приказъ первому выборному Атаману старѣйшаго казачьяго войска, — явиться въ Могилевъ для дачи показаній Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи. Одновременно съ этимъ противъ донского казачества и его вождя объявляется мобилизація двухъ военныхъ округовъ — Московскаго и Казанскаго.

Митрофанъ Петровичъ Богаевскій, оставшійся за Атамана въ Новочеркасскѣ, получая всѣ эти свѣдѣнія, видя, что тучи сгущаются, — объявляетъ «сплохъ», и изъ станицы въ станицу, изъ хутора въ хуторъ мчатся «летучки» разыскивая Атамана и призывая его вернуться въ Новочеркасскѣ, а всѣхъ членовъ Большого Войскаго Круга — на экстренную сессію Круга, на защиту чести и

достоинства Донского казачества, на защиту своего выборнаго вождя.

А въ это же время «Комитеты спасенія революціи», возникшіе какъ грибы послѣ дождя, во время Корниловскаго выступленія, дѣлали свое дѣло: указанная выше провокаціонная телеграмма не была случайностью, ибо за А. М. Калединымъ въ то же время была устроена слѣжка, каждый шагъ Атамана, кому нужно было извѣстять, и «Комитету спасенія» въ г. Царицынѣ было поручено ликвидировать Каледина.

Моментъ, нужно отдать имъ справедливость, былъ выбранъ удачный, — съ однимъ изъ адъютантовъ, безъ свиты, безъ охраны, вдали отъ желѣзной дороги, ничего не подозрѣвая и не имѣя основаній принимать какія-либо мѣры предосторожности, Атаманъ медленно продвигался грунтомъ къ линіи желѣзной дороги Царицынъ—Лихая, держа путь на ст. Облины, въ 40 верст. отъ окружной Нижне-Чирской станицы.

Мнѣ въ это время пришлось быть въ станицѣ Нижне-Чирской занимая постъ Предсѣдателя Съѣзда Мирowychъ Судей и Окружного Комиссара Временнаго Правительства. Разставшись съ А. М. Калединымъ числа 17—18 августа на ст. Лихой, по пути изъ Москвы, я ничего не зналъ о дальнѣйшихъ событіяхъ и лишь числа 31 августа (точно не помню) получилъ отъ М. П. Богаевского тревожную телеграмму, значительная часть которой была искажена при передачѣ.

Митрофанъ Петровичъ вызывалъ меня въ Новочеркасскѣ. Около часу ночи мнѣ принесли телеграмму, адресованную на имя Предсѣдателя Комитета спасенія революціи. Такъ какъ такого комитета въ станицѣ не было, телеграмму вручили мнѣ, какъ Предсѣдателю Комитета Общественныхъ организацій. Въ телеграммѣ извѣщалось, что изъ Усть-Медвѣдицкаго округа ѣдетъ на линію жел. дороги Царицынъ—Лихая Донской Атаманъ Калединъ, «поднявшій возстаніе противъ революціи», и что для захвата его будутъ высланы изъ Царицына солдаты Царицынскаго гарнизона. Въ эту же ночь, часа въ 2, ко мнѣ явился Помощникъ Окружного Атамана А. М. Наумовъ, по порученію Окружного Атамана и сообщилъ, что въ связи съ Корниловскимъ выступленіемъ крайніе лѣвые сегодня объединились и учредили мѣстный «Комитетъ спасенія революціи»; что засѣданіе Комитета идетъ непрерывно съ 5 час. вечера, что обсуждается у нихъ вопросъ объ арестѣ ген. Каледина, котораго — яко-бы «скрывается» въ 2-мъ Донскомъ Округѣ. Есауль Наумовъ, кромѣ того, что Окружной Атаманъ только что (около 2 час. ночи) получилъ письменное приглашеніе пожаловать на засѣданіе Комитета и хотѣлъ бы посоветоваться со мной какъ ему быть.

Въ этотъ самый моментъ раздался стукъ — въ дверяхъ появился разсылный новаго «Комитета спасенія революціи» съ письмомъ, приглашавшимъ и меня пожаловать на засѣданіе «по чрезвычайно важному вопросу, нетерпящему отлагательства». Такъ какъ Окружной Атаманъ жилъ на половинѣ дороги отъ меня по направленію къ зданію, гдѣ засѣдалъ Комитетъ, я съ есауломъ Наумо-

вымъ пошелъ къ Окружному Атаману, чтобы переговорить съ нимъ о всемъ этомъ дѣлѣ.

Мы остались вдвоемъ, отпустивъ есаула Наумова (что было очень кстати, ибо впоследствии Наумовъ передался на сторону большевиковъ) и Войск. Ст. А. И. Ждановъ сообщилъ мнѣ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ Атаманъ Калединъ долженъ быть гдѣ-то недалеко отъ насъ, что это известно революціонному комитету, который принимаетъ мѣры, чтобы захватить Войскового Атамана. Обсудивъ положеніе, мы рѣшили пойти на засѣданіе и узнать тамъ все, что удастся, и затѣмъ принять необходимыя контр-мѣры для защиты Атамана. По пути въ Комитетъ мы условились на вопросы, если таковыя будутъ намъ заданы, отвѣчать уклончиво и вообще меньше говорить и наоборотъ, попытаться возможно больше выяснитъ и узнать намѣренія нашихъ противниковъ. Однако, оказалось, что и противники наши задались тою же цѣлью и изъ словеснаго турнира ничего не вышло.

Выйдя изъ засѣданія часа въ 4 ночи, мы съ А. И. Ждановымъ быстро намѣтили дальнѣйшій ходъ нашихъ дѣйствій: для насъ было ясно, что, если дѣйствительно А. М. Калединъ желаетъ выйти къ желѣзной дорогѣ, то онъ неминуемо долженъ оказаться на ст. Обливской, а потому рѣшили: мнѣ остаться на мѣстѣ и наблюдать за дѣйствіями Комитета, обратившись, въ случаѣ надобности, за содѣйствіемъ къ Командиру и офицерамъ 4-го Донского запаснаго полка (казаки въ полку были ненадежны-распропагандированы), а А. И. Ждановъ, не теряя ни минуты, мчатся на лошадяхъ на ст. Обливскую и предупредить Атамана объ опасности. Черезъ часъ А. И. Ждановъ былъ уже въ пути по дорогѣ на Обливы и . . . очень во время.

А. М. Калединъ уже сидѣлъ на этой маленькой станціи, ожидая прихода поѣзда изъ Царицына.

Телеграфистъ этой станціи, не знавшій ген. Каледина, по секрету сообщилъ Жданову, что къ поѣзду, который долженъ часа черезъ два придти изъ Царицына, прицѣплены два вагона съ солдатами Царицынскаго гарнизона, разыскивающими важнаго государственнаго преступника.

Во время предупрежденный, А. М. Калединъ сѣлъ на коня и направился, удаляясь отъ желѣзной дороги, въглубь 1-го Донского округа, къ станціи Константиновской, гдѣ его встрѣтили юнкера, высланные на автомобиляхъ М. П. Богаевскимъ. Отрядъ солдатъ проѣхалъ дальше до ст. Морозовской, гдѣ и захватилъ два автомобиля съ юнкерами, высланными въ эту сторону на всякій случай навстрѣчу Атаману.

Черезъ два дня я уже ѣхалъ въ Новочеркасскъ на засѣданіе Войскового Круга. Я хорошо помню подробности этой сессіи, ибо я тогда былъ переизбранъ Предсѣдателемъ Круга.¹⁾ Кругъ этотъ, заявивъ устами М. П. Богаевского, что «съ Дону выдачи нѣтъ», «судилъ» своего Атамана, обвиненнаго Временнымъ Правитель-

¹⁾ Въ первый годъ существованія Войскового Круга Предсѣдатель выбирался на каждую сессію.

ствомъ въ государственной измѣнѣ, и мнѣ пришлось быть предсѣдателемъ этого своеобразнаго судилища.

Никогда не забуду рѣчи обвиняемаго: въ этой рѣчи-исповѣди было столько благородства, столько достоинства человѣческаго и атаманскаго, столько въ ней было искренности и прямоты, что авторитетъ нашего выборнаго вождя послѣ этого испытанія сталъ уже безграничнымъ; Войско Донское гордилось своимъ избранникомъ. . . Къ этому времени дѣло Корнилова было уже проиграно. Верховный Главнокомандующій былъ уже арестованъ, а А. М. Калединъ, обвиняемый въ соучастіи, въ это время гласно передъ всею Россіей заявилъ, что хотя онъ никакого участія въ выступленіи ген. Корнилова не принималъ и о немъ не зналъ, но если бы зналъ, то поддержалъ бы Корнилова всемѣрно и готовъ нести полную отвѣтственность какъ идейный соучастникъ. . .

Получивъ сообщеніе о привлеченіи его къ отвѣтственности за государственную измѣну, Алексѣй Максимовичъ, всегда корректный въ отношеніи государственной власти, немедленно сложилъ съ себя полномочія Войскового Атамана, и мы «судили» уже бывшаго Атамана.

Этотъ «судъ» былъ триумфомъ для обвиняемаго. Кругъ его единогласно оправдалъ, возстановилъ его въ правахъ и «приказалъ» Атаману вступить въ исполненіе атаманскихъ обязанностей.

При торжественной обстановкѣ, въ открытомъ засѣданіи Круга я, стоя передъ Атаманомъ, прочиталъ ему «грамоту-приказъ», въ древне-казачьемъ стилѣ. Алексѣй Максимовичъ поклонился Кругу и отвѣтилъ кратко: — «Слушаю».

Прошло три дня. Идетъ засѣданіе президіума Круга. Вдругъ въ кабинетъ стремительно влетаетъ Помощникъ Атамана Митрофанъ Петровичъ Богаевскій и взволнованно заявляетъ, что Алексѣй Максимовичъ сегодня получилъ вторичное предложеніе явиться въ Могилевъ для дачи объясненія все той-же слѣдственной комиссіи, приказалъ вѣстовому уложить вещи и сегодня вечеромъ выѣзжаетъ изъ Новочеркасска; что всѣ убѣжденія Митрофана Петровича не помогли: Атаманъ заявляетъ, что онъ не можетъ неисполненіемъ предложенія ронять престижъ центральной власти и не хочетъ, чтобы кто-нибудь (А. М. К. выразился рѣзче: «какаянибудь сволочь») сказалъ, что донской Атаманъ кого-то боится.

Мы не могли допустить этой поѣздки — послѣ Московскаго выступленія, послѣ обвиненія въ измѣнѣ и контр-революціонныхъ планахъ, Донской Атаманъ не доѣхалъ бы и до Могилева: если не тѣ, кто спровоцировалъ это дѣло и пытался захватить Атамана во время его поѣздки по донской землѣ, то, во всякомъ случаѣ, разнужданные и распропагандированные солдаты въ пути сдѣлали бы съ Атаманомъ то, что два съ половиной мѣсяца спустя они сдѣлали съ Атаманомъ Терскаго Войска М. А. Карауловымъ, вагонъ котораго былъ изрѣшетенъ пулями при остановкѣ на одной изъ станцій.

Алексѣй Максимовичъ, конечно, зналъ все это, но присущее ему въ высшей степени чувство долга отметало въ сторону всѣ другія соображенія. Оставался одинъ способъ: «приказать». Я бы-

стро набросалъ проэктъ такого приказа отъ имени Войскового Круга; президіумъ съ этимъ проэктомъ согласился, а черезъ нѣсколько минутъ принялъ его и Войсковой Кругъ, и Алексѣю Максимовичу, явившемуся на засѣданіе и выслушавшему «приказъ», оставалось сказать только одно слово: «слушаю». Въ этотъ разъ онъ былъ мрачнѣе тучи, а послѣ засѣданія жестоко выругалъ своего помощника и автора проэкта такого приказа, заявивъ намъ, что мы ставимъ его въ невозможное положеніе.

Въ связи съ «Калединскимъ мятежомъ» на Донъ прибыли въ сентябрѣ 1917 года министръ Временнаго Правительства и Товарищъ Предсѣдателя Петроградскаго Совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ М. И. Скобелевъ, въ сопровожденіи большой свиты, такъ подобранной, что въ ея составѣ оказались донскіе уроженцы не-казаки: рабочий, военный и крестьянинъ; очевидно, они должны были изображать уполномоченныхъ отъ не-казачьяго населенія Дона. Вся эта компанія, за исключеніемъ рабочаго (бывшій Предсѣдатель Ростовскаго н/Д. Совѣта рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ), державшагося съ достоинствомъ, произвела на Кругъ отчасти комическое, а больше тяжелое впечатлѣніе.

Военный — молодой офицеръ Юрій Мазуренко — держался совсѣмъ Наполеономъ, все время принимая позы и потѣшая этимъ казаковъ, въ концѣ его рѣчи неожиданно для оратора, ожидавшаго другихъ результатовъ — не выдержавшихъ и разразившихся хохотомъ. Крестьянинъ (если не ошибаюсь фамилія его Ткаченко) — ораторъ Божіей милостью — за время пребыванія въ Новочеркасскѣ разобравшійся, очевидно, въ событіяхъ и правильно понявшій ихъ, хотѣлъ выразить свое сочувствіе Каледину и казачеству, но, видимо, боялся своихъ товарищей по Петрограду, и рѣчь его была крайне запутана и неопредѣленна. Напрасно я, въ качествѣ Предсѣдателя Круга, увидѣвъ затрудненіе оратора, пытался его ободрить, заявляя ему, что въ Донскомъ Парламентѣ можно говорить, не оглядываясь, ораторъ не поборолъ своей боязни. . .

А. М. Калединъ, не выносившій проявленія рабскаго духа, не выдержалъ: вскочилъ со своего мѣста, быстро подошелъ къ оратору, смущенно сошедшему съ трибуны, рѣзкимъ движеніемъ молча схватилъ его за руку и быстро повелъ опять на трибуну, гдѣ, глядя на него въ упоръ, тихо, но отчетливо сказалъ: «будьте гражданиномъ, говорите по человѣчески.» . . . Но не помогло — рабъ остался рабомъ. . .

Хуже всего было съ М. И. Скобелевымъ.

Выступленія его казаки ждали съ большимъ интересомъ, желая послушать и посмотрѣть «живого» министра.

М. И. Скобелевъ очевидно считалъ, что съ дѣтьми можно говорить только сюсюкая, а съ простыми казаками — только въ «демократическомъ» одѣяніи. По пути на ораторское мѣсто, онъ быстро стащилъ съ себя верхнюю часть костюма и остался въ косо-вороткѣ, подпоясанный длиннымъ поясомъ, хотя было далеко не жарко.

Я посмотрѣлъ на казаковъ. По легкому движенію ихъ лицъ, по легкому движенію въ залѣ, незамѣтному для чужого человѣка, мнѣ стало ясно, что этотъ жестъ Скобелева поставленъ ему въ минусъ.

Уже видно было, что складная, умная, красивая рѣчь петроградскаго оратора къ простой, безхитростной душѣ казака дороги не найдетъ.

Въ рѣчи этой не было искренности, не было честности и Кругъ подозрительно насторожился. Кончилась рѣчь. Посыпались вопросы — дѣловые, прямые, требовавшіе столь же прямого отвѣта. Скобелевъ въ этихъ отвѣтахъ обнаружилъ значительное искусство, но такъ ходилъ вокругъ да около, затушевывая суть дѣла и не давая точнаго отвѣта, что первоначальное настороженное отношеніе къ нему прямого честнаго донца, уважающаго свое достоинство и требующаго отъ лицъ высоко стоящихъ высокихъ качествъ, смѣнилось презрительнымъ и почти враждебнымъ: посыпались вопросы уже ядовитые. Удивительнѣе было то, что Министръ ни могъ отвѣтить опредѣленно — изъ какого же именно источника Правительство черпало свои свѣдѣнія о Калединскомъ мятежѣ. Онъ путался, ссылаясь на «кого-то» и «кто-то» и не зналъ отъ кого все это исходило.

На вопросы — почему же не затребовали объясненій отъ Атамана Каледина и его Правительства, или не запросили своего Областного комиссара М. С. Воронкова, а сразу же отвѣтили мобилизаціей противъ Дона, — онъ давалъ такіе отвѣты, — что за него было обидно и стыдно.

Прямой, открытый, глубоко честный и чистый Калединъ, требовательный къ себѣ и къ людямъ, особенно у власти стоящимъ, сидѣвшій рядомъ со мной за столомъ президіума Круга, все время нервничалъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отвѣты Скобелева звучали особенно фальшиво, Алексѣй Максимовичъ два раза хлопнулъ руками по своему колѣну — жестъ, обнаруживавшій крайнюю степень волненія. Когда Скобелевъ кончилъ и началъ медленно, тутъ же на трибунѣ, облачаться въ пиджакъ, А. М. Калединъ не выдержалъ: быстро выйдя на авансцену (засѣданія Круга происходили въ театрѣ) — съ противоположной Скобелеву стороны — А. М. Калединъ, сдѣлавъ жестъ въ сторону Скобелева, воскликнулъ: «И это говорилъ передъ вами Ми-ни-стръ. . . Теперь вы видите, чего можетъ ждать Россія и Донъ отъ такого Правительства.»

V.

Послѣ Государственнаго Совѣщанія, откуда Алексѣй Максимовичъ пріѣхалъ въ самомъ пессимистическомъ настроеніи, онъ уже не вѣрилъ въ дѣйствительность мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ. Не вѣрилъ онъ и въ значеніе Предпарламента.

Войско Донское послало туда своихъ представителей, и въ ихъ числѣ оказался и я. Когда объ этомъ въ Нижне-Чирской станицѣ была мною получена телеграмма за подписью А. М. Каледина,

я телеграфировалъ ему, что считаю свою работу въ округѣ полезнѣе для Войска, чѣмъ въ Предпарламентѣ, и просилъ разрѣшенія не ѣздить, я немедленно получилъ отъ А. М. Каледина короткій отвѣтъ: съ мнѣніемъ — «согласенъ». Забѣнилъ меня Б. Н. Улановъ.

Когда Временное Правительство было свергнуто большевиками, А. М. Калединъ вмѣстѣ съ Донскимъ Правительствомъ занялъ совершенно опредѣленную позицію непризнанія и борьбы съ захватчиками власти. Эта позиція Атамана и Правительства логически вытекала изъ всѣхъ постановленій Войскового Круга по этому вопросу. Еще тогда, когда 3—5 іюля 1917 года произошло въ Петроградѣ первое возстаніе большевиковъ, подавленное 1 и 4 Донскими полками, Атаманъ и Правительство, выразивъ благодарность казачьимъ полкамъ, телеграфировали Петроградскому Совету рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, что донское казачество «захвата власти одною частью населенія никогда не признаетъ», а въ телеграммѣ Временному Правительству просили Правительство не допускать расхищенія національной власти безответственными организациями, предлагая полную поддержку казачества.

Въ такомъ же смыслѣ были посланы Совету и Правительству телеграммы отъ имени Войскового Круга, когда враждебные Правительству элементы пытались созвать — «Демократическое Совѣщаніе», въ которомъ казачество участвовать отказалось.

Какъ только въ Новочеркасскѣ были получены достоверныя свѣдѣнія о томъ, что переворотъ совершился, Атаманъ и Правительство приняли на себя всю полноту государственной власти въ предѣлахъ Донской земли и, будучи до конца лояльными, послали Временному Правительству приглашеніе пріѣхать на Донъ и отсюда начать борьбу. Отвѣта не послѣдовало (всѣ рассказы о пріѣздѣ на Донъ А. Ф. Керенскаго являются вымысломъ) и Войско Донское стало независимымъ государственнымъ образованіемъ, «пока не образуется въ Россіи всенародно признанная законная общероссійская власть». Состоялось отдѣленіе — не отъ Россіи, а отъ большевиковъ.

Началась «недѣля Калединскаго творчества».

Всю уже налаженную въ теченіе пяти мѣсяцевъ новую систему управленія Войскомъ Донскимъ приходилось спѣшно переорганизовать на основѣ власти общегосударственной, подводить новый фундаментъ, замѣнять старое. Работа спорилась. Въ теченіе одной недѣли былъ образованъ Экономическій Комитетъ, начали приводить въ исполненіе мысль о созданіи Юго-Восточнаго союза (Донъ, Кубань, Терекъ, Ставрополь, Черноморье и «вольные народы горъ и степей»), вырабатывать основы своей денежной системы, готовить открытіе экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (большую часть этой подготовительной работы впоследствии исполнило Правительство ген. Краснова), поставленъ вопросъ о расширеніи базы для Правительства, получившаго новый характеръ, т. е. вопросъ о привлеченіи къ участію въ управленіи представителей неказачьяго населенія края.

Къ сожалѣнію, работа эта не могла быть доведена до конца — вспыхнула гражданская война, подавляющія силы необъятнаго сѣвера и центра Россіи обрушились на казачій Юго-Востокъ и Дону снова пришлось перестраиваться, подчиняя всю свою жизнь интересамъ борьбы.

Большевики правильно учли значеніе казачества и ген. Каледина, и сейчасъ же послѣ удавшегося переворота въ центрѣ, повели борьбу съ Дономъ, не давая ему возможности собраться съ силами и окрѣпнуть. Началась бѣшеная работа по разложенію казачьихъ полковъ на фронтѣ, закупорка всѣхъ путей, ведущихъ на Донъ и организациія похода на казаковъ. Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ мелкія суда революціоннаго Черноморскаго флота появились въ Азовскомъ морѣ и высадили десантъ въ Таганрогѣ, а черезъ нѣкоторое время отрядъ матросовъ вступилъ въ Ростовъ; одновременно и на сѣверѣ у станціи Кантемировка, появился и осѣлъ на донской границѣ 17 стрѣлковый полкъ. Матросы въ Ростовѣ произвели выступленіе и въ союзѣ съ мѣстной красной гвардіей захватили Ростовъ, отрѣзавъ Донское Войско отъ Кубанцевъ и Терцевъ. Борьба началась.

Начались совѣщанія ген. А. М. Каледина и ген. М. В. Алексѣева по вопросу образованія Добровольческой арміи. Трудно было ее организовать, ибо бывшія на Дону казачьи части были распропагандированы, а въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ стояли неказачьи запасные полки большого состава, ставшіе на сторону большевиковъ. Пришлось разоружить и распустить эти части и дѣйствовать при помощи горсти людей. Положеніе осложнялось тѣмъ, что городскіе демократическіе круги не отдавали себѣ отчета въ обстановкѣ и кричали о контр-революціонности казачества, не только не помогая въ борьбѣ, но все время вставляя палки въ колеса и способствуя разложенію казачьихъ частей. Оказали помощь лишь небольшіе, первые отряды Добровольческой Арміи, которую началъ тогда собирать въ Новочеркасскѣ, подъ крыломъ А. М. Каледина, М. В. Алексѣевъ.

При этомъ личномъ участіи Войскового Атамана А. М. Каледина шедшаго въ первыхъ рядахъ наступавшихъ партизанъ и Походнаго Атамана А. М. Назарова, Ростовское выступленіе большевиковъ было ликвидировано почти безъ крови благодаря особымъ мѣрамъ принятымъ Атаманомъ. Г. г. большевики и иже съ ними привыкли изображать тогда ген. Каледина звѣремъ, жаждущимъ крови пролетаріата, а мѣжду тѣмъ А. М. Калединъ, сообщая Кругу о Ростовской операциі, между прочимъ, сказалъ: «Вы можете быть спросите, почему же мы не покончили съ большевиками однимъ ударомъ? Сдѣлать это было нетрудно, но страшно было пролить первымъ братскую кровь».

Кровь все-таки пролита, и это обстоятельство угнетаетъ «кроваваго» Каледина. На Кругѣ по этому поводу онъ говоритъ: «я пришелъ сюда съ чистымъ именемъ, а уйду можетъ быть съ проклятiями», и ставитъ вопросъ о довѣрiи, слагая свои полномочiя.

Когда Атаманъ былъ переизбранъ, получивъ всѣ голоса, кромѣ одного, онъ говоритъ о власти, какъ о тяжеломъ крестѣ, говоритъ донцамъ, что онъ выйдетъ изъ нея побѣдителемъ только въ случаѣ, если населеніе активно поддержитъ своихъ избранниковъ. Закончилъ свою рѣчь Алексѣй Максимовичъ словами: «такъ, значить, борьба не на жизнь, а на смерть», прошу вѣрить, долгъ свой исполню до конца».

Всѣ мы знали, что означаютъ такія слова въ устахъ А. М. Каледина . . .

У большевизма въ глазахъ стояли слезы. Безумно было жаль этого большого чистаго человѣка, страшно хотѣлось уберечь его для будущей Россіи и всего казачества, но . . . выхода мы не видѣли.

На этомъ декабрьскомъ Кругѣ и Правительство перестраивалось, становясь лицомъ къ смерти. Прежняя громоздкая коллегія изъ 21 члена была цѣлкомъ ликвидирована; Кругъ рѣшилъ избрать дѣловое и боевое Правительство небольшого состава изъ семи человѣкъ. Мнѣ хотѣлось снять выставленную мою кандидатуру, но слова Алексѣя Максимовича, брошенные по моему адресу: «теперь отказываться нельзя», рѣшили все дѣло, въ другую сторону.

Во главѣ Войска Донского оказались почти исключительно члены Учредительнаго Собранія: А. М. Калединъ, М. П. Богаевскій, П. М. Агѣевъ, В. А. Харламовъ, Б. Н. Улановъ, А. П. Епифановъ, Н. М. Мельниковъ, С. Г. Елатонцевъ, и не члены Учредительнаго Собранія И. Ф. Поляковъ и Г. И. Каревъ.

Мрачно и тяжело было тогда въ послѣднемъ засѣданіи Круга 15 декабря. Этотъ послѣдній «Калединскій Кругъ» не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ другихъ, что онъ обрекаетъ на смерть своихъ избранниковъ.

Къ несчастію, это оправдалось — донское казачество на своемъ Кругѣ въ послѣдній разъ видѣло тогда своихъ вождей — А. М. Каледина и М. П. Богаевского . . . Атмосфера особенно сгустилась, когда въ томъ же засѣданіи была получена телеграмма отъ Терскаго Правительства съ описаніемъ трагической гибели Терскаго Войскового Атамана М. А. Караулова.

Сессія Круга закрылась, было уже болѣе 2-хъ часовъ ночи, а депутаты не расходились . . . Нуженъ былъ выходъ, и его, нѣсколько неожиданно нашелъ Предсѣдатель декабрьской сессіи Круга, П. М. Агѣевъ, вошедшій въ составъ Правительства: «соціалистъ съ пикой» своимъ сильнымъ теноромъ затянулъ старинную казачью пѣсню и ее подхватили депутаты, шире — дальше и Б. Н. Улановъ вынесся на авансцену и пошелъ въ присядку . . . Получилась картина изъ «Пира во время чумы».

VI.

Началась борьба; тяжелая, съ ничтожными тогда силами: казачество поддавалось дурману, заболѣвало — съ нимъ случилось то

же, что и съ русскимъ народомъ . . . Правда, заболѣло оно позже русскаго крестьянина, раньше его выздоровѣла, но тогда казакъ заболѣлъ и оставилъ на гибель своихъ же избранниковъ, осуществлявшихъ его волю . . .

Съ каждымъ днемъ обстановка ухудшалась, нажимъ противника все усиливался, а наши силы падали, одна часть за другой подавалась пропагандѣ и уходила; героическая учащаяся молодежь напрягала послѣднія силы для защиты Дона, его чести и достоинства, все больше и больше выростали могильные холмы съ лѣсомъ простыхъ бѣлыхъ крестовъ на партизанскомъ участкѣ Новочеркасскаго кладбища, все печальнѣе становились добрые глаза Атамана; ежедневно съ поникшей головой провожавшаго на кладбище неизвѣстныхъ молодыхъ героевъ.

Всему бываетъ конецъ . . . Стало невоготу . . .

Рано утромъ 29 января (по ст. ст.) 1918 года меня разбудили — пришелъ изъ Атаманскаго дворца вѣстовой: Войсковой Атаманъ приглашаетъ членовъ Правительства во дворецъ на экстренное засѣданіе. Собрались.

А. М. Калединъ вызвалъ Походнаго Атамана А. М. Назарова и предложилъ освѣтить обстановку на фронтѣ.

Спокойно и безпристрастно ген. Назаровъ нарисовалъ совершенно безнадежную картину: противникъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новочеркасска; казаки драться не желаютъ; молодежь изнемогаетъ; Донское войско защищаютъ немного больше 150 человѣкъ и двѣ роты Добровольческой арміи . . .

Алексѣй Максимовичъ дополнилъ съ новой стороны, гдѣ у насъ нѣтъ никакого (хут. Мало-Несвѣтайскій) и куда послать некого даже для производства болѣе или менѣе основательной развѣдки, недалеко отъ Новочеркасска появился новый сильный отрядъ красныхъ съ кавалеріей и артиллеріей. (Эти невѣрныя свѣдѣнія были рано утромъ доставлены Атаману однимъ москвичемъ — я не называлъ его фамиліи, ибо не знаю, былъ ли онъ провокаторомъ или просто легкомысленнымъ вралемъ), а въ заключеніе прочиталъ полученную ночью отъ ген. Корнилова телеграмму, въ которой сообщалось, что Добровольческая Армія рѣшила въ виду безнадежности положенія на Дону уходить на Кубань; телеграмма заканчивалась просьбой Корнилова къ ген. Каледину отдать распоряженіе послѣднимъ добровольческимъ ротамъ сняться съ Новочеркасскаго фронта и идти въ Ростовъ на присоединеніе къ уходящей арміи . . .

Алексѣй Максимовичъ тихо добавилъ: «разпоряженіе это мною уже отдано. Дальнѣйшая борьба бесполезна. Предлагаю Правительству обездѣлить вопросъ о своемъ дальнѣйшемъ существованіи. Лично полагаю, что намъ всѣмъ надо сложить свои полномочія и передать власть городскому самоуправленію.»

Нѣкоторые члены Правительства (и я въ томъ числѣ) не теряя надежды на то, что казаки еще одумаются и что намъ нужно выиграть время, для чего необходимо отойти отъ желѣзнодорожной линіи, вдоль которой продвигались большевики, предложили оставить Новочеркасскъ и уйти въ степи, начавъ теперь же переброску всего

необходимаго въ станицу Константиновскую, но А. М. Калединъ необычнымъ для него раздраженнымъ тономъ заявилъ, что это невозможно и на это онъ не пойдетъ.

Митрофанъ Петровичъ Богаевскій началъ говорить — точнѣ вслухъ размышлять — но Алексѣй Максимовичъ тѣмъ же раздраженнымъ тономъ прервалъ его:

«Довольно говорить — отъ болтовни Россія погибла. Давайте кончать. Я для себя рѣшилъ: слагаю полномочія Атамана; я уже не Атаманъ» . . .

М. П. Богаевскій а за нимъ и всѣ остальные обмѣнявшись короткими репликами, рѣшили передать власть, городской управѣ, члены которой и были немедленно вызваны во дворецъ. Условились въ 4 часа встрѣтиться въ Управѣ и подписать актъ передачи. Алексѣй Максимовичъ передалъ отдѣльнымъ членамъ Правительства имѣвшіяся у него на рукахъ деньги, со словами: «ну, отъ этого очистился», облегченно вздохнулъ и затѣмъ вышелъ въ маленькую комнату — рядомъ съ его большимъ кабинетомъ, гдѣ происходило засѣданіе.

То, что онъ дѣлалъ во время засѣданія — открывалъ ящикъ за ящикомъ своего стола и нервно рвалъ записки, чеки и другія бумаги, его лицо, голосъ — все не оставляло сомнѣнія, что онъ жить больше не будетъ — и какъ только онъ вышелъ, члены Правительства заговорили о необходимости предотвратить несчастье.

Алексѣй Максимовичъ въ это время снова вошелъ въ кабинетъ и разговоры на эту тему прекратились. Засѣданіе кончилось, и мы стали расходиться, причемъ Алексѣй Максимовичъ, прощаясь, говорилъ каждому: «до 4 часовъ въ Управѣ». Эти слова нѣсколько успокоили.

Я уходилъ изъ кабинета однимъ изъ послѣднихъ, и, прощаясь съ Атаманомъ, сказалъ, что ему необходимо теперь же уѣхать изъ Новочеркасска. Атаманъ безнадежно махнулъ рукой. Я сказалъ что-то въ томъ смыслѣ, что все еще впереди, что силы его еще понадобятся родинѣ, на что онъ отвѣтилъ: «оставьте это мнѣ», и быстро протянулъ мнѣ руку, чтобы прекратить этотъ разговоръ.

Около двухъ часовъ дня мы ушли отъ Атамана, а черезъ 1/2 часа его уже на стало . . .

Уничтоживъ еще нѣкоторыя бумаги Алексѣй Максимовичъ прошелъ къ своей женѣ, Маріи Петровнѣ, которая въ это время была занята разговоромъ съ однимъ изъ посѣтителей, молча посмотрѣлъ на нее, вернулся въ маленькую комнату около кабинета, снялъ съ себя форменную тужурку, легъ на кровать и выстрѣлилъ въ сердце изъ револьвера.

VII.

Много говорилось о причинахъ, заставившихъ А. М. Каледина покончить съ жизнью.

Зная хорошо Алексѣя Максимовича я полагаю, что его конецъ инымъ и не могъ быть. Безнадежность положенія, была для него ясна, болѣе, чѣмъ для кого-либо другого, уйти же изъ Новочер-

касска съ Корниловымъ или партизанами онъ не смогъ — гордый Атаманъ старѣйшаго войска не могъ уйти со своего поста.

«Прошу вѣрить — долгъ свой исполню до конца».

Эти слова были сказаны недаромъ. Можно спорить о правильности такого пониманія долга, но разъ Калединъ такъ думалъ — иначе онъ поступить не могъ, ибо это былъ человекъ долга, по преимуществу.

Я не сомнѣваюсь, что А. М. Калединъ думалъ, что если его не станеть, ненавидѣвшій его врагъ будетъ удовлетворенъ, его смерть сможетъ спасти отъ кровавой расправы беззащитное населеніе донской станицы.

Намъ, казакамъ, приходится очень часто встрѣчаться съ фактами, свидѣтельствующими о полномъ непониманіи казачества со стороны обще-русскихъ круговъ.

Мы не удивляемся, когда большевики ставятъ своей цѣлью полное уничтоженіе казачества, упраздненіе даже самого наименованія казакъ; мало мы удивляемся и тогда, когда ослѣпленные «зубры» въ своемъ дѣвственномъ незнаніи казачества и его исторіи, сваливаютъ казачество въ одну кучу самостійниковъ и мечтаютъ о томъ, чтобы забрать казаконъ въ ежовыя рукавицы, и въ своихъ примитивныхъ политическихъ взглядахъ идутъ нога въ ногу съ большевиками.

Но съ большой болью, горечью и недоумѣніемъ мы смотримъ на явленіе, когда большіе, честные, прямые, лучшіе русскіе люди — такіе, какъ напр., уважаемый нами А. И. Деникинъ — не понимаютъ казаконъ, неправильно расцѣпывая лучшаго изъ казаконъ — А. М. Каледина. Въ своихъ «Очеркахъ русской смуты» А. И. Деникинъ пишетъ: «Русскій патриотъ и Донской Атаманъ. Въ этомъ двойственномъ бытіи — трагедія жизни Каледина и разгадка его самоубійства . . . Онъ мыслилъ и чувствовалъ, какъ русскій патриотъ, жилъ въ эти мѣсяцы, работалъ и умеръ какъ Донской Атаманъ».

Что это непониманіе или простое нежеланіе понять дѣйствительность? — Можно быть и Донскимъ Атаманомъ и Русскимъ патриотомъ, и Алексѣй Максимовичъ всею жизнью своей блестяще это доказалъ. На посту Донского Атамана онъ служилъ и Дону и Россіи; служба Дону, онъ служилъ прежде всего Россіи, ибо ни одной минуты не мыслилъ себя Дона безъ Россіи и противорѣчія въ этомъ не было и не могло быть.

Дай Богъ, чтобы бѣдная русская земля имѣла бы больше такихъ сыновъ-казаконъ.

А. М. Калединъ — наша гордость, наше знамя. На его высокомъ примѣрѣ казачество будетъ воспитывать свои молодыя поколѣнія на пользу казачества и общей нашей родины Россіи.

А. М. Калединъ и М. П. Богаевскій — эти два имени неотдѣлимы — поставили казачеству вѣхи, по которымъ оно идетъ и дальше пойдетъ неизмѣнно.

Оглядываясь назадъ, мы, послѣ всего пережитаго, послѣ тяжелыхъ испытаній, умудренные опытомъ, съ удовольствіемъ от-

мѣчаемъ, что вожди казачества вели казаковъ по вѣрной дорогѣ, и въ основу, своего строительства оно возьметъ фундаментъ, заложенный Атаманомъ А. М. Калединымъ и его Помощникомъ М. П. Богаевскимъ.

Воздвигая крѣпкую казачью постройку, матеріалъ для нея они брали въ далекомъ героическомъ прошломъ казачества. Изъ этой славной сѣдой старины они извлекли здоровыя жизненныя основы, выносили ихъ на свѣжій воздухъ, провѣтривали и отбрасывали отжившее, оставляя одно здоровое.

Корни казачьяго строительства уходятъ въ глубь минувшихъ вѣковъ, строительство это органически связано съ прошлымъ и въ этомъ отличіе его отъ строительства большевиковъ, съ высоты крутого берега бросившихся съ пузырями вплавъ въ безбрежное, невѣдомое море.

Н. Мельниковъ.

М. П. БОГАЕВСКІЙ

Характеристика.

I.

Появленіе М. П. Богаевского на исторической сценѣ Войска Донскаго въ новѣйшій періодъ его исторіи послѣ Государственнаго переворота въ качествѣ политическаго дѣятеля было неожиданнымъ для всѣхъ близко его знавшихъ. Къ политической работѣ онъ себя не готовилъ, никакой дѣятельности въ этомъ направленіи не проявлялъ. Имя его въ широкихъ политическихъ кругахъ было неизвѣстно.

Скромный, типичный «интеллигентъ», педагогъ-историкъ, безпартийный, но съ ярко выраженнымъ народническимъ оттѣнкомъ.

Въ Новочеркасскѣ, гдѣ началась его педагогическая карьера, онъ быстро сходитя съ донской интеллигенціей, принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ «Общества содѣйствія народному образованію», и въ литературномъ кружкѣ, образовавшемся въ нѣдрахъ этого общества. Въ просторномъ, но не всегда многолюдномъ залѣ «Общества» онъ выступаетъ со своими докладами на общественно-литературныя темы. Въ докладчикѣ чувствуется большая предшествующая умственная работа. Доклады оригинальны, вдумчивы, хорошо построены. Въ рядахъ донской интеллигенціи М. П. быстро занимаетъ видное мѣсто наряду съ Н. М. Поповымъ, И. В. Денисенко и др.

Также быстро растетъ его популярность и среди учащейся молодежи. Наша школа еще не оправилась послѣ пережитаго въ 1904-05 годахъ. Моральная болѣзнь дѣтскаго міра подъ вліяніемъ освободительныхъ революціонныхъ идей первой русской революціи была глубока. Исканіе новыхъ путей поколебало всѣ основы школьной жизни и дѣтскаго міросозерцанія, а педагогическій персоналъ не смогъ стать въ роли духовнаго руководителя за отсутствіемъ духовной связи между педагогами и учащимися. Расшаталась дисциплина, родительскій комитетъ оказался не на высотѣ задачи. . . . Время кое-какъ сгладило углы, внѣшняя школьная жизнь стала налаживаться, но духовные запросы учащихся удовлетворены не были. Учащаяся молодежь искала своихъ руководителей, идейныхъ вождей. . . . И появляются новые педагоги. . . . Въ Новочеркасскѣ среди нихъ образовался кружокъ. Молодые педагоги во главѣ съ Н. П. Поповымъ, идейно настроенные, съ большимъ образовательнымъ цензомъ и начитанностью, съ любовью къ

дѣлу и учащимся, внесли въ школу новую бодрую оздаравливающую атмосферу. Они объединили вокруг себя учащихся, давали имъ идейное настроеніе, вызывая интересъ къ русской исторіи, литературѣ, искусству, къ самостоятельности.

М. П. Богаевскій примкнулъ къ молодой педагогической группѣ.

Прекрасный ораторскій даръ, жизненность и художественная яркость изложенія, искренность и задушевность тона, увлекаетъ учениковъ.

Вызывая въ нихъ любовь къ русской исторіи, онъ вносилъ новое, глубокое знаніе донской исторіи, увлекающую любовь къ родному краю, желаніе изучать и знать его.

Изъ Новочеркасска М. П. переводится въ свою Каменскую станицу директоромъ гимназій.

Тѣ же приемы, но уже опытнаго, прошедшаго педагогическій стажъ, педагога, изучившаго хорошо свой предметъ, знающаго свои задачи въ области преподаванія и воспитанія, твердо идущаго своимъ путемъ. . . То-же довѣріе и любовь учащихся. Обаяніе его личности и манера особо мягкаго обращенія съ людьми, готовность придти всякому на помощь въ его нуждѣ, дѣлаютъ М. П. популярнымъ въ станицѣ.

Когда послѣ государственнаго переворота инициаторы Общеказачьяго съезда пригласили казаковъ на Съездъ въ Петроградъ, М. П. былъ избранъ на этотъ съездъ делегатомъ отъ своей Каменской станицы.

Въ Петроградѣ М. П. имѣлъ знакомыхъ. Онъ учился въ Петроградскомъ университетѣ, былъ студенческимъ старостой, приобрѣлъ нѣкоторый опытъ въ предѣлительствованіи. Знаніе же донской исторіи дѣлало его авторитетомъ въ разрѣшеніи и освѣщеніи казачьихъ дѣлъ и вопросовъ.

М. П. былъ избранъ предѣлелемъ Мартовскаго Общеказачьяго Съезда.

Съ этого момента начинается краткая, но блестящая политическая карьера М. П.

Предѣлелемъ оказался на высотѣ взятой на себя трудной задачи.

Многочисленный съездъ, состоящій частью изъ представителей войсковыхъ частей, частью изъ представителей съ мѣстъ отъ отдѣльных казачьихъ войскъ, оказался довольно сложнымъ по политическимъ настроеніямъ своихъ участниковъ; старое и молодое казачество, служилые люди, офицерство — все это различно восприняло революцію, но одинаково горячо было возбуждено и встревожено. . . Рѣшительность, бурное устремленіе впередъ, вѣра въ будущее, въ свои силы въ молодыхъ рядахъ. Скептицизмъ и осужденіе, враждебность, — въ рядахъ старыхъ и служилыхъ казаковъ.

Для всѣхъ положеніе было необычное; будущее рисовалось неопредѣленно, загадочно. . . Душевные переживанія были бурныя, но неясныя. . . Чувствовалась общая растерянность на фонѣ различныхъ переживаній.

Предѣлелемъ долженъ былъ владѣть особымъ мастерствомъ вести засѣданія, чтобы выяснитъ въ этой путаницѣ разнорѣчивыхъ мнѣній и настроеній общее и объединяющее выявляющее лицо съезда.

Предѣлельскій экзаменъ М. П. выдержалъ блестяще. Общеказачій съездъ, объединившись на общемъ чувствѣ патриотизма и национализма, любви къ Родинѣ Россіи и роднымъ казачьимъ краямъ, выработалъ основныя положенія общеказачьей программы. Онъ объединилъ всѣ казачьи войска и указалъ линію жизни и поведенія казачества въ ходѣ русской исторіи. Казачество — едино въ единой недѣлимой Россіи. Война должна быть доведена до конца совместно съ союзниками. Казачьимъ войскамъ должна быть обеспечена самобытная жизнь и управленіе въ духѣ ихъ историческихъ традицій; казачьи войска должны быть автономны, а земли казачьи, ихъ историческое достояніе, должны остаться неприкосновенными въ виду того, что они завоеваны казаками и во имя ихъ долгой тяжелой и разорительной военной службы на собственный счетъ.

Общеказачій съездъ сыгралъ замѣтную организующую роль въ казачьемъ движеніи.

А для М. П. намѣтилась карьера незауряднаго Предѣлеля большихъ политическихъ собраній.

Съ такой репутацией М. П. прибылъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Новочеркасскъ на Казачій Съездъ и былъ избранъ Предѣлелемъ Съезда — и велъ его опытной твердой рукой.

Онъ прежде всего организовалъ всю впервые съѣхавшуюся казачью массу, разбивши ее на группы не по политическому принципу, а по округамъ, по принципу «земляческому». Каждый большой вопросъ прежде, чѣмъ выносился на общее засѣданіе съезда, обсуждался въ округахъ. Онъ тамъ переваривался въ долгихъ горячихъ дебатахъ.

Въ этой работѣ округа общались между собою, освѣдомляли другъ друга. На общемъ собраніи съезда выступали ответственные, назначенные округами представители, которые высказывали сужденія и рѣшенія округовъ.

Эта земляческая система сохранилась во всѣхъ бывшихъ на Дону Войсковыхъ Кругахъ. Значеніе этой системы для Войсковыхъ Круговъ велико.

Не смотря на то, что Войсковые Круги построились по парламентскому режиму, ввели свое «Положеніе о Войсковыхъ Кругахъ», «Наказъ» по образцу наказа Государственной Думы съ необходимыми упрощеніями и сокращеніями, все же общій видъ Войсковыхъ Круговъ, характеръ ихъ засѣданій, преній рѣшеній — рѣзко отличаютъ ихъ отъ Государственной Думы и вообще отъ парламентовъ.

И эта отличительная черта Войсковыхъ Круговъ заключается въ томъ, что на Войсковомъ Кругѣ не было партій, партійной борьбы, партійныхъ страстей.

Нѣкоторые члены Войскового Круга были люди партійные, но партійныя вліянія не имѣли почвы для своего развитія.

Партийныя настроенія, если они выявлялись, что было не часто, нивелировались и сглаживались въ округахъ, обезцвѣчивались парализующимъ вліяніемъ земскаго элемента, судящаго о вещахъ на основаніи здраваго смысла, а не предвзятыхъ партийныхъ лозунговъ.

На Кругъ выступлений отъ имени партіи не было и не могло быть, а опираться можно было только на округа.

Этомъ характеромъ организація Войсковыхъ Круговъ слѣдуетъ объяснить сравнительно спокойную дѣловую работу Войсковыхъ Круговъ, отсутствіе острыхъ, разжигающихъ политическихъ страстей, порядокъ и дисциплину во время засѣданій.

Такая организація Войсковыхъ Круговъ имѣла и другое важное значеніе. Войсковые Круги представляли для членовъ Войскового Круга, не искушенныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, политическую воспитательную школу. Въ небольшихъ Окружныхъ Собраніяхъ, устраиваемыхъ въ мѣстѣ жительства членовъ Круга, обычно расселяющихся въ общежитіяхъ округами — въ обстановкѣ домашней жизни, каждый членъ Круга неизбежно втягивался въ работу по всемъ вопросамъ, невольно ко всему присматривался, все изучалъ, выражалъ свое мнѣніе, доказывалъ, отстаивалъ его. Всякій рядовой членъ Войскового Круга, возвращаясь въ свою станицу, былъ въ курсѣ всехъ дѣлъ, могъ дать разъясненія по всемъ вопросамъ.

Такимъ образомъ, установленная организація Войсковыхъ Круговъ, давала возможность при вынесеніи рѣшеній учитывать всѣ отѣнки мнѣній и настроеній и отражать дѣйствительную волю большинства.

Порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на Казачьемъ съѣздѣ предусматривалъ былъ предложеннымъ Богаевскимъ краткимъ Наказомъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: докладчикъ не ограниченъ временемъ, пользуется правомъ внѣ очереди возражать говорящимъ по докладу и правомъ послѣдняго слова.

Ораторамъ дается для первой рѣчи 15 минутъ, для второй рѣчи 5 мин. Слово «къ порядку дня» предоставляется внѣ очереди.

Этотъ наказъ, хотя и краткій, но простой, ясный, понятный, быстро былъ усвоенъ членами Круга и соблюдался съ большой строгостью. Засѣданія Войсковыхъ Круговъ отличались большимъ внѣшнимъ порядкомъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ собрался I-й Войсковой Кругъ.

И председателемъ его избирается уже популярный въ казачьихъ Кругахъ М. П. Богаевскій.

На этомъ Кругѣ председательскій талантъ М. П. проявился въ полной мѣрѣ.

Сподвижникъ М. П. Богаевского — Н. М. Мельниковъ такими словами характеризуетъ М. П., какъ председателя:

«Уже на Апрельскомъ казачьемъ съѣздѣ меня поражало удивительное умѣніе М. П. быть председателемъ большого собранія.

Въ прошломъ опыта у него было еще мало и на этомъ съѣздѣ его талантъ не могъ еще вполне развернуться.

Въ маѣ былъ созванъ Войсковой Кругъ. Здѣсь въ лицѣ М. П. мы видимъ уже председателя «Божіей Милостью».

Поражала удивительная техника, умѣніе вести работу, держать сужденія въ опредѣленномъ направленіи. А между тѣмъ задача председателя Круга была исключительно трудной.

Громадный по своему составу Кругъ насчитывалъ до 800 человекъ, которые въ большинствѣ своемъ раньше участія въ политическихъ работахъ принимать не могли. Далѣе, работу затрудняла наличность нѣкотораго антагонизма между представительствомъ отъ сѣверныхъ округовъ, считавшихъ себя бѣдными, и отъ южныхъ, считавшихся богатыми.

Кромѣ того на Кругѣ были двѣ глубоко разнородныя по своему настроенію массы депутатовъ: съ одной стороны — представители станицъ — «дѣды», съ другой бурлящая, кипящая, распропагандированная фронтовая молодежь, прибывшая съ фронта съ заданіемъ уничтожить «гидру контръ-революціи».

Трудна была работа председателя, но М. П. взялъ на себя этотъ трудъ и блестяще повелъ Кругъ. Въ М. П., какъ председателѣ, меня поражала способность охватить всю обстановку, ясность и опредѣленность въ постановкѣ вопросовъ. Обычно первая же рѣчь его съ исчерпывающей полнотой содержала всѣ темы, какія предстояло обсудить на многонедельныхъ сессіяхъ Круга. —

Авторитетная, исчерпывающая характеристика.

Особая манера М. П. заключалась въ томъ, что онъ ставилъ всякій вопросъ подлежащій обсужденію Круга, съ предварительной всесторонней фактической обрисовкой его.

Эта вступительная рѣчь ставила рельефно главную тему и освѣщала всѣ обстоятельства, могущія имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла, съ исчерпывающей полнотой, ясностью и точностью.

Послѣ этой рѣчи рѣшеніе какъ бы предрѣшалось и не было никакой недобности въ большихъ рѣчахъ.

Председательское резюме представляло тонкій анализъ всехъ высказанныхъ сужденій; никто не былъ забытъ, ничто не оставалось безъ освѣщенія. Достигалась исключительная прозрачность дѣла, полное и всестороннее его пониманіе членами Круга и легкость разрѣшенія. Быстрота рѣшенія безъ ущерба для дѣла.

Но говоря о вліяніи вступительной и заключительной рѣчи М. П., какъ Председателя, нельзя не имѣть въ виду исключительнаго его ораторскаго дарованія.

II.

За М. П. Богаевскимъ упрочилась слава «Донского Златоуста» «Баяна», «Трибуна».

Когда этотъ человекъ, маленькаго роста, съ изможденнымъ желтымъ лицомъ калмыцкаго типа, съ впалой грудью, въ скромномъ штатскомъ одѣяніи выходилъ на кафедру для произнесенія

рѣчи и произносилъ первыя слова, аудиторія, какъ бы она ни была многолюдна и разношерстна—затихала, и съ напряженнымъ вниманіемъ ловила каждое его слово . . .

Слабый грудной голосъ, рѣчь безъ жестовъ, безъ мимики; спокойная, непринужденная, неподвижная поза; однообразно звучащая интонація; отсутствіе патетическихъ подъемовъ, лирическаго шопота . . . Короткая, отрывистая, разговорная фраза, полное отсутствіе фразеологическихъ и стилистическихъ красотъ, внѣшнихъ искусственныхъ построений, рассчитанныхъ на эффектъ.

Просто, ровно, спокойно, монотонно . . . Учитель объясняетъ ученикамъ урокъ . . .

Полное отсутствіе внѣшнихъ приемовъ ораторскаго искусства, внѣшнихъ красотъ и искусственности . . .

Откуда же эта громкая слава Златоуста?

Разгадку слѣдуетъ искать не во внѣшнихъ данныхъ, которыхъ не было, а во внутреннихъ свойствахъ.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что когда вы слушаете рѣчь М. П-ча, — ничто внѣшнее не отвлекаетъ вашего вниманія — ни онъ самъ, ни его манеры, ни звукъ голоса, ни фразы и слова, ни дикція, ни пафосъ. Вы воспринимаете его мысль, которая развивается легко, логично съ необыкновенной прозрачностью и рельефностью, ясно, убѣдительно, неотразимо . . . Васъ постепенно захватываетъ то чувство, которое испытываетъ ораторъ, оно овладѣваетъ вами въ полной мѣрѣ. Внушенные вамъ ораторомъ мысли и чувства вы воспринимаете такъ, какъ будто бы это ваши мысли и чувства . . .

А выступающіе послѣ М. П-ча ораторы производятъ впечатлѣніе чего-то мѣшающаго, ненужнаго, раздражающаго . . .

Область вліянія челоѵка на челоѵка и толпу не изслѣдована въ должной мѣрѣ психологами, и мы не беремъ изслѣдовать эти тайники природы. Мы только констатируемъ это гипнотическое вліяніе и хотимъ передать ощущенія аудиторіи подѣ вліяніемъ рѣчи М. П-ча.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Войсковой Кругъ упивался рѣчами своего Златоуста.

Но вотъ картины.

По поводу введеннаго въ Ростовъ военнаго положенія въ городѣ подѣ вліяніемъ лѣвыхъ партій начались протесты, выражаемые на бурныхъ митингахъ. Собралась и Городская Дума, руководимая г. г. Васильевымъ, Петренко и др. социалистами. Произнесены были рѣчи ответственными ораторами; атмосфера накалена . . . Дума готова вынести рѣзкое осужденіе Каледину и Донскому Правительству за контръ-революціонный актъ. Но въ это время появляется М. П. Богаевскій и проситъ слова. Все стихло . . .

Вожаки городского самоуправления не удерживались такого вниманія своей обычной и воспитанной ими аудиторіи.

Закончилась рѣчь М. П-ча увѣреніемъ, что введенное положеніе будетъ проведено, а если надо, то будетъ введено и осадное положеніе. Городская Дума, привѣтствовавшая передѣ этимъ рѣчь

г. Петренко и Васильева и др., осуждавшихъ военное положеніе, дрогнула отъ восторженныхъ аплодисментовъ по адресу М. П-ча, доказывавшаго необходимость военнаго положенія.

М. П. Богаевскій арестованъ большевиками, захватившими на Дону власть. Онъ на гауптвахтѣ, обреченный . . . Арестовавший его есаулъ Голубовъ вызываетъ М. П-ча на гарнизонное собраніе дать отвѣтъ передѣ народомъ за свои дѣянія.

Инсценированъ судъ . . .

Официальный большевистскій прокуроръ произноситъ передѣ собраніемъ рѣчь, призывая къ самосуду надѣ контръ-революціонерами . . .

Въ теченіе 2-хъ часовъ говоритъ М. П-чъ передѣ этимъ большевистскимъ гарнизономъ. Онъ не оправдывается, онъ не защищается . . . Онъ излагаетъ исторію послѣднихъ дней, разъясняетъ смыслъ событій, своими именами называетъ дѣянія ставшихъ у власти большевиковъ . . . А въ результатѣ, гарнизонъ завоеванъ М. П-чемъ, онъ аплодируетъ ему въ дикомъ восторгѣ, онъ не отдастъ на разтерзаніе вождя казачества . . . и Ростовскимъ совѣтскимъ заправиламъ потребовалось въ экстренномъ порядкѣ вооруженнымъ отрядомъ увезти М. П. Богаевского изъ Новочеркасска, что-бы убить его въ Ростовѣ . . .

Н. М. Мельниковъ рассказываетъ слѣдующій случай:

«Помню іюньскія засѣданія Круга. Сессія затянулась. Всѣ утомлены. На засѣданіяхъ Круга крики: «пора кончать», «трава горитъ», — на буграхъ уже погорѣла, пора косить.» Ораторы не рискуютъ выступать болѣе, чѣмъ на 3 минуты. Но вотъ въ одномъ изъ такихъ засѣданій — уже въ глубокую ночь, выступаетъ М. П-чъ, говоритъ 2 часа и говоритъ при полномъ вниманіи зала. Ни одного возгласа съ мѣстъ . . . — М. П-чъ говорилъ то, что онъ думалъ, съ полной откровенностью, и такъ, какъ думалъ, ничего не утаивая, не стараясь смягчить, подсластить . . .

Искренность и теплота рѣчи — это первое, что бросалось въ глаза. Онъ можетъ ошибиться, но онъ не введетъ въ заблужденіе, не обманетъ . . . Ему можно довѣриться, ему нельзя не вѣрить . . . А все его свѣтлое прошлое говорило о большой душевной чистотѣ, подкупающей, предрасполагающей . . .

Главное же, что захватывало аудиторію во время рѣчи М. П-ча это — то настроеніе, духовный подъемъ, вдохновеніе, которыя неизмѣнно сопровождали его рѣчи. Онъ былъ всегда пламенный, вдохновенный, глубоко вѣрующій въ истину своихъ словъ. Онъ горѣлъ какимъ то тихимъ, ровнымъ, спокойнымъ, ласкающимъ пламенемъ . . . Это пламя зажигало и аудиторію. Охваченная однимъ съ нимъ чувствомъ аудиторія послушно шла за нимъ . . .

Привожу характерный случай, рассказанный Н. М. Мельниковымъ:

«Помню Войсковой Кругъ, когда Атаманъ Калединъ Временнымъ Правительствомъ былъ объявленъ измѣнникомъ, когда для борьбы съ Дономъ была объявлена мобилизація Москов-

скаго и Казанскаго военных округовъ. Горечью и обидой и большимъ достоинствомъ звучала тогда рѣчь М. П-ча. Тяжело было испытаніе, но честь и достоинство Дона были тогда спасены М. П-чемъ. Кругъ судилъ А. М. Каледина и оправдалъ его. Подъ вліяніемъ тогдашней рѣчи М. П-ча настроеніе настолько поднялось, что можно было опасаться необдуманныхъ рѣшеній. Въ перерывѣ я, въ качествѣ председателя Круга, указалъ М. П-чу, что атмосфера настолько накалена, что трудно будетъ ввести собраніе въ должныя рамки. Только М. П-чъ своимъ словомъ могъ поправить дѣло. Снова выступилъ М. П-чъ и внесъ необходимое успокоеніе».

Эти присущія М. П-чу духовныя качества такъ сказать общаго характера. Къ нимъ можно было бы присоединить еще нѣкоторыя черты и свойства его ума и духа . . . Его тонкій аналитическій умъ . . . Его способность провидѣнія . . . Его большое литературное образованіе, дающее возможность украшать рѣчь мѣткими художественными образами, сравненіями, противоположеніями и пр. . .

Но было у М. П-ча и еще нѣчто особенное, цѣнное и важное для казачьей аудиторіи.

Онъ былъ знатокомъ и любителемъ казачьей старины, казачьей исторіи. Казачью старину, управленіе и бытъ онъ зналъ въ совершенствѣ, поэтизировалъ, одухотворялъ, воскрешалъ и примѣнялъ къ условіямъ современности . . .

«Вѣруя и любя, стремился М. П-чъ и въ этихъ казакахъ, сидѣвшихъ передъ нимъ въ эту минуту, видѣть рыцарей былаго Дона, пробудить въ нихъ эти струны. И дѣды думали, что они — такіе. Они сами находили себя лучше, чѣмъ раньше считали, а затѣмъ они и дѣйствительно стали такими. Дремавшія рыцарскія начала подъ вліяніемъ призывовъ М. П-ча вспыхнули яркимъ огнемъ.» (Н. М. Мельниковъ.)

III.

М. П. Богаевскій былъ человекъ безпартійный. Ни въ студенческіе годы, ни во время преподавательской своей дѣятельности къ политическимъ партіямъ онъ не принадлежалъ. Онъ часто говорилъ, что его политическія убѣжденія и настроенія не вкладываются въ партійныя рамки, и партійная дисциплина его стѣсняетъ.

Не имѣлъ онъ и своей подробно разработанной программы.

Детали и мелочи политики и политическихъ программъ его никогда не интересовали. Государственныя формы жизни народа занимали его мало.

Но самый народъ, его нравы, бытъ, культура, правовой укладъ . . . все это его захватывало съ исключительной силой.

Еще будучи ученикомъ гимназіи онъ увлекался исторіей и литературой въ ущербъ остальнымъ наукамъ.

Будучи очень способнымъ и увлекающимся, онъ такъ весь отдался любимымъ предметамъ, что значительно опередилъ по нимъ своихъ товарищей. Остальные предметы были въ полномъ пренебреженіи . . . Онъ три раза въ теченіе гимназическаго курса оставался на другой годъ въ одномъ классѣ, поражая преподавателя и весь классъ дѣйственнымъ незнаніемъ математики . . . Онъ окончилъ курсъ гимназіи только благодаря выдающимся знаніямъ исторіи и литературы и проявленнымъ въ этой области большимъ способностямъ.

Здѣсь было его призваніе. Къ этимъ предметамъ онъ всю свою жизнь тянулся съ увлеченіемъ . . .

Съ душевной теплотой онъ относился къ народу, искалъ непосредственнаго съ нимъ соприкосновенія, изучалъ его въ обстановкѣ его быта; онъ ходилъ въ народъ для наблюденія, писалъ во время путешествія свои замѣтки, письма, полныя большого интереса . . .

Въ этомъ вопросѣ выявлялась ярко его романтическая натура . . . Народолюбецъ . . .

Такъ развился у него интересъ къ казачеству, къ его старинѣ къ его исторіи.

Исторію казачества онъ изучилъ въ совершенствѣ и воспроизводилъ ее въ своихъ лекціяхъ и рѣчахъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Онъ воскрешалъ донскую старину передъ слушателями, опозитизированной, прекрасной, увлекающей . . .

«Народникъ» . . . Это слово опредѣляло его общее міропониманіе, міроощущеніе . . .

Отсюда его сочувствіе къ тѣмъ политическимъ партіямъ, которыя интересы народа ставятъ въ основу своихъ программныхъ построеній. Но разрѣшеніе народныхъ интересовъ онъ видѣлъ только въ эволюціонномъ процессѣ. Здѣсь на этомъ пути прогрессъ . . . Нельзя сдѣлать втораго шага, не сдѣлавъ перваго . . . Исторія скачковъ не знаетъ . . .

«Эволюція» — это слово опредѣляло его отношеніе къ политическимъ партіямъ. Отъ своей тѣни не уйдешь, своей исторіи не вычеркнешь, народной психологіи и уклада народной жизни росчеркомъ пера не измѣнишь . . . И всячь рѣка не течетъ . . .

Партія реакціонная, а также партіи, строящія свою тактику и идеологію на революціи, сочувствія его не встрѣчали.

На Дону началось строительство политической жизни. М. П-чу суждено было стоять во главѣ политическаго движенія. Онъ долженъ былъ имѣть политическую программу. Онъ долженъ былъ и передъ собою и передъ другими ясно и точно опредѣлить, на чемъ стоять, куда идти, во что вѣрить . . .

И М. П-чъ сознавалъ, что насталъ моментъ опредѣлить точными словами символъ своей политической вѣры.

Безпартійность, отсутствіе политическаго лица обрекали на бездѣйствіе, на невозможность вліять на ходъ политическихъ событій . . . При отсутствіи политической программы невозможно приступить къ организаціи и объединенію казачества.

И М. П-чь разрѣшилъ эту задачу своеобразно, учитывая всѣ условія и особенности политической дѣятельности на Дону.

Онъ создалъ казачью программу . . .

Политическая жизнь на Дону развита не была. Политическая партійность распространялась лишь на тонкій слой донской интеллигенціи, не захватывая толщу казачества.

Казачи, съѣхавшіеся на свои Съѣзды и Круги, въ массѣ были люди безпартійные и политически не воспитанные . . .

Съ другой стороны, все казачество чувствовало себя стихійно объединеннымъ и спаяннымъ, какъ казачество, какъ народъ.

Эта стихійная казачья спайка не для всѣхъ была понятна и ясна въ основныхъ своихъ элементахъ, въ отдѣльныхъ своихъ линіяхъ и чертахъ, но всѣми одинаково ощущалась, какъ реальный фактъ.

М. П-чь видѣлъ необходимость выявить содержаніе казачьей идеологіи, казачьей политической платформы и программы. Предстояло вскрыть эту идеологію, развить ее, уточнить, дать ее сознать казачеству и на ней сознательно объединиться и укрѣпиться.

«Будучи безпартійнымъ», — говоритъ М. П-чь, — «я все таки, какъ гражданинъ, долженъ былъ держаться какого-либо берега. Для меня — «Казачество» въ это время и было моею программой и я ее держался».

Эта казачья программа выработывалась постепенно . . .

Передъ М. П-чемъ впервые появилось казачество въ массѣ, организованное . . . Онъ впервые получилъ удобный случай прислушаться къ біенію казачьяго сердца, вслушаться въ казачьи рѣчи, вникнуть въ казачьи думы, чаянія и устремленія, ознакомиться съ казачьими нуждами, потребностями . . .

Онъ подходилъ къ рѣшенію поставленной задачи съ большою осторожностью, обдуманностью, не преувеличивая своихъ силъ.

«Будучи учителемъ по профессіи, директоромъ гимназій», — говоритъ о себѣ М. П-чь, — «я не настолько былъ знакомъ съ общественными дѣлами, чтобы съ первыхъ же дней оказать серьезное вліяніе на выработку казачьей программы» . . . «На Апрельскомъ Казачьемъ Съѣздѣ въ Новочеркасскѣ я имѣлъ возможность прислушаться къ широкой казачьей массѣ» . . .

Казачья программа составлялась въ разное время, по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ. Казачья программа разрабатывалась въ отвѣтъ на требованія жизни самими казаками на Съѣздахъ, Кругахъ, подъ руководящимъ вліяніемъ М. П-ча.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ — участія казачества въ составленіи своей политической программы — заключается особенность ея и сила . . . Это давало возможность М. П-чу съ полнымъ основаніемъ подчеркивать въ своемъ «Отвѣтѣ передъ исторіей»: « . . . было бы жестокой ошибкой думать, что дѣло только въ вождяхъ. У казаковъ свой политическій смыслъ, и они его выявляли въ эти дни.»

М. П-чь не отрицалъ и не могъ отрицать своего вліянія на казачество. Но имя «вождя» казачества онъ допускалъ только въ

томъ смыслѣ, что онъ улавливалъ и выявлялъ настроеніе и мысли казачества и проводилъ ихъ въ постановленіяхъ Съѣзда и Круга и это отраженіе настроеній и мыслей казачества дѣлалось имъ съ большимъ мастерствомъ, рельефно, мѣтко, художественно.

Казачьей программы, на которой стоялъ и которую проводилъ въ жизнь М. П-чь и которая «была дорога старому казачеству», какъ специально записанной въ видѣ отдѣльныхъ положеній, систематизированныхъ, разбитыхъ по главамъ и отдѣламъ, не существуетъ. Сущность ея только въ общихъ чертахъ можно установить рѣчами М. П-ча, резолюціями Войсковыхъ Круговъ и Съѣздовъ, его письмами и литературными работами, а также частными бесѣдами.

Она такова:

«Безъ свободной Россіи никогда не будетъ Вольнаго Дона».

Форма правленія въ Россіи должна быть установлена Учредительнымъ Собраніемъ.

Россія должна устраиваться на основахъ народоправства.

Всѣ національности должны пользоваться широкимъ самоуправленіемъ.

Донъ — неотдѣлимая часть Великой Россіи.

Донъ и другія казачьи войска должны пользоваться широкимъ самоуправленіемъ по всѣмъ дѣламъ мѣстнаго характера съ сохраненіемъ своихъ историческихъ, бытовыхъ и правовыхъ формъ жизни, на началахъ автономіи.

Во главѣ Войска Донскаго долженъ стоять Войсковой Кругъ и выборный Войсковой Атаманъ, со всѣми историческими отличіями атаманской власти.

На Дону должно быть введено земское самоуправленіе на началахъ равноправія казачьяго и неказачьяго населенія области, но безъ «нянекъ-комиссаровъ» отъ центрального Россійскаго Правительства.

Войсковыя и юртовыя казачьи земли и нѣдра на Дону неприкосновенны, онѣ остаются собственностью Донскаго казачества.

Подъ предѣлательствомъ Митрофана Петровича на казачьихъ Съѣздахъ и Войсковыхъ Кругахъ выносились постановленія о республиканской формѣ правленія въ Россіи. Лично себя Митрофанъ Петровичъ никогда республиканцемъ не называлъ и приверженности къ этому строю не проявлялъ. Однако, противъ предлагаемыхъ формулъ о республиканской формѣ правленія въ Россіи не возражалъ, противъ этой формулы не боролся.¹⁾ На постановленія Съѣзда и Круговъ по этому вопросу онъ смотрѣлъ, какъ на словесныя формулы, которыя будутъ пересмотрѣны тогда, когда понадобится рѣшать это дѣло по требованію жизни, въ дѣловыхъ условіяхъ, специально, но не попутно и между прочимъ. Это былъ вопросъ тактики, но не программы.

¹⁾ И даже голосовалъ за эту форму правленія, находя, что послѣ крушенія монархіи, при фактически существующемъ республиканскомъ строѣ и при учетѣ настроеній по этому вопросу политическихъ партій и населенія, поскольку оно высказывалось, настаивать на какой-либо другой формѣ правленія было бы нецѣлесообразно.

Въ то время жизнь не требовала еще отъ казачества рѣшающаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Федеративная форма устройства Государства Россійскаго никогда сочувствія Митрофана Петровича не вызывала.

Онъ находилъ, что федерация распыляетъ Россію, ослабляетъ ея мощь и величіе. Федерация — эмблема развала, распада, разчлененія. Митрофанъ Петровичъ былъ автономистъ и широкую автономію Дона и казачьихъ войскъ считалъ необходимымъ условіемъ въ будущемъ строительствѣ Россійскаго Государства.

М. П-чъ руководилъ дѣлами Дона краткое время.

На мартовскомъ казачьемъ съѣздѣ онъ былъ предсѣдателемъ его, послѣ съѣзда остался въ должности предсѣдателя Казачьяго Исполнительнаго Комитета. На первомъ Войсковомъ Кругу былъ предсѣдателемъ его, затѣмъ избранъ товарищемъ Войскового Атамана. Въ этой должности оставался до 29 Января 1918 года, когда все Донское Правительство вмѣстѣ съ Войсковымъ Атаманомъ Калединымъ сложило свои полномочія.

Время было бурное, революціонное. Сосредоточиться на планомерной, систематической работѣ было невозможно.

Сорганизовавши наскоро свою власть, Донъ съ первыхъ дней своего самостоятельнаго существованія долженъ былъ вести борьбу за свои права... Сначала съ Временнымъ Правительствомъ по вопросу о мѣстномъ самоуправленіи на Дону, въ виду того, что Временное Правительство къ присланному съ Дона законопроекту сдѣлало существенныя и неприемлемыя для Дона дополненія о комиссарахъ отъ центральной власти для надзора за дѣятельностью органовъ самоуправления.

М. П-чъ рѣшительно возражалъ противъ «нянекъ-комиссаровъ», и законъ Временнаго Правительства былъ отвергнутъ...

Затѣмъ Временное же Правительство подняло дѣло о мятежѣ на Дону, устранивъ отъ должности Войскового Атамана Каледина и потребовавъ его въ Ставку Главнокомандующаго для суда надъ нимъ. Войсковой Кругъ оправдалъ Войскового Атамана А. М. Каледина, вновь избравъ его на должность Войскового Атамана и запретилъ ему выѣздъ съ Дона, а предложилъ Временному Правительству назначить слѣдственную комиссію для разслѣдованія дѣйствій Войскового Атамана на мѣстѣ.

Послѣ паденія Временнаго Правительства началась вооруженная борьба съ совѣтской властью.

Мобилизація вооруженныхъ силъ... Внутреннія тренія въ виду развитія въ Области большевистскихъ настроеній и организацій...

Все это слишкомъ накаляло атмосферу... Дѣлало работу напряженно-нервной...

Дѣлалось то, что вызывалось необходимостью, потребностью данной минуты...

Первый вопросъ, поставленный жизнью, былъ объ организаціи казачества... Оно въ вихрѣ революціонныхъ событій должно быть объединеннымъ и сильнымъ, способнымъ дать отпоръ врагамъ своимъ...

Такъ въ борьбѣ за свое право и самостоятельное существованіе родилось прежде всего казачье самоуправленіе — Войсковой Кругъ и выборный Войсковой Атаманъ.

Этотъ пунктъ казачьей программы осуществленъ полностью.

Войсковымъ Кругамъ и Войсковымъ Атаманамъ пришлось сыграть главную роль въ новѣйшей исторіи казачества, въ его вооруженной борьбѣ. Это-мозгъ и воля казачества...

Воскрешеніе этой старинной формы казачьяго самоуправления-главнымъ образомъ, дѣло рукъ М. П-ча.

И имя М. П-ча неразрывно связано съ Войсковыми Кругами, Выборными Атаманами и со всѣмъ тѣмъ, что Войсковые Круги и Выборные Атаманы сдѣлали для казачества.

Второй вопросъ — о земскомъ самоуправленіи. Введеніе земства на Дону — старый и большой вопросъ. Много лѣтъ шла изъ за него борьба на Дону. Создавались комиссіи, которыя изслѣдовали это дѣло, подготавливали матеріалы для его рѣшенія, настаивали на необходимости введенія земства, были анкеты среди казачества о желательности земства, были горячіе сторонники этого дѣла, видѣвшіе въ земствѣ способъ экономическаго и хозяйственнаго возрожденія казачества, но были и противники земства, опасавшіеся, что казачество утратитъ изъ за земства свой военный характеръ свое казачье лицо...

Послѣ государственнаго переворота вопросъ естественно выплылъ на поверхность... Два обстоятельства толкали на его разрѣшеніе. Съ одной стороны хозяйственная разруха и недочеты въ агрономическомъ дѣлѣ, въ медицинскомъ, санитарномъ и школьномъ дѣлѣ, въ путяхъ сообщенія и пр. — говорили о большой отсталости Дона въ сравненіи съ сосѣдними земскими губерніями.

Съ другой стороны — необходимость урегулировать жизнь казачьяго элемента Области — въ городахъ и деревняхъ, приобщить ихъ къ управленію Областью.

Новыя вѣянія политической свободы говорили о возможности расширить права самоуправления.

Возникла мысль о предоставленіи Областному Земскому Собранію права законодательства по мѣстнымъ вопросамъ.

Мысль объ автономномъ управленіи Дона впервые появляется и скромно осуществляется въ разработанномъ на Первомъ Войсковомъ Кругѣ законопроектѣ.

Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1917 года, когда разработанный законопроектъ былъ направленъ Временному Правительству на утвержденіе. Этотъ законопроектъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ намѣчалъ направленіе политической жизни Дона на основахъ равноправія казачьяго и неказачьяго населенія Области.

Для управленія казачьими землями, капиталомъ и имуществомъ, для завѣдыванія специально казачьими дѣлами (военная служба и пр.) было выработано особое Положеніе о Казачьемъ управленіи.

Но въ жизни это направленіе не осуществилось, по обстоятельствамъ, стоящимъ внѣ воли казачества и его руководителей.

Временное Правительство по неизвестнымъ, по крайней мѣрѣ, не высказаннымъ мотивамъ, сдѣлало существенное дополнение къ законопроекту, поставивши органы земскаго самоуправления подъ надзоръ и контроль представителей центральной власти, комиссара Временнаго Правительства.

Донское Правительство высказалось отрицательно противъ Комиссаровъ, которыхъ М. П-чъ называлъ «няньками», и не пожелало вводить земство съ такимъ придаткомъ. Можетъ быть и возможно было придти къ соглашенію съ Временнымъ Правительствомъ по этому вопросу... Но наступили другія событія.

Временное Правительство предъявило къ Донскому казачеству нелѣпное обвиненіе въ «мятежѣ» и вызвало у казачества враждебное и недоверчивое къ себѣ отношеніе. Дѣло приняло серьезный характеръ, и въ это время было уже не до земскаго самоуправления... Войсковой Кругъ былъ вовлеченъ въ борьбу съ Временнымъ Правительствомъ дѣломъ Войскового Атамана А. М. Каледина.

Съ другой стороны... Донское крестьянство стало организовываться лицами, враждебно относящимися къ казачеству и его руководителямъ. Они воспитывали крестьянство въ недоверіи къ казачеству. Попытки сговориться, которыя дѣлали Войсковой Атаманъ и М. П. Богаевскій на крестьянскихъ сѣздахъ, ни къ чему не приводили. Крестьянство все свое вниманіе обращало на землю и выступало съ лозунгомъ: «ни войсковыхъ, ни юртовыхъ земель». Казачество на это не пошло и къ соглашенію не пришли...

При такомъ настроеніи о введеніи въ жизнь законопроекта о земствѣ, даже если бы онъ былъ утвержденъ Временнымъ Правительствомъ безъ измѣненія надѣяться не приходилось...

Когда пало Временное Правительство, Донъ, не признавая Совѣтской власти, отгородился отъ Совѣтской Россіи, и установилъ на Дону Верховную власть. Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и М. П. Богаевскій, полагавшіе, что «нельзя управлять краемъ, опираясь на одну группу населенія» — пытались установить на Дону общую краевую власть, изъ представителей казачьяго и неказачьяго населенія, на началахъ равноправія въ равномъ количествѣ.

Было рѣшено созвать Учредительное Краевое Собраніе изъ Войскового Круга и Сѣзда иногороднихъ, которое и должно было организовать краевую власть.

Это было тяжелое время, когда часть Области уже была занята большевистскими войсками, пробивавшимися къ Каменской станицѣ.

Войсковой Кругъ въ назначенное время состояться не могъ за неприбытіемъ депутатовъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, — значительная часть сѣверныхъ округовъ занята была совѣтскими войсками. Сѣздъ иногородняго населенія избралъ 8 человекъ членовъ Правительства, которые и вошли въ составъ Донскаго Правительства, гдѣ было 8 членовъ отъ казаковъ.

Это было названо «паритетомъ».

Ожидали отъ «паритетной власти» примиренія враждующихъ элементовъ въ Области, дружнаго и совмѣстнаго съ казаками выступленія неказачьяго населенія противъ большевистскихъ войскъ...

Ожиданія не оправдались, надежды не сбылись...

Большевистская волна захлестнула Донъ и смела донскую власть, паритетное правительство.

V.

Не ограничиваясь преподавательской дѣятельностью, М. П-чъ посвящалъ много времени серьезнымъ научнымъ занятіямъ по исторіи. Съ большой любовью работалъ онъ главнымъ образомъ надъ Донской исторіей.

Спеціальной разработкой вопросовъ исторіи казачества корифеи исторической науки не занимались. Такіе авторитеты, какъ Ключевскій, считали себя мало компетентными въ казачьихъ вопросахъ, о чемъ откровенно онъ говорилъ нашимъ Донцамъ, занимавшимся исторіей и обращавшимся къ нему за совѣтомъ и руководствомъ.

Донскіе историки, хотя и посвящали много труда изученію Донской исторіи, и собрали много интереснаго историческаго матеріала, все же исторія Дона считается недостаточно разработанной, да и самое занятіе этимъ предметомъ не только не поощрялось, но считалось съ одной стороны дѣломъ предосудительнымъ, неблагонадежнымъ, съ другой стороны — небезопаснымъ.

Такіе вопросы, какъ время появленія казачества, его этнографическое происхожденіе, время расселенія на Дону, истинныя причины появленія казаковъ на «Дикомъ Полѣ» и пр., и пр., считаются до сихъ поръ еще окончательно не установленными.

Да и прагматической исторіи Дона также не имѣется. Весь имѣющийся печатный матеріалъ скорѣе можно назвать описаніемъ отдѣльныхъ выдающихся историческихъ событій безъ выясненія ихъ внутренней логической связи между собою и безъ достаточнаго выясненія причинъ, подготовившихъ и вызвавшихъ эти событія.

М. П. Богаевскій, углубившись въ Донскую исторію, увидѣлъ необходимость большой кропотливой научной работы... И онъ за эту работу принялся со свойственнымъ ему увлеченіемъ. Онъ изучилъ Донской музей, официальные акты, тамъ хранящіеся, — грамоты, указы и пр. вещественные знаки, относящіеся къ различнымъ историческимъ событіямъ и лицамъ (медали, оружіе, кубки, знамена, монеты и пр.). Онъ изучалъ историческій матеріалъ, хранящійся въ разнаго рода бібліотекахъ.

Намѣчены были темы для разработки, разработаны въ видѣ монографій отдѣльные вопросы. Работалъ онъ подъ руководствомъ и указаніемъ проф. Платонова, который поощрялъ работы своего ученика, признавая за нимъ способности.

Въ одномъ письмѣ къ М. П. Богаевскому проф. Платоновъ писалъ еще въ декабрѣ 1911 года:

«Ваше сочиненіе я призналъ весьма удачнымъ и завтра сдаю его въ канцелярію университета. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что вы можете научно работать надъ историческимъ матеріаломъ и нравственно вы обязаны приложить свои способности къ изученію вашей родины — Дона».

«Вы понимаете первоисточникъ, ясно строите схему, можете заставить цитату за васъ выразить вашу мысль, вмѣсто ученыхъ фразъ языкомъ эпохи. Это залогъ ученаго успѣха. Работа ваша пока набросокъ, конечно, ее надобно совершенствовать далѣе. Освѣщеніе матеріала останется такимъ-же, но изученіе углубится».

Взгляды ваши на исторію Дона, по моему, правильны. Вамъ остается только почаще оглядываться на общую связь явленій мѣстной исторіи съ явленіями обще-російскими и черноморскими (татаро-турецкими). Для меня лично интересно, что вы обратили вниманіе на тотъ вопросъ, который я ставилъ харьковскому археологическому съѣзду: «Когда донское войско стало коннымъ?» — Разумѣется, не въ XVII в., какъ вы правильно и думаете. Желаю вамъ успѣха въ начинаніяхъ по мѣстной исторіи. Преданный Вамъ С. Платоновъ».

Накопленные и систематизированные свѣдѣнія по Донской исторіи были использованы пока М. П-чемъ въ тѣсномъ кругу гимназической аудиторіи Новочеркасской и Каменской гимназій, и на засѣданіяхъ Войсковыхъ Круговъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему случалось разъяснять Донскую старину.

И ученики М. П-ча и члены Бойскового Круга сохранили благодарную память за сообщенныя имъ въ художественной формѣ богатые свѣдѣнія по родной исторіи. Многія научныя историческія работы М. П-ча широкой публикѣ еще неизвѣстны, но цѣнность ихъ засвидѣтельствована авторитетнымъ историкомъ.

Условія эмигрантской жизни не позволяютъ намъ пока использовать написанное М. П-чемъ по исторіи Дона.

Ему предстояла большая научная карьера. Для этого у него были не только любовь къ научнымъ занятіямъ, но и духовныя и литературныя способности.

VI.

Заканчивая краткую характеристику М. П. Богаевского въ основныхъ чертахъ его, поскольку она проявилась на исторической сценѣ за послѣднее время его жизни, необходимо отмѣтить, что безжалостная смерть оборвала его жизнь въ тотъ моментъ, когда богатая натура его стала выявляться въ жизни, въ дѣйствіи, въ творчествѣ, въ яркихъ формахъ и въ большомъ размахѣ. Большая широкая красочная натура неограниченныхъ возможностей.

Многое имъ сдѣлано. Неизмѣримо больше должно было быть сдѣлано.

Время его дѣятельности было не временемъ программъ, реформъ, государственнаго мирнаго строительства. Это было время жестокой, гражданской, братоубійственной борьбы, не знающей ни милосердія, ни пощады. И все, что дѣлалось въ это время въ области гражданскаго строительства, имѣло одинъ смыслъ, одно значеніе: — объединить силы для успѣшной борьбы.

М. П-чъ отдавалъ себѣ полный отчетъ въ той неблагоприятной обстановкѣ, въ которой приходилось работать. Онъ любилъ говорить, что «въ народѣ лежитъ въ настоящее время одна сила — это сила разрушающая. Силы созидающей нѣтъ».

И въ этомъ разгулѣ разрушительной стихіи — заниматься творчествомъ, созиданіемъ, организаціей, выявленіемъ созидающихъ народныхъ силъ, можно было только съ тѣмъ огромнымъ запасомъ духовныхъ силъ, которыми обладалъ этотъ неутомимый вождь и борецъ казачества.

Подводя итоги дѣятельности М. П. Богаевского на Дону, мы должны отмѣтить существенное и главное.

Въ атмосферѣ анархіи, развала, распада и разнузданности — онъ явился въ творческой роли организатора, духовнаго руководителя, вдохновителя и борца за интересы и идеалы казачества, за которые и отдалъ свою жизнь.

Онъ ушелъ отъ насъ, обвѣянный большой и трогательной любовью казачества.

И чѣмъ больше мы отъ него отходимъ, тѣмъ духовный образъ его становится выше и величественнѣй и привлекательнѣй . . .

За нимъ не только шли, — имъ гордились . . . Онъ такой высоко-чистый въ своей частной и семейной жизни, трогательно-нѣжный и незлобивый въ родственномъ кругу и въ отношеніяхъ къ чужимъ . . .

Благодарное казачество будетъ вѣчно чтить его свѣтлую амять.

К. Каклюгинъ.

ДОНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ КО ВРЕМЕНИ РЕВОЛЮЦІИ.

Не сохами-то славная землюшка наша распахана,
 Распахана наша землюшка лошадиными копытами . . .
 А засѣяна славная землюшка казацкими головами . . .
 Украшенъ-то нашъ Тихій Донъ молодыми вдовами,
 Цвѣтенъ нашъ батюшка, Тихій Донъ — сиротами,
 Наполнена волна въ Тихомъ Дону отцовскими, мате-
 ринскими слезами.

* * *

Но и гордъ нашъ Донъ, тихій Донъ, нашъ батюшка;
 Басурманину онъ не кланялся, у Москвы, какъ жить,
 не спрашивался . . .
 А съ туретчиной по потелицѣ шашкой острою вѣкъ
 здоровкался . . .
 А изъ года въ годъ, степь Донская, наша матушка,
 За пречистую мать Богородицу, да за вѣру свою —
 православную,
 Да за вольный Донъ, что волной шумитъ, въ бой звала
 со супостатами.

(Сборникъ — сказаній, былинь, пѣ-
 сенъ — Кирѣева. Изд. 1884 года.

„Не сохами“ — старинная, забытая
 пѣсня).

Двѣ даты; 1905—6-ой годъ и 1917 годъ . . .

Въ 1905—6 году внѣ всякихъ сомнѣній, какъ Монархію, такъ
 и Императорскую Россію — спасли, главнымъ образомъ, казаки.
 Въ 1917 году, совершенно неожиданно для многихъ представителей
 различныхъ политически-общественныхъ круговъ, — казаки отка-
 зались поддержать и монархію и тотъ государственный строй, кото-
 рый двѣнадцать лѣтъ назадъ, — при огромномъ напряженіи мате-
 ріальныхъ и моральныхъ силъ, они пошли защищать.

Казалось бы, что такое рѣзкое измѣненіе въ казачьемъ настро-
 еніи, — за незначительный сравнительно промежутокъ времени, —
 является съ соціальной точки зрѣнія необъяснимымъ и даже не-
 понятнымъ.

Какъ могло случиться, что за двѣнадцать лѣтъ въ казачьей
 психологіи и въ міросозерцаніи казачьей массы произошелъ рѣши-
 тельный сдвигъ, въ пользу революціонныхъ настроеній, выявилось
 отрицательное отношеніе къ Императорской Россіи и появились сим-
 патіи къ республиканскому строю? . . .

Для мало знающих казачество, для нежелающих вникнуть в сущность казачьей психологии, в особенности казачьего быта и в общее экономическое положение казачьих краев — на «Шипкѣ» было все спокойно и все благополучно.

Какъ и прежде, в казачьихъ Областяхъ управляли Наказные Атаманы, руководилъ всею казачьей жизнью Военный Совѣтъ и Главное Управление казачьихъ войскъ, — какъ и прежде — слѣдовали донесенія и доклады и съ улыбкой снисхожденія отмахивался Петербургъ отъ «казачьихъ дѣлъ» изрѣдка возбуждаемыхъ болѣе беспокойными Наказными . . .

А казаки, какъ и «старъ» служили «вѣрой и правдой» государству и, передъ иностранцами и иностранными дипломатическими миссиями демонстрировалась, какъ грозная, степная, стихійная сила «на страхъ внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ» . . .

И казалось страннымъ, чтобы среди казаковъ могло возникнуть какое-либо недовольство, тѣмъ болѣе, что Высочайшіе Манифесты и Грамоты — неоднократно подтверждали казачьи «права и привилегіи», а въ «воздаяніи заслугъ», хотя бы Донского Войска — разные лица, зачастую совершенно чужды казачеству, не приносящая никакой пользы Войску, — производились въ Генералъ-Адъютанты и зачислялись въ свиту Его Величества.

И если сравнить казачье настроеніе 1905—6 года съ настроеніемъ 1917 года, то невольно у многихъ «иногородныхъ» возникаетъ вопросъ: какъ за такой краткій двѣнадцатилѣтній срокъ, вопреки всемъ выводамъ о «благополучіи» казачество оказалось какъ будто бы подготовленнымъ къ революціи . . .

Но если бросить взглядъ на исторію казачества хотя бы ближайшихъ десятилѣтій до революціоннаго періода, — то разница въ казачьихъ «дѣйствіяхъ» 1905—6 года и 1917 года станетъ понятной — какъ станетъ понятнымъ и рядъ вопросовъ, выдвигаемыхъ представителями, главнымъ образомъ, монархическихъ круговъ, — какъ въ періодъ переоцѣнки революціонныхъ цѣнностей, такъ и въ періодъ «донского возстанія» и собиранія русскихъ силъ, для возстановленія поруганной и униженной родины, — возрожденія Великаго Русскаго Государства.

Обыкновенно вопросы «представителей», сводились къ одному:

Какимъ образомъ донскіе казаки, обласканные Монархомъ, — такъ легко присоединились къ революціи . . . И, неужели, казаки, собственники, имѣющія огромныя земельныя угодья и особыя «права и привилегіи», не понимали того, что революція несетъ въ ихъ ряды полную переоцѣнку цѣнностей, ихъ историческаго уклада жизни и подчинить казаковъ «соціалистическо-пролетарской» гегемоніи, столь чуждой казачьей психологии и быту.

Но кромѣ недоумѣнія «правыхъ» необходимо отмѣтить и то, что рядомъ съ этимъ «недоумѣніемъ», въ періодъ революціи, — казачество, подвергаясь различнымъ нападкамъ, — было «взято подъ подозрѣніе» и демократіей.

Исторически сложившейся казачьей общинѣ, — стремившейся возвратитъ свои права и не утонуть въ революціонномъ хаосѣ,

представители (не говоря уже о большевикахъ) «свободной демократіи» не вѣрили. (Калединскій мятежъ и т. д.)

Казачье стремленіе къ организаціи, къ государственному правовому порядку, разцѣпилось какъ «контръ-революція», а желаніе у себя на Дону предотвратитъ анархію — котировалось, какъ порабощеніе «трудоваго крестьянства» и «удары въ спину революціи» . . .

Въ періодъ же «блага движенія», русскіе — «государственно-мыслящіе» круги, — въ своемъ невѣрїи въ казачество, трогательно соединились съ демократическимъ недовѣріемъ. Представители же «демократіи», бѣжавшіе отъ большевиковъ на Донъ, — приклеившись къ «бѣлому движенію», въ коемъ было 80% казаковъ, — стали совместно съ «государственно-мыслящими», упрекать уже казаковъ не въ «контръ-революціи» а въ «самостійности» и недостаточной преданности идеѣ «Великой и Недѣлимой» . . .

Создался заколдованный кругъ — взаимныхъ непониманій и недоразумѣній . . .

Въ общемъ ни тѣ, ни другіе казачества не знали, казаковъ не понимали и не потрудились узнать — ни понять . . .

Каково же было дѣйствительное настроеніе донцовъ, особенно «фронтниковъ» къ моменту переворота?

До революціи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, благодаря методамъ управленія казачьими областями, центральной властью въ казачьей массѣ культивировалось недовольство существующимъ порядкомъ вещей . . .

Это недовольство — накоплялось десятками лѣтъ и создало у казаковъ «недовѣріе къ начальству» . . .

Если не углубляться въ дебри исторіи, а взять только позднѣйшій періодъ казачьихъ «недоразумѣній съ центральной властью», то станетъ ясно, что почва, какъ для недовольства, такъ и для недовѣрія, — была господами «управляющими» подготовлена въ достаточной мѣрѣ.

Цѣлыми десятилѣтіями донское казачество велось къ оскудѣнію и приучалось къ мысли, что отъ казачьихъ «правъ и привилегій» — остались одни только историческія воспоминанія.

Несмотря на «Царскія грамоты и Высочайшіе манифесты» узаконяющіе казачьи «права и привилегіи», казачій бытъ перекраивался такъ, какъ это было удобно Петербургу, у казаковъ постепенно складывалось убѣжденіе, что — «жалуетъ Царь, да не милуетъ псарь» . . .

Въ 1881 году скрытое и бродившее «недовольство» выявляется въ открытій протестъ въ видѣ особой докладной записки представителей станицъ на Высочайшее Имя.

Основаніемъ для протеста послужила дѣятельность «Областного» и «Окружныхъ» по земскимъ дѣламъ комитетовъ и борьба съ Петербургомъ за введеніе на Дону земства примѣнительнаго къ условіямъ жизни края и казачьего быта.

Въ 1881 году станичные представители, въ связи съ выдвинутымъ вопросомъ о земствѣ и работами Комиссіи 106-ти, — въ своей запискѣ на Высочайшее Имя — рѣшительно заявили:

«Если и послѣ нашего заявленія останется земское управленіе въ настоящихъ его формахъ и будетъ облагать насъ деньгами, то полагаемъ, что казаки сочтутъ это нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и окажутъ сопротивленіе».

Предупрежденіе о возможности «сопротивленія» — достаточно ярко характеризуетъ настроеніе казаковъ.

Въ этой же запискѣ, станичные представители требовали: «введенія выборнаго, представительнаго управленія всѣмъ войсковымъ хозяйствомъ и войсковыми финансами. . .»

Такимъ образомъ, въ 1881 году представители казачества высказывались за предоставленіе населенію гораздо болѣе широкихъ полномочій, чѣмъ это предусматривалось «Обще импер. земскимъ положеніемъ» и дѣлали попытку частичнаго возстановленія своихъ историческихъ правъ.)

Эта записка была крикомъ жизни, такъ какъ казачье благосостояніе съ каждымъ годомъ ухудшалось и грозило войску окончательной катастрофой.

Въ послѣдніе годы передъ революціей Донское Войско, — благодаря общей системѣ управленія центра казачьими областями, — было доведено почти до окончательнаго финансоваго и экономическаго кризиса.

Въ 1906 году, Областное Правленіе въ своемъ донесеніи Главному Управленію казачьихъ войскъ, за подписью Нак. Атамана кн. Одоевскаго-Маслова, охарактеризовало слѣдующимъ образомъ положеніе финансовъ:

«При исполненіи бюджетныхъ предположеній Донское Войско въ недалекомъ будущемъ будетъ поставлено въ совершенную невозможность выполнить лежащая на немъ обязанности по войсковой повинности и по управленію Областью . . .», и далѣе — «. . . придется упразднить мѣстныя правительственныя учрежденія . . .»

Такое состояніе Войсковыхъ финансовъ, усугублялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что неоднократно, по требованію военнаго министерства, донцами отпускались заимообразно государству изъ войсковыхъ средствъ весьма значительныя суммы, но послѣднія обратно не возвращались, несмотря на неоднократныя просьбы Областнаго Правленія и Наказныхъ Атамановъ.

Задолженность Государства — Войску къ 1910 году — выразилась въ нѣсколькихъ милліонахъ рублей.

Благодаря такой «задолженности», у войска свободныхъ капиталовъ не было.

Такое положеніе финансовъ создало критическое положеніе, такъ какъ всѣ необходимыя улучшенія экономическаго характера срочнаго порядка, а также мѣры по облегченію тяжелаго матеріальнаго положенія многихъ станицъ — оставались только въ области пожеланій.

Съ мобилизаціей 2-хъ и 3-хъ очередныхъ полковъ для «подавленія безпорядковъ», казачьимъ хозяйствамъ былъ нанесенъ новый матеріальный ударъ, который еще больше осложнилъ «хозяйствен-

²⁾ Матеріаль Комиссія 106-ти — 1881 года. Введеніе на Дону земства.

ныя» затрудненія Войска. Не говоря уже о полномъ нарушеніи казачьихъ правъ и «условіи военной службы казаковъ и матеріальнаго ущерба нанесеннаго казачьему «карману», — эта мобилизація для подавленія «аграрныхъ безпорядковъ» и «полицейская служба» — возбудила въ казакахъ симпатіи и жалость къ «укрошаемымъ» и рѣзкое недоброжелательство къ власти.

Участіе же казаковъ въ «подавленіи безпорядковъ» — возстановило противъ ѣнихъ не только «темную» крестьянскую массу, но и «сознательную демократію» — которая въ дни революцій этотъ фактъ демагогически варьировала на разные лады, награждая казаковъ эпитетами: «нагаечниковъ», «опричниковъ» и «вѣрными лакеями буржуазіи» и т. д.

Въ 1907 году генералъ Самсоновъ, назначенный Наказнымъ Атаманомъ, въ рѣчи, обращенной къ представлявшимся ему чинамъ Войска, между прочимъ сказалъ, что онъ считаетъ необходимымъ «поддержать и поднять на должную высоту военный духъ и воинскую доблесть казачью . . .» Но стоило только ген. Самсонову ближе ознакомиться съ казачествомъ и его экономическимъ положеніемъ, какъ ему стало ясно, что о поднятіи «духа» нечего и думать, пока это положеніе не измѣнится къ лучшему. Съ этого момента дѣятельность ген. Самсонова, главнымъ образомъ, была направлена въ сторону поднятія хозяйственнаго благосостоянія населенія и устраненія причинъ «подрывающихъ хозяйственный бытъ казаковъ». Срочнымъ мѣропріятіемъ противъ оскудѣнія казачества ген. Самсоновъ считалъ введеніе земства, но эта мѣра была, какъ и раньше, ввиду ея несвоевременности, Петербургскими сферами отвергнута . . .

Ушелъ ген. Самсоновъ и снова объ улучшеніи казачьяго экономическаго положенія въ 1911 году — громко, по солдатски, безъ «придворныхъ ухищреній» заговорилъ Наказный Атаманъ ген. Мищенко, но и его «представленія» остались безъ отзвука . . .

Несмотря на Высочайшія грамоты, въ каждомъ царствованіи подтверждающія «казачьи права и привилегіи и незыблемость казачьихъ правъ на землю» — эти «права» грубо попирались правящими кругами.

Лучшіе участки казачьей земли, помимо войска, — въ «вѣчное владѣніе въ воздаяніе заслугъ передъ Россійскимъ Государствомъ» — нарезывали штабъ — и оберъ-офицерамъ. Этимъ «воздаяніемъ» раздѣлили казачью здоровую общину на «привилегированныхъ» и рядовыхъ казаковъ. Здѣсь были брошены первыя зерна недовѣрія «рядовыхъ» къ своимъ «старшинамъ».

Созданъ классъ помѣщиковъ. Крестьяне прикрѣплены къ землѣ, для чего опять таки потребовалось дополнительное отчужденіе войсковой земли и, снова лучшей земли. Результатомъ такого «прикрѣпленія», — возникъ впервые на Дону большой вопросъ: казачьихъ и крестьянскихъ правъ и взаимоотношеній. Помимо «отчужденія» въ пользу помѣщиковъ, — плодороднѣйшіе участки (цѣлину) Войсковой земли распоряженіемъ изъ Петербурга были розданы въ долгосрочную аренду коннозаводчикамъ, по 3 копѣйки

съ десятины. Съ потерей земли — Войско ежегодно теряло сотни тысячъ рублей дохода.

На Войсковые и станичные участки земли, неожиданно для казаковъ, на основаніи «Обще-имперскихъ» законовъ, — была распространена десятилѣтняя давность.

Благодаря такому разъясненію Правительствующаго Сената о давности и разрѣшенію помѣщикамъ-казакамъ продавать полученные ими земельные надѣлы, — на Дону возникъ уже не только большой крестьянскій вопросъ, но и болѣе острый — вопросъ объ инопородныхъ.¹⁾

Такимъ образомъ въ цѣломъ казачьемъ организмѣ произведено было искусственное расслоеніе.

Одной изъ срочно-необходимыхъ мѣръ для поднятія казачьяго благосостоянія считалось введеніе земства, примѣнительнаго къ условіямъ жизни края. Вопросъ о земствѣ поднимался послѣдовательно съ 1881 года въ комиссіи 106-ти, въ 1882 году — ком. ген.-л. Кутейникова, въ 1899 году — ком. ген.-лейт. Грекова, въ 1903 году — ком. тайн. сов. Лемана (неожиданно закрытой), въ 1895 объединеннымъ засѣданіемъ Областного Правленія и Областного земскаго Комитета, въ 1899 году вновь ком. ген.-лейт. Маслакова, въ 1904 году — Областной и всѣ окружные сельско-хозяйственные комитеты, избирательныя собранія для выборовъ мировыхъ судей, въ 1905 и 1907 году Областное Правленіе и Нак. Атаманъ Самсоновъ, въ 1908 году, станицы и Областное дворянство и за «немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ широкаго мѣстнаго самоуправленія на выборныхъ началахъ» — высказались Государственный Совѣтъ и Государственная Дума. Но всѣ эти попытки ни къ чему не привели.

А рядомъ съ этимъ, Наказный Атаманъ кн. Святополкъ-Мирскій росчеркомъ пера упраздняетъ во всѣхъ окружныхъ станицахъ мужскія и женскія гимназіи и прогимназіи, и эта мѣра кормившагося и поправлявшаго свое состояніе на Дону князя была узаконена центральной властью.

Всѣ ходатайства отдѣльныхъ станицъ и Войска о тѣхъ или иныхъ улучшеніяхъ хозяйственнаго быта сталкивались съ «вето» Военнаго Совѣта и Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ составѣ котораго не было ни одного казака. Каждая копѣйка собственныхъ казачьихъ денегъ зависѣла отъ незнакомаго съ казачьимъ бытомъ Военнаго Совѣта.

Существуетъ историческій анекдотъ:

«Кривянская станица при поддержкѣ сосѣднихъ станицъ неоднократно добивалась постройки дамбы. Станица во время весенняго разлива, а затѣмъ распутицы, совершенно отрѣзывалась отъ Новочеркасска. Эта дамба была необходима и другимъ станицамъ, какъ путь сообщенія во время осенняго и весенняго бездорожья съ Новочеркасскомъ.

Военный Совѣтъ каждый разъ отклонялъ это ходатайство.

¹⁾ Вопросъ «крестьянскій и инопородный» — во время борьбы казачества съ большевиками сталъ особенно острымъ и болѣзненнымъ.

При свиданіи ген. Грекова (помощника Нак. Атамана по гражданской части) кое съ кѣмъ изъ членовъ Военнаго Совѣта онъ былъ просто огороченъ неожиданнымъ выводомъ:

Къ чему дамба казакамъ? Что-жь, что разливъ. И отлично... Казакамъ необходимо для поддержанія удали — предоставить возможность плавать. Вашимъ «малолѣткамъ» это особенно полезно...

«Ваше превосходительство. Да вѣдь съ повозками не поплывешь, вѣдь дѣло идетъ о путяхъ сообщеній. Кривяницы съ городомъ имѣютъ торговые дѣла...»

«Вотъ и отлично... пусть учатся на бурдюкахъ переправляться... а тамъ, въ случаѣ войны, ни передъ какой рѣкой не останутся...»¹⁾

Общему «политическому курсу» по отношенію Донцовъ приходится особенно поражаться, такъ какъ рядомъ съ «ущемленіями» Донскаго Войска, — Уральское пользовалось широкимъ правомъ хозяйственнаго самоуправленія. Ни Наказной Атаманъ, ни администрація — не имѣли права вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія войскового съѣзда. Послѣдній былъ въ области экономической полнымъ хозяиномъ въ Войскѣ.

Землепользованіе тоже было ограждено отъ всякихъ посягательствъ. Каждый казакъ пахалъ тамъ, гдѣ хотѣлъ. Размѣръ участка опредѣлялся количествомъ десятинъ, захваченныхъ казачкомъ «пѣшимъ обходомъ» отъ восхода — до захода солнца. Вся земля принадлежала Войску. Право пользования рѣкой Ураломъ, было также исключительной привилегіей Уральцевъ. Уральцевъ не трогали.²⁾

Рядомъ съ ударами по казачьему карману шли удары по казачьему самолюбію.

Вмѣсто выборныхъ Атамановъ появились Наказные Атаманы, назначаемые не только не изъ казаковъ, но даже не изъ уроженцевъ Дона.

Императоръ Александръ II окончательно закрѣпилъ это положеніе, отдавъ категорическій приказъ:

«... ни одного казака кандидатомъ въ Наказные Атаманы не представлять и казаковъ Атаманами не назначать...»³⁾

Строевыя части, разбросанныя главнымъ образомъ по кавалерійскимъ дивизіямъ, были «пасынками» арміи и переносили не мало горя и ударовъ по самолюбію отъ «солдатскихъ генераловъ», какъ называли казаки начальниковъ регулярныхъ дивизій.

Командирами гвардейскихъ казачьихъ полковъ назначались — не казаки.

Во время же войны казачьи полки и дивизіи раздавались для полученія «георгіевскихъ крестовъ офицерамъ регулярной кавалеріи.»

¹⁾ Изъ дневника воспоминаній ген. Грекова.

²⁾ Положеніе объ управленіи Уральскихъ Войскахъ. Это положеніе сравнительно съ земскими — предусматриваетъ во многихъ случаяхъ и «казачій бытъ и привилегіи» и даже «уральскія вольности», совершенно изыятныя у Донцовъ, Астраханцевъ, Оренбурцевъ, Кубанцевъ и Терцевъ.

³⁾ «Казачье горе» — писатель Карасевъ.

Казачью удаль, доблесть, особенную сноровку въ конномъ дѣлѣ, посадку, владѣніе оружіемъ — убивали мертвечиной уставныхъ придирокъ.

Казачьи офицеры были въ загонѣ, держались въ «черномъ тѣлѣ». Движеніе по службѣ было настолько ограниченное, что чинъ есаула считался «гробовымъ» чиномъ, а войсковой старшина въ отставку для 90% офицерскаго состава Войска было предѣломъ достиженія.

Вѣчно цыганская жизнь, благодаря «льготѣ», разоряла офицеровъ, а урѣзанное льготное жалованье (кромѣ артиллеристовъ) заставляло ихъ терпѣть матеріальныя лишеныя.

О «казачьемъ горѣ» можно написать цѣлые томы и естественно, что среди казачьей интеллигенціи и въ казачьей массѣ росло недоверіе къ царскому «окруженію». И въ то время, какъ въ Петербургѣ была брошена игривая фраза:

«Что казаку нужно? Донцу — шашка, да пика . . . а пластуну пузо . . . И все будетъ благополучно . . .», — фраза, ставшая линіей поведенія сановныхъ сферъ по отношенію казачества, — въ душѣ казака хлѣбороба падалъ ореолъ Царской власти, убивался символъ вѣры, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ . . .»

Казакъ сталъ понимать что Войско Донское, это словно вотчина, даваемая, какъ въ старину, «на откормленіе боярскаго живота» разнымъ лицамъ, ничего общаго съ казачествомъ не имѣющимъ. Что отъ Петербурга, при существующемъ порядкѣ вещей, казачеству ожидать «чего либо путнаго» — не приходится. И къ моменту революціи казакъ убѣдился, что всѣ его «вольности» и «вѣковыя права и привилегіи», — незамѣтно для него, исподволь, потихоньку отъ него отобраны.

Казакъ понялъ, что единственная его «привилегія», при полномъ напряженіи матеріальныхъ и духовныхъ силъ, за собственный счетъ нести въ теченіе двадцати лѣтъ военную службу . . .

И когда произошелъ переворотъ — то среди казачьей массы въ то время не было сожалѣній, ибо въ душѣ не было «Царя — какъ Бога» . . . а будущее рисовалось въ радужныхъ краскахъ «изстари привольной жизни со своими правами, пѣснями, сказаніями, Кругами на майданѣ и широкой, могучей, творческой работой на пользу не только Россіи, но и степного простора, родныхъ Донскихъ степей, — любимаго края . . .»

Царское окруженіе — и подготовило казака къ революціи . . .

Г. Яновъ.

„ВОСПОМИНАНІЯ“ (ПОѢЗДКА НА ДОНЪ СЪ ФРОНТА)

1918—1924 г. г.

Начиная съ 1918 года мнѣ пришлось быть близкимъ свидѣтелемъ или непосредственнымъ участникомъ почти всѣхъ важнѣйшихъ событій, происходившихъ на Юго-Востокѣ Россіи и въ Крыму. Я занималъ одинъ мѣсяць постъ «Командующаго Войсками Ростовскаго района» при Атаманѣ Калединѣ, до его трагической смерти, участвовалъ затѣмъ въ «Ледяномъ» походѣ, 9 мѣсяцевъ служилъ Дону какъ Предсѣдатель Донскаго Правительства при Атаманѣ Красновѣ и отъ него же въ февралѣ 1919 года принялъ перначъ Донскаго Атамана.

Скоро уже три года, какъ мы, послѣ упорной борьбы съ большевиками, оставили Россію и влачимъ грустное бѣженское существованіе. Намъ не покидаетъ вѣра въ то, что рано или поздно Россія освободится отъ проклятой совѣтской власти, и мы вернемся домой . . .

Но жизнь не ждетъ. Постепенно, одного за другимъ, немолимое время сводитъ съ жизненной сцены дѣятелей нашей печальной эпохи; новыя событія заставляютъ забывать недавнее бурное прошлое. А между тѣмъ оно такъ необычайно — послѣ столькихъ десятковъ лѣтъ спокойнаго, могучаго развитія нашей великой Родины, столько въ немъ глубоко интереснаго и поучительнаго, такъ много примѣровъ высокой доблести и самоотверженія и поразительной низости, трусости и своекорыстія, — что, во имя будущаго, нужно употребить всѣ усилія, чтобы оставить потомству память о прошломъ, использовать его полезный опытъ, учесть его ошибки, дабы не повторять ихъ. Съ этой цѣлью я и пишу эти «Воспоминанія».

Не претендуя на полноту изложенія всѣхъ пережитыхъ событій, — для чего у меня нѣтъ, въ условіяхъ бѣженской жизни, достаточнаго количества необходимыхъ документовъ, отъ души желаю, чтобы мой скромный трудъ послужилъ матеріаломъ для будущаго историка нашего смутнаго времени и благодарной памятью тѣмъ, кто честно и стойко боролся за спасеніе и счастье Родины и до конца не потерялъ вѣры въ успѣхъ этой борьбы!

Бѣлградъ, 1 іюня 1923 г.

Глава I.

НА ДОНЪ.

Отъ Кіева до Луганска. Арестъ въ Луганскѣ. Ст. Миллерово. Первые впечатлѣнія о казакахъ.

Переживъ въ Кіевѣ тяжкую драму полного развала и безславной гибели, безъ одинаго выстрѣла, I-й Гвардейской Кавалерійской дивизіи, которой командовалъ около четырехъ мѣсяцевъ, я получилъ официальный отпускъ на семь недѣль и 27 декабря 1917 года выѣхалъ на Донъ, куда уже давно звалъ меня мой братъ, помощникъ Донскаго Атамана, Генерала Каледина — Митрофанъ Петровичъ Богаевскій.

Въ это время большевики уже твердою ногою стояли у власти. Внѣшній боевой фронтъ быстро разваливался подъ умѣлымъ руководствомъ главковерха прапорщика Крыленко, но за то создавались уже внутренніе и однимъ изъ нихъ являлся Донской фронтъ. Съ легкой руки Керенскаго, хотя онъ и отказывается теперь отъ этого, взваливая вину на Верховскаго, противъ Атамана Каледина и Донцовъ, какъ контръ-революціонеровъ, были мобилизованы два округа, Московскій и Казанскій, и собранный такимъ образомъ довольно беспорядочный сбродъ запасныхъ частей съ прибавкой дезертировъ, — былъ направленъ на Донъ. Правильнаго и рѣшительнаго руководства этими ордами, повидимому, не было. Руководителямъ этого каинова дѣла какъ будто еще стыдно было идти войной на казачество, всегда бывшее оплотомъ Россіи. Но тѣмъ не менѣе почти на всѣхъ дорогахъ къ Донской Области съ сѣвера и запада, на ея границахъ, уже второй мѣсяць шли упорныя стычки между большевиками и Донцами.

При такомъ положеніи проѣхать на Донъ прямымъ путемъ изъ Кіева было очень трудно. Поѣзда ходили крайне нерегулярно. Было много случаевъ, когда большевики захватывали ихъ и разстрѣливали всѣхъ, кто казался имъ подозрительнымъ.

Но другого выхода у меня не было, и я выѣхалъ въ поѣздѣ, къ которому былъ прицѣпленъ вагонъ съ какой-то кавказской делегашей, случайно попавшей изъ Петрограда въ Кіевъ и теперь возвращавшейся домой. Предсѣдатель делегации, молодой грузинъ, любезно предоставилъ мнѣ диванчикъ въ своемъ вагонѣ, и вскорѣ мы тронулись въ путь.

Весь поѣздъ былъ биткомъ набитъ солдатами, частью отпускными, а, главнымъ образомъ, дезертирами. Не говоря уже о внутренности вагоновъ, напоминавшихъ бочки съ сельдями, все это облепило вагоны со всѣхъ сторонъ, галдѣло, ругалось. Сидѣли на подножкахъ, на крышахъ; вообще поѣздъ представлялъ собой обычную для того времени картину путешествующаго базара, какого нибудь «Хитрова рынка» на колесахъ.

Послѣ безконечныхъ остановокъ, иногда обратнаго движенія, когда узнавали, что впереди большевики, добрались мы, наконецъ, черезъ четыре дня до ст. Волноваха и здѣсь узнали пріятную новость, что всѣ пути на востокъ разобраны, и поѣздъ дальше не пойдетъ. Я собирался уже было, вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами, которые были въ томъ же поѣздѣ, ѣхать на саняхъ прямо на югъ и перебраться по льду черезъ Азовское море, но путь вскорѣ исправили, и поѣздъ двинулся дальше. Къ вечеру пятаго дня онъ неожиданно остановился среди поля недалеко отъ Луганска. Навстрѣчу шелъ паровозъ съ красными флагами, вооруженный пулеметами. Не доходя до насъ около двухъ верстъ, паровозъ остановился. Въ нашемъ поѣздѣ поднялся большой переполохъ. Наши дезертиры быстро составили летучій митингъ и рѣшили послать на развѣдку свой паровозъ, украсивъ его также какими-то красными тряпками. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго ожиданія. Нашъ паровозъ вскорѣ вернулся, и поѣхавшая на немъ депутация рассказала, что только вчера въ этотъ районъ совершилъ налетъ партизанъ Чернецовъ со своимъ отрядомъ и на ближайшей станціи повѣсилъ двухъ большевиковъ рабочихъ. Мѣстные большевики приняли нашъ поѣздъ также за Чернецовскій и рѣшили вступить въ бой, выславъ паровозъ съ пулеметами. Недоразумѣніе выяснилось къ общему удовольствію, и мы поѣхали дальше.

На ст. Луганскъ я и всѣ офицеры, бывшіе въ поѣздѣ (семь человѣкъ) были арестованы. Сначала насъ переписалъ какой-то молодой человѣкъ, повидимому, офицеръ, съ зеленымъ аксельбантомъ, но безъ погонъ, важно развалившись на стулѣ и не предложивъ никому сѣсть, а затѣмъ, подъ конвоемъ какихъ-то четырехъ ободранныхъ молодыхъ парней въ солдатскихъ шинеляхъ съ винтовками, насъ отправили въ «штабъ командующаго войсками», помѣщавшійся въ городскомъ клубѣ. Пришлось идти около версты. Было уже темно, и это спасало насъ отъ оскорбленій со стороны рабочихъ, которые вначалѣ на вокзалѣ отнеслись къ намъ очень недружелюбно. Насъ сопровождалъ какой-то старикъ рабочій, который почему то проявилъ къ намъ удивительную доброжелательность и успокаивалъ, увѣряя, что съ нами ничего дурного не слѣлаетъ.

Былъ уже второй часъ ночи, когда насъ привели въ «штабъ». Здѣсь только что кончилась встрѣча новаго года, и городская публика почти вся уже разошлась, кромѣ довольно большой группы въ вестибюлѣ, изъ середины которой неслась неистовая трехъ-этажная ругань. Повидимому, готовилась драка, и зрители съ удовольствіемъ ожидали ее. Недалеко въ сторонѣ на лѣстницѣ стояла молодая дѣвушка, которая въ ужасѣ закрывала уши руками. Ея кавалеръ въ

толпѣ готовился вступить въ бой. Занятая пьянымъ скандаломъ публика не обратила на насъ никакого вниманія.

Насъ провели въ какую-то маленькую комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ, подперевъ руками голову, очень мрачнаго вида рабочій, а на полу храпѣлъ совершенно пьяный солдатъ. Послѣ долгаго ожиданія здѣсь, во время котораго рабочій, оказавшійся помощникомъ коменданта, не пошевелился и не проронилъ ни одного слова, насъ повели внизъ въ биллиардную, гдѣ и оставили въ ожиданіи прихода коменданта, за которымъ побѣжалъ нашъ старичокъ, заявивъ, что «если онъ дрыхнетъ, то я вытяну его за ноги изъ постели». Въ биллиардной была невѣроятная грязь. На самомъ биллиардѣ спалъ какой-то мужикъ, а въ ногахъ у него что-то ѣлъ другой. Въ комнату заглядывали какіе-то субъекты. Одинъ изъ нихъ, бѣлобрысый парикмахерскаго вида молодой человѣкъ, заложивъ руки въ карманы, подходилъ къ каждому изъ насъ и съ большимъ участіемъ разспрашивалъ, кто мы и куда ѣдемъ. Ласковый тонъ и вниманіе, которое онъ проявлялъ къ намъ, заставили нѣкоторыхъ изъ насъ повѣрить его искренности и рассказать ему, можетъ быть, кое что и лишнее. Тяжелое положеніе, въ которомъ неожиданно мы оказались, ожиданіе возможности не только тюрьмы, но, можетъ быть, и разстрѣла — все это располагало къ откровенности къ человѣку, который проявилъ въ такой обстановкѣ неожиданную любезность и участіе. Однако, очень скоро насъ постигло жестокое разочарованіе: опросивъ всѣхъ, парикмахеръ отошелъ въ сторону и презрительно смѣривъ нашу группу полнымъ презрѣніемъ и ненависти взглядомъ, выругалъ всѣхъ насъ площадными словами и заявилъ: «Знаемъ мы васъ, контрреволюціонеровъ! Всѣ вы къ Калядину ѣдете! А вотъ доѣдете ли — это еще неизвѣстно . . .»

Невольно руки сжались въ кулакъ при этомъ неожиданномъ и нагломъ оскорбленіи, но . . . пришлось смолчать, затаивъ обиду. Въ это время только что приведенный старикомъ комендантъ началъ по очереди вызывать насъ въ сосѣднюю комнату. Съ тяжелымъ чувствомъ входилъ каждый изъ насъ въ эту комнату, гдѣ долженъ былъ рѣшиться, можетъ быть, вопросъ о нашей жизни или смерти. Но, видимо, комендантъ послѣ хорошей новогодней выпивки былъ въ добромъ настроеніи духа и никого не задержалъ. Когда очередь дошла до меня, онъ долго вертѣлъ мой отпускной билетъ, что-то вспоминая и, наконецъ, сказалъ: «Богаевскій . . . гдѣ я слышалъ эту фамилію?» Тогда одинъ изъ двухъ рабочихъ, сидѣвшихъ по обѣимъ его сторонамъ, зло посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Да это, вѣроятно, родственникъ того Богаевского, который у Калядина помощникомъ». На вопросъ по этому поводу коменданта я отвѣчалъ утвердительно, добавивъ, что я ѣду черезъ Донъ на Кавказъ. Комендантъ, очевидно, послѣднему не повѣрилъ, и я пережилъ нѣсколько очень жуткихъ минутъ, когда онъ, насмѣшливо улыбаясь, молча, вертѣлъ въ рукахъ мой отпускной билетъ. Отъ одного его слова зависѣла моя свобода, а, можетъ быть, и жизнь . . . Но вдругъ онъ рѣшительнымъ

движеніемъ протянулъ мнѣ билетъ и веселымъ тономъ сказалъ: «Ну, Богъ съ вами. Ёзжайте къ своему Калядину!»

Тяжелый камень свалился у насъ съ души . . . Комендантъ ушелъ вмѣстѣ со своими двумя архангелами, а насъ подъ тѣмъ же конвоемъ, въ сопровожденіи радостно суетившагося старика рабочаго, отправили обратно въ свой вагонъ. Поездъ съ нашими дезертирами уже ушелъ: «товарищи» не захотѣли насъ дожидаться, но все же были такъ милостивы, что вагонъ нашъ отцѣпили. Послѣ всего пережитаго я съ огромнымъ удовольствіемъ растянулся на своемъ грязномъ диванчикѣ, съ благодарностью отказавшись отъ ужина, которымъ хотѣлъ меня угостить нашъ ангелъ хранитель — старичекъ рабочій. Живъ ли еще этотъ милый старикъ? Никогда не забуду его искренняго участія и ласки къ намъ, чуждымъ ему людямъ, попавшимъ въ бѣду. Я не разъ вспоминалъ его впоследствии, когда въ моихъ рукахъ была жизнь плѣнныхъ большевиковъ. И, можетъ быть, не одинъ изъ нихъ обязанъ своимъ спасеніемъ воспоминанію о доброй душѣ этого простого русскаго человѣка . . . Онъ сказалъ мнѣ свою фамилію, но, къ сожалѣнію, я ее забылъ теперь. Мы сердечно съ нимъ простились и, вѣроятно, навсегда.

Спустя нѣсколько часовъ нашъ вагонъ прицѣпили къ поезду, который шелъ на ст. Миллерово. Хотя насъ и освободили отъ караула, но мы все еще не совсѣмъ вѣрили своей свободѣ и только на границѣ Донской области, когда глубокой ночью въ нашъ вагонъ вошелъ повѣрявшій пассажировъ казачій патруль, во главѣ съ бравымъ усатымъ урядникомъ, съ огромнымъ рыжимъ чубомъ, изъ подъ лихо надѣтой набекрень фуражки, мы всѣ радостно вскочили и готовы были обнять и цѣловать усатаго вѣстника настоящей свободы . . .

Я былъ уже на родной землѣ, свободномъ, вольномъ Дону . . .

* * *

Только къ вечеру 1-го января мы прибыли на ст. Миллерово. Съ этой станціей у меня связаны воспоминанія почти сорока лѣтъ моей жизни, въ теченіи которыхъ я ѣздилъ въ имѣніе моего покойнаго отца, находившееся въ сорока пяти верстахъ къ востоку отъ станціи, на рѣкѣ Ольховой. На моихъ глазахъ она развилась изъ маленькой степной станціи въ обширный желѣзно-дорожный узелъ, а небольшой поселокъ при ней — въ цѣлый почти городъ.

Съ какой радостью когда-то я съ братьями-дѣтьми уѣзжалъ съ Миллерова домой на Рождество или лѣтнія каникулы! Пара сытыхъ лошадей, широкія сани или тарантасъ, другъ дѣтства и юности кучеръ Егоръ или старый Николаевскій солдатъ Алексѣевичъ, сладкій сонъ подъ теплой шубой въ саняхъ въ среди необозримыхъ снѣжныхъ равнинъ, или лѣтомъ среди зеленыхъ волнъ ржи и пшеницы, радостная встрѣча дома съ отцомъ и матерью, — какъ все это уже далеко ушло въ вѣчность! . . .

На вокзалѣ и въ ближайшихъ постройкахъ толпилась масса офицеровъ и казаковъ. Было шумно, накурено, грязно. . . Въ ближайшихъ окрестностяхъ стояла одна изъ Донскихъ дивизій на слу-

чай наступленія красныхъ съ сѣвера. На вокзалѣ находился, по-видимому, штабъ дивизіи.

Первое впечатлѣніе о первой Донской воинской части, которую я увидѣлъ на Дону, было не особенно благоприятное: не было и намека на выправку, подтянутость, соблюденіе внѣшнихъ знаковъ уваженія при встрѣчѣ съ офицерами. Казаки одѣты были небрежно, держали себя очень развязно. У офицеровъ не было замѣтно обычной увѣренности начальника, знающаго, что всякое его приказаніе будетъ безпрекословно исполнено. Потолкавшись въ толпѣ казаковъ (я былъ безъ погонѣ и никто изъ нихъ не обращалъ на меня вниманія), я пришелъ въ грустное настроеніе духа: здѣсь не чувствовалось увѣренности въ себя и желаніе упорно бороться съ наступающими большевиками. . . Шли уже разговоры о томъ, что нужно хорошенько узнать что за люди большевики, что, можетъ быть, они совсѣмъ не такіе злодѣи, какъ о нихъ говорятъ офицеры и т. д.

Впоследствии я узналъ, что въ то время настроеніе дивизіи, дѣйствительно, было уже очень ненадежное и что по поводу одного изъ распоряженій начальника дивизіи — у него было крупное столкновение съ казаками одного изъ полковъ, которое только случайно закончилось сравнительно благополучно. . .

На вокзалѣ отъ офицеровъ штаба дивизіи я узналъ, что одинъ изъ моихъ спутниковъ, переодѣтый рабочимъ, сумѣлъ избѣжать ареста на ст. Луганскъ и на сутки раньше пріѣхалъ въ Новочеркасскъ, гдѣ и рассказалъ Митрофану Петровичу о томъ, что я былъ арестованъ большевиками. Братъ поднялъ тревогу; Атаманъ Каледина уже назначилъ сумму въ нѣсколько тысячъ рублей на выкупъ меня; былъ посланъ офицеръ для переговоровъ съ большевиками по этому вопросу. Я немедленно послалъ телеграмму о томъ, что уже нахожусь на свободѣ, и черезъ часъ двинулся на югъ.

Глава II.

ВЪ НОВОЧЕРКАССКѢ.

Атаманъ Каледина. Митрофанъ Петровичъ Богаевскій. Донская столица.

На другой день мы уже были въ Новочеркасскѣ. Повидавъ семью, которая уже не чаяла меня видѣть въ живыхъ, я въ тотъ же день представился Атаману.

Алексѣя Максимовича Каледина до этого я зналъ очень мало, хотя и слышалъ много о немъ, какъ о блестящемъ кавалерійскомъ начальникѣ во время Великой Войны, вообще небогатой талантливыми кавалерійскими генералами. Въ Арміи много говорили о его 12-ой Кавалерійской дивизіи, ея блестящихъ дѣйствіяхъ на фронтѣ. Ген. Каледина мнѣ пришлось видѣть единственный разъ уже командиромъ 12-го ар. корпуса въ 1916 году въ районѣ м. Черновицы, гдѣ я былъ вмѣстѣ съ походнымъ Атаманомъ Великимъ

Княземъ Борисомъ Владимировичемъ, который былъ шефомъ Азовскаго пѣхотнаго полка, входившаго въ составъ 12-го корпуса. Во время представленія полка Великому Князю я увидѣлъ на его правомъ флангѣ сумрачную фигуру, средняго роста, довольно полнаго генерала съ двумя орденами Св. Георгія и надвинутой на лобъ фуражкой, какъ то нескладно сидѣвшей на его головѣ. Это и былъ — А. М. Калединъ. Кромѣ официальныхъ привѣтствій — ни Великій Князь, ни командиръ корпуса, кажется, не обмѣнялись тогда ни однимъ словомъ.

Ген. Калединъ, несмотря на свое спокойствіе, не въ силахъ былъ долго выносить новые порядки, внесенные въ Русскую Армію революціей. Уже въ началѣ мая 1917 г. онъ ушелъ въ отставку и пріѣхалъ на Донъ, гдѣ вскорѣ, почти единогласно былъ избранъ Войсковымъ Кругомъ Донскимъ Атаманомъ. Я не буду касаться здѣсь его дѣятельности, какъ Войскового Атамана. Я былъ свидѣтелемъ ея, да и то не близкимъ, только одинъ мѣсяць — январь 1918 года. Но это была уже агонія Атаманской власти на Дону... О работѣ А. М. Каледина, какъ Атамана, расскажутъ ближайшіе ея свидѣтели, которыхъ было много въ числѣ его сотрудниковъ.

Алексѣй Максимовичъ принялъ меня привѣтливо, съ своимъ обычнымъ сумрачнымъ, безъ улыбки видомъ. Онъ пропелъ на меня впечатлѣніе безконечно уставшаго, угнетеннаго духомъ человека. Грустные глаза рѣдко взглядывали на собесѣдника. Тихимъ голосомъ, медленными отрывочными фразами, онъ рассказалъ мнѣ объ общей обстановкѣ въ Россіи и на Дону и въ концѣ предложилъ мнѣ принять должность «Командующаго Войсками Ростовскаго района». Ни минуты не колеблясь, я согласился. Атаманъ приказалъ мнѣ черезъ день выѣхать къ мѣсту службы въ Ростовъ.

Попрошавшись съ нимъ, я спустился внизъ къ брату Митрофану Петровичу, который занималъ нижній этажъ Атаманскаго дворца.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ брата въ октябрѣ 1916 г. въ Каменской станицѣ, гдѣ онъ былъ директоромъ гимназіи. Человекъ высоко образованный, глубокой патріотъ, большой знатокъ исторіи Дона, много поработавшій надъ ея изученіемъ, прекрасный семьянинъ и отличный педагогъ, — онъ быстро подвигался по учебной карьерѣ и, несмотря на свою молодость, уже занималъ высокое мѣсто директора гимназіи — предѣлъ мечтаній огромнаго большинства педагоговъ. Революція открыла въ немъ талантъ замѣчательнаго политическаго оратора, создала ему массу восторженныхъ поклонниковъ, но и немало злобныхъ враговъ. Однако, какъ тѣ, такъ и другіе одинаково признавали его нравственную чистоту, неподкупность и прямоту. Къ глубокому сожалѣнію, мнѣ никогда не пришлось слышать его, какъ оратора, передъ многочисленнымъ собраніемъ. Но слышавшіе его съ восторгомъ отзывались объ его удивительной способности владѣть вниманіемъ толпы, подчинять ее дисциплинѣ, прекращать однимъ мановеніемъ руки всякую попытку къ беспорядку.

Глубокой знатокъ исторіи и казачьей психологіи, въ живыхъ образахъ воскрешая въ своей рѣчи славную сѣдую старину строго логическимъ построеніемъ ея, искренностью и твердымъ убѣжденіемъ въ правотѣ того, о чемъ говорилъ, — покойный братъ умѣлъ поддерживать вниманіе къ своей рѣчи иногда въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и заставлялъ слушателей одинаково думать и соглашаться съ собой.

«Баянъ земли Донской», какъ его называли почитатели, былъ искреннимъ, вѣрнымъ помощникомъ Алексѣю Максимовичу, горячо его любившимъ. Видимо, и Атаманъ платилъ ему тѣмъ же чувствомъ. Мнѣ только два раза и то очень краткое время пришлось видѣть ихъ вмѣстѣ. Несмотря на разницу лѣтъ, профессій и недавняго передъ революціей общественнаго положенія, — они удивительно дополняли другъ друга: насколько А. М. Калединъ былъ спокоенъ, молчаливъ и сумраченъ, — настолько братъ былъ живымъ, полнымъ энергіи и подвижности человекомъ. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не видно было и тѣни начальническаго покровительства и угодливости подчиненнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и никакого амигошества и слащавой нѣжности. Это не были — суровый и требовательный начальникъ и безпрекословно исполнительный чиновникъ, а скорѣе — давно ставшіе друзьями отецъ и сынъ. Алексѣй Максимовичъ не стѣснялся иногда говорить съ братомъ въ довольно рѣзкомъ тонѣ, если былъ чѣмъ нибудь недоволенъ; братъ подчасъ отвѣчалъ ему почти въ такомъ же тонѣ, обезоруживая его своей искренностью и правдивостью доводовъ; но никогда ни тотъ, ни другой не подрывали авторитета и достоинства другъ друга. Они нерѣдко спорили между собой съ глазу на глазъ или въ присутствіи близкихъ людей, но при постороннихъ Митрофанъ Петровичъ былъ всегда тактичный и строгій исполнитель приказаній Атамана и его дѣятельный помощникъ въ той огромной работѣ, какую несъ Войсковой Атаманъ.

Я не буду здѣсь писать біографію такъ безвременно, трагически погибшаго любимаго брата. О немъ скажутъ свое правдивое слово его сослуживцы, свидѣтели дѣятельности, какъ помощника Войскового Атамана. Исторія воздастъ должное каждому изъ нихъ. Братъ пережилъ А. М. Каледина только на два мѣсяца. И эти тяжкіе дни послѣ смерти своего старшаго друга онъ прожилъ уже внѣ политической дѣятельности, преслѣдуемый измѣнникомъ Голубовымъ, который нашелъ его, наконецъ, въ одной изъ станицъ у калмыковъ Сальскаго округа и привезъ въ Новочеркасскъ. Отсюда арестованный братъ вскорѣ былъ переведенъ въ Ростовъ, гдѣ 1-го апрѣля 1918 года и погибъ отъ руки подлаго убійцы Антонова...

* * *

Два дня я пробылъ въ Новочеркасскѣ съ семьей, жившей у моей сестры Н. П. Баклановой. Въ столицѣ Дона я былъ въ послѣдній разъ съ Походнымъ Атаманомъ Вел. Кн. Борисомъ Владимировичемъ въ первыхъ числахъ октября 1916 года. За это короткое время городъ почти не измѣнился съ внѣшней стороны: сталъ

только какъ-будто болѣе грязнымъ и запущеннымъ. Но настроеніе жителей было невеселое. Событія 1917 года отразились и на нихъ, чувствовалась какая-то придавленность и неуверенность въ будущемъ. Въ Новочеркасскъ и вообще на Донъ прибыло много русскихъ людей, бѣжавшихъ отъ большевиковъ изъ внутреннихъ губерній, офицеровъ, помѣщиковъ, служащихъ разныхъ правительственныхъ учреждений: ихъ рассказы о пережитомъ ими и мрачное настроеніе мало способствовали поднятію бодрости духа донскихъ обывателей, еще большому паденію котораго помогали также свѣдѣнія о «революціонномъ» настроеніи въ казачьихъ частяхъ.

Глава III

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ КОМАНДОВАНІЕ РОСТОВСКИМЪ РАЙОНОМЪ.

Мой штабъ. Ген.-Гилленшмидтъ. Городское управленіе. В. Ф. Зеелеръ. Переходъ Штаба Добровольческой Арміи въ Ростовъ. Ген. Алексѣевъ. Ген. Корниловъ.

Пятаго января 1918 года я вступилъ въ командованіе «войсками Ростовскаго района».

Это громкое названіе очень мало соответствовало дѣйствительности. Мои «войска» состояли изъ трехъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ въ ближайшихъ къ Ростову станицахъ, и нѣсколькихъ небольшихъ партизанскихъ отрядовъ, часто мѣнявшихъ свой составъ и численность. По приказанію Донскаго Атамана мнѣ былъ подчиненъ штабъ 4-го Кавалерійскаго корпуса, случайно, почти въ полномъ составѣ, застрявшій въ Ростовѣ по пути на Кавказъ, вмѣстѣ съ командиромъ корпуса ген. Гилленшмидтомъ. Последний былъ нѣсколько обиженъ распоряженіемъ Атамана и поѣхалъ къ нему объясняться, но, получивъ категорическое его приказаніе сдать мнѣ штабъ, смирился и болѣе не вмѣшивался въ мои распоряженія, довольствуясь тѣмъ, что я проявлялъ къ нему полное вниманіе, оставивъ въ его распоряженіи автомобиль, лошадей, вѣстовыхъ и пр.

Ген. Гилленшмидтъ, герой знаменитаго четырехъ-дневнаго кавалерійскаго набѣга въ Русско—Японскую войну, за который онъ получилъ орденъ Св. Георгія, отличный кавалерійскій офицеръ (началъ службу въ Гвардейской Конной Артиллеріи), уже въ мирное время, командуя Л. Гв. Кирасирскимъ Его Величества полкомъ, обращалъ на себя вниманіе нѣкоторыми странностями, одной изъ которыхъ были ночныя путешествія по казармамъ и конюшнямъ и сонъ днемъ. Въ Великую войну, уже будучи командиромъ кавалерійскаго корпуса, онъ держалъ себя иногда такъ странно, что, однажды, его начальникъ штаба ген. Ч., доведенный до отчаянія его поведеніемъ, вынужденъ былъ доложить объ этомъ командующему арміей, за что едва не былъ отчисленъ отъ должности, какъ доносчикъ на своего начальника. Къ счастью ген. Гилленшмидтъ самъ

выручилъ его. Узнавъ о поѣздкѣ начальника штаба, онъ прискакалъ въ штабъ арміи и сначала такъ здраво и разумно разговаривалъ съ командующимъ арміей, что тотъ усумнился въ докладъ ген. Ч., и, считая его за ложный доносъ, распорядился отдать утромъ приказъ объ его отчисленіи. А ночью командиръ корпуса, подъ влияніемъ какой-то бредовой идеи, приказалъ своимъ вѣстовымъ арестовать командующаго арміей со всемъ штабомъ. Поднялся большой переполохъ: дѣло, однако, какъ-то замяли. Ген. Гилленшмидтъ сохранилъ свое мѣсто, а ген. Ч. получилъ новое назначеніе.

Ген. Гилленшмидтъ ушелъ вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей въ «Ледяной Походъ» и въ началѣ апрѣля, когда она была со всѣхъ сторонъ окружена красными, онъ съ вѣстовымъ пытался пробиться въ одиночку и пропалъ безъ вѣсти.

Принятый мною штабъ былъ въ полномъ порядкѣ, хорошо снабженъ всемъ необходимымъ, офицеры жили между собой дружной семьей. Во главѣ стоялъ ген. Степановъ, отличный офицеръ Генеральнаго Штаба.

Мой штабъ помѣщался въ домѣ Асмолова на Таганрогскомъ проспектѣ. Здѣсь же находились два аппарата Юза, которыми я былъ соединенъ прямымъ проводомъ съ Войсковымъ Штабомъ въ Новочеркасскъ.

Самъ я устроился въ гостиницѣ «Паласъ-Отель».

Ростовъ жилъ обычной суетливой, дѣловой жизнью. Работали хорошо рестораны, гостиницы были переполнены, но все же чувствовалось, что все это не прочно и всѣ, кто имѣлъ возможность выѣхать — уѣхали или готовы были это сдѣлать при первой тревогѣ.

Фактически я исполнялъ роль Генераль-Губернатора. Мнѣ подчинялись также и гражданскія власти. Ростовскій градоначальникъ В. Ф. Зеелеръ видѣлся со мной почти каждый день. Огромнаго роста, живой и остроумный человекъ, онъ очень помогалъ мнѣ разбираться въ сложныхъ мѣстныхъ отношеніяхъ. Много лѣтъ живя въ Ростовѣ, онъ хорошо зналъ всѣхъ и каждого и умѣлъ улаживать всякія недоразумѣнія, гдѣ добродушной насмѣшкой и веселой рѣчью, а если нужно было, то и твердымъ, рѣшительнымъ словомъ. Кадетъ по убѣжденіямъ, широко образованный человекъ, большой знатокъ живописи, собравшій въ своей большой квартирѣ прекрасную коллекцію цѣнныхъ картинъ, Владимиръ Феофиловичъ за этотъ тяжкій мѣсяцъ моего генераль-губернаторства оставилъ во мнѣ самое лучшее воспоминаніе, какъ честный, энергичный градоначальникъ и незаурядный политическій дѣятель.

Городская дума и управа въ это время по своему составу были весьма лѣваго направленія. Всякое распоряженіе Атамана и военныхъ властей всегда встрѣчало тамъ ожесточенную критику, а то и прямое неисполненіе подъ разными предлогами. Находя поддержку себѣ среди многочисленнаго рабочаго населенія Ростова, а отчасти и еврейства, городская дума была яркой противницей всякихъ военныхъ мѣропріятій. Рабочіе огромныхъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги были очень не спокойны. Среди нихъ

шла энергичная пропаганда большевиковъ и среди членовъ городской думы было определенное теченіе въ ихъ пользу.

Вскорѣ послѣ моего прїѣзда, я былъ приглашенъ городскимъ головой В. на открытое засѣданіе думы, гдѣ мнѣ былъ предложенъ рядъ вопросовъ относительно моихъ предположеній для дальнѣйшей своей работы съ думой, а также и моихъ взглядовъ на революцію и настоящее политическое положеніе. Видимо, мои отвѣты удовлетворяли собравшуюся публику, несмотря на мое рѣзко враждебное отношеніе къ революціи и большевизму, такъ какъ послѣ своей рѣчи съ призывомъ къ городскому самоуправленію объ искренней мнѣ помощи и обѣщанія съ своей стороны уважать законныя права думы и считаться съ нею, — я даже «удостоился» аплодисментовъ.

Три казачьихъ полка, подчиненныхъ мнѣ официально, ко времени моего вступленія въ командованіе Ростовскимъ райономъ фактически находились въ распоряженіи Войскового Штаба и въ это время представляли собой почти совершенно разложившуюся толпу, не желавшую исполнять никакихъ приказаній: въ боевомъ отношеніи, для дѣйствій противъ большевиковъ, они были совершенно ненадежны. Вскорѣ послѣ моего прїѣзжа въ Ростовъ казаки этихъ полковъ попросту разъѣхались по домамъ.

Въ серединѣ января въ Ростовъ перешелъ штабъ генерала Корнилова и переѣхалъ также ген. Алексѣевъ со своимъ управленіемъ. Они помѣстились въ новомъ домѣ-дворцѣ Н. Е. Паранова.

Официально Добровольческая армія подчинялась мнѣ. Это было сдѣлано съ цѣлью — не слишкомъ афишировать въ лѣвыхъ кругахъ независимость добровольцевъ. Фактически же Корниловъ съ этимъ положеніемъ не считался и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, иногда обращаясь ко мнѣ за помощью, когда приходилось имѣть дѣло съ городскимъ населеніемъ, и приглашая меня на болѣе важныя военныя совѣты. Почти каждый день онъ заходилъ ко мнѣ, чтобы лично поговорить по прямому проводу съ Войсковымъ Атаманомъ.

Въ началѣ февраля ген. Корниловъ поднялъ вопросъ о подчиненіи ему Ростовскаго округа официально во всѣхъ отношеніяхъ, но переговоры по этому поводу съ Атаманомъ Назаровымъ затянулись, и, до выхода Добровольческой Арміи изъ Ростова, вопросъ этотъ такъ и не былъ рѣшенъ.

Съ ген. Корниловымъ я былъ вмѣстѣ въ Академіи Генеральнаго Штаба. Скромный и застѣнчивый армейскій артиллерійскій офицеръ, худощавый, небольшого роста, съ монгольскимъ лицомъ, онъ былъ мало замѣтенъ въ Академіи и только во время экзаменовъ сразу выдѣлился блестящими успѣхами по всѣмъ наукамъ. Послѣ окончанія Академіи онъ уѣхалъ въ Туркестанъ, и я много лѣтъ его не видѣлъ, но хорошо зналъ о его выдающейся боевой дѣятельности въ Русско-Японской кампаніи и во время Великой войны. По прїѣздѣ на Донъ, я вскорѣ зашелъ къ ген. Алексѣеву, а затѣмъ и къ Корнилову.

Оба эти великіе патріоты уже ушли въ лучшій міръ... Ихъ славныя имена и дѣянія — принадлежать исторіи. Я не буду здѣсь писать ихъ біографіи. Хочу записать только нѣкоторыя свои личныя воспоминанія о нихъ. Судьба столкнула насъ на Дону въ самую тяжкую пору нашей общей жизни, въ которой они оба сыграли исключительную роль.

* * *

Съ Михаиломъ Васильевичемъ Алексѣевымъ я былъ знакомъ съ юнкерскихъ лѣтъ. Онъ былъ у меня преподавателемъ администраціи въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ въ 1890—91 г. и руководителемъ съемокъ. Уже пожилой капитанъ Генеральнаго Штаба съ суровымъ взглядомъ близорукихъ глазъ, прикрытыхъ очками, съ рѣзкимъ голосомъ, онъ вначалѣ на насъ, юнкеровъ, навелъ страхъ своей требовательностью и порядочную скуку своимъ предметомъ, нагонявшимъ тоску. Но вскорѣ, подъ его суровой внѣшностью, мы нашли простое и отзывчивое сердце. Онъ искренно хотѣлъ и умѣлъ научить насъ своей скучной, но необходимой для военнаго человѣка наукѣ. Онъ часто ворчалъ на насъ, а иногда и покрикивалъ, но отмѣтки ставилъ хорошо и я не помню случая, чтобы онъ хотъ кого нибудь «провалилъ» на репетиціи или на экзаменѣ. Злѣйшій врагъ лѣни и верхоглядства, онъ заставлялъ и насъ тщательно исполнять заданныя работы, не оставляя безъ замѣчанія ни одной ошибки или пропуска. Наши работы, какъ по администраціи, такъ и по съемкамъ, онъ возвращалъ сверху до низу исписанными красными чернилами мелкимъ бисернымъ почеркомъ. И дѣйствительно, ни одно его замѣчаніе не было пустой фразой: постоянно была или ссылка на параграфъ устава или дѣльный практическій совѣтъ.

Черезъ четыре года я снова встрѣтился съ нимъ въ Академіи Г. Ш., какъ своимъ профессоромъ по исторіи русскаго военнаго искусства. Здѣсь онъ остался такимъ же кропотливымъ, усерднымъ работникомъ, прекрасно излагавшимъ свой далеко не легкій предметъ. Онъ не былъ выдающимся талантомъ въ этомъ отношеніи. Но то, что нужно намъ было знать — онъ давалъ въ строго научной формѣ, въ сжатомъ образномъ изложеніи. Мы знали, что все, что онъ говоритъ, — не фантазія, а дѣйствительно все такъ и было, потому что каждый историческій фактъ онъ изучалъ и проверялъ по массѣ источниковъ.

Много лѣтъ спустя во время Великой войны я опять съ нимъ встрѣтился уже въ Ставкѣ, въ Могилевѣ. Михаилъ Васильевичъ былъ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Государя Императора; я — Начальникомъ Штаба Походнаго Атамана при Его Величествѣ; мы оба были въ Свитѣ Государя Императора, фактическій распорядитель жизни и смерти десятка милліоновъ солдатъ, онъ оставался такимъ же простымъ и доступнымъ, какъ и въ давно минувшіе дни. Сидя рядомъ съ нимъ за обѣдомъ въ штабной столовой почти каждый день, я не разъ велъ

съ нимъ долгія бесѣды по военнымъ вопросамъ; не одинъ разъ выслушивалъ его ворчаніе на бесполезныя траты казенныхъ денегъ, вызываемыя разными, часто фантастическими, проектами и изобрѣтеніями, которыя проводились въ жизнь благодаря различнымъ сильнымъ влияніямъ и протекціямъ. Лично ко мнѣ онъ относился попрежнему сердечно и доброжелательно. Это отношеніе не измѣнилось и съ наступленіемъ революціи.

Михаилъ Васильевичъ тяжело переживалъ дни начала революціи и недолго остался у власти.

Затѣмъ я снова увидѣлъ его уже въ Новочеркасскѣ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда я зашелъ въ его штабъ на площади Никольской церкви. Въ жарко натопленной комнатѣ сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, похудѣвшій, осунувшійся, но все такой же дѣятельный и живой. Сердечно и тепло встрѣтилъ онъ меня, вспомнилъ недавнее прошлое и сейчасъ же перешелъ къ настоящему — формированію Добровольческой Арміи, — святому дѣлу, которому онъ посвятилъ остатокъ своей жизни. Я съ грустью слушалъ бѣднаго старика. Еще такъ недавно онъ спокойно передвигалъ цѣлыя арміи, миллионы людей, однимъ почеркомъ пера отправлялъ ихъ на побѣду или смерть, черезъ его руки проходили колоссальныя цифры всевозможныхъ снабженій, въ его рукахъ была судьба Россіи . . . И вотъ здѣсь я опять увидѣлъ его съ той же крошечной записной книжкой въ рукахъ, какъ и въ Могилевѣ, и тѣмъ же бисернымъ почеркомъ подсчитывалъ бѣленькій старичекъ какія то цифры. Но какъ онъ были жалки! Въмѣсто миллионныхъ солдатъ-стояло всего нѣсколько сотъ добровольцевъ и грошевыя суммы, пожертвованныя московскими толстоусами на спасеніе Россіи.

Много разъ потомъ встрѣчался съ нимъ въ Ростовѣ, во время Ледяного похода, и опять въ Новочеркасскѣ, когда былъ Предсѣдателемъ Донского Правительства. За это время я ближе сошелся съ покойнымъ своимъ учителемъ и проникся къ нему еще большимъ уваженіемъ. Я преклонялся передъ его глубокимъ патриотизмомъ, здравымъ смысломъ всѣхъ его рѣшеній и распоряженій, безупречною чистотой всѣхъ его побужденій, въ которыхъ не было ничего личнаго. Онъ весь горѣлъ служеніемъ своей великой идеѣ и, видимо, глубоко страдалъ, когда встрѣчалъ непониманіе или своекорыстные расчеты. Несмотря на свой возрастъ и положеніе, духовный вождь блага движенія, политическій руководитель и организаторъ его, — онъ скромно уступалъ первое мѣсто Корнилову, своему ученику въ Академіи, а затѣмъ послѣ его смерти и ген. Деникину. Корниловъ былъ съ нимъ иногда очень рѣзокъ и часто несправедливъ. Но Михаилъ Васильевичъ терпѣливо переносилъ незаслуженную обиду, и мнѣ лично пришлось только одинъ разъ слышать отъ него, послѣ одной изъ такихъ тяжелыхъ вспышекъ, фразу, сказанную безконечно грустнымъ тономъ: «Какъ тяжело работать при такихъ условіяхъ . . .!»

Последній разъ въ жизни я видѣлъ его въ концѣ іюня на ст. Тихорѣцкой, гдѣ въ то время былъ штабъ Добровольческой

арміи. Эту послѣднюю встрѣчу, воспомнаніе о которой навсегда останется въ моей душѣ, я опишу позднѣе. Послѣ нея у меня осталось впечатлѣніе заката яснаго солнечнаго дня . . .

* * *

Лавра Георгіевича Корнилова я нашелъ въ одномъ изъ небольшихъ домовъ Новочеркаска на Комитетской улицѣ. Часовой — офицеръ доброволецъ подробно разспросилъ меня, кто я и зачѣмъ пришелъ и, наконецъ, пропустилъ въ маленькій кабинетъ Корнилова. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи, хотя я и не былъ близокъ съ нимъ въ Академіи.

Главнокомандующій Добровольческой Арміей былъ одѣтъ въ штатскомъ и имѣлъ видъ не особенно элегантный: криво повязанный галстукъ, потертый сюртучекъ и высокіе сапоги — дѣлали его похожимъ на мелкаго приказчика. Ничто не напоминало въ немъ героя двухъ войнъ, кавалера двухъ степеней ордена Св. Георгія, человека исключительной храбрости и силы воли. Маленькій, тощій, съ лицомъ монгола, плохо одѣтый, онъ не представлялъ собой ничего величественнаго и воинственнаго.

Разговоръ, конечно, сразу перешелъ на настоящее положеніе. Въ противоположность М. В. Алексѣеву, Корниловъ говорилъ ровно и спокойно. Онъ съ надеждою смотрѣлъ на будущее и рассчитывалъ, что казачество приметъ дѣятельное участіе въ сформированіи Добровольческой арміи, хотя бы въ видѣ отдѣльныхъ частей. О прошломъ онъ говорилъ также спокойно, и только при имени Керенскаго мрачный огонь сверкнулъ въ его глазахъ.

Уже тогда Корниловъ высказывалъ желаніе скорѣе закончить формированіе Добровольческой Арміи и уйти на фронтъ. Пребываніе въ Новочеркасскѣ, видимо, тяготило его необходимостью по всѣмъ вопросамъ обращаться къ войсковой власти, хотя ген. Калединъ во всемъ шелъ навстрѣчу добровольцамъ.

Мы дружески разстались послѣ этого перваго свиданія, точно предчувствуя, что судьба будетъ угодно въ скоромъ времени связать насъ стальными узами вмѣстѣ пережитаго кроваваго похода въ южныхъ степяхъ . . .

Но въ оживленномъ разговорѣ, полномъ надеждъ и бодрости, съ старымъ товарищемъ по Академіи, — я не думалъ, что черезъ три мѣсяца на крутомъ берегу многоводной Кубани — самъ вложу восковой крестикъ въ его хладѣющую руку — своего начальника-вождя, убитаго русской гранатой . . .

* * *

МЪСЯЦЪ ВЪ РОСТОВЪ.

Два фронта. Полк. Чернецовъ. Жизнь въ Ростовѣ. Кровавые столкновения съ рабочими. Настроение казачества. Ухудшение положенія на фронтахъ. Смерть Атамана Каледина. Последняя моя встрѣча съ братомъ Митрофаномъ Петровичемъ. Рѣшеніе Добровольческой Арміи покинуть Ростовъ.

Добровольческой Арміи пришлось вести борьбу уже съ первыхъ дней ея существованія — съ начала ноября 1917 года. Съ переходомъ ея штаба въ Ростовъ, борьба съ красными уже приняла болѣе планомѣрный характеръ.

Какъ то сами собою опредѣлились на Дону два фронта: Ростовскій — къ западу и сѣверу отъ Таганрога и Ростова и Донской — на линіи желѣзной дороги на Воронежъ, къ сѣверу отъ Новочеркасска. Первый фронтъ защищали добровольцы, на второмъ боролись казаки, вѣрнѣе нѣсколько мелкихъ партизанскихъ отрядовъ, составленныхъ изъ кадетъ, гимназистовъ, реалистовъ, студентовъ и небольшого числа офицеровъ. Кромѣ того, въ районѣ ст. Миллерово и Глубокой стояла 8-я Донская Конная дивизія и постепенно разлагалась: казаки митинговали и потихоньку разъѣзжались по домамъ. Впрочемъ большевики съ этой стороны и не наступали до двадцатыхъ чиселъ января, когда при первомъ же серьезномъ ихъ наступленіи, казаки бросили фронтъ и разъѣхались по домамъ, оставивъ на произволъ судьбы орудія.

Былъ еще южный — Батайскій фронтъ. Но тамъ дѣло ограничивалось почти одной перестрѣлкой. Батайскъ былъ занятъ частями 39-й пѣхотной дивизіи 1 февраля, вытѣсненными добровольцевъ, отошедшихъ на берегъ Дона.

За недѣлю до смерти А. М. Каледина (21 января) былъ убитъ доблестный полковникъ Чернецовъ, зарубленный измѣнникомъ Подтелковымъ.¹⁾ Съ его смертью какая-то тяжкая безнадежность охватило казачество, которое еще боролось съ большевиками.

Я познакомился съ Чернецовымъ еще въ 1915 году, когда онъ былъ начальникомъ одного изъ партизанскихъ отрядовъ на Германскомъ фронтѣ.

Эти отряды, различнаго состава, были сформированы изъ добровольцевъ-офицеровъ, казаковъ и солдатъ конныхъ частей и находились въ общемъ вѣдѣніи Штаба Походнаго Атамана. Число ихъ доходило до пятидесяти. Толку отъ нихъ было немного. Ввиду особыхъ условій позиціонной войны, когда почти вся многочисленная русская кавалерія долгими мѣсяцами, а нѣкоторыя части и больше года, безъ всякаго дѣла стоя въ тылу, иногда занимая снѣженными частями небольшой участокъ позиціи, — эти отряды давали возможность энергичной и отважной молодежи чѣмъ нибудь проявить себя, производя набѣги и развѣдки въ расположенія противника. Однако, трудность прорыва небольшими конными частями

¹⁾ Это одна изъ любопытнѣйшихъ фигуръ нашей смуты. О немъ я екажу нѣсколько словъ впоследствии.

почти сплошныхъ укрѣпленныхъ линій противника, неопытность молодыхъ партизанскихъ начальниковъ, а главное — несочувствіе этой загѣ большинства старшихъ кавалерійскихъ начальниковъ, опасавшихся неудачъ и потерь, — все это не дало развиваться дѣятельности партизанскихъ отрядовъ и изъ полусотни ихъ едва десять — пятнадцать кое что сдѣлали; остальные или бездѣйствовали, или же нерѣдко и безобразничали, обращая свою энергію и предприимчивость противъ мирныхъ жителей. Благодаря этому многіе отряды вскорѣ были расформированы. Изъ числа хорошихъ отрядовъ выдѣлились партизаны Чернецова и Шкуро.

Мнѣ пришлось видѣть Чернецова единственный разъ въ Штабѣ Походнаго Атамана. Маленькій, худой, очень скромный на видъ, въ чинѣ подесаула онъ имѣлъ уже орденъ Св. Георгія. Въ то время трудно было предположить, что изъ этого молодого, скромнаго офицера выйдетъ народный герой гражданской войны, человекъ, который въ самые тяжкіе дни существованія Дона умѣлъ сплотить около себя и вести въ бой противъ неизмѣримо сильнѣйшаго врага смѣлые отряды такихъ же отважныхъ людей, какъ и онъ самъ.

* * *

На «добровольческомъ» Ростовскомъ фронтѣ бои шли все время: сначала сѣвернѣе Таганрога у Матвѣева Кургана, а затѣмъ послѣ паденія Таганрога — въ районѣ вдоль линіи желѣзной дороги къ западу отъ Ростова.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Кучка добровольцевъ, въ общемъ не превышавшая трехъ тысячъ человекъ, состояла, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ и интеллигентной молодежи. Она быстро таяла въ бояхъ отъ ранъ и болѣзней; пополненій поступало очень немного. Средства были ничтожны. Не хватало ни оружія, ни патроновъ, ни одежды. Денегъ было очень мало. Богатый Ростов смотрѣлъ на своихъ защитниковъ, какъ на лишнюю обузу, можетъ быть, и справедливо считая, что горсть героевъ все равно не спасетъ его отъ большевиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ помѣшаетъ какъ нибудь договориться съ нимъ. Рабочіе же и всякій уличный сбродъ съ ненавистью смотрѣли на добровольцевъ, и только ждали прихода большевиковъ, чтобы расправиться съ ненавистными «кадетами». Лазареты были завалены ранеными добровольцами.

Мало понятное озлобленіе противъ нихъ со стороны рабочихъ было настолько велико, что иногда выливалось въ ужасныя, звѣрскія формы. Ходить въ темное время по улицамъ города, а въ особенности въ Темерникѣ, было далеко не безопасно; были случаи нападеній и убійствъ. Какъ то разъ въ Батайскѣ рабочіе сами позвали офицеровъ одной изъ стоявшихъ здѣсь добровольческихъ частей къ себѣ на политическое собесѣдованіе, при чемъ гарантировали имъ своимъ честнымъ словомъ полную безопасность. Нѣсколько офицеровъ довѣрились обѣщанію и даже безъ оружія пошли на это собесѣдованіе. Около воротъ сарая, гдѣ оно должно

было происходить, толпа окружила несчастных офицеров, завела съ ними споръ сначала въ довольно спокойнымъ тонѣ, а затѣмъ, по чьему то знаку, рабочіе бросились на нихъ и буквально растерзали четырехъ офицеровъ. . . На другой день я былъ на отпѣваніи двухъ изъ нихъ въ одной изъ Ростовскихъ церквей. Несмотря на чистую одежду, цвѣты и флеръ — видъ ихъ былъ ужасенъ. Это были совсѣмъ юноши, дѣти мѣстныхъ Ростовскихъ жителей. Надъ однимъ изъ нихъ въ безутѣшномъ отчаяніи плакала мать, судя по одеждѣ, совсѣмъ простая женщина.

Другой разъ былъ печальный случай, имѣвшій характеръ настоящей провокаціи. Въ одной изъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ Ростова происходилъ разрѣшенный властями митингъ рабочихъ. Народу было очень много. Для поддержанія порядка въ мастерской присутствовалъ юнкерскій караулъ. Во время рѣчи одного изъ ораторовъ раздался ружейный выстрѣлъ, ранившій кого-то изъ рабочихъ, какъ выяснилось впоследствии на разслѣдованіи, — дробью. . . Толпа пришла въ бѣшенство и бросилась на юнкеровъ, рѣшивъ, что выстрѣлъ сдѣланъ ими. Принужденные къ самооборонѣ, юнкера сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и убили трехъ или четырехъ человекъ. Не ожидавшіе такого рѣшительнаго отпора, рабочіе разбѣжались. Конечно, поднялся страшный скандалъ. Полетѣли телеграммы и гонцы къ Атаману, которому было донесено, что юнкера первые, безъ всякаго повода, открыли огонь по безоружнымъ рабочимъ. Въ городѣ и въ особенности въ рабочихъ кварталахъ было невѣроятное возбужденіе. Только присутствіе въ городѣ небольшихъ добровольческихъ частей еще немного сдерживало страсти. Посовѣтовавшись съ Корниловымъ ради предотвращения возможныхъ эксцессовъ, я объявилъ городъ на «военномъ положеніи» и донесъ объ этомъ ген. Каледину. Спустя нѣкоторое время, онъ вызвалъ меня къ телефону и, видимо, настроенный уже побывавшими у него представителями городской думы противъ этой мѣры, рѣзко спросилъ меня, на какомъ основаніи я отдалъ такое исключительное распоряженіе. Когда я подробно объяснилъ ему всю создавшуюся обстановку и крайнюю необходимость рѣшительныхъ мѣръ, онъ самъ черезъ нѣкоторое время еще усилилъ мою власть, объявивъ Ростовъ на «осадномъ положеніи».

Черезъ день были похороны убитыхъ рабочихъ. Руководители хотѣли сдѣлать изъ нихъ внушительную демонстрацію противъ «произвола и насилія». Были заготовлены красныя «знамена» съ разными страшными надписями. Гробы должны были нести на рукахъ; предполагалось, что соберется огромная толпа негодующихъ рабочихъ; конечно, должны были пѣть: «Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой и т. д.»

Ничего, однако, изъ этого не вышло. По приказанію Атамана я разрѣшилъ похороны со всеми приготовленными атрибутами. Депутация, которая требовала этого разрѣшенія, даже, видимо, была удивлена, что такъ легко получила разрѣшеніе, безъ всякихъ ограничений. Это вызвало у делегатовъ даже нѣкоторое разочарованіе и скрытое подозрѣніе, что затѣвается что то неладное. . .

На всякій случай, однако, изъ предосторожности я просилъ ген. Корнилова по пути шествія поставить кое-гдѣ, скрытно во дворахъ, небольшія вооруженныя части, что и было исполнено. Рабочіе, видимо, узнали объ этомъ, и на торжественныя похороны ихъ пришло очень немного, да къ тому же и возбужденіе за сутки значительно улеглось. Демонстрація вышла довольно жалкой: въ сущности вся процессія состояла изъ несчастныхъ покойниковъ и знаменосцевъ, которые испуганно озирались и косились на каждаго запертыя ворота. Все прошло совершенно спокойно.

* * *

Приходилось принимать энергичныя мѣры противъ разныхъ агитаторовъ и шпионовъ. Тюрьма была переполнена ими. Ихъ смѣло вылавливалъ энергичный комендантъ полковникъ Я., которому иногда приходилось вступать въ настоящій бой съ вооруженными негодями. Во время одной изъ такихъ перестрѣлокъ онъ былъ довольно тяжело раненъ.

Однако, ввиду многочисленности арестованныхъ подозрительныхъ личностей судебное разбирательство о нихъ сильно затягивалось, и во время оставленія нами Ростова многихъ изъ нихъ пришлось просто выпустить на волю. Среди нихъ оказался студентъ С, надъ которымъ висѣло большое подозрѣніе, что онъ настоящій агентъ большевиковъ. Впоследствии это оказалось вѣрнымъ, и онъ сдѣлалъ намъ много зла. Меня не одинъ разъ потомъ упрекали, что я своевременно его не разстрѣлялъ. Да и я самъ жалѣлъ объ этомъ. . .

До сихъ поръ еще ведется безконечный споръ между противниками и сторонниками смертной казни. Лучшіе умы человѣчества глубоко возмущались фактомъ спокойнаго, обдуманнаго судебными формальностями, убійства человека. Не одинъ Государь, начиная съ Екатерины Великой, заявлялъ при вступленіи на престолъ, что его рука не подпишетъ ни одного смертнаго приговора. Много говорилось всегда сентиментальныхъ фразъ о безчеловѣчности и безнравственности смертной казни. Въ пылу милосердія всѣ симпатіи были часто на сторонѣ «несчастнаго убійцы», а не погубленныхъ имъ жертвъ. . .

Когда то и я въ молодости также возмущался такимъ сознательнымъ убійствомъ, думая, что есть же другія наказанія — ссылка, тюрьма. . .

Но одинъ разъ мнѣ пришлось сильно задуматься надъ этимъ вопросомъ. На Дону былъ пойманъ почтенный старикъ, шестидесяти съ лишнимъ лѣтъ, который, какъ оказалось впоследствии, десять разъ бѣжалъ изъ Сибири, куда ссылался исключительно за убійства. Онъ отправилъ въ лучшій міръ 52 человекъ, причемъ иногда вырѣзывалъ цѣлыя семьи, не щадя даже грудныхъ дѣтей. Во всемъ этомъ онъ самъ сознался. Его повѣсили. Не думаю, что бы кто нибудь пожалѣлъ объ этомъ почтенномъ старикѣ. Полагаю, однако, что разстрѣлять его слѣдовало бы послѣ перваго же убійства: остались бы въ живыхъ полсотни человекъ. . .

Благодаря сентиментальности г. г. Керенскихъ и Ко., временно не разстрѣлявшихъ Ленина и всю сволочь, которую нѣмцы преподнесли намъ въ запечатанномъ вагонѣ, — погибла Россія, пролился рѣки крови и напрасно погибли десятки миллионъ людей, замученныхъ большевиками и погибшихъ отъ голода. А, вѣдь, что стоило тому же Керенскому послать въ свое время только одну роту надежныхъ солдатъ къ дворцу Кшесинской и тутъ же, на Троицкой площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ грозный Петръ вѣшалъ измѣнниковъ и казнокрадовъ, — подвѣсить бы всю эту теплую компанію, которая совершенно безнаказанно, открыто призывала солдатъ къ измѣнѣ. Я былъ въ то время на фронтѣ и не знаю, вѣрно ли мнѣ рассказывали прїѣзжавшіе изъ Петрограда, что будто бы по мысли Керенскаго, какъ министра юстиціи, предполагалось воздвигнуть на этой площади трибуну для ораторовъ, которые должны были въ жаркой словесной битвѣ разбивать и посрамлять Ленина и его сподвижниковъ, засѣвшихъ въ домѣ Кшесинской...

* * *

Между тѣмъ дѣла на обоихъ фронтахъ становились все хуже и хуже. Полковникъ Кутеповъ, доблестно дравшійся съ большевиками подъ Матвѣевымъ Курганомъ, подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника, вынужденъ былъ постепенно отходить назадъ. Таганрогъ пришлось бросить. Крестный путь совершило, уходя изъ него Кіевское военное училище, разстрѣливаемое изъ оконъ и изъ за угла озлобленными рабочими. При этомъ былъ тяжело раненъ начальникъ училища полк. Мостенко. Когда юнкера хотѣли его вынести, онъ приказалъ бросить себя, и зная, какія муки ждуть его въ плѣну у большевиковъ, — застрѣлился.

На Новочеркасскомъ фронтѣ остались только небольшіе отряды партизанъ подъ начальствомъ ген. Абрамова. Въ неравныхъ бояхъ они постепенно отходили къ югу, цѣпляясь за каждую станцію и, наконецъ, подошли къ Персіановкѣ, въ 12 верстахъ отъ Новочеркасска.

Все чаще приходилъ въ мой штабъ Корниловъ и часами по прямому проводу (телефонъ постоянно прерывался) говорилъ съ А. М. Калединымъ. Мрачнѣе тучи становился онъ послѣ этихъ переговоровъ. Онъ просилъ помощи у Донскаго Атамана, указывая на то, что еще такъ недавно Донъ выставялъ во время Великой войны до шестидесяти отличныхъ полковъ, указывая Каледину на то, что онъ не въ силахъ защищать Ростовъ со своими ничтожными силами и что, въ случаѣ его захвата большевиками, будетъ отрѣзанъ путь отступления на Кубань, — но все было напрасно. Въ отвѣтъ ген. Калединъ самъ просилъ у Корнилова помочь ему прикрыть Новочеркасскъ и усилить тѣ небольшія части добровольцевъ, которыя вмѣстѣ съ партизанами боролись подъ Персіановкой.

Грозныя, темныя тучи покрыли Донъ... Разбрелись казаки по своимъ станицамъ и каждый эгоистически думалъ, что страшная

красная опасность гдѣ то далеко въ сторонѣ и его не коснется. Отравленные пропагандой на фронтѣ, строевые казаки спокойно ждали совѣтской власти, искренно или нѣтъ, считая, что это и есть настоящая народная власть, которая имъ, простымъ людямъ, ничего дурного не сдѣлаетъ. А что она уничтожитъ прежнее начальство — Атамана, генераловъ, офицеровъ, да кетати и помѣщиковъ, — такъ и чортъ съ ними! Довольно побарствовавали...

Вообще настроеніе всего казачества въ массѣ мало чѣмъ отличалось отъ общаго настроенія Россійскаго крестьянства: казаки еще не испытали на своей шеѣ всей прелести совѣтскаго управления.

Однако, были иногда попытки помочь намъ и со стороны казаковъ. Но все это, по большей части, ограничивалось громкими словами, торжественными обѣщаніями и просьбами о помощи деньгами, оружіемъ и снаряженіемъ. Ко мнѣ приходило нѣсколько такихъ депутацій отъ ближайшихъ къ Ростову станицъ. Депутаты сплошь и рядомъ были навеселѣ и въ чрезвычайно воинственномъ настроеніи. Чуть не часами приходилось мнѣ выслушивать всевозможныя патріотическія изліянія, стратегическія и тактическія соображенія. Но прежде, чѣмъ дать имъ что нибудь, я посылаю офицера для провѣрки и, къ глубокому сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что станичный сборъ дѣлалъ воинственное постановленіе, отправлялъ депутатовъ и этимъ все дѣло и кончалось. Когда на другой день прїѣзжалъ мой офицеръ, то оказывалось, что никого собрать нельзя, и сами депутаты безпомощно разводили руками и ругали сборъ, который посылаю ихъ ко мнѣ.

Какъ то разъ мнѣ сообщили радостную вѣсть, что поднялась вся А-ская станица и послѣ станичнаго сбора, прошедшаго съ необыкновеннымъ подъемомъ, постановила сформировать двѣ пѣшихъ и одну конную сотни для рѣшительной борьбы противъ большевиковъ. Было сказано, конечно, много патріотическихъ рѣчей, проклятій большевикамъ, посланы по начальству депутаціи. Сверхъ ожиданія, сотни, дѣйствительно, были сформированы; оружія и одежды оказалось достаточно. Когда все было готово-станичниковъ, взяло раздумье: стоитъ ли посылать свои силы въ жидовскій Ростовъ или въ Новочеркасскъ, гдѣ и безъ того, кромѣ нихъ, были вооруженныя части? Помитинговали и рѣшили, что не стоитъ; лучше послать ихъ для защиты своего юрта съ сѣвера. И вотъ А-ское воинство отправилось воевать съ красными на хуторахъ верстахъ въ восьми къ сѣверу отъ станицы. Постояли тамъ два три дня безъ всякаго дѣла, потомъ погалдѣли и по чьему то совѣту рѣшили послать къ большевикамъ делегатовъ, чтобы узнать, что это за люди и зачѣмъ пришли на Донъ. Делегаты вскорѣ вернулись и доложили, что большевики такіе же люди, какъ и всѣ, и пришли они на Донъ, чтобы помочь братьямъ-казакамъ освободиться отъ дворянъ и помѣщиковъ и т. д. Докладъ происходилъ на выгонѣ за хуторомъ. Обсужденіе его и рѣчи ораторовъ затянулись до вечера. Стало холоднѣе, на землю палъ туманъ. Станичники продолжали галдѣть. Вдругъ, неожиданнымъ порывомъ вѣтра,

разсѣяло туманъ, и они, къ величайшему своему ужасу, увидѣли недалеко отъ себя въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ обнаженнымъ оружіемъ, готовый къ атакѣ конный полкъ. Съ неистовымъ воплемъ: «большаки» весь митингъ моментально разсѣялся кто куда попало. Многие бросились вилавъ черезъ рѣчку вблизи хутора, покрытую тонкимъ льдомъ и разбѣжались по степи. Часть ускакала въ станицу и сообщила туда страшную вѣсть. Всю ночь станица была въ тревогѣ, а на утро выяснилось, что такъ напугавшій храбрыхъ станичниковъ отрядъ-оказался 6-мъ Донскимъ полкомъ, который въ полномъ порядкѣ прибылъ съ фронта на Донъ и двигался на Новочеркасскъ. Наткнувшись въ туманѣ подъ вечеръ на большую шумѣвшую толпу, донцы приняли ихъ за большевиковъ и на всякій случай приготовились къ бою.

На другой день всѣ А-цы вернулись домой. Нѣкоторыхъ, неожиданно получившихъ ледяную ванну, полузамерзшихъ, ихъ жены розыскали въ степи и на саняхъ привезли домой.

Такъ грустно окончился этотъ своего рода «Ледяной» походъ . . .

Не знаю, все ли правда въ этомъ разсказѣ, который мнѣ впоследствии со смѣхомъ передавалъ одинъ изъ участниковъ этого похода. Но на правду похоже. Особенно, говорятъ, возмущены были храбростью своихъ мужей во всей этой исторіи — казачки. Онѣ потомъ не давали проходу имъ своими насмѣшками . . .

* * *

Добровольцы терпѣли очень большой недостатокъ въ артиллеріи и снарядахъ, да и вообще во всемъ у нихъ была крайняя нужда. Не одинъ разъ ген. Корниловъ и Алексѣевъ просили помощи и у меня, но что я могъ сдѣлать? У меня самого ничего не было. Богатый Ростовъ особой щедрости не проявлялъ . . .

Въ Ростовѣ стояла недавно пришедшая съ фронта казачья батарея. Я сдѣлалъ ей смотръ и въ горячей рѣчи призывалъ казаковъ помочь добровольцамъ. Дружно отвѣтили «рады стараться» и черезъ полчаса, когда я уходилъ изъ батареи, бравый молодева-тый вахмистръ смущенно доложилъ мнѣ, помимо командира батареи, что половина казаковъ просятъ отпустить ихъ въ отпускъ, добавивъ при этомъ, что съ другой половиной можно вести бой. Зная, что все равно и безъ моего разрѣшенія казаки уйдутъ, я предоставилъ рѣшеніе этого вопроса командиру батареи. Когда черезъ день, въ особенно тяжкую минуту для Кутепова, я по просьбѣ ген. Корнилова, приказалъ батарее выступить въ его распоряженіе, казаки передали мнѣ, что они на фронтъ не пойдутъ, такъ какъ ихъ мало для работы при орудіяхъ, да и кромѣ того они не желаютъ «проливать братскую кровь». Снаряды у добровольцевъ были на исходѣ. Мнѣ дали понять, что при нѣкоторомъ моемъ содѣйствіи — въ батарею можно получить негласно не только снаряды, но, можетъ быть, даже орудія. Я закрылъ глаза и предоставилъ дѣйствовать добровольцамъ; вскорѣ одно или два годныхъ орудія и весь запасъ снарядовъ былъ въ ихъ рукахъ. Казаки разбрелись по домамъ.

Довольно часто я заходилъ въ Штабъ Добровольческой Арміи. Большой домъ Парамонова кипѣлъ жизнью, какъ улей. Съ утра и до поздней ночи тамъ шла нервная, лихорадочная работа, происходили совѣщанія, приходила масса офицеровъ всякихъ чиновъ, сновали ординарцы съ донесеніями и приказаніями. Кромѣ ген. Алексѣева и Корнилова я встрѣчалъ тамъ ген. Деникина, Лукомскаго, Милюкова и много другихъ. Печать тревоги и тяжелой грусти лежала на всѣхъ лицахъ; не слышно было шутки и смѣха и громкаго разговора . . . Наблюдая иногда эту суетливую, но чуждую беспорядка и растерянности жизнь, видя этихъ украшенныхъ боевыми орденами недавнихъ героевъ Великой войны, главкомовъ, командармовъ, комкоровъ — безъ фронтовъ, армій и корпусовъ — въ роли начальниковъ крошечныхъ частей, въ общей сложности едва равныхъ 3 баталіонамъ боевого состава, — я съ глубокой печалью думалъ о родномъ Донѣ, заснувшемъ страшнымъ, непонятнымъ сномъ . . . И тяжкое предчувствіе неотвратимой бѣды и неудачи холодной змѣей заползало въ душу . . . Но жребій былъ брошенъ. Шла безпощадная борьба. Другого выхода у насъ не было . . .

Все больше и больше сжималось кольцо большевиковъ. Едва держались партизаны на Персиановкѣ. Съ величайшими усиліями, отбивая атаки красныхъ, иѣпляясь за каждую кочку, отходили добровольцы къ Ростову. Не видя помощи со стороны Атамана и опасаясь быть разбитыми у Ростова превосходными силами противника, ген. Корниловъ приказалъ присоединиться къ себѣ добровольческимъ частямъ, которыя защищали Новочеркасскъ. Это рѣшеніе, вмѣстѣ съ упорными слухами со словъ «очевидцевъ» о приближеніи большой конной массы красныхъ къ Новочеркаску, повидимому, было послѣднимъ толчкомъ, двинувшимъ несчастнаго А. М. Каледина привести въ исполненіе свое ужасное рѣшеніе — покончить самоубійствомъ . . .

Около двухъ часовъ дня 29 января онъ пустилъ себѣ пулю въ сердце.

Извѣстіе о трагической смерти Донского Атамана въ тотъ же день стало извѣстно въ Ростовѣ. Оно произвело на всѣхъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Всѣмъ казалось, что насталъ конецъ всему и что дальнѣйшее сопротивленіе большевикамъ бесполезно . . .

За недѣлю до смерти ген. Каледина моя семья переѣхала въ Ростовъ и устроилась въ квартирѣ французскаго консула, который въ это время былъ въ отъѣздѣ. Я проводилъ почти все время въ Штабѣ, приходя домой только обѣдать и ночевать. На другой день послѣ кончины А. М. я вечеромъ ушелъ въ Штабъ. Едва подошелъ къ письменному столу въ кабинетъ и зажегъ электричество, какъ изъ за ширмы, гдѣ стояла кровать (ввиду массы работы мнѣ приходилось иногда и ночевать въ Штабѣ), поднялась какая то темная фигура и двинулась ко мнѣ. Это было такъ неожиданно, что я даже сразу не узналъ, кто это былъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе изъ Новочеркасска пріѣхалъ братъ Митрофанъ Петровичъ и, не желая безпокоить меня на квартирѣ, поджидалъ меня въ Штабѣ.

Братъ сильно измѣнился: похудѣлъ и какъ-то осунулся. Настроение духа у него было крайне удрученное. Онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности смерти Каледина. Она произвела на него такое потрясающее впечатлѣніе, что онъ не въ силахъ былъ оставаться во дворцѣ и въ Новочеркасскѣ и уѣхалъ съ женой въ Ростовъ. Бѣдный братъ чувствовалъ себя совершенно выбитымъ изъ колен и положительно не находилъ себѣ мѣста. Въ Новочеркасскѣ ему дѣлать было уже нечего. Событія развивались быстрымъ ходомъ. Вновь избранный Атаманъ генералъ Назаровъ уже не въ силахъ былъ поднять упавшій духъ казаковъ и заставить ихъ бороться противъ большевиковъ. Начинаясь агонія Дона: уже не за горами было полное водворение красной власти... Вскорѣ братъ уѣхалъ съ женой въ Сальскія степи, гдѣ у него было много друзей среди калмыковъ. Здѣсь онъ надѣялся успокоиться и быть въ безопасности, такъ какъ искренно вѣрилъ, что калмыки его не выдадутъ, еслибы новые властители Дона потребовали этого.

Я не буду разсказывать здѣсь подробности дальнѣйшей судьбы бѣднаго брата... О его послѣднихъ дняхъ уже есть подробные разсказы очевидцевъ — свидѣтелей его трагедіи.

Мысль объ уходѣ Добровольческой Арміи изъ Ростова, ввиду большихъ потерь и слабой надежды удержаться въ немъ, — обсуждалась въ ея Штабѣ и раньше, вскорѣ послѣ смерти Атамана Каледина. Но пока кое-какая надежда на успѣхъ еще теплилась — уходить не рѣшались. Да и легко ли было сдѣлать это? Оставить на муки и смерть своихъ многочисленныхъ раненыхъ, которыхъ не было силъ вывезти, бросить на грабежъ и истязаніе несчастное населеніе большого города, надѣявшееся на защиту Арміи, уходить зимой, полуодѣтыми, безъ запасовъ и перевозочныхъ средствъ — куда-то въ степи, безъ определенной цѣли и плана — все это было слишкомъ тяжело для ген. Алексѣева и Корнилова!

Но желѣзная необходимость заставила рѣшиться. Выбора не было: или погибнуть всемъ въ неравномъ, жестокомъ бою, съ разъяренными, озлобленными упорнымъ сопротивленіемъ большевиками, или попытаться спасти хоть горсть людей, сохранить великую идею. Рѣшили уходить. Двигаться черезъ Батайскъ, занятый большевиками, было невозможно. Оставался единственный путь — на Аксайскую станицу и далѣе на Ольгинскую, переправившись по льду черезъ Донъ.

Получивъ извѣстіе о намѣреніи добровольцевъ покинуть Ростовъ, я со своимъ штабомъ рѣшилъ присоединиться къ нимъ. Другого выхода не было. Къ этому времени въ моемъ распоряженіи былъ только десятокъ офицеровъ штаба и нѣсколько солдатъ. Остаться въ Ростовѣ — значило — сознательно и совершенно безплезно идти на смерть.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Богаевскій.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ДОНА СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ.¹⁾

I. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА, КАКЪ ОДИНЪ ИЗЪ МЕТОДОВЪ БОРЬБЫ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ НА ДОНУ. ПЕРІОДЫ БОРЬБЫ.

Вооруженная борьба, стоившая Дону громадныхъ жертвъ, явилась послѣднимъ средствомъ, къ которому вынуждены были обратиться Донцы для спасенія себя отъ уничтоженія большевиками. Къ этому методу борьбы казачество прибѣгло, лишь исчерпавъ все средства разрѣшить вопросъ мирнымъ путемъ.

При первомъ натискѣ большевизма зимой 1917—1918 г. Донское казачество, ставъ на почву «нейтралитета», капитулировало предъ большевиками. Однако, цѣной громадныхъ кровавыхъ жертвъ Донцы скоро убѣдились въ несостоятельности идеи мирнаго разрѣшенія вопроса непротивленіемъ злу.

Принужденные къ борьбѣ съ большевизмомъ казаки ведутъ ее, какъ силой оружія, такъ и стремленіемъ къ разрѣшенію выдвинутыхъ революціей проблемъ мѣстнымъ законодательнымъ органомъ — Войсковымъ Кругомъ. Главнѣйшіе изъ этихъ тѣсно переплетающихся вопросовъ: 1) земельный и 2) урегулированіе взаимоотношеній казачества и живущаго на его землѣ крестьянства. Оба эти вопроса красной штырю проходятъ черезъ все періоды борьбы.

Первая попытка атамана Каледина привлечь крестьянъ къ разрѣшенію политическихъ и хозяйственныхъ вопросовъ края включеніемъ пногородныхъ представителей въ половинной пропорціи въ правительство («паритетъ») и созывомъ Донского Крестьянскаго Съѣзда была использована недоброжелателями казачества для обостренія, а не для смягченія конфликта между крестьянами и казаками, что облегчило занятіе большевиками Дона въ началѣ 1918 года.

¹⁾ Настоящій очеркъ является конспективнымъ изложеніемъ хода вооруженной борьбы изъ нашихъ трудовъ: „Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи — участіе въ борьбѣ Донского казачества“ и „Донъ въ борьбѣ съ коммуной — на Донѣ и Мангычѣ“. Цѣль этого очерка — облегчить читателю труды „Донской Исторической Комиссіи“ — общую ориентировку въ ходѣ вооруженной борьбы. Въ своемъ очеркѣ авторъ отводитъ главное вниманіе чисто боевымъ даннымъ, останавливаясь попутно и надъ вопросами политическаго характера. (Авторъ.)

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, приступая къ очерку вооруженной борьбы, приходится начинать съ вопросовъ чисто политическаго характера. Всегда надо помнить, что въ гражданской войнѣ политикѣ принадлежитъ громадная роль, вотъ почему и въ дальнѣйшемъ придется все время останавливаться надъ этими вопросами.

Конечно, правильно, что никакая политика въ тылу не можетъ замѣнить кавалерію на фронтѣ, однако эта политика должна облегчить условія выполнения возложенныхъ на войска задачъ.

Въ условіяхъ нормальной войны военная наука такъ опредѣляетъ взаимоотношеніе между стратегіей и политикой: обязанность стратегіи использовать все имѣющіяся въ ея распоряженіи средства для осуществленія цѣлей, поставленныхъ политикой.

Въ гражданской войнѣ вопросы политики приобрѣтаютъ особое значеніе. Если по опыту военной исторіи въ нормальной войнѣ $\frac{3}{4}$ успѣха въ бою зависятъ отъ моральныхъ данныхъ, то въ гражданской войнѣ эти $\frac{3}{4}$ падаютъ на долю политики, создающей эти моральныя данныя.

Мы, конечно, далеки отъ мысли полностью отрицать въ гражданской войнѣ законы стратегіи, необходимость имѣть хорошія боевыя войска. Но, если слѣдомъ за этими войсками, управляемыми командованіемъ въ духѣ стратегическихъ и тактическихъ требованій, будутъ двигаться ужасы всеразрушающаго тыла, создаваемые неправильной политикой тыла, нежелающаго считаться съ тѣмъ, что мы переживаемъ революцію, то никакая тактика, никакія войска ничему не помогутъ.

Принимая во вниманіе отмѣченную нами роль политики въ гражданской войнѣ, считаясь съ тѣмъ, что и военные и невоенные элементы переживаемыхъ нами моментовъ главнымъ образомъ интересуются вопросомъ разрѣшенія выдвинутыхъ революціей задачъ, мы изложеніе военныхъ событій прослѣдимъ не по періодамъ чисто военнаго, а скорѣй политическаго характера.

Преслѣдуя данную цѣль въ предлагаемомъ очеркѣ, мы примемъ ту же систему распределенія борьбы по періодамъ, которая уже нами была принята въ трудѣ «Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи. Участіе въ борьбѣ Донскаго казачества».

Періоды эти слѣдующіе:

1. Капитуляція Дона передъ большевизмомъ и практическое его знакомство съ большевиками. Декабрь 1917 — мартъ 1918 г.

2) Пробужденіе Дона, сверженіе совѣтской власти и первое очищеніе территоріи Дона отъ большевиковъ. Мартъ — ноябрь 1918 г.

3) Новыя колебанія Донскаго казачества и второе нашествіе совѣтскихъ войскъ на Донъ. Вступленіе Донскаго казачества въ составъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Ноябрь 1918 — апрѣль 1919 г.

4. Окончательное отрезвленіе Дона и второе очищеніе области отъ большевиковъ. Апрѣль—октябрь 1919 г.

5. Катастрофа 1919—1920 года на фронтѣ вооруженныхъ силъ

Юга Россіи и отходъ противобольшевистскихъ войскъ въ Крымъ. Октябрь 1919—мартъ 1920 г.
б. Крымскій періодъ.¹⁾

II. ХОДЪ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ НА ДОНУ.

1. Капитуляція Дона передъ большевизмомъ и практическое знакомство его съ большевиками.

Декабрь 1917 — Мартъ 1918 г.

а) Общее положеніе къ началу борьбы.

Составъ Донскихъ войскъ къ осени 1917 г. ген. Деникинъ²⁾ опредѣляетъ въ 60 конныхъ полковъ и 72 отдѣльныхъ сотни изъ общей численности всѣхъ казачьихъ войскъ въ 162 полка, 171 отд. сотни и 24 пѣш. батальона.

Какъ видимъ—сила внушительная. Однако изъ всей этой массы въ первый характеризуемый нами періодъ активной борьбы противъ большевизма казачество ничего не дало на защиту Дона. Вся защита въ это время легла тяжелымъ бременемъ на слабыхъ числомъ, но мощныхъ духомъ партизанъ. Казачьи массы не только не помогли этому героическому движенію, одухотворявшемуся тогда еще не омраченнымъ идеаломъ, но въ первое время проявляли враждебность ко всѣмъ, кто пытался удержать хоть пядь русской земли, на которой можно было бы организовать сопротивление надвигающемуся ужасу.

Попытку уклоненія казачьихъ массъ отъ активнаго выступленія противъ натиска большевизма зимой 1917—1918 г. можно объяснить, какъ нами уже указывалось выше, желаніемъ испробовать средства мирнаго разрѣшенія конфликта. Однако, это рѣшеніе столь компромисснаго характера является вполне опредѣленнымъ указаніемъ, что въ это время охватившее армию разложеніе уже коснулось донскаго казачества.³⁾

Если этотъ развалъ у казаковъ не проявлялся такъ, какъ онъ проявился во всей арміи, если казаки не знали дезертирства, то внутренней надломъ въ сторону развала уже произошелъ. Вѣдь не всѣ казачьи полки пришли на Донъ вооруженными. Нѣкоторымъ, въ видѣ выкупа за открытіе пути къ берегамъ роднаго Дона, иногда, вѣдь, приходилось сдавать осѣненное боевыми подвигами оружіе не-

¹⁾ После эвакуація Новороссійска авторъ, отбывъ за границу, не принималъ въ борьбѣ никакого участія; это обстоятельство вынуждаетъ его отказаться отъ изслѣдованія вооруженной борьбы крымскаго періода за отсутствіемъ о немъ соответствующихъ источниковъ.

²⁾ „Очерки русской смуты“, т. II, с. 116-126.

³⁾ Ген. Денисовъ въ своихъ „Запискахъ“ кн. I посвящаетъ особыя страницы для опроверженія моего взгляда на развалъ фронтнаго казачества, хотя доказательства его не подтверждаются ходомъ событій.
(Авторъ.)

дисциплинированнымъ, трусливымъ тыловымъ крикунамъ, явившимся почему-то выразителями настроеній и народа и фронта.

Тотъ же надломъ характеризуется и пропастью, легкой между «дѣдами» и «фронтовиками» — надломъ во всякомъ случаѣ граничащій непосредственно съ разваломъ, ярко обнаружившимся въ первый періодъ борьбы.

б) Партизаны и добровольцы.

Первымъ признакомъ натиска большевизма на Донъ явилась ультимативная телеграмма 9 (22) ноября атаману Каледину отъ имени Черноморскаго флота. Слѣдомъ за этимъ въ серединѣ (концѣ) ноября большевики двинули карательную экспедицію на Донъ съ сѣвера, причемъ главковерхъ Крыленко призываетъ къ борьбѣ съ казаками «ожесточеннѣй, чѣмъ съ врагомъ внѣшнимъ».

26 ноября уже происходитъ въ Ростовѣ большевистскій переворотъ.

Активными борцами въ этотъ періодъ противъ большевиковъ являются двѣ силы:

1. мѣстные — партизаны и
2. пришлые — добровольцы.

Толчекъ организациі партизанъ данъ ростовскими событіями и отказомъ прибывающихъ съ фронта казачьихъ частей стать активно на защиту демократически настроеннаго атамана Каледина, еще на Московскомъ съѣздѣ высказавшаго симпатіи въ пользу республиканскаго строя.¹⁾

Изъ партизанскихъ отрядовъ безсмертную славу создалъ себѣ отрядъ молодого, энергичнаго и самоотверженнаго Чернецова. Начало организациі его отряда относитъ на 30 ноября ст. ст.

Отрядъ охраняетъ Воронежскую ж.-д. магистраль, однако, онъ не остается неподвижно на одномъ мѣстѣ, а съ молниеносной быстротой перебрасывается въ различныхъ направленіяхъ, постоянно захватывая противника и вызывая въ его рядахъ панику. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ набѣговъ Чернецова нужно отнести: налетъ на Дебальцево 25 декабря 1917 г., на Глубокую 18 января 1918 г., и печальный по своей развязкѣ для партизановъ бой у Глубокой 20 января, закончившій чернецовское наступленіе отъ Каменской, начатое 19 января. Отрѣзанный частями мечтающаго объ атаманской булавы Голубова, Чернецовъ погибъ въ неравной борьбѣ. Съ гибелью его въ отрядѣ не стало той увѣренности, которую всегда умѣлъ внушить Чернецовъ.

Необходимо отмѣтить, что главный контингентъ партизанъ составляла учащая молодежь, проявлявшая особую чуткость къ желанію атамана Каледина по совѣсти рѣшить серьезные вопросы, выдвинутые революціей въ области мѣстной жизни.

Что касается добровольцевъ, то упреки въ тѣ времена по ихъ адресу въ «контръ-революціонности» врядъ-ли заслуживаютъ серьезнаго вниманія, такъ какъ во главѣ этого движенія стояли такіе люди, какъ

¹⁾ Миллюковъ. — «Исторія второй русской революціи», т. II. стр. 139 и 275.

ген. Алексѣевъ и Корниловъ. Прекрасныя боевыя качества свои добровольцы проявили при взятіи Ростова и на Таганрогскомъ направленіи.

Вполнѣ понятно, что горсть партизанъ и добровольцевъ не могла остановить натиска большевиковъ.

Увидѣвъ безучастное, вѣрнѣе, недоброжелательное отношеніе казачества къ своей попыткѣ спасти Донъ, Калединъ 29 января 1918 г. кончаетъ самоубійствомъ.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ вооруженной борьбы Каледину не суждено было сыграть роли. Роль его ярко проявилась въ недалекомъ прошломъ и можетъ быть охарактеризована сердечнымъ стремленіемъ разрѣшить казаче-крестьянскій конфликтъ.

Собравшійся «Малый Войсковой Кругъ» установилъ фактъ полнаго своего безсилія. Оставалось еще одно средство — попытка переговоровъ съ большевиками, но въ это большинство не вѣрило. Тогда рѣшено было оставшимися еще вѣрными идейному антибольшевистскому движенію людьми бѣжать изъ столицы Дона.

Куда?

Недалеко отъ Дона, отъ его политическаго центра, но въ глушь.

Единственно подходящимъ мѣстомъ являлись Сальскія степи, отъ которыхъ и отрядъ, совершавшій свой походъ, названъ «Степнымъ». Во главѣ отряда стоялъ Походный Атаманъ П. Х. Поповъ, которому не удалось убѣдить добровольческое командованіе принять его планъ, какъ и добровольцамъ — ихъ. Тѣ и другіе пошли въ разныя стороны искать спасенія.

Силы Степного отряда по исчисленію П. Х. Попова въ то время опредѣлялись около 2.000 всадниковъ при двухъ конныхъ батареяхъ. Силы добровольцевъ по ихъ исчисленіямъ — около 2 1/2 тыс. боевого элемента.¹⁾ Это все, что проявило твердую моральную стойкость противъ большевистскаго натиска. Говорить о физической стойкости этой горсточкѣ ищущихъ Родины людей можно, ознакомившись съ ихъ тяжелыми мытарствами.

На долю Степного отряда выпали тяжелыя лишенія, но врядъ ли они были больше, чѣмъ лишенія, постигшія оставшуюся по домамъ донскую интеллигенцію. И степняки, и домосѣды пригодились Дону въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Поведеніе, проявленное зимой 1917—1918 г., казачьими массами, подавшимися гнусной пропагандѣ классоваго антагонизма, въ проведеніи котораго особенно сильно пострадалъ офицерскій составъ, чернымъ пятномъ ляжетъ на всю жизнь на совѣсть многихъ казаковъ, пытавшихся спасти свою шкуру выдачей офицерства. Казакъ повѣрилъ, что проникнутые духомъ интернаціонализма вожаки большевизма, въ громадномъ процентномъ отношеніи представляемые не русскимъ элементомъ, ближе имъ, чѣмъ свои офицеры, жившіе всегда общими интересами съ рядовыми казачьими массами.

¹⁾ Ген. Лукомскій — «Изъ воспоминаній», Арх. Рус. Рев., т. V. с. 141.

2. Пробужденіе Дона, сверженіе совѣтской власти и первое очищеніе территоріи отъ большевиковъ.

Мартъ—Ноябрь 1918 г.

а) Начало возстанія на Дону.

Скоро капитулировавшее казачество разочаровалось въ новой власти, дѣятельность которой ознаменовалась мѣрами, имѣющими цѣлю — уничтоженіе казачества, какъ такового, и безконтрольное распоряженіе всѣмъ его добромъ. Среди многочисленныхъ жертвъ большевистскаго режима были — Баянъ Донскаго казачества Митрофанъ Богаевскій, первый выборный Временный атаманъ, предѣстникъ Каледина Волошиновъ, избранный на постъ атамана Назаровъ, около 300 офицеровъ, изъ коихъ 200 погибло въ Новочеркасск¹⁾ и около 400 человекъ гражданъ, находившихся въ Новочеркасск²⁾. Много кровавыхъ жертвъ было и внѣ Новочеркасска.

Этого было достаточно, чтобы вызвать недовольство, вылившееся ранней весной 1918 г. въ грозное возстаніе.

Весенній мартовскій вѣтерокъ, пріятно возбуждавшій сердце казака-земледѣльца, вмѣстѣ съ напоминаніемъ о скоромъ началѣ тяжелой трудовой дѣятельности, приноситъ и рѣшеніе о необходимости избавиться отъ гнета.

Первой встрепенулась 21 марта (ст. ст.) ст. Суворовская, за ней поднялась ст. Нижне-Чирская, гдѣ во главѣ повстанцевъ становится бродившій по Чирскимъ степямъ съ группой молодежи полк. Мамантовъ. Дальше волна захватываетъ 1-й Донской округъ, вспышку возстанія въ окружной станицѣ котораго дала группа молодежи, рѣшившая потребовать отчета у комиссаровъ; окружной съѣздъ довершаетъ это дѣло.

Въ Манычской происходитъ 1 и 2 апрѣля съѣздъ причеркасскихъ станицъ, въ Задоньи поднялись Егорлыцкая, Мечетинская, Кагальницкая. Въ Луганскомъ районѣ и въ Мигулинской вспышка происходитъ въ надеждѣ на помощь подходящихъ нѣмцевъ, еще 15 февраля занявшихъ Кіевъ.

На сѣверѣ вспыхнуло возстаніе въ Урюпинской, удачно поднятое учащейся молодежью.

1 апрѣля горсть казаковъ пригородныхъ станицъ Кривянской, Заплавской, Бесергеновской и Раздорской подъ общимъ руководствомъ полк. Фетисова производятъ налетъ на Новочеркасскъ.

Забурлилъ, закипѣлъ весь Донъ «сверху донизу».

Однако возстаніе, въ виду необъединенности возставшихъ, не дало такихъ результатовъ, которые можно было бы ожидать отъ этого стихійнаго взрыва. Доказательствомъ слабости повстанцевъ явилось очищеніе казаками уже 4 апрѣля Новочеркасска и отходъ группы въ 300 человекъ на Кривянку подъ начальствомъ назна-

¹⁾ Ген. Денисовъ, „Записки“, стр. 44.

²⁾ Тоже, стр. 50.

ченнаго «Совѣтомъ Оборонны» командующаго Арміей генерала К. С. Полякова.

4 и 5 апрѣля группа сосредоточивается въ Заплавской въ количествѣ около 600 офицеровъ¹⁾, къ которымъ примкнули уже и казаки. Вдохновителемъ и организаторомъ ея становится начальникъ штаба, ген. шт. полк. Денисовъ.

Первымъ отряднымъ фактомъ, отмѣченнымъ въ этой группѣ, является сердечное стремленіе рядовыхъ казачьихъ бойцовъ вновь подойти къ покинутому имъ офицерству и стать съ нимъ въ тѣ же теплыя и искреннія отношенія²⁾, какъ это было всегда до революціи.

Однако слабость силъ, недостатокъ оружія, отсутствіе техническихъ средствъ и связи съ внѣшнимъ міромъ — все это волнуетъ, нервируетъ возставшихъ, проявляющихъ иногда признаки раскаянія въ своемъ героическомъ движеніи.

А что если неудача? — тяжелымъ молотомъ бьеть въ голову неотвязная мысль.

Но вотъ 9 апрѣля до Заплавской группы доходятъ вѣсти о степнякахъ П. Х. Попова, уже изъ района Нижне-Курмоярской и о движеніи съ юга къ Дону Добровольцевъ. «Всѣ эти свѣдѣнія, — говоритъ ген. Денисовъ, внесли полное успокоеніе и надежду на недалекое свѣтлое будущее³⁾. Къ этому времени силы группы уже опредѣляются въ 6 т. бойцовъ при 6 орудіяхъ.

Тѣмъ временемъ, какъ на Дону происходятъ описанныя событія, ген. Поповъ, прошедшій съ боями долиной р. Маныча въ юго-восточный уголъ Области, чувствовалъ себя въ полномъ одиночествѣ, ничего не зная о развертывающихся событіяхъ, но твердо вѣря въ предстоящее пробужденіе Дона. Видимо послѣдняя надежда вызываетъ движеніе степняковъ съ приближеніемъ весны на сѣверъ къ верховью Сала.

Наконецъ, 26 марта (8 апр.) ген. Поповъ уже получаетъ свѣдѣнія о возстаніи по всему Дону, внизъ отъ станицы Нижне-Чирской. Эта вѣсть вызываетъ у него окончательное рѣшеніе идти къ Дону, тѣмъ болѣе, что ближайшія придонскія станицы просили его помощи и двинули уже свои части къ нему навстрѣчу.

б) Принятіе мѣръ къ организаціи арміи.

12—13 апрѣля ген. Поповъ, войдя въ связь съ возставшими беретъ въ свои руки всю гражданскую и военную власть, причемъ въ первыхъ его мѣропріятіяхъ опредѣленно проглядываетъ цѣль дать организацію стихійному движенію, т. е. сдѣлать то, чего до сихъ поръ не хватало.

Въ военномъ отношеніи имъ организуются три группы:

1. Сѣверная — изъ бывшихъ степняковъ.
2. Южная, бывшая Заплавская, подъ начальствомъ ген. Денисова и
3. Задонская — подъ начальствомъ Семилѣтова.

¹⁾ Ген. Денисовъ „Записки“, стр. 50.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже, стр. 65.

Однако, въ эти важныя минуты объединенія, давало себя знать непріязненное отношеніе между штабами походнаго атамана и заплавской группы. Причину этому необходимо искать въ личныхъ самолюбіяхъ, переоцѣнкѣ каждой группой своихъ достоинствъ и стремленіи обвинить другую группу въ неправильности рѣшеній, одухотворявшихъ дѣйствія предыдущаго періода.

А между прочимъ постановка вопроса была весьма простая: объ группы разными способами осуществляли одинъ и тотъ же планъ — спасти собственную жизнь. Степняки облекли это дѣло въ красивую, идейную форму; оставшіеся же дома дѣйствовали такъ въ силу сложившейся обстановки, однимъ изъ элементовъ которой для жителей Новочеркасска, напимѣръ, является экстренность выступления степняковъ 12 февраля, безъ широкаго о томъ оповѣщенія гарнизона.

На почвѣ этихъ непріязненныхъ отношеній вновь назрѣвалъ развалъ въ южной группѣ, въ тылу которой находились безпокойныя станицы Мелеховская, Семикаракорская съ достаточнымъ количествомъ въ нихъ большевистскаго элемента. Однако, развалъ былъ предотвращенъ неудачнымъ наступленіемъ большевиковъ на Запавы изъ Новочеркасска 18 апрѣля (1 мая). Это наступленіе было приурочено къ революціонному празднику 1-го мая (нов. ст.), но вмѣсто громкой побѣды оно принесло войскамъ главковерха Антонова полную неудачу, сопровождавшуюся захватомъ южной группой 8 запряженныхъ орудій, 5 т. снарядовъ 200.000 патроновъ и 4 автомобилей.

Врядъ-ли успѣхи весенняго выступления правильно объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что во главѣ движенія явились люди сильнаго характера, твердой воли, страстные патриоты, способные владѣть умами казаковъ¹⁾. Пожалуй, больше значенія нужно придать съ одной стороны особенностямъ темперамента казаковъ, а съ другой — внѣшнимъ обстоятельствамъ, благоприятствовавшимъ казачьему движенію, а именно-приближеніе къ Дону нѣмцевъ, имѣвшихъ цѣлью захватомъ богатаго юга Россіи закрыть потокъ проявившагося недовольства въ массахъ изголодавшагося германскаго народа . . .

Праздникъ Пасхи 1918 г. ознаменовался для Новочеркасска счастливымъ событіемъ: использовавъ замѣшательство противника, вызванное приближеніемъ нѣмцевъ, Южная группа внезапною натискомъ на зарѣ 23 апр. занимаетъ Донскую столицу. Радостными привѣтствіями «Христосъ Воскресе» встрѣтили жители избавителей, оказывая имъ радушный приемъ. Во главѣ ворвавшихся въ городъ казаковъ былъ Черкасскій полкъ. Вся сила отряда опредѣлялась въ 3000 пѣхоты, 1000 конницы, 5 орудій и 7 пулем.²⁾

Въ виду того, что въ это время всѣ дѣйствія большевиковъ были приурочены лишь къ ж. дорогамъ, а путь на сѣверъ изъ

¹⁾ П. Н. Красновъ — «Отъ двуглаваго орла къ красному знамени», т. 3, стр. 410.

²⁾ Отчетъ Командующаго Донской Арміей. (Къ I-му Б. В. Кругу августа 1918 г.), стр. 3.

Александровска-Грушевска былъ прегражденъ нѣмцами, вышедшими на Воронежскую магистраль изъ Луганскаго Раіона, противникъ 24 и 25 апрѣля ведетъ наступленіе отъ Персіяновки, чтобы пробиться на Ростовъ. Подоспѣвшая помощь Дроздовскаго полка, пробивавшагося съ румынскаго фронта къ добровольцамъ, и конницы Сѣверной группы рѣшили бой въ пользу казаковъ.

25 апрѣля (8 мая) казаки съ востока, а нѣмцы съ запада одновременно входятъ въ Ростовъ, гдѣ выяснилось пораженіе большевиковъ подъ Таганрогомъ и паническое ихъ бѣгство. Къ этому же времени Добровольческая армія уже вошла въ южную часть Донской Области, занявъ 21 апрѣля (4 мая) станицу Егорлыцкую. Занятіе 28 апрѣля (11 мая) казаками полк. Фетисова Александро-Грушевска, сѣвернѣе Новочеркасска, окончательно закрѣпляетъ за ними столицу Дона.

Почти одновременно Ермаковско-Екатерининскимъ отрядомъ полк. Исаака Быкадорова одержана блестящая побѣда у Бѣлой Калитвы, а 19-го апрѣля Мигулинцы разгромили бѣжавшую отъ нѣмцевъ группу противника, оказавшуюся изолированной по занятіи нѣмцами Черткова. Мигулинцы захватили 12 орудій, 52 пулемета, 2000 винтовокъ, 15.000 патроновъ и обозъ, и ихъ успѣхъ поднимаетъ казанцевъ, вешенцевъ и каргинцевъ. Окружной съѣздъ Верхне — Донскаго округа свергаетъ совѣтскую власть и ставитъ во главѣ округа и мѣстныхъ войскъ ген. Алферова.

Такимъ образомъ результатомъ мѣсячной борьбы было очищеніе Донцами части Второго Донскаго Округа, почти всего Перваго Донскаго, большей части Черкаскаго и Верхне-Донскаго округовъ. Нельзя обойти молчаніемъ помощь отряда полковника Дроздовскаго у Новочеркасска и помощь Добровольческой Арміи на югѣ. Весь Таганрогскій и правобережная часть Ростовскаго округа были очищены подошедшими съ запада нѣмцами, а западная часть Донецкаго округа совмѣстными дѣйствіями казаковъ и нѣмцевъ, къ помощи которыхъ обратились нѣкоторые изъ станицъ по собственному почину. Въ рукахъ противника къ 1 мая остаются: южная часть Ростовскаго округа, Сальскій, лѣвобережная часть 2-го Донскаго со среднимъ теченіемъ Чира, восточная часть Донецкаго округа и почти цѣликомъ оба сѣверныхъ округа — Усть-Медвѣдицкій и Хоперскій.

«Кругъ Спасенія Дона», заставшій съ 28 апрѣля (11/V) по 5/18 мая, въ первую голову обращаетъ вниманіе на мѣропріятія военнаго характера.

На походнаго атамана возложена организациія постоянной арміи и общее руководство всѣми операціями и всѣми безъ исключенія находящимися на Донской территоріи войсками. Возможно, что послѣднее рѣшеніе явилось первопричиною новаго ухода Добровольческой Арміи обратно на Кубань. Другой причиной, повидимому, является желаніе избѣжать встрѣчи съ нѣмцами.

Далѣе возстановлена прежняя форма одежды въ арміи, въ станицахъ возстановлены прежнія выборныя власти, постановлено мобилизовать 5 призывовъ казачества и немедленно принять

въ казаки всѣхъ участниковъ защиты Дона отъ большевиковъ.

3/16 мая 107 голосами противъ 13 при 10 воздержавшихся на постъ временнаго атамана избранъ генералъ Красновъ, извѣстный Дону по Европейской войнѣ, а также и литературной дѣятельности, давшей ему имя. Ему вручается полная власть до собранія Большого Войскового Круга и поручается защита Дона.

Атаманъ поручаетъ командованіе и формированіе арміи начальнику Заплавской группы генеральнаго штаба полковнику Денисову, при которомъ формируется штабъ арміи. Особое вниманіе обращается на созданіе постоянной арміи изъ младшихъ возрастовъ, начавшихъ прибывать по призыву 19 мая (2 іюня). Главной задачей, поставленной командованію, является — планомѣрная вооруженная борьба съ красной гвардіей для очищенія отъ нея Области средствами мобилизованной дѣйствующей арміи.

Такимъ образомъ отъ способа партизанской борьбы донское казачество въ началѣ мая 1918 г. переходитъ къ нормальному способу веденія войны.

в) Результаты централизаціи военнаго управленія.

Централизація власти быстро даетъ себя знать въ области организаціи арміи: въ началѣ мая Донское командованіе уже имѣетъ 17.000 организованныхъ бойцовъ при 21 орудіи противъ 70.000 бойцовъ при 200 орудіяхъ большевиковъ.

Внѣшнимъ образомъ централизація военной власти свелась къ уничтоженію должности походнаго атамана и къ созданію одного войскового штаба, принявшаго въ свои руки 14 оказавшихся на Дону отрядовъ и задавагося цѣлью сліянія этихъ группъ въ болѣе крупныя для облегченія управленія.

Объявленное къ 8 мая «Положеніе о военной службѣ казаковъ и калмыковъ Д. В.» включало слѣдующія основныя данныя:

I. Обязательная служба между 19—40 г. г., изъ коихъ 2 г. въ строевомъ разрядѣ и 19 лѣтъ въ запасномъ (6 лѣтъ — первая очередь и 11 лѣтъ — вторая).

Жеребьевтанье по станицамъ между 1—15 сентября; льготы по болѣзни, семейственному и имущественному положенію.

II. Въ мирное время — 12 конныхъ полковъ (6 сот.), 2 пластунскихъ и 2 стрѣлковыхъ полка (3 бат.) и техническія части; въ военное — 36 конныхъ полковъ, 8 стрѣлковыхъ и 8 пластунскихъ полковъ, съ соответствующими техническими средствами.

III. Казенное обмундированіе и лошади.

Для подготовки урядниковъ созданъ учебный полкъ, для подготовки офицеровъ реорганизовано Новочеркасское военное училище и сформирована офицерская школа.

Приступлено къ изданію уставовъ и программъ обученія.

Опытъ показалъ, что въ области организаціонной работы многое носило слишкомъ парадную, показную сторону, совершенно не жизненную въ условіяхъ гражданской войны. Къ работѣ этого характера необходимо отнести изданіе новыхъ уставовъ, которые такъ и остались никѣмъ нечитанными. Проще было закрѣплять дисциплину практическимъ обученіемъ, пользуясь уставами старыми. Въ такіе горячіе моменты время не ждетъ и эту работу нужно отнести на періодъ мирнаго времени.

Однако увлеченіе въ этой области не шло въ ущербъ боевому порыву, пользуясь которымъ командованіе успѣшно выполняетъ поставленную ему задачу.

Слѣдующимъ шагомъ Донского командованія было очищеніе ж. д. Царицынъ-Лихая для связи съ возставшими казаками сѣвера Дона, тѣснившими большевиковъ къ Грязе-Царицынской ж. д. и въ юго-восточный уголъ Воронежской губерніи.

Къ началу (серединѣ) іюня на сѣверѣ большевики были оттѣснены на ж. д. Царицынъ-Поворино. На правомъ берегу Дона осталась лишь группа большевиковъ въ 15.000, прикрывавшая работы по возстановленію ж.-д. моста черезъ Донъ, крайне необходимаго противнику для вывоза всего награбленнаго въ Царицынъ. Къ этому времени у Донцовъ уже было подъ ружьемъ до 40.000 при 56 орудіяхъ и 179 пулеметахъ, силы же противника уменьшились до 65.000 при 170 орудіяхъ и 350 пулеметахъ.

Такъ опредѣляется напряженіе Дона лишь для пополненія боевой силы арміи, для несенія же тыловой службы было привлечено все населеніе, включая стариковъ, женщинъ и дѣтей, на которыхъ также лежали и всѣ заботы по хозяйству.

Чувствуя надвигающуюся опасность на Царицынъ центральная совѣтская власть въ серединѣ (концѣ) мая высылаетъ въ Царицынъ дѣятелей изъ центра. Однако это не помогло: казаки, желая обезпечить р. Дономъ коммуникаціонную линію для своего Царицынскаго фронта, изгоняютъ большевиковъ съ праваго берега Дона на Царицынскомъ направленіи. Одновременно къ 22 іюня (5 іюля) они очищаютъ отъ большевиковъ весь лѣвый берегъ, оттѣснивъ часть лѣвобережной группы противника на югъ въ Ставропольскую губернію, а часть непосредственно къ Царицыну.

Къ началу (серединѣ) іюля силы казаковъ опредѣлялись уже въ 50.000 при 92 орудіяхъ и 272 пулеметахъ противъ 63.000 бойцовъ, 198 орудій и 372 пулеметовъ противника. Такимъ образомъ за 2 мѣсяца правильно организованной борьбы съ большевиками напряженіе Дона увеличилось уже втрое, что и дало блестящіе результаты.

Къ началу (серединѣ) августа 1918 г. вся территория Дона, кромѣ 5 станицъ восточной части Сальскаго округа, уже была очищена отъ большевиковъ, причемъ на югѣ большую помощь Дону оказала Добровольческая Армія, вышедшая въ тылъ Ростовской группѣ противника. При такомъ положеніи Донское Правительство даже нашло возможнымъ ослабить напряженіе, распустивъ по домамъ старшіе возрасты; въ началѣ (серединѣ) августа имѣлось на фронтѣ до 40.000 бойцовъ при 93 орудіяхъ и 281 пулеметѣ

противъ 40.000 бойцовъ, 132 орудій и 260 пулеметовъ противника.

Такъ сложилась обстановка на Дону къ моменту сбора Верховнаго хозяина Донской земли — выборнаго Войскового Круга, работавшаго отъ 15 (28) августа до 20 сентября (3 окт.).

Важнѣйшей организаціонной работой произведенной въ области управления войсками, является сведеніе къ 1 августа арміи изъ 14 отрядовъ въ шесть: 1. отрядъ ген. Грекова въ Ростовскомъ районѣ, 2. полковника Быкадорова — въ Великокняжескомъ районѣ, 3. полк. Таплина — на Салѣ (Цымылянское направление), 4. ген. Мамантова — на Царицынскомъ направленіи, 5. ген. Фицхелаурова — въ верховьи Медвѣдицы и 6. полк. Алферова — противъ Поворина; небольшая группа была выдвинута противъ Богучара (Воронежской губ.).

Группировка противника въ крупныхъ чертахъ была такова: 1. на ж. д. Царицынъ-Великокняжеская въ районѣ ст. Куберле-Жутово — группа Шевкоплясова около 10.800 бойцовъ, 2. Царицынская группа Харченко — ок. 10.000, 3. Иловлинская (на ж. д. Царицынъ-Поворино) — Тулака — около 3000, 4. груп. Миронова около 7000 противъ Усть-Медвѣдицкаго округа (районъ Лопуховка-Елань), 5. Поворинская группа — около 5300 и 6. Калачевская — около 1400 бойцовъ.

Вся западная граница совершенно обезпечивалась занятіемъ Украины нѣмцами, что чрезвычайно облегчало выполнение обороны Дона съ востока и сѣвера.

Всетаки, достигнутые результаты не обезпечиваютъ Донъ отъ угрозы нападеній противника извнѣ, что вызываетъ необходимость озаботиться занятіемъ наиболее опасныхъ узловыхъ и крупныхъ пунктовъ, прилегающихъ къ границамъ Области, какъ Царицынъ, Камышинъ, Балашовъ, Поворино, Новохоперскъ, Калачъ (Воронежскій) и Богучаръ.

Эта задача и ставится донскому командованію Кругомъ въ особомъ указѣ отъ 18 августа (1 сентября) и объявляется въ приказѣ Войску N 844.

Говоря о состояніи вооруженныхъ силъ Дона къ настоящему моменту, нужно указать на улучшеніе технического снабженія арміи, что можетъ быть характеризовано:

1. организаціей телеграфно-телефонной линіи протяженіемъ въ 2960 вр. и радіо-телеграфной по линіи Новочеркасскъ-Вешенская-Усть-Медвѣдицкая.

2. Доведеніемъ числа самолетовъ до 4-хъ дѣйствующихъ и 6-ти въ стадіи ремонта.

3. Наличіемъ одной готовой броневой машины, двухъ ремонтирующихся и одной строящейся.

Кромѣ того, на фронтѣ находилось около 30 автомобилей, изъ коихъ большинство трофейныхъ. Въ Новочеркасскѣ у должностныхъ лицъ одновременно находилось 14 машинъ, что служитъ довольно знаменательнымъ показателемъ начала тыловыхъ увлеченій въ ущербъ интересамъ фронта.

Въ области-снабжения арміи оружіемъ главными источниками являлись: а) трофейная добыча — т. е. самоснабженіе войскъ самихъ себя собственными средствами и б) получка отъ нѣмцевъ. Последнимъ способомъ въ серединѣ мая и концѣ іюня было получено 25 орудій, 79 пулеметовъ, ок. 11 тысячъ винтовокъ, 14 миллионовъ патроновъ и 118 тысячъ снарядовъ.

Азовско-донской заводъ былъ приспособленъ къ передѣлкѣ иностранныхъ патроновъ на русскіе, къ производству капсулей, фугасныхъ и полевыхъ снарядовъ и пр. Въ Новочеркасскѣ открыта орудійная мастерская.

Вопросъ интендантскаго снабженія, несмотря на стремленіе официальныхъ отчетовъ отгнѣнить дѣятельность органовъ снабженія, нужно отнести также болѣею частью къ способамъ самоснабженія. Что касается обмундированія, то сѣтовать на неполученіе его отъ войска — казачество, по совѣсти говоря, не можетъ, т. к. по рукамъ его разошлось снаряженіе полковъ и батарей, привезенное съ фронта. Простое наблюденіе за одеждой обывателей станицъ свидѣтельствовало о наличіи громадныхъ запасовъ бывшаго казеннаго обмундированія у населенія.

г) Вооруженная борьба арміей. — Руководство борьбой.

Освѣщеніе принятыми собравшимся Кругомъ «Основными законами Всевеликаго Войска Донскаго»¹⁾ идей Государственности Дона естественно кладетъ отпечатокъ и на всю военную іерархію. Къ сожалѣнію, въ этой области воспринято было много вредныхъ пережитковъ обще-русской старины. Однимъ изъ наиболее большихъ золъ явился — непомерный ростъ тыла при замѣтной его бездѣятельности и проявленіи бюрократизма и невниманія къ нуждамъ арміи.

При самомъ добросовѣстномъ отношеніи квартирмейстерской части (вѣдающей военно-оперативной частью) къ дѣлу — нельзя не замѣтить въ работѣ извѣстнаго рода кустарнаго творчества и отсутствія размаха въ смыслѣ оцѣнки всей сложности обстановки.

Напримѣръ: дѣятельность развѣдывательнаго органа штаба почти исключительно сводилась къ выпуску ежедневныхъ сводокъ по даннымъ, получаемымъ съ фронта. Дальше этого не шло и даже штабъ арміи въ моментъ съѣзда Круга не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о положеніи на фронтахъ міровой войны, ни о положеніи на отдѣльныхъ совѣтскихъ фронтахъ.

Въ руководствѣ операціями явно проглядывалъ одинъ главный недостатокъ — командованіе не держало въ рукахъ арміи. Все руководство ею хотя и шло внѣшнимъ образомъ по программѣ, но фактически подчинялось явленіямъ, проявлявшимъ себя внѣ воли

¹⁾ Такое громкое и несомнѣнъ серьезное (не по времени) историческое названіе войска, съ не особой охотой принято Кругомъ по настоянію атамана Краснова, вообще задававшася цѣлью возобновить былую красивую старину казачьихъ „вольностей“, воспринимая все старое хорошее и отбрасывая все вредное. (Авторъ.)

командования. Въ результатъ такой работы создается какая-то кордонная система веденія операций — т. е. разброска по всему фронту болѣе или менѣе равномерно при отсутствіи резервовъ. Это въ известной мѣрѣ объясняется еще нежеланіемъ борцовъ отрываться отъ своихъ родныхъ районовъ.

Слѣдствіемъ этой работы въ рамкахъ довольно ограниченнаго кругозора явилась неправильная оцѣнка всей обстановки въ общемъ. Въ частности переоцѣнка силъ нѣмцевъ, вызвавшая борьбу группъ на почвѣ вопроса объ — «оріентаціяхъ». Въ то время, какъ походъ нѣмцевъ являлся проявленіемъ истощенности Германіи въ борьбѣ, т. е. ея слабости — верхами Дона этотъ походъ былъ оцѣненъ, какъ проявленіе силы. Однако, несмотря на это, кой-что изъ нѣмцевъ выдавить удалось: — обезпеченіе западной границы, полученія оружія и др.

Тѣмъ не менѣе даже при всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, донскому атаману Краснову, проявившему недюжинный организаторскій талантъ, удалось создать то, чего пока еще не было на Дону — армію. Заслугу въ этомъ отношеніи, по справедливости нужно отнести исключительно къ нему, вложившему въ дѣло всю душу и мечтавшему создать изъ Дона, дѣйствительно, что-то мощное, грозное, а не мифическое, колеблющееся и пытающееся приноровиться къ русской пословицѣ «и нашимъ и вашимъ».

Неотразимое впечатлѣніе на членовъ Круга произвела представленная атаманомъ 16 (26) августа Донская молодая армія. Даже опытный военный глазъ не могъ отличить эту молодежь отъ бывшихъ славныхъ полковъ, знамена которыхъ не были посрамлены въ мировой войнѣ.

Восторгъ членовъ Круга вылился въ пылкой красивой рѣчи его председателя В. А. Харламова и привѣтномъ, ободряющемъ окликѣ Круга въ лагерь «Донскихъ орлятъ» въ видѣ указа-воззванія.

д) Попытка выхода за границу Области. — «Пограничная болѣзнь».

Уже въ эти дни ликования свѣтлый горизонтъ омрачился новыми грозными тучами.

Не на долго хватило у казаковъ приподнятаго настроенія.

У предмѣстій цитадели большевизма на Донскомъ фронтѣ — Царицына подъ вліяніемъ большевистской пропаганды волна побѣдоноснаго натиска донцовъ остановилась. Начинается новая болѣзнь «пограничная»¹⁾ Весь остальной періодъ борьбы Дона эта

¹⁾ „Пограничную болѣзнь“ первоначальнаго періода борьбы казаковъ съ большевиками далеко нельзя разсматривать, какъ простое проявленіе „шкурничества“, — напротивъ она носитъ въ себѣ глубокія психологическія основанія.

Первоначальнымъ проявленіемъ ея были въ Сѣверныхъ округахъ, главнымъ образомъ на Хоперскомъ фронтѣ. Казаки этихъ округовъ, какъ напр. Усть-Медвѣдицкомъ, на опытъ убѣдились въ опредѣленно враждебномъ отношеніи Донского крестьянства къ попыткѣ казаковъ освободиться отъ большевистской власти. Крестьяне явно сочувствовали ей и только въ силу простого страха перешли организованной

болѣзнь, выразившаяся въ нежеланіи казаковъ выходить за предѣлы Области, ложится тяжелыми оковами на руки донскихъ властей. Здѣсь нужно признать, что сепаратизмъ — въ которомъ обвиняютъ нѣкоторые донское казачество, не имѣлъ мѣста. Просто на просто говорилъ шкурный вопросъ.

Это настроеніе казаковъ можетъ быть охарактеризовано слѣдующей выдержкой изъ классической рѣчи на одномъ изъ Круговъ, произнесенной депутатомъ-казаконъ:

«Я коснуся одному, г. г. члены: такъ какъ мы на той поприщѣ стоимъ, шобы свою не отдать, а чужово намъ не надо, то надо до тово добиться, шобы эти флажки (указываетъ на карту) назадъ не передвигались, но и въ даль далеко не пушались. . . Россія? . . . Конечно, держава была порядочная, а нынѣ произошла въ низость. . . Ну, и пушай. . . У насъ и своихъ дѣловъ не мало собственныхъ. . . Прямо сказать, г. г. члены, кто пропитанъ казачествомъ, тотъ своею не долженъ отдать — дурно. . . А на счетъ Россіи повременить. Пушай Кругъ идетъ къ той намѣченной цѣли, шобы спасти родной край — пригребай къ своему берегу. . . Больше ничего не имѣю, господа члены». . .

Эта простонародная логика, безусловно присуща всѣмъ русскимъ народнымъ массамъ, но въ ней нѣтъ и намекъ на сепаратизмъ, подъ которымъ, конечно, не подведешь мѣткую и все говорящую мысль: «пригребай къ своему берегу.»

Можно ли упрекать этого простого оратора, что онъ такъ сильно любитъ свой Донъ? Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ не любитъ Россіи? Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ «сепаратистъ» или «самостійникъ»?

Силой казаковъ, они не выступали открыто на сторонѣ большевиковъ, но при всякой малѣйшей возможности къ этому, — они опредѣленно занимали сочувствующую большевикамъ позицію.

И только за весьма ничтожными исключеніями крестьяне выступали на сторонѣ казаковъ и чуть-ли не единственная волость во всей Донской Области, небольшая слободка Ефремовка, Усть-Медвѣдицкаго округа, съ перваго же дня вооруженной борьбы съ большевиками стала въ ряды казаковъ.

Обычное же оправданіе крестьянъ было злобное напоминаніе казакамъ о „1905“ годѣ.

Когда 12 января 1918 г. въ слободкѣ Михайловкѣ, Усть-Медвѣдицкаго округа, было убито крестьянами свыше ста человекъ Донскихъ казачьихъ офицеровъ, во главѣ съ популярнымъ въ кругѣ присяжнымъ повѣреннымъ (соціалистомъ), сотникомъ Н. П. Лащнымъ, — то избивавшіе ихъ творили свое кровавое дѣло съ ловушкой: „Это вамъ за 905 годъ“.

Иное отношеніе къ борьбѣ казаковъ съ большевиками было у крестьянъ пограничныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи, изъ которыхъ крестьяне, помимо сочувствія этой борьбѣ, цѣлыми дружинами вступали въ ряды казачьихъ войскъ и населеніе оказывало полное содѣйствіе казачьимъ полкамъ, пока это сочувствующее настроеніе не было дѣлами „Южной Арміи“ измѣнено не только въ недовѣрчивое, но враждебное къ казакамъ.

Такого настроенія не было въ населеніи пограничныхъ уѣздовъ Тамбовской и Саратовской губерній, гдѣ пришлось какъ-разъ дѣйствовать сѣвернымъ округамъ и гдѣ проявлена была впервые „пограничная болѣзнь“.

Казаки не безъ основанія говорили:

— Чего они пойдутъ за свои границы, если само населеніе не желаетъ освобождаться отъ большевиковъ, а это значитъ, что они ему по душѣ и пусть оно съ

На такія непреодолимые преграды натолкнулось командование при выполнении задачи по захвату узлов ввѣ Области, хотя армия уже была доведена до 31 тыс. бойцовъ при 79 ор. противъ 66600 при 233 ор. противника. Наиболее опаснымъ оружиемъ враговъ въ это время является пропаганда въ духѣ распространения заразы «пограничной болѣзни» путемъ развитія идей ходового термина «безъ аннексій».

Песмотря на это на лѣвомъ флангѣ Донцамъ сопутствовали успѣхъ: 26 августа (8 сент.) они заняли г. Калачь, 22 сентября (5 окт.) г. Павловскъ. Далѣе, разбивъ контръ-ударную группу противника, Донцы послѣдовательно занимаютъ станцію Таловую и г. Бобровъ и 10 (22) ноября переправу черезъ Донъ на Юго-Восточной ж. д. станцію Лиски. Послѣ этого ударомъ на юго-востокъ они захватываютъ 18 ноября (1 декабря) г. Новохоперскъ. Такимъ образомъ, всюду имъ удалось выдвинуться за границу Донской Области.

На фронтѣ Новохоперскъ-Царицынъ отбиты всѣ настойчивыя атаки противника, и къ серединѣ (концу) ноября онъ всюду отброшенъ въ Саратовскую губернію, но для этого пришлось здѣсь войска усилить за счетъ Воронежскаго направленія, оголивъ послѣднее довольно сильно.

На главномъ Царицынскомъ направленіи, сдержавъ первый порывъ казаковъ, большевики 9 (22) августа перешли въ наступленіе отъ Царицына по всѣмъ ж. д. и вновь подошли къ р. Дону. Введеніемъ въ дѣло молодыхъ полковъ въ началѣ (серединѣ) сентября удалось возстановить положеніе и вновь выдвинуться къ Царицыну. Противникъ получилъ новыя подкрѣпленія и, при содѣйствіи подошедшей отъ Ставрополя съ юга прорвавшейся группы Жлобы, ему удалось отбѣснить Донцовъ на линію Гнило-Аксацкая—

ними и живеть, а мы, освобождая ихъ, свои семьи бросимъ на своихъ крестьянъ-большевиковъ.

Въ этихъ разсужденіяхъ лежитъ одна изъ основныхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокихъ причинъ, заставлявшихъ казаковъ упорно отказываться переходить границы своей Области.

Казаки еще не успѣли забыть той враждебной позиціи, какую заняли въ отношеніи ихъ, съ перваго же дня революціи, — крестьянство и иногородное населеніе собственной Области и населеніе огромной территоріи Россіи, на всѣ лады вторявшее нелѣпныя обвиненія казакамъ въ провалѣ революціи 1905 года.

Казаки знали, что въ 1905 году они честно выполнили свой долгъ передъ Родиной-Россіей и спасли ее отъ того развала, къ какому она пришла въ 1917 году, но они прекрасно видѣли теперь, — что эта же доблестная заслуга ставится имъ въ вину. Едва ли, послѣ этого, ихъ нежеланіе идти изъ предѣловъ своей Области, хотя бы и по стратегическимъ соображеніямъ и съ явнымъ вредомъ для собственнаго края, при наличіи безпримѣрныхъ подвиговъ въ борьбѣ на собственной территоріи, — можно объяснить простымъ „шкурничествомъ“ или, тѣмъ болѣе, нелѣпными обвиненіями въ казачьемъ „сепаратизмѣ“.

И приводимый авторомъ очерка характерной рѣчи замороженнаго степного оратора, на Кругѣ предшествовали долгіе и горячіе дебаты, въ разъясненіе простой строй массѣ всей стратегической тонкости значенія необходимости занятія такихъ важныхъ узловыхъ пунктовъ, какъ напр., Царицынъ, Поворино и Лиски и въ результатѣ этого Войсковой Кругъ отдалъ Указъ своимъ войскамъ о переходѣ границъ и безпрекословномъ исполненіи распоруженій команднаго состава. (Редакція.)

Ляпичево—Калачь—р. Донъ до устья р. Иловли. Одновременно съ этими боями Донцамъ удается очистить отъ противника весь восточный уголъ Сальскаго округа, причемъ части силъ большевиковъ подѣ командой Жлобы, какъ сказано выше, удалось пробиться къ Царицыну.

е) Реорганизация Совѣтской арміи.

Изслѣдуя ходъ вооруженной борьбы настоящаго періода, необходимо отмѣтить происшедшій за это время печальный для казаковъ фактъ реорганизации краснымъ командованиемъ своей арміи на общевойсковыхъ основахъ съ отказомъ отъ всѣхъ дикихъ нововведеній, развалившихъ старую русскую армію. Начало этой реорганизации было положено весной 1918 г. уничтоженіемъ выбора начальствующихъ лицъ. Слѣдующимъ шагомъ были декреты Троцкаго отъ 12 іюня 1918 г. о переходѣ отъ отрядовъ къ системѣ мобилизации рабоче-крестьянскаго элемента.¹⁾

Первыя совершенно ясныя документальныя данныя изъ перехваченныхъ у противника оперативныхъ сводокъ (7—10 октября) о реорганизации арміи и о задачахъ противника сводились къ слѣдующему:²⁾

1. Задача-разгромъ Донской и Добровольческой Арміи и передача Донской Области и Сѣв. Кавказа «революціонному элементу», т. е. большевикамъ. Осуществленіе ея — наступленіе на Донскомъ фронтѣ съ передышкой на сѣверной части дуги Дона; начало наступленія въ началѣ октября, къ каковому времени съ Уральскаго фронта перебрасывались на Донской новыя части.

Изъ шести сформированныхъ на югѣ совѣтскихъ армій противъ Дона дѣйствовали: VII — на Воронежскомъ направленіи (ок. 10 тыс.), IX — на Тамбовскомъ (ок. 20 тыс.), X — на Царицынскомъ (ок. 31 тыс.), и Степной отрядъ (ок. 6 тыс.) — противъ Сальскаго округа. Всего противъ Дона — 70 тыс. пштыковъ, 8 тыс. сабель, болѣе 310 ор. Вмѣсто отрядной системы вводится номерная дивизионная организція, причемъ въ VIII арміи были 12 и 13 дивизіи, въ IX — 14, 15, 16 и дивизія Миронова, а въ X пока осталась старая система названій. Однако, что касается вопроса организціи, все таки въ описываемый періодъ, намѣченная осенью 1918 г. совѣтской программой реорганизация арміи еще не была осуществлена полностью. Отдѣльные отряды были уже переименованы въ дивизіи, но до организціи, отвѣчающей требованіямъ военнаго искусства, было далеко. Недоставало хорошей дивизионной конницы, не было достаточнаго количества тяжелой артиллеріи, не хватало аэроплановъ и вообще техники; вновь образованныя дивизіи были весьма различнаго состава (отъ 2 до 10 тыс., какъ устанавливали данныя развѣдки).

¹⁾ А. И. Андюгскій — «Какъ создавалась красная армія въ совѣтской Россіи» — глава «Основы строительства совѣтской арміи.» (Авторъ.)

²⁾ В. Добрынинъ — «Матеріалы объ организціи и силахъ красной совѣтской арміи по даннымъ къ періоду ноябрь-декабрь 1918 г.» стр. 31. (Авторъ.)

Серьезность положенія въ выводахъ о сложившейся обстановкѣ, оцѣнивалась, между прочимъ, развѣдывательной частью донской арміи такъ:

п. 11) «Вообще, совѣтская власть является серьезной опасностью для антибольшевистскихъ организаций. Для борьбы съ нею должны быть привлечены широкія массы путемъ демократическихъ реформъ по образцу Дона. Кроме того, весьма необходимо объединеніе всѣхъ антибольшевистскихъ организаций путемъ созданія единого общаго фронта.»¹⁾

Какъ видимъ къ зимѣ 1918 г. южный фронтъ привлекаетъ общее вниманіе совѣтской власти, тогда какъ до этого времени весь центръ тяжести интереса по всѣмъ даннымъ лежалъ на Колчаковскомъ фронтѣ.

Фактъ происшедшей тамъ политической перемѣны, выразившейся въ сверженіи 18 ноября директоріи и въ установленіи диктатуры Колчака не произвелъ никакого впечатлѣнія на донскія казачьи массы. Если для нихъ чѣмъ-то далекимъ рисовалась сейчасъ Москва, то Сибирь, Колчакъ были еще дальше и чѣмъ-то еще совершенно неопредѣленнымъ. Казаки мало говорили о власти, но громко высказывали свои надежды на помощь съ востока, на которомъ имъ чѣмъ-то героическимъ, непобѣдимымъ рисовалась чехо-словацкая организация, боевыя качества которой вызывали восторгъ среди донского казачества.

Такимъ образомъ, вопросъ о соединеніи съ Колчакомъ²⁾ являлся мечтой Донской власти, выполнить же его было совершенно невозможно по двумъ причинамъ: 1. «пограничная болѣзнь» и 2. невозможность открыть фронтъ на Москву — отсюда Дону грозила главная опасность.

Главнѣйшими вопросами, разрѣшеніемъ которыхъ можно было привлечь къ борьбѣ массы, по прежнему оставались — земельный и казаче-крестьянскій.

По земельному вопросу Кругъ постановилъ отчужденіе частновладѣльческихъ и церковныхъ земель съ нѣдрами и лѣсами для удовлетворенія малоземельныхъ казаковъ и «коренныхъ крестьянъ», причемъ купленные земли отчуждались съ уплатой стоимости по купчимъ актамъ; съ 7 (20) сентября прекратились всѣ частныя сдѣлки на землю. Одновременно принятъ законъ и о выходѣ изъ общины.

Въ вопросѣ взаимоотношеній съ крестьянствомъ Кругъ опять сталъ на точку зрѣнія пріема въ казачество активныхъ борцовъ противъ большевизма и даже принялъ въ свой составъ крестьянина, избраннаго депутатомъ отъ одного изъ казаче-крестьянскихъ полковъ, признавъ за нимъ полномочія

¹⁾ В. Добрынинъ „Матеріалы объ организаціи . . .“, стр. 41. (Авторъ.)

²⁾ Этотъ вопросъ требуетъ широкаго изученія, дабы выяснитъ истинныя возможности его осуществленія. Что онъ близокъ многимъ изъ участниковъ борьбы на югѣ, это ясно хотя бы изъ того интереса, который былъ проявленъ эмиграціей къ извѣстному письму ген. Врангеля, посланному въ «Волю Россіи» 18 ноября 1920 г. Разную оцѣнку этому вопросу даютъ Гинсъ въ книгѣ «Сибирь, союзники и Колчакъ», и Зензиновъ въ «Государственный переворотъ адм. Колчака». (Авторъ.)

члена Круга. Далѣе 19 сентября (2 октября) принимается законъ о принятіи въ казачество не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя общества, сельскія и волостныя, съ предоставленіемъ этого права власти атамана. Такимъ образомъ крестьянству предоставлялось право на закономѣрную получку земли.

3. Новыя колебанія донского казачества и второе нашествіе совѣтскихъ войскъ на Донъ; вступленіе донского казачества въ составъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

(Ноябрь 1918 — апрѣль 1919.)

а) Объединеніе южно-русскаго командованія.

Ноябрь 1918 г. внесъ перемѣну обстановки съ оттѣнкомъ, сильно неблагоприятнымъ для Дона.

Прежде всего противникъ уже сосредоточилъ противъ Донцовъ громадную армію въ 131.000 чел. при 153 орудіяхъ.

Положеніе Донцовъ ухудшилось съ переворотомъ въ Германіи: нѣмцы очистили Украину, обнаживъ лѣвый флангъ донской арміи.

Къ этому же времени относится и разочарованіе казачества въ ожидаемой помощи союзниковъ.

Все это повліяло на казачьи умы.

Въ декабрь 1918 г. Верхне-Донцы открываютъ фронтъ противнику какъ разъ на самомъ слабомъ пунктѣ его, гдѣ бездѣйствовала полуразвалившаяся VIII-я армія большевиковъ.

Не безъ основанія считаютъ, что развалу Донцовъ именно на Воронежскомъ направленіи способствовала между прочимъ попытка созданія здѣсь «Южно-Русской арміи». Эта армія, Астраханскій и Саратовскій корпуса, создавались съ цѣлью передачи участковъ донского фронта по мѣрѣ выдвигенія за границу Области.

Южная Армія, сформированная на нѣмецкія деньги, видимо, привлекавшая теперь неказачье офицерство монархическими лозунгами и хорошими окладами, оказалась совершенно небоеспособной.¹⁾ Это было бы полъ бѣды, но ужасное отношеніе ея къ крестьянству страшно озлобило послѣднее и безъ того настроенное противъ «кадетъ». Эти данныя, проверенныя точно Донскимъ командованіемъ, послужили мотивомъ къ расформированію Южной арміи, но дѣло фронта этимъ поправить не удалось.

Не могло измѣнить положеніе и появленіе въ Новочеркасскѣ такъ долго жданныхъ союзниковъ, т. к. выяснилось въ результатѣ, что донцы не могутъ надѣяться на активную помощь извнѣ.

¹⁾ Изъ „воспоминаній ген. Лукомскаго“, Арх. Русс. Рев., т. V, стр. 183—185. „Всеобщее Войско Донское“ — П. Н. Краснова, тамъ-же, стр. 242—245. Какъ началась Южная Армія — герцог. Лейхтенбергскій, тамъ же, т. VIII, стр. 166—183. (Авторъ.)

Также определенно выяснилось и давление съ целью заставить Донского Атамана подчиниться добровольческому командованию.¹⁾

26 декабря (8 янв.) на станции Торговой состоялось соглашение между атаманомъ Красновымъ и генераломъ Деникинымъ, по которому послѣдній принялъ на себя командование всеми вооруженными силами Юга Россіи. Мѣра объединенія относилась только къ оперативному объединенію, не затрагивая Донское казачество въ прочихъ отношеніяхъ. Главнокомандованіе проявляло настойчивое желаніе захватить въ свои руки безконтрольное распоряженіе Дономъ, съ чѣмъ Донской атаманъ, конечно, не могъ согласиться. Естественно, что руководство казачьимъ движеніемъ должно было находиться въ рукахъ самихъ казаковъ и было вообще странно, почему главнокомандованіе такъ настойчиво хотѣло прибрать къ рукамъ казачество и взять въ свои руки всю власть, въ то время, какъ исполнителями должны были быть казаки.

Вопросы «оріентации» вообще являлись вопросами боевыми. Въ нихъ различные политическіе дѣятели пытались найти отвѣтъ путемъ заручки определенной реальной помощи одной изъ столкнувшихся на аренѣ мировой войны сторонъ. При такой постановкѣ вопроса даже многіе политическіе дѣятели съ явно-союзническими симпатіями были введены въ заблужденіе появленіемъ нѣмцевъ на югъ Россіи.

Въ тѣ времена официально донской атаманъ держался союзнической оріентации, неофициально было замѣтно тяготѣніе къ нѣмцамъ.²⁾ Это одна изъ причинъ, поколебавшихъ прочностъ положенія ген. Краснова на атаманскомъ посту.

Главной причиной, конечно, является неудача на фронтѣ, гдѣ побѣда противнику досталась исключительно такимъ оружіемъ, какъ пропаганда. Даже стойкое положеніе фланговыхъ участковъ фронта не помогло положенію, создавшемуся съ разваломъ центра.

На лѣвомъ флангѣ въ Луганскомъ районѣ-введенный въ дѣло послѣдній резервъ изъ частей постоянной арміи, доблестно отбивая всѣ атаки противника, прочно удерживалъ западную границу. На Царицынскомъ направленіи съ 20 ноября (3 дек.) начались атаки Донцовъ, имѣвшія конечной целью занятіе Царицына. Бои шли непрерывно до начала (середины) января съ неизмѣннымъ успѣхомъ для Донцовъ. 5 (18) января казаки стояли уже передъ самымъ Царицыномъ, гдѣ принуждены были сдѣлать небольшую остановку для подготовки къ штурму укрѣпленной позиціи. Въ это время въ войскахъ Царицынской группы противника происходило броженіе и лишь терроръ, успѣхи на остальномъ фронтѣ, да активная дѣятельность лучшей по духу конной дивизіи Думенко, развернувшейся позже въ два корпуса (Думенко и Буденый), смогли удержать Царицынскую группу противника отъ полного развала.

12 (25) января сверхчеловѣческими усиліями совѣтскаго командованія, было начато контръ-наступленіе и на Царицынскомъ на-

¹⁾ К. Соколовъ — „Правленіе ген. Деникина“ стр. 64—66. (Авторъ.)

²⁾ К. Соколовъ — „Правленіе ген. Деникина“. Стр. 64, 66, 89. (Авторъ.)

правленіи. Въ это время въ донскія войска Царицынскаго района уже докатилась зараза развала остального фронта, и на всемъ фронтѣ Донская армія должна была отходить, теряя все добытое съ такими жертвами. Переутомленное непосильной войной и обманувшееся въ ожиданіяхъ помощи союзниковъ казачество дрогнуло не передъ силой противника, а передъ его пропагандой.

Въ періодъ этихъ тяжелыхъ переживаній Дона на сѣверномъ Кавказѣ Добровольческая Армія, усиленная кавказскими казаками и горцами, переживала блестящія побѣды, причемъ здѣсь вновь выдвигается на сцену громадная роль конницы, о примѣненіи которой создавались разнорѣчивыя мнѣнія въ періодъ Европейской войны. Если тамъ въ условіяхъ непрерывности фронтовъ и при наличіи колоссальныхъ техническихъ средствъ конница была связана въ своей работѣ, то здѣсь ей представлялась блестящая арена дѣятельности.

Потеря духа и увѣренности являлись въ это время не только участію рядового казачества; мысль о возможности разрѣшенія неравной борьбы миромъ начала зарождаться въ головахъ нѣкоторыхъ интеллигентовъ.

Въ результатъ этихъ колебаній въ февралѣ 1919 года сохранившіе въ себѣ, силу и увѣренность остатки расплывшейся Донской арміи отошли за р. Донецъ, прикрывъ столицу Дона.

1 (14) февраля вновь собрался Донской Кругъ, продолжавшій свои работы до 1 (14) іюня. Въ своей вступительной рѣчи атаманъ Красновъ, объяснилъ причины новой болѣзни казачества переутомленіемъ, растяжкой фронта съ 800 на 1200 верстъ и потерей вѣры въ помощь союзниковъ, но успокоилъ подходомъ на помощь добровольцевъ и невидимой, но существующей технической помощью союзниковъ. Рѣчь ободрила Кругъ, однако, ему хотѣлось все-таки найти виновника неудачъ и имъ былъ признанъ командующій арміей ген. Денисовъ, объясненія котораго о причинахъ разстройства фронта были признаны неудовлетворительными, и Кругъ выразилъ ему недовѣріе.

Надо отдать справедливость, что докладъ вышелъ очень слабымъ. Докладчикъ не сумѣлъ использовать матеріалъ, наглядно доказывавшій, что причина неудачъ отнюдь не зависитъ исключительно отъ боевыхъ качествъ войскъ.

Необходимо отмѣтить, что въ числѣ оппозиціи противъ командованія выступали изъ состава Круга и нѣкоторые офицеры генеральнаго штаба. Одна часть ихъ обвиненій обращала на себя особое вниманіе. Въ упрекъ командованію, между прочимъ, было поставлено, что имъ не были приняты необходимыя мѣры по укрѣпленію границы области. Въ частности было указано на отсутствіе «узловъ сопротивленія», подготовленныхъ для закрѣпленія на нихъ отходящихъ войскъ.

Странно было слышать эти обвиненія отъ специалистовъ военнаго дѣла, которые изъ опыта гражданской войны должны бы были уже вывести заключеніе, что въ гражданской войнѣ въ моментъ развала никакіе «узлы сопротивленія» не играютъ рѣшающаго значенія.

Выраженное недоверіе атаманъ Красновъ принимаетъ на свой счетъ и проситъ Кругъ принять его отставку, если онъ не измѣнитъ рѣшенія о командующемъ арміей. Однако отставка была принята, и власть временно переходитъ въ руки председателя совѣта управляющихъ генерала Богаевского.

Въ дни правительственнаго кризиса 3 (16) февраля на Кругъ прибываетъ ген. Деникинъ. Въ отвѣтъ на рядъ привѣтствій онъ заявляетъ Кругу о подходе на помощь уже развернутому на лѣвомъ флангѣ Донцовъ Добровольческому корпусу еще и кавказцевъ и высказываетъ надежду, что, покончивъ дѣло у себя, «казаки и горцы, вмѣстѣ съ добровольцами пойдутъ на сѣверъ спасать Россію». Подъемъ на Кругъ былъ неописуемъ, какъ и устроенный ген. Деникину овалъ. Это настроеніе, безусловно, передалось находившемуся недалеко отъ Новочеркасска фронту и поддержало его утѣшающій духъ; Донцы увидѣли, что они не одни.

6 (19) февраля ген. Богаевскій, братъ безвременно погибшаго Баяна Донского казачества, избирается 239 голосами круга изъ 293 на должность атамана.

Не отказавшись отъ принятія въ свои руки власти въ такіе тяжелые для арміи дни новое командованіе въ лицѣ генеральнаго штаба генерала Сидорина и начальника штаба ген. Кельчевскаго приступаетъ къ энергичной работѣ закрѣпленія положенія на Донѣ.

Къ этому времени въ рядахъ ея насчитывалось всего 15.000 бойцовъ, при 108 орудіяхъ и 444 пулеметахъ. Правда, несмотря на свои «успѣхи» и совдепскія войска довели до Донца 90.000, что является характернымъ показателемъ ихъ настроеній въ этотъ моментъ.

б) На Донцѣ и Маньчѣ.

Новое командованіе рядомъ энергичныхъ мѣръ мѣшаетъ противнику овладѣть налетомъ столицей Дона. На рубежѣ Донца были напряжены послѣднія силы Дона: выдвинутъ послѣдній резервъ — 1-я Донская (молодая) дивизія и вновь кликнуть кличъ партизанамъ. Здѣсь же была получена помощь Добровольцевъ и Кавказцевъ. Все это вдохнуло новыя силы въ армію и вновь возродило увѣренность въ побѣдѣ.

Выдвинутая на фронтъ молодая гвардія, а главнымъ образомъ казаки ближайшихъ станицъ, 19 февраля (4 марта) даютъ первый отпоръ противнику, переправившемуся на правый берегъ Донца южнѣе ж. д. Царицынъ-Лихая, и разстраиваютъ его смѣлый планъ овладѣть Новочеркасскомъ, вливая этимъ начало бодрости въ общее настроеніе арміи.

Въ періодъ 25—28 февраля (10—13 марта) ободренными войсками отбито второе наступленіе противника, пытавшагося переправиться черезъ Донецъ между указанной выше ж. д. и Юго-Восточной ж. д. Къ этому времени на лѣвый флангъ Донской Арміи подошли кубанцы, что, вмѣстѣ съ удачей двухъ послѣднихъ операций, укрѣпляетъ въ арміи вновь зародившуюся надежду на успѣхъ.

Весь мартъ прошелъ въ тяжелыхъ бояхъ на лѣвомъ флангѣ арміи и на стыкѣ съ добровольцами. Слабость силъ и необходимость отбиваться ими во все стороны съ переброской по разнымъ направленіямъ вызываютъ у донского командованія, правильно оценившаго значеніе конницы, рѣшеніе примѣненія крупныхъ ея соединений. Первый успѣхъ этого способа борьбы выяснился 18 февраля въ удачныхъ для донцовъ бояхъ въ Луганскомъ районѣ, гдѣ кулакъ изъ двухъ конныхъ дивизій сыгралъ важную роль. Въ періодъ 1 (14)—3 (16) марта усиленный новыми частями этотъ кулакъ, направленный на востокъ, снова бьетъ противника, переправившагося черезъ Донецъ, между Юго-Восточной ж. д. и ж. д. Царицынъ-Лихая, захватывая 50 орудій и 200 пулеметовъ. Кубанская конница тоже успѣшно дѣйствуетъ въ Луганскомъ районѣ въ періодъ 14 (27) апрѣля — 24 апрѣля (7 мая), что, вмѣстѣ съ успѣхами добровольцевъ въ Бахмутскомъ районѣ, окончательно обезпечиваетъ лѣвый флангъ Донцовъ.

Тогда противникъ принимаетъ новый планъ, рѣшая разрѣзать Донъ и Кубань выходомъ въ тылъ Донцовъ, лѣвымъ берегомъ Дона отъ Царицына на Ростовъ, причемъ вся сила удара была рассчитана на конномъ корпусѣ Думенко. Положеніе было спасено подходомъ кубанцевъ и добровольцевъ, задержавшихъ противника на линіи ж. д. Ростовъ-Торговая, причемъ и здѣсь главная роль выпала на долю конницы. Это даетъ командованію Донской Арміи мысль о созданіи особаго плана по очищенію Дона, тѣмъ болѣе, что для этого нужны были быстрыя мѣры, въ виду установленнаго возстанія въ Верхне-Донскомъ округѣ и въ другихъ занятыхъ большевиками районахъ Дона.

Вспыхнувшее въ концѣ февраля возстаніе противъ коммуны верхне-донцовъ облегчило борьбу, вызвавъ оттяжку силъ съ фронта. Въ первую недѣлю марта на повстанческій фронтъ краснымъ командованіемъ были оттянуты изъ VIII-й арміи два полка и два заградительныхъ отряда, изъ IX-й 2½, кавалерійскихъ полка, 1 пѣхотный и 14 маршевыхъ ротъ. Позже, къ 19 марта были взяты еще три полка изъ VIII-й арміи (12 дивизій) и 1 кавалерійскій полкъ, 3 заградительныхъ отряда и отдѣльный батальонъ изъ IX-й арміи. Однако и послѣ этой оттяжки преимущество силъ остается за повстанцами, насчитывавшими 25 тыс. человекъ, но не имѣвшими достаточно оружія, боевыхъ припасовъ и команднаго персонала.

Операции 2-й половины февраля и всего марта — образецъ умѣлаго использованія донскимъ командованіемъ слабыхъ силъ для того, чтобы бить противника по частямъ — образецъ умѣлаго маневрированія.

Здѣсь же подтверждается могущественное значеніе при данной обстановкѣ конныхъ массъ, которыя проявили себя нисколько не хуже конницы противника.

Что касается восхищенія особыми боевыми качествами конницы Буденнаго и Думенко, то опираясь на факты, можно утверждать, что конница эта не обладала какими-либо непобѣдимыми качествами, а имѣла успѣхъ лишь тамъ, гдѣ у ея противника не

хватало стойкости, или когда у него былъ подорванъ духъ, или же во время развала противника. Этотъ взглядъ можно подтвердить эпизодами изъ всѣхъ періодовъ борьбы, включая и примѣръ операций на польскомъ фронтѣ лѣтомъ и осенью 1920 г.

Въ разсматриваемый періодъ, корпуса Думенко и Буденнаго уже существовали (въ видѣ дивизій) и дѣйствовали на направленіи Царицынъ-Тихорецкая, однако, рѣшительныхъ побѣдъ не достигли. Наоборотъ въ майскомъ наступленіи 1919 г. обѣ эти дивизіи, потерпѣвъ рядъ неудачъ на Манычѣ, отходятъ передъ конницей Кавказской арміи.

Конница Буденнаго и Думенко была совершенно такая же, какъ и казачья конница Юга, дѣйствуя успѣшно тамъ, гдѣ не было особенно тяжелыхъ условий.

Если казачья конница боялась красной, то и конница группы Буденнаго и Думенко дѣйствовали очень осторожно, когда имѣли передъ собой не деморализованную казачью конницу. Не было у нихъ должнаго кавалерійскаго порыва даже и въ дни неудачъ южанъ въ концѣ 1919 г., не было у нихъ до 1920 г. и глубокихъ, смѣлыхъ рейдовъ въ тылъ противника.

Чтобы очертить вопросы чисто военного характера, необходимо отмѣтить, что въ описываемый періодъ Донская Армія была реорганизована.

Рѣшено было отказаться отъ громоздкой и несоотвѣтствующей числу находящихся въ боевой линіи бойцовъ организациі вооруженныхъ силъ Дона, раздѣлявшихся до этого времени на 3 арміи.

Не останавливаясь передъ могущими быть неудовольствиями со стороны, главнымъ образомъ, команднаго состава всѣхъ степеней, заинтересованнаго въ существованіи большего числа должностей съ высшими окладами, донское командованіе рѣшило уничтожить всѣ излишніе штабы и тыловыя учрежденія въ интересахъ увеличения за ихъ счетъ боевого состава частей.¹⁾

По новой организациі всѣ арміи были переименованы въ три отдѣльныхъ корпуса, корпуса — въ дивизіи, дивизіи — въ конницы или пластунскія бригады трехполкового состава съ легкимъ или коннымъ артиллерійскимъ дивизиономъ двухбатарейнаго состава на каждую бригаду; бригады — по 2—3 должны были включаться въ дивизіи.

Вообще проводилась идея созданія бригадъ, входящихъ въ составъ дивизій, исключительно оперативнаго боевого соединенія, свободнаго отъ всякихъ излишнихъ тыловъ, съ передачей всѣхъ хозяйственныхъ функций въ управленіе дивизій.

При проведеніи этой реформы командованію пришлось вести ожесточенную борьбу, ввиду нежеланія многихъ начальствующихъ лицъ отказаться отъ собственныхъ выгодъ.

Кромѣ этой реорганизациі было обращено особое вниманіе на созданіе резерва офицерскихъ чиновъ, съ чѣмъ до сихъ поръ не считались совершенно.

¹⁾ Въ этомъ духѣ былъ сдѣланъ докладъ квартирмейстерской частью послѣ обследованія вопроса путемъ командировки офицеровъ генеральнаго штаба на фронтъ.

Къ сожалѣнію командованію пришлось работать при неблагоприятныхъ условіяхъ, характеризующихся попыткой Круга¹⁾ вмѣшиваться въ чисто оперативныя дѣла и желаніемъ нѣкоторыхъ членовъ его внести въ армію систему коллективнаго командованія, подчинивъ командующаго арміей всецѣло комиссіи по оборонѣ не только въ хозяйственномъ, но и въ оперативномъ отношеніи. Здѣсь не мѣсто распространяться на тему непригодности этой системы въ военномъ дѣлѣ. Достаточно сослаться на примѣръ большевистскаго опыта; хуже всего то, что во всѣхъ этихъ поступкахъ зачастую проглядывала работа, основанная на личныхъ выгодахъ и на личной неприязни къ командованію.

Эти черточки личныхъ отношеній проглядывали какъ при старомъ командующемъ, такъ и при смѣнившемъ его новомъ, которому, повидимому, стоило колоссальнаго труда отстоять позицію системы единоличнаго командованія.

Большимъ зломъ въ штабѣ арміи были чины штаба изъ состава Круга. Лица эти въ большинствѣ случаевъ всегда и всюду старались показать, что для нихъ командующій не начальство, а лицо, зависимое отъ нихъ. Люди эти не могли удѣлять достаточнаго вниманія службѣ въ штабѣ арміи, такъ какъ отъ этой службы ихъ отрывала постоянно работа въ Кругѣ. Къ сожалѣнію, высшія начальствующія лица не сумѣли въ этомъ отношеніи проявить нужной твердости и держали въ штабѣ подобныхъ лицъ, видимо, не желая обострять отношеній къ Кругомъ.

Изъ политическихъ событій этого періода необходимо остановиться на двухъ вопросахъ: пріѣздъ союзниковъ и работа Круга.

Пріѣздъ союзниковъ (Фуке, Бондъ, Пуль и др.) какъ уже указано выше, разочаровалъ казаковъ, такъ какъ не принесъ съ собою активной помощи.

Къ сожалѣнію, вопросъ «интервенціи» на всѣхъ антибольшевистскихъ фронтахъ внесъ много разочарованій. Позиція, принятая въ немъ союзниками, правильно оцѣнена ген. Сидоринимъ въ отвѣтной рѣчи ген. Бриггеу, въ которой помощь согласія опредѣлилась словами «это есть желаніе, чтобы прежде всего мы сами пришли себѣ на помощь».

Въ работѣ круга нужно отмѣтить стремленіе къ реформамъ, которыя должны были создать обстановку, гдѣ «управленіе должно опираться на вѣру, на довѣріе и симпатіи населенія».

¹⁾ Войсковой Кругъ всегда шелъ на встрѣчу Командованію Донской Арміей, доказательствомъ этому можетъ служить установившаяся на Кругѣ практика, удовлетворять безъ обсужденія отпуски кредитовъ, требуемые Командующимъ.

Кругомъ, въ его цѣломъ, всегда рѣшительно парировались попытки оппозиционныхъ группъ втянуть Кругъ въ критику дѣйствій Командованія и такимъ образомъ вмѣшиваться въ его работу. И съ этой стороны, при указаніи Командованія Кругу на ненормальныя отношенія отдѣльныхъ членовъ его, Командованіе всегда могло рассчитывать на содѣйствіе Круга къ устраненію ненормальностей.

4. Окончательное отрезвление Дона и второе очищение области отъ большевиковъ.

Апрѣль — Октябрь 1919 г.

а) Очищение области весеннимъ наступленіемъ 1919 г.

1-го апрѣля были получены въ осажденномъ новочеркасскомъ плацдармѣ неопровержимыя данныя о возстаніи Верхне-Довского округа; характеристику этого возстанія мы будемъ ждать отъ его участниковъ. Роль его въ смыслъ защиты Новочеркасска сказалась: 1. въ оттяжкѣ большевиками силъ съ Донского фронта на сѣверъ, и 2. въ подъемѣ духа, вызвавъ увѣренность въ благопріятномъ измѣненіи положенія для Донцовъ.

Посылка летчика подтвердила полученныя вѣсти, причемъ посланный принесъ въ Новочеркасскъ умопомрачающія вѣсти о звѣрствахъ большевиковъ. Такое поведение и вызвало возстаніе.

Учитывая настроеніе возставшихъ и результаты работы конницы, Донское командованіе намѣчаетъ ударъ конной группы по прямому направленію къ возставшимъ, какъ обещающій быстрое очищеніе Дона и усиленіе слабой Донской арміи за счетъ возставшихъ. Другой ударъ былъ намѣченъ на востокъ въ общемъ направленіи на Царицынъ, какъ выводящій въ крѣпкій по духу и богатый правобережный районъ средняго Дона, откуда тоже доходили слухи о броженіи казачества противъ большевиковъ. Приуроченіе операциі къ веснѣ также сулило успѣхъ — надвигалась страдная пора для земледѣльцевъ; казачество, державшее фронтъ по Донцу, тянуло къ землѣ, роднымъ куренямъ и къ покинутымъ семьямъ.

Началомъ активныхъ дѣйствій явилось наступленіе Кавказской арміи въ концѣ апрѣля (началъ мая) въ общемъ направленіи вдоль желѣзной дороги Торговая—Царицынъ на Царицынъ. Эта армія была вновь сформирована, и во главѣ ея сталъ генералъ Врангель, выдвинувшійся въ роли крупнаго кавалерійскаго начальника при освобожденіи отъ большевиковъ сѣвернаго Кавказа. Подъ его начальствомъ армія въ ночь на 5 (18) мая форсировала р. Манычъ, а 8 (21) заняла станицу Великокняжескую, рѣшивъ этимъ участь большевиковъ на лѣвомъ берегу Дона и принудивъ ихъ къ отходу въ направленіи на Царицынъ. Въ этомъ успѣхѣ кавказцевъ на ихъ лѣвомъ флангѣ принимала участіе конница 1-го Донского корпуса, которой въ дальнѣйшемъ принадлежала честь очищенія праваго берега Дона и выхода въ тылъ Царицыну. Слѣдомъ за Кавказцами двинулся впередъ 1-й Донской корпусъ, стоявшій на Нижнемъ Донцѣ, 2-й — стоявшій сѣвернѣе его по обѣ стороны желѣзной дороги Царицынъ — Лихая и 3-й, съ конной группой ген. Секретева, бывшій на Воронежскомъ направленіи. Операциа началась въ ночь на 11 (24) мая, причемъ конница Секретева двинута на соединеніе съ Верхне-Донцами, а конница 1-го корпуса, подъ командой командира корпуса ген. Мамантова, форсировала Донъ восточнѣй устья Дона 18 (31) мая.

25 мая (7 іюня) конница Секретева соединилась съ Верхне-Донцами, разрѣзавъ южный фронтъ противника на двое и отрѣзавъ правый флангъ 9-й совѣтской арміи къ западу отъ пути своего слѣдованія.

Конница ген. Мамантова, пройдя за 4 сутокъ 200 верстъ, 25 мая (7 іюня) уже овладѣла станицей Нижне-Чирской, очистивъ правый берегъ Дона отъ противника.

Въ дальнѣйшемъ 1-й корпусъ наступалъ черезъ станицу Усть-Медвѣдицкую — станицу Арchedу — станицу Раздорскую, откуда частью силъ вышелъ въ тылъ Царицыну, другой частью — на Красный Яръ; пѣхота была направлена по Дону на судахъ въ Царицынскій районъ. 2-й корпусъ, вышедшій на Донъ между р. р. Медвѣдицей и Хопромъ, одной колонной двинулся по р. Кумыльгъ и вдоль желѣзной дороги на Поворино, а другой вверхъ по Хопру. Необходимо указать, что корпусъ этотъ проявилъ большую неохоту къ началу наступленія съ Дона и двинулся впередъ, когда обѣ конныя группы были далеко впереди, обезпечивъ пѣхотѣ свободу движенія впередъ. 3-й корпусъ направлялся вдоль жел. дор. на Воронежъ, поддерживая связь съ добровольцами по линіи ж. д. на Елецъ. На флангахъ Донцовъ шло блестящее наступленіе Кавказской Арміи, занявшей 18 іюня (1 іюля) Царицынъ и молниеносное продвиженіе добровольцевъ на Харьковъ—Курскъ—Орель. 17 (30) іюня Донская Армія очистила весь Донъ и южную часть Воронежской губ. отъ большевиковъ, и фланги ея обезпечивались кавказцами и добровольцами.

Подъемъ царилъ неописуемый. Силы противника противъ Донцовъ опредѣлялись всего въ 29 тыс. и 170 ор., трофеи же донцовъ за этотъ періодъ — 15.000 плѣнныхъ, 150 орудій и 350 пулеметовъ, не считая отбитаго награбленнаго большевиками имущества. Остальная войска противника разсѣялась.

Радостныя событія этого періода, вызвавъ приподнятое настроеніе Круга, ознаменовались весьма важнымъ рѣшеніемъ Круга, опубликованнымъ имъ наканунѣ разѣзда по домамъ (1 іюня) въ особой деклараціи съ главными пунктами о признаніи донского крестьянства полномочнымъ съ обезпеченіемъ за нимъ права въ экономическомъ и законодательномъ строительствѣ жизни.

Одновременно и главнокомандованіемъ былъ сдѣланъ весьма важный шагъ въ цѣляхъ объединенія борьбы — признаніе ген. Деникинымъ въ лицѣ Адмирала Колчака Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго 30 мая (12 іюня).¹⁾

Обращаясь вновь къ вооруженной борьбѣ, необходимо отмѣтить одно новое явленіе, о которомъ въ штабѣ Донской арміи были получены данныя еще раньше.

¹⁾ Г и с ѣ въ своей книгѣ „Сибирь, союзники и Колчакъ“ приводитъ данныя, подтверждающія, что, принимая обѣдненіе власти, южно-русское главнокомандованіе отставало въ достаточно энергичной формѣ свои права съ цѣлью добиться свободы дѣйствій. Этотъ фактъ совершенно не выжется съ позиціей главнокомандованія, принятой по отношенію къ казачеству, гдѣ старательно подавлялись всякія попытки казачества къ самостоятельности. Авторъ.

Въ тылу армій противника появился новый элементъ, на который «бѣлые» возлагали большія надежды. Этотъ элементъ были «зеленые». Отъ этого увлеченія предупреждали сводки развѣдывательнаго отдѣленія штаба армій, въ которыхъ «зеленые» были охарактеризованы, какъ совершенно бесполезный для обѣихъ враждующихъ сторонъ элементъ. Какъ бы ни идеализировали вожди «зеленаго» движенія это явленіе¹⁾, однако, въ описываемый періодъ оно являлось ничѣмъ инымъ, какъ рельефнымъ проявленіемъ шкурничества, желаніемъ уклониться отъ активнаго участія въ борьбѣ. Ненавидя «красныхъ», «зеленые» недовѣрчиво относились къ «бѣлымъ», а сами ничего не сдѣлали, да и не желали дѣлать.

б) «На Москву».

Обстановка удачнаго наступленія весьма благопріятствовала широкимъ операціямъ. Учитывая это, ген. Деникинъ отдалъ свой историческій приказъ отъ 20 іюня (2 іюля) о дальнѣйшемъ наступленіи всѣхъ армій, имѣя конечной цѣлью занятіе Москвы.

Донская армія, по смѣнѣ ея съ праваго фланга Кавказской, должна была наступать на фронтъ Тамбовъ-Елецъ.

По опыту дѣйствій конныхъ массъ, Донское командованіе рѣшило сосредоточить конницу 1-го корпуса ген. Мамантова²⁾, въ районѣ Урюпинская-Новохоперскъ для глубокаго рейда въ тылъ противника. 3 (16) іюля 4-му корпусу ген. Мамантова была поставлена задача «прорвать фронтъ противника между Борисоглѣбскомъ и Бобровомъ и разрушивъ тылы красныхъ, способствовать быстрѣйшему продвиженію арміи». Выдвиженіе корпуса состоялось въ концѣ іюля (серединѣ августа), когда положеніе на правомъ флангѣ сильно осложнилось.

Къ сожалѣнію, Кавказская армія не только не смѣнила ослабленный выдѣленіемъ конной группы генерала Мамантова правый флангъ донцовъ, но ей не удалось уничтожить налетомъ уцѣлѣвшія части Приволжской группы противника. Воспользовавшись задержкой, противникъ усилилъ эту группу (VIII, IX, X армій — общей численностью до 90.000 бойцовъ) за счетъ сибирскаго фронта и въ концѣ іюля (серединѣ августа) переходитъ ею въ наступленіе на всемъ фронтѣ между Волгой и Хопромъ. Одновременно большевистская группа Селиванова повела наступленіе въ общемъ направленіи на Волчанскъ въ разрѣзъ между Донской и Добровольческой Арміями. Въ результатъ сильной растяжки фронта Юга Россіи эта группа, перейдя линію желѣзной дороги Кушнянскъ—Волчанскъ, выходитъ во флангъ добровольцамъ.

Донское командованіе, ожидая успѣха отъ конницы генерала Мамантова, рѣшивъ временно поступиться частными интересами и жертвуя сѣверо-восточнымъ угломъ Донской Области, уже двинуло конницу Мамантова на сѣверъ.

¹⁾ Н. Вороновичъ — «Зеленая книга».

²⁾ Впоследствии эта конница была переформирована въ 4 Донской конный корпусъ, во главѣ котораго сталъ ген. Мамантовъ. (Авторъ).

Въ Приволжскомъ районѣ, воспользовавшись прорывомъ между Донцами и Кавказцами, образовавшимся вслѣдствіе оттяжки 1-го Донского корпуса ближе къ Волгѣ, и отходомъ 2 Донского корпуса въ районъ узла Поворино, противникъ обходитъ ихъ фланги, вынуждая 1 и 2 корпуса къ отходу за Донъ и Хоперь и обрушивается на Кавказскую армію, тѣсня ее къ Царицыну.

Что касается конной группы ген. Мамантова, то прорвавъ съ тяжелыми боями фронтъ противника, она двигается въ его глубокий тылъ, занявъ 5 (18) августа Тамбовъ, 10 (23) Козловъ и 15 (28) Лебедянь. Въ это время ген. Мамантовъ узнаетъ о неудачахъ на стыкѣ донцовъ и добровольцевъ и сворачиваетъ обратно на помощь фронту.¹⁾ 18 (31) онъ занимаетъ Елецъ, 23 августа (5 сент.) одной колонной Грязи, а другой Касторное (западнѣе Воронежа), 29 августа (11 сент.) Воронежъ и 5 (18) сентября соединяется съ войсками фронта юго-западнѣе города Коротояка, помогая дальнѣе 3-му корпусу занять его и выдвинуться къ Лискинскому узлу.

Не останавливаясь надъ захваченными корпусомъ трофеями, необходимо отмѣтить въ военномъ отношеніи роспускъ громаднаго числа мобилизованныхъ, разрушеніе ряда важнѣйшихъ ж.-д. узловъ и складовъ орудій и снарядовъ. Къ сожалѣнію, нужно признать ошибочнымъ поворотъ корпуса на югъ. Уже по всему ходу операцій было видно, что появленіе нашей конницы въ глубокомъ тылу противника произвело страшный переполохъ въ Москвѣ, но несколько не отразилось на фронтѣ. Пожалуй, больше пользы принесъ бы рейдъ на Москву, вызвавъ бѣгство центральной власти и помощь населенію въ вооруженіи.

Судя по легкости выполненія рейда можно считать вполне вѣроятнымъ, что конницѣ удалось бы занять Москву, вопросъ же удержанія ея находился бы всецѣло въ рукахъ населенія и готовности его къ борьбѣ съ большевиками.

Опасности для коннаго отряда эта операція никакой не представляла, такъ какъ поймать его у совѣтской власти было нечѣмъ и кромѣ того, въ случаѣ угрозы, наша конница могла въ любомъ мѣстѣ выйти на фронтъ и присоединиться къ арміи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого рейда явилось: 1. выдвиненіе противникомъ изъ Царицынскаго района лучшаго своего коннаго корпуса Буденнаго въ районъ Воронежа, очевидно, для борьбы съ нашей конницей и 2. рѣшеніе формировать крупныя конныя массы для подобныхъ же операцій.

Отрицательной стороной рейда было увлеченіе многихъ его участниковъ грабежомъ. Объясненіе, что частныя лица и жители не подвергались грабежу, а разбирались только военные и коммунистическіе склады, причѣмъ жителей даже снабжали предметами, забираемыми изъ складовъ, не измѣняетъ положенія. Грабежъ остается грабежомъ. Если большевики увлеклись этимъ «спортомъ»

¹⁾ Что уже по новой обстановкѣ (нажимъ группы Селиванова) являлось весьма желательнымъ для Донского командованія, хотя цѣлесообразность этого поворота на югъ вопросъ весьма спорный. (Авторъ).

на Дону, то это обязывало противную сторону, взявшую не себя роль борцов против разгула и насилия, не повторять их ошибки, что дало бы, безусловно, отличные результаты. Попытка Донского командования произвести осмотры у возвращавшихся из рейда чинов не увенчалась успехом. Части сумели уклониться от осмотров.

Приблизительно съ моментом возвращенія коннаго корпуса изъ рейда совпадает блестящій успѣхъ 2-го Донского корпуса. Въ рядъ боевъ съ 24 августа (6 сент.) по 9 (22) сентября корпусъ не только останавливаетъ наступленіе противника, переправившагося на правый берегъ Хопра, но отбрасываетъ его на лѣвый берегъ, нанеся серьезныя пораженія и захвативъ 15.000 плѣнныхъ, 11 орудій и 70 пулеметовъ.

Однако, новое наступленіе противника съ 14 (27) сентября съ угрозой обходомъ обоихъ фланговъ отрѣзать 2-й корпусъ отъ переправъ черезъ Донъ, вынуждаетъ 2-й корпусъ отойти за Донъ для перегруппировки.

Соединившись съ фронтомъ, конный корпусъ ген. Мамантова выполнилъ еще одну трудную задачу, порученную ему командованиемъ. Переправившись 12 (25) сентября черезъ Донъ сѣвернѣе Коротояка и пройдя по тыламъ Лискинской группы противника, конный корпусъ принудилъ его 23 сентября (6 октября) очистить Лискинской ж.-д. узелъ, подступъ къ которому съ юга былъ совершенно невозможенъ. Въ эту же операцию конный корпусъ установилъ связь съ конницей ген. Шкуро, занявшей легко г. Воронежъ послѣ перваго занятія его донцами и подготовилъ начало операциі по очищенію сѣверной части Дона отъ противника.

Однако, движенію всѣхъ силъ на сѣверъ мѣшала Приволжская группа противника, состоявшая изъ VIII, IX, X советскихъ армій и заключавшая въ себѣ два лучшихъ боевыхъ корпуса конницы Буденнаго и Думенко.

Предложеніе донскимъ командованиемъ проэкта удара по тыламъ этой группы большой конной массой изъ Воронежскаго района не нашло отклика у главнокомандованія. За время этихъ переговоровъ у Приволжской группы противника былъ обнаруженъ сдвигъ къ сѣверо-западу съ сосредоточиваніемъ крупныхъ силъ къ Воронежу. Къ этому же времени относится и начало вспыхекъ возстаній въ тылу Добровольческой Арміи, сыгравшихъ рѣшительную роль въ дѣлѣ борьбы «бѣлыхъ».

Попытка донского командования провести предлагавшуюся имъ операцию личными средствами не имѣла успѣха. Поведя удары изъ Лискинскаго района на сѣверо-востокъ, 3 и 4 Донскіе корпуса встрѣтили сильное сопротивленіе противника со стороны Боброва и Чесменки, что вызываетъ отдачу приказа объ общемъ наступленіи Донцовъ, начавшемся 25 сентября (8 октября). Къ 15 (28) октября правый флангъ Донцовъ вновь выдвигается на Грязе-Царицынскую ж. д., а центръ (2 корпусъ) вновь очищаетъ отъ противника правый берегъ Хопра.

Въ началѣ (концѣ) октября получены точныя данныя о намѣчающемся прорывѣ противника въ Воронежскомъ районѣ.

5. Катастрофа 1919—1920 г. г. на фронтѣ вооруженныхъ силъ юга Россіи и отходъ противобольшевистскихъ войскъ въ Крымъ.

Октябрь 1919—Мартъ 1920 г.

Съ середины (конца) октября положеніе на фронтѣ вооруженныхъ силъ Юга Россіи сложилось весьма для нихъ неблагоприятно.

1. Усиливъ свои арміи подтянутыми пополненіями и цѣлыми частями за счетъ Сибирскаго фронта, противникъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе по всему фронту.

2. Въ тылу Добровольческой Арміи вспыхнуло возстаніе, оттянувшее часть силъ фронта и безусловно оказавшее вліяніе на настроеніе войскъ фронта.

3. Въ войскахъ Юга, проведенныхъ все лѣто въ непрерывныхъ тяжелыхъ бояхъ, испытывалось переутомленіе.

4. Слабость силъ Юга и непомѣрное увеличеніе за лѣто фронта вызвало растяжку частей при полномъ отсутствіи резервовъ.

5. Полное неустройство тыла и хозяйничанье темныхъ элементовъ, рѣшившихъ использовать успѣхи арміи въ своихъ выгодахъ и возстановившихъ этимъ широкія народныя массы противъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Начатое противникомъ наступленіе развивалось быстро и къ началу ноября (серединѣ декабря) его войска уже стояли на сѣверной части излучины Дона, а Воронежская ударная группа, занявшая еще 16 (29) октября Воронежъ, уже была у ж.-д. узла Валуйки, угрожая правому флангу и тылу Добровольческой Арміи.

Сосредоточенная въ Валуйскомъ районѣ конная группа Донцовъ и Кавказцевъ, находившаяся подъ командою ген. Мамантова, не оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Силы этой группы опредѣлялись въ 3500 Донской конницы и около 1 тысячи кавказскихъ казаковъ и, кромѣ того, сюда же было придано 1350 стрѣлковъ. Однако, у группы не хватало главнаго — сердца. Рейдъ Мамантова надорвалъ моральныя силы конницы, къ тому же возникли осложненія съ высшимъ командованиемъ. Въ этомъ инцидентѣ Атаманъ и Донское командованіе приняли сторону ген. Мамантова, отрѣшеннаго командующимъ Добровольческой арміей ген. Врангелемъ.

Переправа коннаго корпуса Думенко въ концѣ ноября (серединѣ декабря) черезъ Донъ на Богучарскомъ направленіи усложнила обстановку на Донскомъ фронтѣ, а оставленіе Добровольческой Арміей Харькова свидѣтельствовало о большомъ неблагополучіи и тамъ.

Считаясь по опытамъ прошлаго съ возможностью задержки только на рубежахъ, Донское командованіе отдаетъ распоряженіе подготовить къ оборонѣ рубежъ Дона и объявляетъ дополнительную мобилизацію, но, къ сожалѣнію, ни одна изъ мѣръ не была

проведена въ жизнь. Строго говоря, уже въ моментъ отдачи всѣхъ этихъ распоряженій было ясно, что изъ этого ничего не выйдетъ, что устанавливалось изъ ряда тревожныхъ донесеній изъ корпусовъ.¹⁾

Развалъ проявилъ себя съ молниеносной быстротой.

Здѣсь мы не будемъ останавливаться на его причинахъ. Онѣ достаточно хорошо извѣстны всѣмъ и каждому. Кроме того, это и не является прямой задачей настоящаго очерка.

Въ тяжеломъ моральномъ состояніи при воцарившейся ужасной распутицѣ армія двинулась на югъ. Директива донского командованія объ отходѣ на югъ была отдана 5 (18) декабря, но уже 20 декабря, командованіе поняло всю несостоятельность своихъ надеждъ на остановку на Донцѣ. Жаль, что это было слишкомъ поздно, что необходимо поставить въ большую вину командованію. Возможность объ отходѣ за Донъ указывалась своевременно, однако, это было опѣнено начальникомъ штаба арміи, какъ признакъ паники. Въ результатѣ — переправы на Дону не были подготовлены.

Отступление шло безъ проявленія противникомъ необходимой активности. Напротивъ, конница Буденнаго и Думенко какъ бы умышленно уклонялась отъ боя съ казачьей конницей. Особо рельефно это проявилось въ корпусѣ Думенко, совершавшемъ параллельное преслѣдованіе донской конницы ген. Лобова вдоль Ю. В. ж. д. Донцы тоже явно уклонялись отъ боя, а принудить ихъ командованіе не имѣло средствъ: приказы отдавались, но не исполнялись войсками. Необходимо отмѣтить, что все наступленіе противника къ Дону было проведено исключительно двумя конными группами: группа Думенко не свыше 5000, наступавшая восточнѣе ж. д. Воронежъ-Новочеркасскъ, и группа Буденнаго до 15.000 западнѣе ея. Пѣхота же мало принимала участія и, какъ только появлялась на фронтѣ, то неукоснительно терпѣла неудачи.

27 декабря (9 января) вся армія уже была на лѣвомъ берегу Дона²⁾, переправившись черезъ него съ колоссальными затрудненіями. Спасли положеніе лишь наступившіе морозы, которые снова прекратились, какъ только закончилась переправа. Природа помогла своимъ сынамъ.

Отходъ за Донъ и Манычъ сразу измѣнилъ положеніе, давъ арміи серьезный рубежъ. Настроеніе войскъ приподнялось и численность ихъ увеличилась вдвое, поднявшись съ 22000 бойцовъ начала (середины) декабря на 40000 при 200 орудіяхъ и 800 пулеметахъ къ 1 января (14), не считая еще Добровольческаго корпуса. Объясненіе тоже простое: лишившіеся домовъ на Родинѣ, дезертиры присоединились къ своимъ частямъ. Однако, можно съ увѣренностью сказать, что не меньше скрылось народа и въ тылу, не считая громаднаго числа бѣженцевъ. Такимъ образомъ, Донъ совершенно опустѣлъ — казачество боялось тамъ оставаться.

¹⁾ Особо тревожное донесеніе было получено отъ ген. Мамантова; изъ донесеній было ясно, что Мамантовъ не вѣритъ въ успѣхъ. Авторъ.

²⁾ Правый флангъ арміи (1 Донской корпусъ) и Кубанская армія (бывшая Кавказская) нѣсколько позже отошли за р. Манычъ. Авторъ.

Зато Кубанцы и Терцы неудержимо катились по домамъ. Развалъ въ ихъ частяхъ шелъ полный.

Задержка противника въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, очевидно, съ цѣлью отпраздновать побѣду, облегчила сформированіе донскимъ командованіемъ къ 5 (18) января 1920 г. сильнаго коннаго резерва (4-й донской корпусъ и уцѣлѣвшіе кавказцы).

Въ этотъ день конница Буденнаго переправилась черезъ Донъ у станицы Аксайской, обозначивъ наступленіе въ стыкъ донцовъ и добровольцевъ¹⁾, однако концентрической атакой донцовъ, кавказцевъ и добровольцевъ ей нанесено тяжелое пораженіе, и она отброшена за Донъ.

Послѣ короткой передышки и перегруппировки оба конные корпуса противника возобновляютъ наступленіе уже въ нижнемъ теченіи Маныча, но въ бояхъ 13 (26)—16 (29) января 4-й Донской корпусъ бьетъ по частямъ Думенко, а 16 (29) Буденнаго, причемъ оба корпуса теряютъ свою артиллерию и всѣ пулеметы и, неся большія потери, панически бѣгутъ за Донъ. (Сейчасъ во главѣ 4-го корпуса, вмѣсто уѣхавшаго въ Екатеринодаръ на верховный казачій Кругъ ген. Мамантова, стоялъ извѣстный кавалерійскій генералъ Павловъ).

Одновременно съ 4 Донскимъ корпусомъ во всѣхъ этихъ операціяхъ добровольцы неизмѣнно бьютъ противника на Ростовскомъ направленіи, гдѣ онъ многократно пытался форсировать Донъ пѣхотой.

Безусловной ошибкой донского командованія было неиспользованіе успѣха, хотя ген. Павловъ предлагалъ перейти къ преслѣдованію противника.²⁾ Рѣшено было активныя операціи приурочить къ моменту сосредоточенія кубанцевъ, намѣченному въ началѣ февраля.

Но кубанцы, какъ выяснилось позже, собиравшись плохо и часть ихъ, будучи возстановлена пропагандой противъ главнокомандованія, начала собираться въ особыя группы «зеленыхъ» и беспокоить тылъ, вызвавъ оттяжку Донскихъ частей и другихъ войскъ съ фронта для противодѣйствія.

Къ этому времени «зеленые» уже отказались отъ своей системы всесторонняго нейтралитета и проявляютъ явно враждебное отношеніе къ «бѣлымъ», принуждая послѣднихъ отрывать свои части съ фронта для экспедицій въ тылъ.

Въ дни общаго развала предпринимаются послѣднія попытки исправить положеніе.

Разочаровавшись въ помощи кубанцевъ, командованіе рѣшаетъ въ концѣ января (началѣ февраля) начать наступленіе на сѣверъ имѣющимися силами, но въ это время получились свѣдѣнія о сдвигѣ коннаго корпуса Буденнаго съ низовья р. Маныча на Востокъ противъ развалившагося фронта Кубанской арміи на Тихорѣцкое направленіе.

¹⁾ Добровольцы стояли на Ростовскомъ направленіи, донцы восточнѣе ихъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, въ гражданскую войну командованіе всѣхъ степеней относилось весьма невнимательно къ основнымъ требованіямъ военнаго искусства и особенно въ вопросѣ преслѣдованія разбитаго противника. Авторъ.)

Это побуждает Донское командование двинуть 1-го (14) февраля главную массу 4-го Донского корпуса в юго-восточном направлении для уничтожения конницы противника. Одновременно начато наступление на Ростов-Новочеркасск, но уже только Добровольческим и 3-м Донским корпусами.¹⁾

К несчастью, к этому времени установились морозы до 27 градусов, что погубило окончательно Донскую конницу. В то время, как обходная группа Буденного, двигаясь правым берегом р. Маныча и вдоль ж.-д. Великокняжеская-Торговая, имела все время по пути следования громадные населенные пункты, где останавливалась на ночлег, казаки, двигавшиеся опустошенным еще в первое нашествие большевиков левым берегом Маныча, были совершенно лишены крова.²⁾ В результате к моменту выхода 5 (18) февраля к ж.-д. узлу Торговая из 12-ти тысяч бойцов в 4-м Донском конном корпусе осталось всего 5500, — все остальное выбыло из строя, как обмороженное.

Ослабла физическая сила корпуса, подорван был окончательно дух, и корпус не смог разбить ту самую конницу противника, которую он бил в январе. Донская армия лишилась своего главного резерва, которым так удачно маневрировала весь январь месяц.

Добровольческий корпус с успешными боями переправился через Дон и, разбив против себя противника, занял к 8 (21) февраля Ростов и Нахичевань. 3-й Донской корпус тоже выдвинулся в направлении на Новочеркасск, но развить наступление не мог. В это время на правом фланге у него появился конный корпус Думенко, у казаков же конницы не было. Пришлось корпусу отходить. Сложившаяся обстановка побуждает 10 (23) февраля очистить Ростов и Нахичевань и вновь отойти за Дон.

После неудавшейся попытки перейти в наступление 12 (25) февраля конной группой против Буденного, командование решает сосредоточить против него всю конницу донцов, кавказских казаков и добровольцев. Тогда, воспользовавшись ослаблением фронта на Ростовском направлении, противник переходит в наступление с севера и делает прорыв на фронт 3-го Донского корпуса и в стык донцов и добровольцев. Парировать прорыв было нечем, т. к. вся конница уже была на правом фланге донцов, почему 16 (29) февраля решено было отвести войска на следующий рубеж — р. Кагальник. Но задержаться здесь уже не удалось. Войска потеряли окончательно дух и, не считаясь с отдававшимися приказами, все покатило на юг к р. Кубани. Уже сейчас командование увидело, что вряд ли удастся удержаться и на этом рубеже. Всех тянуло в Новороссийск.

¹⁾ Это решение было рискованно, так как вызывало рассредоточение сил, однако, оборонительное положение на Ростовском направлении, после того, как Дон замерз, тоже являлось небезопасным.

²⁾ До сих пор не ясно, почему 4-й конный корпус не пошел правым берегом Маныча, где селения сохранились. Возможно, что командир корпуса не рисковал слишком далеко отделиться от фронта армии. (Авторъ.)

21 февраля (5 марта) армия была уже на линии ст. Новолеушковская — р. Челбасъ, 25 февраля (9 марта) — на линии р. Бейсугъ, имея на правом фланге конную группу вдвое сильнее, чем конная группа противника, но не смогла дать отпора ввиду потери духа. 4 (17) марта войска отошли на левый берег Кубани, где произошло вновь выделение Добровольческого корпуса из вѣдѣнія Донского командования.¹⁾ При переправе через Кубань повторилось то же, что при переправе через Дон — в распоряжении Донской армии оказалась единственная мостовая переправа у Екатеринодара, устроить же намеченные переправы через Кубань восточнее и западнее Екатеринодара к нужному моменту так и не удалось, хотя мѣры и были приняты.

Положение отходящих армий особенно осложнилось в период 6—8 (19—21) марта, когда фронт Донской армии оказался прорванным на Екатеринодарском направлении ничтожными силами противника, причем переутомленные и нервноразстроенные войска не оказали должного сопротивления.

К этому же времени правый фланг советских войск, видимо, усилился за счет части кубанцев, а в тылу армии нападение «зеленых», разоружение ими отдельных отрядов и команд и ограбление обозов приняли регулярный характер.

Попытка начать 6 (19) марта переговоры с «зелеными» выяснила полную беспочвенность этой группы и ни к чему не привела.

Армия покатила дальше. Вдоль ж.-д. полотна, по полотну — всюду шла сплошная масса войск и обозов. Все спѣшило на юг.

Если бы армия знала, что ее ждет ужас разочарования, конечно, оно не катилось бы с такой поспѣшностью к мившему многих лиц, плохо понимавших обстановку, Новороссийску.

Необходимо указать, что рядовое казачество, решив идти куда угодно, часто говорило о Грузии, Армении, Персии и Турции, но почти никогда не слышно было среди казаков разговора о Крыме.

Почему?

Очевидно, казаки инстинктивно чувствовали, что спасаясь в Крым, они должны были бросить лошадей. Ну, а без лошади казак плохой воин. А, может быть, казаки просто инстинктивно боялись моря...

В Новороссийск все пароходы оказались уже занятыми и многострадальному донскому казачеству выпали новые муки, новые ужасы. Вѣдь, к берегам Черного моря, кроме 38.000 бойцов, состоявших в армии по данным к 1 (14) февраля, пришла еще армия обозных, тыловых и бѣженцев, и почти все эти люди оказались в числе забытых, обездоленных.

¹⁾ Подчинение состоялось после 1-го отхода за Дон под Ростовом.

(Авторъ.)

Главные силы конницы, отрезанные еще у Екатеринодара отъ ж. д. Екатеринодаръ—Новороссійскъ, двинулись на юго-востокъ. Позже они соединились съ остатками Кубанской арміи и вмѣстѣ съ ней вышли черезъ Туапсе на Черноморское побережье, куда попали и части, лишенные возможности погрузиться на пароходы въ Новороссійскъ. Встрѣтивъ недружелюбное отношеніе грузинъ и отказъ ихъ пропустить черезъ границу, часть казаковъ, разбредась по Кавказскимъ горамъ, часть проникла въ Грузію помимо желанія грузинскихъ властей и часть была перевезена на пароходахъ въ Крымъ въ послѣдней трети апрѣля (начала мая).

На этомъ мы заканчиваемъ очеркъ.

Мы не будемъ останавливаться надъ всѣми ужасами эвакуаціи и надъ описаніемъ картинъ захвата стоявшихъ въ Новороссійской гавани кораблей. Мы не хотимъ упрекать кого-либо въ этомъ, мы констатируемъ простые факты и предоставляемъ во всемъ этомъ разобраться безпристрастнымъ историкамъ. Однако, мы считаемъ необходимымъ указать, что во время эвакуаціи Новороссійска въ числѣ незаслуженно пострадавшихъ и забытыхъ главнокомандованіемъ оказались донскіе казаки, понесшіе больше чѣмъ кто-либо жертвъ въ дѣлѣ тяжелой борьбы.

III. Напряженіе и жертвы Донского казачества въ борьбѣ.

Картина напряженія Донского казачества въ тяжелой борьбѣ видна изъ прилагаемой таблицы:

Численность боевого состава Донской арміи и арміи противника.

Д а т ы	Силы Донской арміи			Силы арміи противника		
	бой-цовъ	орудій	пуле-жетовъ	бой-цовъ	орудій	пуле-жетовъ
1918 г.						
Къ 1 (14) мая	17 ¹⁾	21	58	70 ¹⁾	200	400
» 1 (14) іюня	40	56	179	65	200	350
» 1 (14) іюля	49	92	272	63.6	198	871
» серединѣ іюля	39	93	270	40	132	—
» 1 (14) августа	31	79	267	66.2	233	420
» 20 ноября (3 дек.)	49.5	153	581	131.2	379	1087

1919 г.						
Къ 1 (14) февраля	38	168	491	124	435	1337
» 15 (28) »	15	—	—	115	—	—
» 21 апрѣля (3 мая)	15	108	441	115	538	—
» 10 (23) мая ²⁾	15	131	531	110	570	—
» 16 (29) іюня	40	—	—	29	170	—
» 15 (28) іюля	43	177	793	58	279	—
» 1 (14) августа	30	161	655	63	243	—
» 1 (14) сентября	39.5	175	724	88.5	265	—
» 1 (14) октября	46.5	192	939	80	372	—
» 15 (28) »	52.5	196	765	71.5	354	—
» 1 (14) ноября	37	207	798	67.6	360	—
» 1 (14) декабря	22	143	535	62.7	300	—
1920 г.						
Къ 1 (14) января ³⁾	39	200	860	70	356	—
» 22 янв. (4 февр.)	39	243	856	49	302	—
» 1 (14) февраля	38	158	687	55	260	—
» 13 (26) февраля ⁴⁾	—	—	—	44	278	—
» 20 февр. (4 марта) ⁴⁾ . . .	—	—	—	50	263	—

¹⁾ Число бойцовъ указано въ тысячахъ.

²⁾ Начало наступленія Донцовъ.

³⁾ Безъ частей Добровольческой Арміи.

⁴⁾ Данныя отъ частей Донской арміи не поступали.

Бѣглое знакомство съ приведенными цифровыми данными наглядно указываетъ чрезмѣрное боевое напряженіе двухмилліоннаго казачества. Но, вѣдь, къ этому нужно еще добавить напряженіе для службы тыла, нами совершенно неучитываемое.

Въ общемъ, даже признавая возможность слабости напряженія казаковъ въ отдѣльные періоды борьбы (на Донцѣ), безусловно можно утверждать, что въ дѣлѣ борьбы врядъ-ли кто далъ больше въ процентномъ отношеніи, чѣмъ дали Донцы.

Простое сравненіе хотя бы цифръ боевого состава Донцовъ съ такимъ же составомъ добровольцевъ въ періодъ подчиненія ихъ въ 1920 г. Донскому командованію, наглядно подтверждаетъ справедливость этого вывода. По донесеніямъ въ штабъ арміи боевой составъ добровольцевъ въ этотъ періодъ борьбы былъ таковъ:

1920 г. къ 22 января . . . . . 8398 бойцовъ, 158 орудій
» г. » 1 февраля . . . . . 8934 » 101 »

Изъ другихъ періодовъ борьбы у насъ не имѣется официальныхъ данныхъ, но изъ данныхъ бывшаго атамана Краснова видно, что ко времени прибытія союзниковъ (ноября 1918 г.) силы добровольцевъ опредѣлялись въ 7½ тыс., а Кубанцевъ въ 35½ тысячъ.

Естественно, что при таком напряжении комплектование состава частей активных бойцов на Дону отнюдь не могло происходить за счет интеллигенции. Нѣтъ. Въ борьбѣ принимало участіе почти поголовно все Донское казачество, имѣя противъ себя въ числѣ активных бойцовъ изъ донскихъ казаковъ лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ подѣ начальствомъ Миронова.

Что казачество не шло въ дѣлѣ борьбы противъ народа, оно подтвердило слѣдующимъ:

1. Участіемъ въ революціонномъ движеніи съ самого его начала.

2. Отказомъ выступить противъ народа въ дни революціи.

3. Стремленіемъ казачьяго выборнаго представительства разрѣшить крестьянско-казачій споръ уступками въ пользу донского коренного крестьянства, отмѣченными нами во время описанія событій.

4. Осторожнымъ отношеніемъ въ вопросу выхода на борьбу изъ предѣловъ Области, что отнюдь не является проявленіемъ сепаратизма, а проявленіемъ чувства самосохраненія и опасеніемъ вмѣшиваться въ чужія дѣла.

5. Наконецъ, если бы казачество своей борьбой дѣйствительно отстаивало свой «сословный казачій демократизмъ», то оно не дало бы согласія на пріемъ въ свою касту крестьянскаго элемента, активно выступающаго противъ большевиковъ.

Другой вопросъ — желало ли или не желало этого «оказачиванія» крестьянство, предпочитавшее получить широкія права, но уклониться отъ всякихъ обязанностей.

Врядъ-ли нужно долго останавливаться для доказательства, что при такомъ напряженіи съ одной стороны и нетерпимости со стороны верховъ коммунизма съ другой — на долю казачества выпали и страшныя жертвы.

Вотъ бѣглый примѣръ, взятый изъ жизни одной изъ станицъ, не проявившей особаго усердія въ дѣлѣ активной борьбы: за европейскую войну станица потеряла убитыми 5 человекъ, за періодъ гражданской войны до начала 1919 г. въ числѣ этихъ жертвъ оказалось 17 человекъ. А вотъ другой: ст. Нагавская за время мировой войны потеряла убитыми — 6, ранеными — 30; въ гражданской войнѣ къ концу 1918 г. убитыми — 270, ранено же было до 80% состава мужскаго населенія. Особенно пострадалъ Верхне-Донской округъ, гдѣ до 40% убитыхъ изъ числа способныхъ носить оружіе (около 7.000 чел.).

Въ заключеніе нужно еще разъ указать, что казачество само не начинало братоубійственной войны. Лишь послѣ того, какъ имъ были исчерпаны всѣ возможности мирно разрѣшить вопросъ, когда оно увидѣло занесенный надъ своей головой страшный мечъ — только тогда оно взялось за оружіе для самообороны, стоившей ему столькихъ человѣческихъ жертвъ, а возможно и его существованія.

Прага, Іюнь 1923 г.

В. Добрынинъ.

«НА ДОНУ».

(Изъ воспоминаній оберъ-прокурора.)

Предисловіе.

Эти строки пишутся въ Суботицѣ, на окраинѣ Королевства Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ, гдѣ я въ концѣ концовъ при осѣданіи эмигрантской волны обосновался, занявъ кафедру уголовного права въ недавно открытомъ здѣсь сербскомъ университетѣ, состоящемъ пока изъ одного юридическаго факультета.

Находясь здѣсь, я получилъ предложеніе отъ Донской исторической комиссіи дать для предпринятыхъ ею изданій очерки дѣятельности Правительствующаго Сената, возсозданнаго на Дону въ Новочеркасскѣ 14 Мая 1919 года, эвакуированнаго въ Ялту и прекратившаго свои дни лишь одновременно съ Крымской катастрофой.

Я съ особой готовностью откликнулся на это предложеніе дать свои воспоминанія, ибо, по счастью, у меня сохранилось немало матерьяла, касающагося Сената. При Временномъ Правительствѣ я участвовалъ въ законодательной работѣ Министерства юстиціи, весной 1917 года былъ назначенъ сенаторомъ уголовного кассационнаго департамента и такимъ образомъ былъ близкимъ очевидцемъ насильственнаго прекращенія дѣятельности Правительствующаго Сената въ Петроградѣ, послѣ большевистскаго переворота. Съ мая по августъ 1918 года я былъ министромъ юстиціи на Украинѣ, гдѣ между прочимъ провелъ законъ о Державномъ Сенатѣ.¹⁾ Этотъ законъ, въ основу котораго было положено учрежденіе Правительствующаго Сената (изд. 1917 года), въ свою очередь былъ использованъ при составленіи Донскимъ правительствомъ положенія о Донскомъ Сенатѣ, подготовка котораго велась правительствомъ Атамана Краснова уже съ лѣта 1918 года. Въ связи съ этимъ на Донъ стали уѣзжать нѣкоторые изъ петроградскихъ сенаторовъ, и часть переписки съ 2—3 изъ нихъ у меня сохранилась.

Наконецъ, когда послѣ своего бѣгства изъ Кіева въ Одессу, а затѣмъ послѣ эвакуаціи Одессы я пріѣхалъ въ Екатеринодаръ, я былъ привлеченъ начальникомъ отдѣла юстиціи при Главнокомандующемъ, В. Н. Челищевымъ, къ участію въ выработкѣ текста статей соглашенія между Главнокомандующимъ и Донскимъ Атаманомъ о томъ, чтобы Донской Сенатъ, учрежденный согласно

¹⁾ Примѣч. Отмѣчу, что постъ министра занималъ только три мѣсяца. Проведя на Украинѣ Судебную реформу и добившись (съ большимъ трудомъ) освобожденія правосудія отъ вмѣшательства германскихъ и австрійскихъ военныхъ властей, я подалъ въ отставку и былъ назначенъ Предсѣдателемъ уголовного Генеральнаго Суда (Уголовно-Кассационнаго Департамента Сената). На этой должности я оставался вплоть до уничтоженія Сената Директоріей, возглавляемой Вишниценко и Петлюрою и вплоть до моего заключенія въ тюрьму.

постановленію Большого Войскового Круга отъ 20 сентября 1918 года, но еще окончательно не сформированный и не открывшій своей дѣятельности, именовался Правительствующимъ Сенатомъ и, распространяя свою компетенцію какъ на территорию Всевеликаго Войска Донского, такъ и на всѣ мѣстности, находящіяся подъ верховнымъ управленіемъ Главнокомандующаго вооруженными силами на югѣ Россіи.

Затѣмъ въ званіи сенатора я былъ назначенъ и. о. оберъ-прокурора Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената съ возложеніемъ на меня обязанностей оберъ-прокурора по Соединенному Присутствію и Общему Собранію I-го и Кассационныхъ Департаментовъ. На этой должности я пробылъ со дня открытія Сената и вплоть до его эвакуаціи въ Крымъ, что дало мнѣ возможность близко стоять ко всей дѣятельности Сената и къ условіямъ, среди которыхъ эта дѣятельность протекала.

По поводу торжества открытія дѣятельности Правительствующаго Сената была составлена, какъ оффиціальное изданіе, подъ моей редакціей брошюра, воспроизводящая какъ ходъ событій, приведшихъ къ возобновленію дѣятельности Сената, такъ и рѣчи, произнесенныя въ день его открытія¹⁾.

Кромѣ матерьяла, вошедшаго въ это изданіе, у меня сохранился рядъ моихъ оберъ-прокурорскихъ заключеній по важнѣйшимъ вопросамъ, многія опредѣленія Сената, номера газетъ этого періода, письма и т. д. Это даетъ мнѣ возможность базироваться въ своихъ воспоминаніяхъ на твердой фактической почвѣ.

Прибавлю еще одно. Во все время пребыванія моего въ должности оберъ-прокурора я пользовался полнымъ довѣріемъ какъ управляющаго отдѣломъ юстиціи при Главнокомандующемъ Б. Н. Челищева, такъ и управляющаго соответствующимъ отдѣломъ Всевеликаго Войска Донского Н. М. Захарова. Далѣе, всѣ мои оберъ-прокурорскія заключенія (за исключеніемъ одного, которое относилось къ второстепенному вопросу, гдѣ я все же былъ поддержанъ особымъ мнѣніемъ сенатора С. А. Богородскаго) были приняты Сенатомъ и положены въ основу его рѣшеній. Сверхъ того, чтобы помочь укрѣпленію власти и освѣщенію важнѣйшихъ задачъ момента, я неоднократно выступалъ съ публичными лекціями, значеніе которыхъ было специально отмѣчено въ соответствующихъ докладахъ отдѣла пропаганды. Къ этимъ лекціямъ глубоко сочувственно относилась пресса, какъ издаваемая или поддерживаемая «Освагомъ», такъ и независимая, и читалъ я эти лекціи главнымъ образомъ тамъ, гдѣ по моему глубокому убѣжденію онѣ могли быть болѣе полезны, напримѣръ, въ депо желѣзнодорожныхъ рабочихъ на станціи Минеральныя Воды, въ гущѣ бѣднѣйшихъ и рабочихъ кварталовъ (на Стандартѣ, пригородѣ Новороссійска), для казаковъ и солдатъ, отправляющихся на фронтъ (въ артиллерійскомъ городкѣ около Новочеркасска) и т. п.

¹⁾ См. «Торжество открытія дѣятельности Правительствующаго Сената въ г. Новочеркасскѣ», изд. оффиц. подъ редакціей и. о. оберъ-прокурора, сенатора М. П. Чубинскаго. Новочеркасскъ. 1919 г., стр. IV—19.

И несмотря на все это, чуть не съ самого дня моего пріѣзда и до конца этого періода я часто являлся объектомъ доносовъ, подаваемыхъ главному командованію, а также клеветническихъ выпадовъ и ожесточенной травли въ правой «ультра-патріотической» прессѣ.

Ниже мнѣ придется коснуться этого не столько въ интересахъ своей личности, сколько для того, чтобы наглядно было, при какихъ условіяхъ и въ какой атмосферѣ приходилось работать въ этотъ періодъ. Если такія тернія выпадали на долю даже лицамъ, занимающимъ высокое служебное положеніе, легко понять, каково иногда въ сферѣ того времени приходилось простымъ смертнымъ.

Свои воспоминанія я начну съ дней уничтоженія большевиками Правительствующаго Сената въ Петербургѣ. Это необходимо, чтобы яснѣе была картина позднѣйшаго возрожденія Сената на югѣ Россіи. Прибавлю, что иногда я буду выходить за предѣлы моей прямой темы о Сенатѣ, чтобы приводить данныя, важныя для общей характеристики того времени и въ частности для характеристики тѣхъ господствующихъ настроеній, среди которыхъ протекала дѣятельность Сената.

I.

Уже въ самые первые дни послѣ большевистскаго переворота и захвата власти въ Петербургѣ большевиками стало ясно, что дни Правительствующаго Сената сочтены. Поскольку обрисовывалась тщетность и иллюзорность надеждъ на быстрое и неминуемое паденіе новой власти, постольку все яснѣе и повелительнѣе выдвигалась необходимость, чтобы Правительствующій Сенатъ, являясь единственнымъ уцѣлѣвшимъ Высшимъ Государственнымъ Учрежденіемъ въ Имперіи, сказалъ свое вѣское и авторитетное слово и далъ такимъ образомъ опредѣленную директиву, которой съ нетерпѣніемъ ожидало какъ судебное вѣдомство, такъ и всѣ вообще находящіяся на службѣ государству.

Это слово могло быть только отрицательнымъ. Грубый захватъ власти во время подготовки Учредительнаго Собранія и провозглашеніе диктатуры пролетаріата открыто ставили классовые идеалы выше идеаловъ общегосударственныхъ, узурпировали права народа и ниспровергали понятія права и законности. Сенату, — Верховному блюстителю права и законности, въ новомъ строѣ, предстояло только погибнуть, но онъ могъ или погибнуть въ безславномъ и робкомъ молчаніи, или, по завѣту Великаго Петра, сказать свое твердое слово, выполнить такимъ образомъ «честно, нелѣбно, но паки ревностно свое званіе».

Необходимо было созвать Общее Собраніе, но это оказалось дѣломъ далеко нелегкимъ. Инициатива (нынѣ покойнаго) Ширкова, назначеннаго при Временномъ Правительствѣ изъ товарищей оберъ-прокурора сенаторомъ, горячо поддержанная сенаторомъ С. М. Заруднымъ, пишущимъ эти строки и товарищемъ оберъ-прокурора Лазаренко, долго не встрѣчала отклика. Уголовный кассационный

департаментъ дважды отказался взять эту инициативу на себя. То же въ началѣ отношеніе проявили и многіе сенаторы другихъ департаментовъ. Одни — просто боялись какого то ни было протеста и уклонялись отъ него въ тайной, повидимому, надеждѣ, что все какъ нибудь образуется, большевиковъ скоро сметутъ, а Сенатъ пока продержится, если протестомъ не привлечетъ къ себѣ особаго вниманія. «Гробы повапленные», — горько бросилъ по адресу этой категоріи С. М. Зарудный. Другіе, блюстители формальной законности, забывая о томъ, что *visum jus-summa injuria*, ссылались на Учрежденіе Сената, на то, что Общія Собранія созываются Генераль-Прокуроромъ и т. п., и не отдавали себѣ отчета въ сложившейся обстановкѣ, повелительно требовавшей отъ «сыновъ отечества» рѣшительныхъ дѣйствій не по буквѣ, а по духу закона. Необходимость этихъ дѣйствій понимало лишь меньшинство. Поэтому сперва былъ испробованъ компромиссъ: состоялось совѣщаніе первоприсутствующихъ и оберъ-прокуроровъ всѣхъ департаментовъ Сената. Оно составило нѣчто въ родѣ постановленія, которое ни по тону, ни по содержанию почти никого не удовлетворило и прошло совершенно безслѣдно.

Меньшинство продолжало свою работу и встрѣтило особое сочувствіе и поддержку у первоприсутствующаго 2-го (крестьянскаго) департамента сенатора Тимофеевскаго и оберъ-прокурора 1-го департамента М. П. Старицкаго, а тутъ помогло и привходящее обстоятельство, заставившее, наконецъ, Сенатъ, какъ цѣлое, приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Въ то время, какъ въ министерствахъ, куда уже явились новые большевистскіе министры, носящіе титулъ «народныхъ комиссаровъ», работа остановилась или почти остановилась, ибо подавляющая масса всѣхъ служащихъ «саботировала» и не подчинялась новой власти, въ Сенатѣ работа продолжалась; большевики пока въ эту работу не вмѣшивались, но въ газетахъ появились сообщенія, что уже имѣется рѣшеніе «упразднить» Сенатъ. Тѣмъ не менѣе 20 ноября соответствующія суммы на уплату жалованья были въ Сенатѣ доставлены, причемъ выяснилось, что новый комиссаръ Штучка заявилъ, что такъ какъ Сенатъ работаетъ, то онъ разрѣшаетъ выдачу жалованья, и сдѣлалъ соответствующую надпись на ассигновкахъ.

Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, состоялось импровизированное и очень бурное частное совѣщаніе изъ многихъ оказавшихся въ этотъ день въ Сенатѣ сенаторовъ и чиновъ оберъ-прокуратуры; были между прочимъ первоприсутствующій 1 деп. Враскій и 2 деп. Тимофеевскій и оберъ-прокуроры Старицкій, Тютрюмовъ и Носовичъ. Сообщено было о твердомъ и достойномъ рѣшеніи, уже вынесенномъ 1-мъ департаментомъ: денегъ не брать и вернуть ассигновку назадъ съ категорическимъ требованіемъ новой ассигновки, согласной съ закономъ, т. е. за подписью оберъ-прокурора и безъ всякой помѣтки г. Штучки.

Тѣмъ не менѣе раздались (правда очень немногочисленные) голоса, что разъ жалованье уже есть, то брать его можно, ибо это

плата за трудъ, который мы дѣйствительно несли, и полученіе жалованья есть не пріемъ какой то подачи, а осуществленіе нашего законнаго права, что помѣтку Штучки можно просто игнорировать и т. п. Довольно подробную рѣчь въ этомъ направленіи произнесъ сенаторъ угол. касса. департ. М. (нынѣ уже покойный). Эта рѣчь особаго сочувствія не встрѣтила. Я попрошилъ слово и сказалъ, что послѣ отправленнаго уже большевикамъ постановленія 1-го деп. предлагаемое рѣшеніе немыслимо. Сенатъ въ это тяжкое время долженъ проявлять полное единство и солидарность и было бы позоромъ, если бы отдѣльные департаменты пошли въ разбродъ. Фактически мы этимъ какъ бы выдали бы на сѣденіе 1-й деп., какъ «непокорный», тогда какъ другіе департаменты фактически, примирившись съ помѣткой Штучки, оказались бы «послушными» новой власти. Я прибавилъ, что теперь становится уже очевиднымъ, какъ были правы тѣ изъ насъ, которые уже давно добивались созыва Общаго Собранія Сената и его принципиальнаго рѣшенія по поводу отношенія къ большевистской власти.

Со всѣхъ сторонъ раздались сочувственные голоса. Послѣ краткой рѣчи Тимофеевскаго, Старицкаго и др. рѣшено было на среду, 23 ноября, созвать Общее Собраніе Сенаторовъ. Было ясно, что общее собраніе неизбѣжно превратится въ официальное Общее Собраніе Сената и такъ въ дѣйствительности и произошло. 23-го ноября это историческое собраніе состоялось и вынесло опредѣленіе, которое всегда останется одной изъ славнѣйшихъ страницъ въ дѣятельности Сената. Спокойно, твердо и съ громаднымъ достоинствомъ провелъ засѣданіе первоприсутствующій 2-го деп. Тимофеевскій. Глубокую, прочувствованную и прекрасную какъ по формѣ, такъ и по содержанию рѣчь произнесъ маститый сенаторъ Н. С. Таганцевъ (при Временномъ Правительствѣ вступившій послѣ фактическаго упраздненія Государственнаго Совѣта въ Первый Департаментъ).

Опредѣленіе, состоявшееся единогласно, въ концѣ гласило: «Преступныя дѣйствія лицъ, именующихъ себя народными комиссарами, свидѣлствуютъ, что они не останавливаются передъ примѣненіемъ насилія надъ учрежденіями и лицами, стоящими на стражѣ русской государственности. Собраніе Сената опредѣляетъ: не признавая законной силы за распоряженіями какой бы то ни было самочинной организаціи, неуклонно исполнять впредъ до Учредительнаго Собранія и образованія власти въ странѣ возложенныя на Сенатъ законныя обязанности, доколѣ къ тому представляется какая-либо возможность, о чемъ дать знать всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ указами». —

Распубликовать этотъ указъ не удалось: наборщики сенатской типографіи отказались набирать его и немедленно отправились къ новымъ хозяевамъ положенія съ соответствующимъ «сообщеніемъ». Въ результатѣ уже черезъ день зданіе Сената было оцѣплено, всякая работа въ немъ вооруженной рукой прекращена, а по приказу Штучки въ залъ общихъ собраній было созвано собраніе сторожей и курьеровъ, которые все же не рѣшились принять на себя сенаторскія функціи . . .

Такъ какъ пресса еще не была окончательно задумана, то опредѣленіе Сената появилось въ газетахъ и безусловно сыграло громадную роль. Несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ останется фактъ, что дѣятели судебного вѣдомства долгие всѣхъ стойко охраняли свои позиціи, не шли на службу къ большевикамъ и особенно въ «реформированныя» большевиками судебныя учрежденія. Многие изъ нихъ погибли мученически, многие умерли съ голоду или отъ болѣзней, вызванныхъ хроническимъ недоѣданіемъ. Сравнительно немногимъ удалось уйти и устроиться затѣмъ на службѣ по судебному вѣдомству въ т. наз. «государственныхъ новообразованіяхъ».

Въ лѣтописяхъ же Сената такимъ образомъ остался фактъ открытаго признанія большевистской власти узурпаторской и преступной и призыва къ неподчиненію этой власти и къ исполненію служебнаго долга, доколѣ это исполненіе окажется возможнымъ.¹⁾

II.

Многострадальной центральной Россіи пришлось непрерывно вплоть до нашихъ дней нести на себѣ большевистское иго. Большевистская олигархо-деспотія знать не хотѣла основныхъ принциповъ права и законности. Вся власть фактически сосредоточилась въ рукахъ «Совнаркома» (совѣтъ народныхъ комиссаровъ); не было твердыхъ границъ между властью законодательной и властью исполнительной, между исполнительной и судебной. Мало того, былъ ниспровергнутъ основной принципъ всякаго правосудія, — его подзаконность, путемъ провозглашенія общаго руководящаго начала, которое гласило: «ранѣе изданные законы (т. е. до-большевистскіе) должны примѣняться лишь постольку, поскольку они не находятся въ противорѣчій съ революціонной и пролетарской

¹⁾ Примѣчаніе. Если приведенное рѣшеніе Сената сыграло роль для всей Россіи и о немъ узнали изъ газетъ и въ весьма отдаленныхъ отъ Петербурга уголкахъ ея (напримѣръ, по свидѣтельству сенатора А. А. Чебышева, въ Грузіи), то, несомнѣнно, нѣкоторую роль сыграло для Петрограда и состоявшееся въ теченіе тѣхъ же дней постановленіе Всероссийскаго Союза Судей, осенью 1917 г. образовавшагося въ Петербургѣ (въ союзъ вошли многие сенаторы, члены Судебной Палаты, члены суда, мировые судьи и слѣдователи; предѣдатель союзомъ былъ Сенаторъ Н. Н. Ненороковъ). На соединенномъ засѣданіи съ представителями прокуратуры и адвокатуры, привлечены нѣсколько сотъ человѣкъ, по просьбѣ президіума союза предѣдательствовалъ я, а въ составъ президіума были приглашены на это засѣданіе представитель прокуратуры и представитель петербургскаго Совѣта присяжныхъ новѣреныхъ. Выслушавъ информационныя сообщенія всѣхъ представленныхъ на собраніи группъ, а также делегатовъ отъ кандидатовъ на судебныя должности и канцелярскихъ чиновниковъ, собраніе въ виду единодушія всѣхъ собравшихся отъишло всякія пренія, обратилось къ предѣдательствующему съ просьбой провозгласить рѣчь, освѣщающую значеніе момента, и затѣмъ единогласно вынесли резолюцію, предлагающую всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ держаться стойко и, исполняя свой долгъ, не подчиняться узурпаторамъ и насильникамъ и охранять по мѣрѣ силъ законъ и правду.

Само собою разумѣется, большевики не оставили безъ вниманія это собраніе: его болѣе активные участники попали въ одинъ изъ первыхъ же проскрипціонныхъ списковъ и въ ближайшемъ будущемъ имъ пришлось скрываться.

совѣстью».¹⁾ Ясно что при такихъ условіяхъ учрежденіе, подобное Сенату, являлось не только излишнимъ, но прямо абсурднымъ; объявленное въ одномъ изъ первыхъ относящихся къ правосудію декретовъ намѣреніе создать новый высшій судъ осталось только на бумагѣ, а позднѣйшее созданіе «Кассационныхъ» инстанцій являлось лишь грубой насмѣшкой надъ идеей кассации и надъ понятіемъ независимаго правосудія. Въ «Большевизмѣ» Сенатъ умеръ,²⁾ и попытки созданія учрежденій, которыя бы были близки старому Сенату, имѣли мѣсто лишь въ т. наз. «государственныхъ новообразованіяхъ».

Отмѣчу изъ этихъ попытокъ прежде всего созданіе Украинской Радой т. наз. Генеральнаго Суда, который долженъ былъ играть роль Сената. Конструкція этого учрежденія носила съ точки зрѣнія законодательной техники несовершенный характеръ, съ раздѣленіемъ функций управленія (т. наз. «порядкующи») отъ функций предѣдательскихъ («президующи»), съ возложеніемъ на однихъ и тѣхъ же лицъ оберъ-прокурорскихъ функций по судебнымъ и административнымъ дѣламъ и т. п.

Что касается личнаго состава генеральныхъ судей (сенаторовъ) то отъ нихъ по закону, принятому Радой не требовалось высокаго служебнаго ценза и выбирались они Радой, (т. е. народнымъ представительствомъ, первый составъ котораго самъ не являлся выборнымъ въ парламентскомъ смыслѣ). Понятно, что при такихъ условіяхъ личный составъ не могъ оказаться на должной высотѣ (конечно, не говоря объ исключеніяхъ) и критерій политически-партийный далеко отодвинулъ назадъ критерій дѣловой. Поэтому въ дальнѣйшемъ, при учрежденіи на Украинѣ вмѣсто Генеральнаго Суда Державнаго Сената по образцу Правительствующаго Сената, пришлось отойти отъ принциповъ, на которыхъ былъ построенъ Генеральный Судъ и, хотя личный составъ послѣдняго былъ изъ уваженія къ принципу несмѣняемости сохраненъ въ Державномъ Сенатѣ, были приняты всѣ мѣры къ пополненію состава Сената наиболѣе авторитетными и опытными судебными работниками, главнымъ образомъ, сенаторами Правительствующаго Сената. Это въ значительной мѣрѣ и удалось.

При Петлюрѣ Державный Сенатъ былъ уничтоженъ. На его мѣсто директорія предложила поставить новый «найвышій» судъ, но это не состоялось и, сама директорія быстро была сметена большевиками . . .

¹⁾ См. подробн. М. Чубинскій: «Кризисъ права и морали», Ростовъ, 1919 г., стр. 20—25.

²⁾ Поэтому намъ представляется совершенно непонятнымъ сообщеніе Н. Метора, будто «Департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената еще въ февралѣ 1918 г. прислалъ въ комиссаріатъ юстиціи бумагу, соответствующую всѣмъ правиламъ прежняго времени». Это не выжето ни съ фактомъ уничтоженія Сената большевиками еще въ концѣ 1917 г., ни съ его вышеприведеннымъ уваженіемъ, исключавшимъ возможность для отдѣльныхъ департаментовъ сносятся съ большевистскими властями (см. Н. Меторъ: «Служба въ комиссаріатѣ юстиціи», Архивъ русской революціи, кн. VIII, стр. 86.).

Вторая попытка организации высшего административного и судебного учреждения была сделана в Крыму. Из письма безвременно погибшего В. Д. Набокова от 22 февраля 1919 года я знаю, что Краевым Крымским Правительством, в состав которого В. Д. Набоков входил, как министр юстиции, был организован Крымский Высший Суд, но при всей скромности его штатов его не удалось довести до полного состава. Туда входили два криминалиста (Председатель Н. Н. Таганцев и сенатор А. Ф. Юршевский), представитель административной юстиции проф. В. Ф. Дерюжинский и представитель военной юстиции (г.-м. Погодина), две же вакансии гражданских оставались незамещенными, хотя и предпринимались сношения с Одессой, чтобы выяснить, кто там находится из старых сенаторов-гражданских.¹⁾

«Временное Присутствие Правительствующего Сената», как высшая судебная и административная инстанция, было открыто Верховным Правителем адмиралом Колчаком для Сибири в Омск. Оно действовало по учреждению Правительствующего Сената и было организовано применительно к этому учреждению, но в его состав, в виду отдаленности Сибири, почти не оказалось сенаторов Правительствующего Сената и вообще мало было лиц, участвовавших в работе последнего.

Наконец, соответствующие учреждения были открыты в Грузии, Латвии и других новообразованиях.

Все изложенное свидетельствует о двух вещах. Во-первых, что везд, где жизнь освобождалась от мертвящих и разрушающих рук большевизма и начинала снова строиться на началах права и закона, неизбежно возникала мысль о создании особого высшего административно-судебного учреждения, и, во-вторых, что почти везд и всегда на территориях, ранее составивших единое целое с Россией, при создании упомянутого учреждения неизбежно обращались к тому образцу, которым являлся в России Правительствующий Сенат, сохранивший до своих последних дней, несмотря на частичные изменения, основы, заложенные в него двумя великими преобразователями — Петром I и Александром II.

III.

Указанные идеи, естественно, не могли не явиться также и там, где особенно энергично было выдвинуто знамя освобождения от большевиков, возрождения родины и построения новой жизни на началах права и закона. Поэтому идея открытия Сената уже в 1918 году была живо воспринята на Дону Донским Правительством, а в то же время привлекала симпатии всех тех

¹⁾ Прим. При организации этого суда принята была (как видно из назначения г.-м. Погодина) проведенная при организации Державного Сената на Украину идея подчинения единой государственной кассационной инстанции всех судов без изъятия, т. е. не только гражданских, но и военных. Как увидим далее, эта идея была воспринята и Конским Правительством при выработке закона о Конском Сенате.

лиц, которые серьезно задавались вопросом о необходимости создания в местностях, подчиненных высшему командованию добровольческой армии, высшего и авторитетного органа администрации и суда.

Известный г. Ферреро в своей недавно выпущенной книге проводил ту основную мысль, что римская империя погибла вследствие паралича власти, выразившегося в упразднении сената, этой опоры всей римской государственности; старая власть была разрушена, новой же власти, которая бы пользовалась нравственным и правовым авторитетом, создать не удалось.¹⁾ Конечно, в России сенат столь существенной роли не играл; он был лишь одной из опор нашей государственности, но опора эта была чрезвычайно важной, а для юга России, благодаря борьбе сталкивающихся течений и интересов и, как увидим ниже, очень слабой роли идеи законности, потребность в высшем государственном установлении, независимом и авторитетном, которое действительно стояло бы на страже идеи законности и по мере сил содействовало бы прекращению всевозможных эксцессов, — такая опора была безусловно необходимой. Кругом все кипело и бурлило, состояние законодательства во многих отношениях можно было бы определить, как правовой хаос, а условия военного времени создавали у власти привычку действовать «по военному», что у нас всегда значило действовать быстро, решительно и без особой оглядки на существующие законы и пределы своих полномочий.

В этих условиях идея создания сената была энергично выдвинута на очередь Донским правительством. Хотя закон о Донском Сенате был принят Большим Войсковым Кругом 20 сентября 1918 года, но подготовка этого закона и меры к привлечению авторитетного будущего личного состава Сената начались гораздо раньше.

Пока власть главного командования еще не являлась достаточно окрепшей, пока при нем не сложилось прочного правительственного аппарата и, наконец, пока не найдены были пути к соглашению Донского правительства с главным командованием для совместной объединенной работы, перед Донским правительством повелительно вырисовывалась задача, освободившись от большевистской власти и приступив к созидательной работе государственного строительства наряду с высшим законодательным органом — Войсковым Кругом, создать для Дона и высшее административно-судебное учреждение в лице Донского Сената.

Поэтому уже с лета 1918 года Донское правительство приступило к выработке положения о Донском Сенате. В основу было положено учреждение Правительствующего Сената (изд. 1917 г.), но был принят во внимание и опыт Украины (т. е. ее закон о Державном Сенате), и то обстоятельство, что организация Донского Сената должна была быть проще, а личный состав — по

¹⁾ Г. Ферреро: „Гибель античной цивилизации“ (1921 г.), пер. 1923 г.

возможности меньше, въ виду какъ соображеній финансоваго характера, такъ и небольшой сравнительно территоріи Войска Донского.

Донской Сенатъ долженъ былъ состоять изъ двухъ кассационныхъ департаментовъ (гражданскаго и уголовнаго) и двухъ административныхъ. Личный составъ его образовался изъ восьми сенаторовъ Правительствующаго Сената Государства Россійскаго, приглашенныхъ Атаманомъ Войска Донского, но дальнѣйшее пополненіе должно было идти путемъ выборовъ по одному кандидату на каждую должность, причемъ выборы должны были производиться сенаторами, а Атаману принадлежало право утвержденія избранныхъ кандидатовъ. Изъ идей, проведенныхъ въ жизнь при Временномъ Правительствѣ въ Россіи, учрежденіе Донского Сената дало идею, что Высшему Дисциплинарному Присутствію Сената подлежать всѣ дѣла о сенаторахъ.¹⁾ Изъ закона о Державномъ Сенатѣ на Украинѣ была взята идея о единствѣ кассационной инстанции для дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ: на основаніи правилъ, принятыхъ Большимъ Войсковымъ Кругомъ одновременно съ учрежденіемъ Донского Сената, т. е. 20 сентября 1918 г., «военно-судныя дѣла Всевеликаго Войска Донского, въ порядкѣ кассационнаго разсмотрѣнія, подлежатъ ведѣнію Уголовнаго Кассационнаго Департамента».

Хотя, какъ уже упоминалось, Донской Сенатъ до момента преобразованія его въ Правительствующій не открылъ своихъ дѣйствій, но составъ приглашенныхъ Атаманомъ сенаторовъ еще до этого открытія былъ на лицо. Всѣ они были сенаторами еще въ царскій періодъ и большинство имѣло громадный служебный опытъ и или присутствовало въ департаментахъ стараго сената, или, нося званіе сенаторовъ, занимало высокіе судебные и административные посты. Такъ, сенаторъ Н. А. Чебышевъ присутствовалъ въ уголовномъ департаментѣ, а также былъ нѣкоторое время товарищемъ министра юстиціи; въ томъ же департаментѣ присутствовалъ С. А. Богородскій. Въ гражданскомъ департаментѣ присутствовали уже

¹⁾ При Временномъ Правительствѣ въ составѣ комиссіи, работавшей по пересмотру судебныхъ уставовъ, была образована между прочимъ и подкомиссія, въ задачу которой входило разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ судебной службѣ. Въ составъ ея входили: директоръ 2 департамента Министерства Юстиціи А. А. Демьяновъ, раньше бывший присяжнымъ повѣреннымъ, а потомъ сдѣлавшійся товарищемъ министра, сенаторъ С. М. Зарудный, профессора Гогель и Люблинскій, товарищъ обер-прокурора Лавренко и прис. нов. Кальмановичъ; предѣдательствовавшій въ этой подкомиссіи.

Пленумъ комиссіи санкционировалъ предположеніе о подчиненіи и сенаторовъ Высшему Дисциплинарному Присутствію, но съ тѣмъ, чтобы это присутствіе состояло исключительно изъ сенаторовъ, частью посылаемыхъ туда по выбору Департаментовъ, частью назначаемыхъ министромъ юстиціи. Тѣхъ же не менѣе Министерство провело повеллу, совершенно иного содержанія: въ составъ присутствія были введены, наряду съ сенаторами, судебные дѣятель, присяжные повѣренные и вообще лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ по выбору между прочимъ органовъ столичнаго самоуправленія и совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. И этому „присутствію“ были переданы дисциплинарныя дѣла о всѣхъ судебныхъ дѣтеляхъ съ сенаторами включительно. Законъ этотъ, хотя и былъ опубликованъ, но въ жизнь не прошелъ; по крайней мѣрѣ вплоть до закрытія большевиками Сената Высшее Дисциплинарное Присутствіе по этому закону сформировано не было. Не пришли этой идеи и на Дону.

ранѣ Ф. И. Кочетковъ и К. П. Краснянскій, во второмъ-бывшій передъ этимъ товарищемъ министра земледѣлія А. Н. Невѣровъ. Изъ остальныхъ былъ въ званіи сенатора старшимъ предѣдателемъ тифлисской судебной палаты А. А. Чебышевъ, здѣсь назначенный во второй департаментъ, присутствовалъ въ уголовномъ департаментѣ Н. А. Ненарокомовъ, назначенный здѣсь въ I-й департаментъ и, наконецъ, въ тотъ же департаментъ попалъ Д. Р. Вилькенъ, носившій и ранѣ званіе сенатора, но, если не ошибаюсь, никогда не занимавшій дѣйствительно ответственныхъ и требующихъ серьезной работы должностей. Онъ такимъ образомъ являлся исключеніемъ, но сказать правду это было исключеніе, если и не очень основательное, то очень симпатичное.

Изъ оберъ-прокуроровъ въ Донской Сенатъ былъ назначенъ лишь одинъ: много и ранѣ служившій на Дону старый судебный дѣятель И. И. Поповскій. Назначили было оберъ-прокуроромъ 2-го департамента извѣстнаго по дѣлу Бейлиса бывшаго старшаго предѣдателя Кіевской судебной палаты Болдырева, — но онъ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Предложили постъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента извѣстному и широко образованному судебному дѣятелю Я. М. Затворническому, онъ согласился и, еще не успѣвъ выѣхать изъ Екатеринодара въ Новочеркасскъ, также заболѣлъ и скоропостижно умеръ.

Въ виду того, что Сенатъ не открывался, тѣ изъ сенаторовъ, которые уже прибыли на Донъ и жили въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, охотно работали для Донского Правительства въ качествѣ консультантовъ. Они давали въ частномъ порядкѣ заключенія по вопросамъ, передаваемымъ на ихъ разрѣшеніе, помогали составлять и редактировать законопроекты и т. п. Болѣе другихъ въ этомъ отношеніи работали А. А. Чебышевъ и А. Н. Невѣровъ.

Если, какъ видимъ, идея созданія Сената была воспринята и разработана въ донскихъ казачьихъ сферахъ, то и внѣ этихъ сферъ они также пользовались сочувствіемъ. Необходимость созданія въ лицѣ Сената высшаго судебно-административнаго учрежденія и желательность того, чтобы какъ въ интересахъ дѣла, такъ и во имя необходимаго и еще такъ недавно существовавшаго государственнаго единства Россіи, это учрежденіе распространяло свою компетенцію по возможности на всѣ свободныя отъ большевистской власти территоріи, — живо сознавалась многими, и соответствующая идея пользовалась большимъ сочувствіемъ въ сферахъ, близкихъ къ главному командованію, а начальникъ управленія юстиціи В. Н. Челлишевъ поставилъ на очередь вопросъ и о ея реальномъ осуществленіи, и уже въ февралѣ 1919 г. въ газетахъ появились извѣстія, что правительство при Главнокомандующемъ выработало въ Екатеринодарѣ проектъ открытія Сената для всего юга Россіи, причемъ по одной версіи предполагали его открыть въ Крыму, а по другой — въ Ростовѣ, но ничего опредѣленнаго ни относительно дѣйствительнаго мѣста открытія будущаго Сената, ни относительно времени его открытія, извѣстно не было¹⁾.

¹⁾ Приж. Именно въ это время Министръ юстиціи Крыма В. Д. Набоковъ

Въ связи съ упомянутыми слухами мнѣ казалось важнымъ выдвинуть вопросъ о Сенатѣ въ печати, а потому я написалъ соответствующую статью въ газетѣ «Одесскій Листокъ», которая тогда являлась одной изъ наиболее распространенныхъ и серьезныхъ газетъ на югѣ Россіи. Въ статьѣ своей я указывалъ, что «цѣлый рядъ судебныхъ дѣлъ является незавершеннымъ за отсутствіемъ кассационной инстанціи; цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ высшаго управленія не получаетъ единообразнаго и вполне авторитетнаго разъясненія въ виду отсутствія того органа власти, которымъ являлся первый (административный) департаментъ Сената». Находя поэтому, что съ реформой необходимо поспѣшить, желательнѣе ли единый Сенатъ для юга Россіи или (въ виду трудности сношеній и разстройства транспорта) рядъ отдѣльныхъ высшихъ учреждений этого характера, и предлагалъ рѣшеніе въ первомъ смыслѣ послѣдующимъ основаніямъ: «Если мы вспомнимъ, что по своимъ задачамъ и по своему характеру Сенатъ долженъ играть роль объединителя судебной и административной практики, въ которой неизбежно иначе появится пестрота, если мы прибавимъ, что важная и сложная задача толкованія законовъ требуетъ высокаго авторитета и единенія лучшихъ юридическихъ силъ, то мы, конечно, должны будемъ высказаться за единство, а не за раздробленіе».

Препятствіемъ не можетъ служить и то, что предъ нами теперь отдѣльные образования въ лицѣ Крыма, Кубани, Войска Донского и т. д. Эти образования не враждебны другъ другу, а имѣющія между собой связь, которая можетъ лишь расти и укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ растетъ и будетъ расти идея возрожденія Россіи, и мы между тѣмъ въ исторіи имѣемъ такой важный прецедентъ, какъ прецедентъ, созданный Германіей; являясь союзнымъ государствомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ государствъ, отдѣльныхъ изъ коихъ, какъ Баварія, сохранила даже нѣкоторыя суверенныя права, тѣмъ не менѣе созданъ Единый для всей имперіи высшій судъ въ Лейпцигѣ». Что же касается мѣста будущаго Сената, то я указывалъ, что «высшая инстанція, каковой является Сенатъ, прежде всего наиболѣе уместна въ большомъ городѣ, который является центромъ большого судебного округа благодаря наличности въ немъ судебной палаты, группируетъ вокругъ себя лучшія силы адвокатуры и имѣетъ на мѣстѣ массу дѣлъ, разрѣшаемыхъ по существу окончательно. Точно также очень важно нахожденіе Сената въ городѣ, гдѣ есть университетъ, ибо сенатская работа во многихъ своихъ частяхъ является работой научнаго характера, требующей наличности такихъ источниковъ, которые трудно и даже невозможно получить внѣ университета и его библіотеки.»¹⁾

писалъ мнѣ (письмо отъ 22 февр. 1919 г.): «Продвиженіе добровольческой арміи въ Крымъ отсрочено на неопредѣленное и, во всякомъ случаѣ, продолжительное время. Если эти предположенія осуществились бы, то вѣроятно южно-русскій Сенатъ будетъ образованъ по представленію Особого Совѣщанія при Добровольческой Арміи, причѣмъ у меня нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, что этотъ Сенатъ, если онъ будетъ созданъ, окажется въ Крыму, а не въ Ростовѣ, Новочеркасскѣ, Одессѣ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.»

¹⁾ «Одесск. Листокъ» отъ 6 марта 1919 г., N 60.

Въ февраль 1919 года, прабывъ въ Екатеринодарѣ послѣ тяжелой эвакуаціи, связанной съ внезапнымъ оставленіемъ Одессы союзниками, я узналъ, что вопросъ о сенатѣ продолжается разрабатываться, но что въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, приходится считаться съ особыми условіями момента, времени и мѣста.

Генералъ Деникинъ и сформировавшееся при немъ правительство (т. наз. «Особое Совѣщаніе») въ то время находились въ Екатеринодарѣ. Еще шла напряженнѣйшая борьба съ большевиками, порою сильно насѣдавшими, и моментъ очищенія отъ нихъ казачьихъ областей и всего юга Россіи тогда еще далеко не наступилъ.

Между тѣмъ отношенія между генераломъ Деникинымъ и Казачьими Правительствами Дона и Кубани были далеки отъ идеала. Можно даже сказать, что со стороны Кубани явно ощущалось недобѣріе и скрытая, но вполне опредѣленная неприязнь къ Главнокомандующему и его Особому Совѣщанію. Если еще и можно было питать надежду на соглашеніе съ Донскимъ Правительствомъ, то въ отношеніи Кубани дѣло обстоило гораздо хуже, а потому проявлялось замѣтное стремленіе ставки Главнокомандующаго и Особого Совѣщанія при первой же возможности покинуть территорию Кубани, что въ близкомъ будущемъ и осуществилось съ переводомъ ставки въ Таганрогъ, а Особого Совѣщанія — въ Ростовъ.

Я далѣе коснусь подробнѣе причинъ указаннаго и прискорбнаго отсутствія единенія, пока же скажу, что это отсутствіе единенія не могло не сказаться и на вопросѣ объ открытіи Сената. И дѣйствительно, если уже въ началѣ апрѣля удалось достигнуть соглашенія по этому вопросу съ Дономъ (25 апрѣля былъ уже подписанъ окончательно выработанный текстъ соглашенія), то наладить соглашеніе съ Кубанью не удалось: Кубанская Рада признала этотъ вопросъ неспѣшнымъ, а потому отложила его разсмотрѣніе. Позже она также ни разу къ его разсмотрѣнію не возвращалась.)

Условія момента наложили свой отпечатокъ и на соглашеніе съ Дономъ. Принципъ единого Сената прошелъ; въ основу было положено учрежденіе Сената Россійскаго, Сенатъ не только сохранилъ названіе Правительствующаго, но также ни въ чемъ несокращенныя права и компетенцію, но въ то же время, такъ какъ Сенатъ открывался по соглашенію двухъ равноправныхъ въ государственно-правовомъ смыслѣ властей (представителя Дона-Атамана и Главнокомандующаго добровольческой арміи) и каждая изъ нихъ, идя на извѣстныя уступки, въ то же время желала и въ вопросѣ о Сенатѣ отмѣтить нѣкоторую свою самостоятельность и независимость, то это отразилось и на организациіи Сената.

¹⁾ Въ статьѣ, посвященной вопросу о значеніи предстоящаго открытія Сената, помѣщенной мною въ N 85 кубанской газеты «Свободная рѣчь», я указывалъ на роль и значеніе созидательнаго процесса и работы во имя будущаго родины, во имя восстановленія силы поруганныхъ законовъ и основныхъ формъ гражданскаго быта. Я писалъ: Если бы къ соглашенію принужда и Кубань, мы имѣли бы предъ собой непрерывную и компактную территорию съ Сенатомъ, какъ символомъ извѣстнаго единенія и солидарности». Отмѣтивъ, что «пока, къ сожалѣнію, этого нѣтъ», я выражалъ надежду, что «то, что отложено, еще не потеряно», и что Кубань присоединится къ соглашенію. Эта надежда не оправдалась.

Для единства и авторитета Сената были чрезвычайно важны те пункты соглашения между Главнокомандующимъ и Атаманомъ, которые мотивировали соглашение «стремленіемъ къ возсозданію Россійской общегосударственной власти» и категорически отмѣчали, что является «необходимымъ возобновить дѣятельность Правительствующаго Сената, объединяющаго подъ общимъ надзоромъ судебныя установленія и административныя учрежденія Россіи». Еще можетъ быть важнѣе являлся пунктъ, который говорилъ, что и дальше (съ согласія Атамана и Главнокомандующаго) могутъ присоединяться къ данному соглашенію «образовавшіяся въ предѣлахъ Россіи мѣстныя правительства, пожелавшія подчинить управляемыя ими территоріи вѣднію Правительствующаго Сената и стремящіяся къ возсозданію единого государства Россійскаго, управляемаго единой верховной властью».¹⁾

Уже этотъ послѣдній пунктъ ярко указываетъ, насколько правы были те господа, которые при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ бросали казачеству, а въ частности и Донскому, обвиненія въ сепаратизмѣ, въ нежеланіи подчинить мѣстные интересы, интересы своей колокольни, интересамъ обще-государственнымъ и т. п. Какъ видимъ, Донъ прямо признавалъ и ставилъ, какъ идеаль, — возрожденіе Россіи и созданіе единой Верховной власти.

Но въ то же время на правительство при Главнокомандующемъ Донъ смотрѣлъ, какъ на союзника въ совершаемомъ великомъ дѣлѣ, а не какъ на высшую надъ собой инстанцію, и считалъ, что еще нѣтъ той единой Верховной власти, которую онъ признавалъ идеаломъ для будущаго, а Единство Россіи онъ мыслилъ отнюдь не въ формахъ всепоглащающаго централизма и нивелировки по одному шаблону. Отсюда желаніе охранять свои особенности и гарантировать себя отъ злоупотребленій въ духѣ крайняго централизма, желаніе, которое нашло свое выраженіе и въ текстѣ излагаемаго соглашения.

Мѣстомъ пребыванія Правительствующаго Сената былъ назначенъ г. Новочеркасскъ. Сенатъ могъ быть затѣмъ перемѣщенъ и въ «иное мѣсто освобожденной территоріи Россіи», но лишь въ томъ случаѣ, если на это «послѣдуетъ согласіе Атамана Всеволодскаго Войска Донскаго и Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи». Въ первоначальный составъ сенаторовъ, кромѣ восьми сенаторовъ, уже приглашенныхъ въ Донской Сенатъ, должно было войти еще четыре сенатора по избранію самого Сената и въ этомъ же порядкѣ (выбора) должно было происходить «дальнѣйшіе увеличеніе состава Сената по мѣрѣ расширенія его дѣятельности», но утвержденіе избранныхъ, а равно и дальнѣйшее расширеніе Сената зависѣло отъ соглашенія Атамана и Главнокомандующаго. То же соглашеніе должно было имѣть мѣсто при назначеніи чиновъ оберъ-прокуратуры, а чины оберъ-секретаріата должны были назначаться по соглашенію Управляющихъ Отдѣлами юстиціи.

¹⁾ См. указ. «Торжество открытія дѣятельности Сената», стр. I—II, I и 18.

Затѣмъ, такъ какъ по учрежденію Сената генераль-прокуроромъ его является Министръ юстиціи, то у возобновленнаго Сената оказалось два генераль-прокурора въ лицѣ обоихъ управляющихъ отдѣлами юстиціи (на Дону и при Главнокомандующемъ), и подчиненная генераль-прокурору оберъ-прокуратура получила такимъ образомъ двухъ равноправныхъ и независимыхъ другъ отъ друга высшихъ начальниковъ.

Далѣе, какъ присоединеніе къ состоявшемуся соглашенію другихъ мѣстныхъ правительствъ, которыя пожелали бы подчинить управляемыя ими территоріи вѣднію Сената, такъ и внесеніе въ будущее въ учрежденіе Сената «необходимыхъ измѣненій и дополненій въ отношеніи компетенціи онаго» — могло имѣть мѣсто лишь по взаимному соглашенію Атамана и Главнокомандующаго.

Наконецъ, для Войска Донскаго Сенатъ явился высшей кассационной инстанціей по военно-суднымъ дѣламъ, т. е. была воспринята реформа, проведенная въ учрежденіяхъ Державнаго Сената на Украинѣ и Донскаго Сената; въ отношеніи же территорій, подчиненныхъ Добровольческой Арміи, Сенатъ этихъ правъ не получилъ: она сохранила для этихъ дѣлъ свою особую высшую инстанцію и не пожелала пойти на реформу, которая была необходима для полнаго единства кассационной инстанціи по всѣмъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ.¹⁾

Въ результатѣ, хотя при учрежденіи Сената былъ сдѣланъ громадный шагъ впередъ къ сближенію и единенію, но все же воплѣдъ единообразной констукціи Сената не получилось, а его составъ и его дальнѣйшее развитіе оказалось въ полной зависимости отъ характера отношеній между Главнокомандующимъ и Атаманомъ и ихъ правительствами. Каждая сторона своимъ veto могла бы остановить и пополненіе Сената, и расширеніе его территоріальной компетенціи, могла бы серьезно затруднить его работу, особенно, если бы произошелъ конфликтъ между начальниками отдѣловъ юстиціи, ибо, какъ указано выше, оба они по закону являлись генераль-прокурорами Сената.

Въ цѣломъ рядъ случаевъ по закону было необходимо соглашеніе двухъ властей, но нигдѣ не было сказано, что же дѣлать, если соглашенія не послѣдуетъ, и не существовало той высшей или, по крайней мѣрѣ, по соглашенію избираемой инстанціи, которая могла бы высказаться въ случаѣ конфликта. Въ общемъ, какъ увидимъ далѣе, жизнь и работа Сената наладилась, но и сформированіе личнаго состава, и самая работа встрѣчали на своемъ пути немало подводныхъ камней, и въ рядѣ случаевъ Сенатъ, не имѣлъ возможности сказать свое вѣское слово, оставался только зрителемъ.

IV.

До момента открытія Сенатъ имѣлъ восемь ранѣе приглашенныхъ сенаторовъ. Ко дню открытія, въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ

¹⁾ См. указ. «Торжество открытія Сената», стр. I—III, особ. п. п. 2, 4, 5, II, 14, 15 и 18.

соглашеніемъ, были утверждены четыре остальные сенатора и назначена часть чиновъ оберъ-прокуратуры и оберъ-секретаріата.

Въ составъ перваго департамента вошли: Н. И. Ненарокомовъ (первоприсутствующій), Д. Р. Вилькенъ и Ф. Ф. Оомъ (который и ранѣе въ Петроградѣ былъ сенаторомъ перваго департамента). Въ составъ втораго департамента вошли: А. А. Чебышевъ (первоприсутствующій), А. Н. Невѣровъ и В. Г. Глинка (послѣдній, и ранѣе бывшій присутствующимъ сенаторомъ и много лѣтъ работавшій въ области землеустройства, не могъ по болѣзни и другимъ независящимъ отъ него обстоятельствамъ явиться изъ Константинополя, куда его ранѣе забросила судьба, въ Новочеркасскъ. Онъ такъ и не пріѣхалъ до самой эвакуаціи Сената въ Крымъ, такъ что составъ присутствія втораго департамента пополнился однимъ изъ сенаторовъ перваго департамента).

Уголовный департаментъ состоялъ изъ Н. А. Чебышева (первоприсутствующій), С. А. Богородскаго и С. Н. Трегубова. Послѣдній незадолго до революціи былъ назначенъ сенаторомъ и посланъ производить сенаторскую ревизію въ Одессу. Эта ревизія настолько затянулась, что пришло и ушло Временное Правительство, пришли и ушли сперва Рада, и затѣмъ Гетманъ на Украинѣ, а ревизія все еще продолжалась. При эвакуаціи Одессы С. Н. Трегубову уѣхать не удалось; при большевикахъ онъ скрывался, но затѣмъ ему удалось выбраться и явиться въ Новочеркасскъ. До его прібытія чаще другихъ составъ присутствія въ уголовномъ департаментѣ пополнялъ Н. И. Ненарокомовъ.

Въ гражданскій кассационный департаментъ вошли: И. Кочетковъ (первоприсутствующій, который, какъ старшій изъ сенаторовъ, председательствовалъ также на общихъ собраніяхъ и въ соединенныхъ присутствіяхъ), К. П. Краснянскій и Назимовъ.

Что касается оберъ-прокуратуры, то оберъ-прокуроромъ перваго департамента былъ назначенный еще въ Донской Сенатъ И. И. Поповскій. Оберъ-прокуроры 2 и гражданскаго кассационнаго департамента не были назначены ко дню открытія Сената. Во второмъ департаментѣ почти до дня эвакуаціи исполняли обязанности оберъ-прокурора товарищъ оберъ-прокурора А. А. Зноско-Боровскій; въ самомъ концѣ этого періода онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ и, послѣ этого, въ непродолжительномъ времени скончался. Лѣтомъ этого же 1919 года скончался И. И. Поповскій, причемъ важный постъ оберъ-прокурора 1-го департамента остался незамѣщеннымъ; временно, но очень долго, это мѣсто занималъ товарищъ оберъ-прокурора того же департамента А. А. Золотаревъ (человѣкъ сравнительно мало опытный и недостаточно подготовленный, онъ былъ назначенъ на эту должность еще въ Донской Сенатъ за отсутствіемъ кандидатомъ съ какимъ нибудь стажемъ въ Сенатѣ и какъ уроженецъ края). Позже былъ назначенъ и оберъ-прокуроръ гражданскаго кассационнаго департамента; это мѣсто занялъ председатель гражданскаго департамента Новочеркасской Судебной Палаты Самоходскій.¹⁾

¹⁾ Самоходскій также скончался сейчас же послѣ крымской эвакуаціи

Наконецъ въ уголовный кассационный департаментъ исполняющимъ обязанности оберъ-прокурора съ сохраненіемъ званія сенатора былъ назначенъ профессоръ М. П. Чубинскій.

На исторіи этого назначенія мнѣ придется остановиться, ибо на немъ (какъ и на дальнѣйшихъ перипетіяхъ моей службы) отразились тогдашнія настроенія высшихъ сферъ, важныя для общей характеристики момента. Еще 30 (17) марта сенаторъ Н. А. Чебышевъ сообщилъ мнѣ: «Въ Донской Сенатъ всѣ кандидаты (сенаторы) уже намѣчены. При избраніи приходилось считаться съ многообразными условіями Круга, который между прочимъ отрицательно относится къ служившимъ на Украинѣ». Когда я пріѣхалъ и побывалъ въ Екатеринодарѣ, Ростовѣ и Новочеркасскѣ, я убѣдился, что эта информация была не совсемъ точной: абсолютно никакой украиннофобіи ни въ донскихъ казачьихъ кругахъ, ни у Донскаго Правительства я не встрѣтилъ; я, напримѣръ, былъ принятъ на Дону послѣ моего назначенія очень привѣтливо и сердечно. Также со стороны Дона съ полной готовностью были приняты кандидатуры сенаторовъ Невѣрова, Краснянскаго и Назимова, вступившихъ на Украинѣ по моему приглашенію въ Державный Сенатъ, и сенатора Трегубова, продолжавшаго въ украинскій періодъ свою ревизію послѣ продленія ея срокомъ министромъ юстиціи Украины, моимъ преемникомъ А. Ф. Романовымъ.

Украиннофобія въ дѣйствительности свила прочное гнѣздо вовсе не у Донцовъ, а въ крайнихъ правыхъ кругахъ, близкихъ къ ставкѣ Главнокомандующаго и Особому Совѣщанію. Встрѣчались, къ сожалѣнію, и люди, принадлежаніе къ либеральному лагерю, но увлекающіеся идеей централизованнаго на старомъ манерѣ Государства. И они надѣлали не мало пагубныхъ ошибокъ, и ихъ совѣты Деникину по украинскому вопросу принесли, какъ увидимъ дальше, немало зла, но эти элементы дѣйствовали по убѣжденію и открыто, тогда какъ правые ультра-патріоты и ура-патріоты не брезговали въ этомъ отношеніи ничѣмъ, вплоть до клеветы и ложнаго доноса.

Но еще тѣмъ, кто имѣлъ за собою только службу на Украинѣ, было сравнительно легко. Особую злобу и ненависть указанные круги питали къ тѣмъ, кто передъ этимъ занималъ болѣе или менѣе видное мѣсто при Временномъ Правительствѣ. Правда, генералъ Деникинъ не всегда поддавался внушеніямъ такого рода: какъ въ числѣ его министровъ (начальниковъ отдѣловъ), такъ и на другихъ важныхъ постахъ было не мало лицъ, занимавшихъ видные посты на Украинѣ (напримѣръ, бывшій министръ земледѣлія на Украинѣ Колокольцовъ, товарищъ министра Бурлаковъ, товарищъ министра Курило и мн. др.), и лицъ игравшихъ видную роль при Временномъ Правительствѣ (министръ финансовъ Бернацкій, на-

и былъ погребенъ въ Далмаціи въ Ердегнови. Такимъ образомъ изъ оберъ-прокуроровъ Сената на Дону остался въ живыхъ лишь пишущій эти строки; въ теченіе менѣе чѣмъ двухъ лѣтъ одинъ за другимъ сошли въ могилу Болдыревъ, Затворницкій, Поповскій, Зноско-Боровскій и Самоходскій.

значенный Временным Правительством изъ председателей съезда мировыхъ судей старшимъ председателемъ Московской судебной палаты В. Н. Челищевъ, назначенный сенаторомъ Н. Н. Таганцевъ и мн. др.). Но кое кому изъ этихъ лицъ позже все же пришлось подъ влияніемъ травли и разныхъ интригъ уйти, кое-кто укрѣпилъ свое положеніе, примкнувъ къ правому лагерю и открывъ гоненіе на «лѣвыхъ» и «самостійниковъ»¹⁾, кое о комъ, къ его счастью, представители оффиціального и неоффиціального сыска забыли, и онъ могъ сидѣть спокойно.

При этомъ ни единства власти, ни единства политическаго курса не было. Въ составѣ Особаго Совѣщанія преобладали кадеты и лица къ нимъ близкія, въ ставкѣ Главнокомандующаго — правые и крайніе правые. Оффиціально объявлялось, что возврата къ прошлому нѣтъ, велись переговоры, въ основѣ которыхъ лежало признаніе принциповъ не только автономіи, но и федеративнаго государственнаго строя, говорилось о будущемъ учредительномъ собраніи, о правахъ народа, объ интересахъ трудящихся, о законности и гарантіяхъ личности. — и въ то же время и фактической оффиціозъ Ставки «Великая Россія» и рядъ другихъ подголосковъ, а равно и рядъ лицъ, занимавшихъ высокіе посты, и на словахъ и на практикѣ въ лозунгъ «Великая, единая и недѣлимая Россія» вкладывали определенное, яркое, централистическое и реакціонное содержаніе. Правая рука часто не знала, что дѣлаетъ лѣвая, а еще чаще провозглашалось одно, а дѣлалось другое.

Особенно характерно, что чѣмъ шире развивались военные успѣхи, чѣмъ больше занималось территорій, тѣмъ круче курсъ поворачивался вправо и тѣмъ сильнѣе становилось при неизмѣнности состава Особаго Совѣщанія влияніе закулисныхъ «патріотическихкихъ» шептуновъ, которымъ сладостно рисовались картины расправы со всякими «самостійниками»: кубанскими, донскими, украинскими, грузинскими, эстонскими и т. д. Хуже шли дѣла — и влияніе праваго крыла шло на убыль, охотнѣе дѣлалась уступки, быстрѣе начинало двигаться дѣло о полномъ соглашеніи съ казачьими новообразованиями, назадъ брались крупныя мѣры и т. д.

Генералъ Деникинъ увидѣлъ и понялъ все, но... лишь тогда, когда было уже поздно, и недаромъ утверждаютъ, что пе-

¹⁾ Примѣч.: Къ грустью не могу здѣсь не отмѣтить имя А. Ф. Романова, приглашеннаго мною на Украину на должность моего товарища по министерству юстиціи и работавшаго три мѣсяца въ качествѣ моего ближайшаго сотрудника. На Украину онъ держался призрачныхъ взглядовъ, за украинца себя не выдавалъ, самостійникомъ не былъ, но вообще украинскому движенію сочувствовалъ и указывалъ, что иначе онъ вести себя не можетъ, имя великоросса — отца и мать — украинскую писательницу Одарку Романову. Въ Екатеринодарѣ онъ велъ себя сдержанно и занималъ скромное мѣсто, помогая чѣмъ могъ людямъ, которымъ нужно было реабилитироваться отъ властныхъ навѣтовъ. Помогъ въ томъ числѣ и мнѣ. Позже, когда онъ занялъ болѣе видный постъ, онъ не только рѣзко повернулъ въ сторону крайней правой, но и, будучи посланъ послѣ вятія добровольцами Кіева на Украину, щедро бросалъ по адресу многихъ судебныхъ дѣятелей: „Вы самостійники“ и заявлялъ имъ, что занять мѣсто по судебному вѣдомству они могутъ только въ Великороссіи. Онъ вгнать тогда настоящую панку, отразившуюся въ рядѣ полученныхъ мною изъ Кіева писемъ.

редъ своимъ отъѣздомъ онъ обронилъ перифразъ того, что въ началѣ революціи записалъ въ своемъ дневникѣ покойный Государь Николай II: «Кругомъ трусость, подлость и измѣна»...

Я вовсе не хочу сказать всѣмъ изложеннымъ, что не было ошибокъ и неосновательныхъ домогательствъ со стороны казачьихъ новообразований; было и это, было и известное недоверіе, но справедливость требуетъ отмѣтить, что описанное положеніе вещей неособенно располагало къ довѣрію и стояло страшнымъ тормазомъ на пути къ широкому и искреннему объединенію...

Мнѣ и дальше придется касаться этой печальной темы. Пока же я останавлиюсь на заведенномъ еще въ Екатеринодарскій періодъ института особой «реабилитаци». Не только каждый, прибѣжавшій изъ Большевиціи, но и каждый желающій поступить на службу и пріѣхавшій изъ государственныхъ новообразований (особенно изъ ближайшихъ территоріально Украины, Крыма и Грузіи) заранѣе считался подозрительнымъ и долженъ былъ себя очистить отъ подозрѣній и реабилитировать. Выпало это на долю и мнѣ.

Меня чрезвычайно сердечно принялъ знавшій меня раньше начальникъ отдѣла юстиціи В. Н. Челищевъ. Оказалось, что въ сенаторы предположеннаго къ возобновленію Сената попасть мнѣ почти невозможно: во-первыхъ, были уже намѣчены кандидаты на оставшіяся четыре вакансіи, а во-вторыхъ, выявилось желаніе какъ уже приглашенныхъ сенаторовъ, такъ и значительной части вліятельныхъ круговъ, чтобы въ Сенатъ попали только сенаторы, назначенные въ царскій періодъ, а никоимъ образомъ не сенаторы, назначенные въ періодъ революціонный, послѣ отреченія Государя. Казалось бы, что тутъ нѣтъ послѣдовательности, разъ въ свое время Сенатъ призналъ Временное Правительство, разъ онъ въ своемъ знаменитомъ указѣ отъ 23 ноября 1917 года говорилъ объ Учредительномъ Собраніи, а большевиковъ именовалъ «самочинной организаціей, не останавливающейся передъ примѣненіемъ насилія надъ учрежденіями и лицами, стоящими на стражѣ русской государственности». Тѣмъ не менѣе фактъ оставался фактомъ.

Но такъ какъ было вакантнымъ мѣсто оберъ-прокурора уголовного департамента, замѣщаемое не по выборамъ, а по назначенію, то Челищевъ изъявилъ готовность провести меня на это мѣсто и далъ мнѣ письмо къ начальнику управленія юстиціи Войска Донскаго Н. М. Захарову. Захаровъ отнесся къ моей кандидатурѣ сочувственно, но попросилъ меня на 2—3 дня задержаться въ Новочеркасскѣ, чтобы дать ему возможность поговорить съ находящимися уже на мѣстѣ сенаторами и выяснить ихъ отношеніе къ этой кандидатурѣ. Оказалось, что часть сенаторовъ желаетъ предварительно услышать мое сredo по украинскому вопросу.¹⁾ Послѣ соответствующей бесѣды моя кандидатура была единогласно одобрена; не встрѣтила она также препятствій со стороны Донскаго Правительства и Атамана. Пока заготовлялся текстъ приказа, я выѣхалъ обратно въ Екатеринодаръ, куда дѣло послѣ

¹⁾ Примѣчаніе. Объ этомъ сredo мнѣ подробно придется сказать дальше.

согласія Атамана должно было поступить для получения согласія Главнокомандующаго.

По тутъ то и начались осложненія. Кромѣ сыска официальной (т. наз. контръ-развѣдка, которая должна была бороться съ большевизмомъ и большевистскими эмиссарами, но въ этой области сдѣлала очень мало, а въ то же время отличалась чудовищнымъ произволомъ и неслыханнымъ вымогательствомъ и взяточничествомъ) въ большомъ ходу былъ и сыскъ добровольный, любительскій. Открыто онъ велся на страницахъ крайней правой печати, усвоившей тонъ и приемы бывшаго «союза русскаго народа»; тайно, путемъ доносовъ, его осуществляли и отдѣльныя лица и даже спеціальныя частныя организаціи.¹⁾

Изъ этихъ послѣднихъ источниковъ поступилъ доносъ и на меня съ обвиненіями въ украинскомъ «самостійничествѣ» и германофильствѣ. Приѣхавъ въ Екатеринодаръ, гдѣ благодаря невѣроятному переполненію города было совершенно невозможно достать комнату (кромѣ массы приѣзжихъ въ Екатеринодаръ находились всѣ добровольческія и кубанскія правительственныя учрежденія), я и въ первый и во второй разъ, съ любезнаго согласія предсѣдателя и прокурора суда, останавливался и жилъ въ зданіи суда, въ то время биткомъ набитомъ бѣженцами судебнаго вѣдомства. И вотъ въ отдѣлѣ юстиціи послѣдовалъ грозный запросъ отъ г. помощника Главнокомандующаго (генерала Драгомирова), вѣрно ли, что приѣхалъ и остановился въ зданіи суда бывшій украинскій Министръ Юстиціи Чубинскій, вѣрно ли, что предполагается его назначеніе на должность оберъ-прокурора Сената; прибавлялось, что во всякомъ случаѣ должна предварительно имѣть мѣсто соответствующая реабилитация лица, которое занимало такой постъ на Украинѣ въ германофильскомъ кабинетѣ Лизогуба.

Не могу съ чувствомъ искренней и глубокой благодарности не отмѣтить твердаго и достойнаго образа дѣйствій, который проявилъ въ моемъ дѣлѣ начальникъ управления юстиціи В. Н. Челищевъ. Съ убѣжденіемъ и энергично работая для возсозданія Россіи, онъ, конечно, не питалъ симпатій къ дѣйствительнымъ самостійникамъ и сепаратистамъ, но онъ понималъ обстановку, при которой складывались въ борьбѣ съ большевизмомъ новыя государственныя образованія, понималъ и то, что федералистическія идеи отнюдь не заключаютъ въ себѣ отрицанія государственнаго единства, а возрожденіе родины отнюдь не обязательно мыслить въ формѣ всепоглащающаго централизма. Поэтому, собравъ рядъ свѣдѣній отъ лицъ, служившихъ или проживавшихъ на Украинѣ и находившихся въ настоящій моментъ въ районѣ Добровольческой Арміи, и получивъ отъ меня докладную записку, онъ призналъ меня вполнѣ реби-

¹⁾ Примѣчаніе. Въ числѣ этихъ частныхъ организацій нельзя не отмѣтить созданную членомъ Государственной Думы В. В. Шульгинымъ т. наз. «азбуку», агенты которой были извѣстны по принципу строгой конспираціи подъ буквами алфавита (агентъ „А“, агентъ „Д“ и т. д.). Я встрѣчалъ въ бѣженствѣ людей, ничего общаго съ большевизмомъ не имѣющихъ, но много вынесшихъ по милости этой организаціи.

литированнымъ²⁾ и немедленно далъ ходъ дѣлу о назначеніи меня и. о. оберъ-прокурора съ сохраненіемъ званія сенатора. Но и тутъ оказались задержки. Генераль Драгомировъ послалъ Главнокомандующему не представленіе меня начальникомъ юстиціи, уже одобренное донскимъ начальникомъ юстиціи и Атаманомъ, но всю переписку по моему дѣлу.

Въ руки Главнокомандующаго мое дѣло попало въ трудный моментъ, шли горячіе бои съ сильно настѣдавшими большевиками, а потому генераль Деникинъ лично выѣхалъ на фронтъ. Только нѣсколько дней спустя, когда выяснился нашъ успѣхъ, онъ могъ заняться гражданскими дѣлами. Прочтя всю переписку, онъ немедленно мое назначеніе подписалъ въ пути. Я сейчасъ же выѣхалъ въ Новочеркасскъ къ предстоящему торжеству открытія Сената.

²⁾ Примѣч. Приведу здѣсь выдержки изъ сохранившихся у меня документовъ. Въ моей докладной запискѣ отъ 19 апр. 1919 г. я указалъ, что я приѣхалъ въ Кіевъ послѣ укрѣпленія большевиками въ Петроградѣ и Москвѣ, ибо не имѣлъ возможности продолжать свою работу по должности сенатора, и, понавѣ въ большевистскіе проскрипціонныя списки, да и вообще не желалъ работать какъ профессоръ при условіяхъ, исключающихъ свободу науки и преподаванія, долженъ былъ бѣжать.

Послѣ Москвы и Харькова я попалъ на родину въ Кіевъ къ самому моменту гетманскаго переворота и уже черезъ три дня неожиданно для себя получилъ предложеніе занять постъ министра юстиціи. Къ этому времени положеніе правосудія было серьезно подорвано; при Радѣ началось уничтоженіе судебныхъ палатъ, нагнаніе несправедливыхъ судей и созданіе высшихъ судебныхъ инстанцій, составъ которыхъ замѣнился почти исключительно украинцами, причѣмъ при назначеніяхъ соображенія національно-политическаго характера нерѣдко отодвигали назадъ критерій знаній, опыта и таланта. Прибывшіе на Украину нѣмцы систематически вмѣшивались въ судебныя дѣла и даже открывали свои суды.

Мнѣ казалось глубоко важной и плодотворной задачей возродить на Украинѣ правосудіе, достойное этого имени и освободить его отъ иноземнаго вмѣшательства. Я надѣялся въ то же время, поддерживая умѣренное національное украинское теченіе, которому я принадлежалъ и былъ горячо ему преданъ, помочь смягченію отношеній и компромису въ борьбѣ, въ которой съ одной стороны проводилась идея отрицанія всего украинскаго и продолженія старой насильственной руссификаціи, а съ другой — стояло социалистическое и ультра — шовинистическое теченіе, выдвинувшее идею украинскаго сепаратизма.

Мои надежды во многомъ не оправдались, но я вѣрилъ и теперь вѣрю, что иная политика кромѣ примирительной, на Украинѣ полезныхъ результатовъ не дастъ. Съ одной стороны мы видимъ, къ чему привела политика насильственной руссификаціи, а съ другой нельзя согласиться съ идеей отдѣленія Украины отъ Россіи не только большевистской, что можетъ быть понятно какъ временный, вынужденный обстоятельствомъ и по существу спасительный фактъ, но и будущей, свободной и великой.

Обо всемъ этомъ я категорически заявилъ приглашавшему меня въ кабинетъ временному премьеру Н. В. Василенко, и только услышавъ отъ него, что такія идеи разделяетъ значительная часть кабинета, и что министерство будетъ строго дѣловое, о чемъ будетъ заявлено въ его деклараціи, принялъ приглашеніе. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ былъ налаженъ весь судебный аппаратъ, а въ результатѣ протестовъ удалось добиться, хотя съ громаднымъ трудомъ, того, что нѣмцы удержали компетенцію только по уголовнымъ дѣламъ, задержавшимъ интересы находящейся на Украинѣ ихъ арміи, все же остальное перешло въ вѣдѣніе украинской юстиціи и освободилось отъ германо-австрійскаго вмѣшательства.

Закончивъ эту работу, я просилъ объ отставкѣ и ушелъ предсѣдательемъ уголовного департамента Сената и политически выступилъ лишь разъ, присоединившись въ печати къ извѣстной запискѣ, поданной министрами почти въ полномъ ихъ составѣ и вызвавшей ихъ отставку. Въ этой запискѣ высказывалось убѣжденіе о необходимости для Украины ориентироваться на будущую Россію. —

Торжество открытія Сената произошло 14 мая 1919 года и прошло, что рѣдко бываетъ съ официальными торжествами, не только помпезно съ внѣшней стороны, но и съ рѣдкой задушевно-стью. Высшее духовенство, Донской Атаманъ, представители Главного командующаго и Особаго Совѣщанія, Президіумъ Донского Войскового Круга, высшіе представители Донского Правительства, весь составъ открываемаго Сената, масса чиновъ судебного вѣдомства и представителей адвокатуры съ большимъ подъемомъ духа и вѣрой въ свѣтлое будущее Родины встрѣтили открытіе Сената и считали день открытія однимъ изъ важнѣйшихъ шаговъ по пути къ этому будущему, къ возрожденію и объединенію Родины.

Поскольку въ рѣчахъ ораторы оглядывались на прошлое, какъ всегда бываетъ на юбилейныхъ и имъ подобныхъ торжествахъ, замѣчалось иногда преувеличеніе и сгущеніе розовыхъ красокъ. Едва ли вполнѣ точной была историческая концепція сенатора Чебышева, по словамъ котораго, «изслѣдуя судьбу Сената, мы замѣчаемъ, что его значеніе поднималось почти параллельно съ расцвѣтомъ и паденіемъ самого Государства Россійскаго». Едва ли можно признать вполнѣ вѣрнымъ утвержденіе генераль-лейтенанта Эльснера, что въ теченіе всего существованія Сената въ немъ «всякій обиженный произволомъ или насиліемъ находилъ высшую справедливость и неуклонность въ рѣшеніяхъ и къ малому и великому, и къ слабому и сильному».¹⁾

Но, оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя преувеличенія, необходимо признать, что въ общемъ въ рѣчахъ была дана полная и удачная характеристика и значенія законности въ государственной жизни, и исторической роли Правительствующаго Сената, и, наконецъ, значе-

Весь этотъ матеріалъ былъ мною изложенъ въ докладной запискѣ В. Н. Челишеву. Признавъ меня вполнѣ реабилитированнымъ, В. Н. немедленно сдѣлалъ обо мнѣ подробное представленіе, въ которомъ указалъ, что я не только былъ три мѣсяца украинскимъ министромъ юстиціи, но и много лѣтъ былъ профессоромъ, а въ послѣднее время былъ сенаторомъ и профессоромъ университета, Лицея и Военно-Юридической Академіи въ Петроградѣ. Онъ указалъ, что обвиненіе въ германофильствѣ плохо вяжется съ характеромъ моей дѣятельности на Украинѣ, когда я освобождалъ правосудіе отъ германскаго засилія, а также съ тѣмъ фактомъ, что въ Петроградѣ я былъ президентомъ Общества Славянскаго Научнаго Единенія. Что касается «самостійничества», то В. Н. выразилъ недоумѣніе, какъ можетъ падать подобное обвиненіе на то лицо, которое открыто присоединилось къ извѣстной запискѣ украинскихъ министровъ объ ориентации на Россію и было однимъ изъ первыхъ посажено въ тюрьму украинской ультра-шовинистической директоріей при Петлюрѣ. Въ заключеніе указывалось, что почти въ теченіе полугода не удавалось найти соответствующаго кандидата на постъ оберъ-прокурора уголовного департамента, и что теперь, когда предстоитъ открытіе работъ Сената, было бы особенно неудобнымъ неутвержденіе Главного командующимъ представленной кандидатуры, ибо всѣмъ, принимавшимъ участіе въ этомъ дѣлѣ, извѣстно, что профессоръ М. Чубинскій былъ министромъ юстиціи на Украинѣ, но это не помѣшало одобренію его кандидатуры и сенаторами, и обѣими управляющими отдѣлами юстиціи и, наконецъ, Донскимъ Атаманомъ.

¹⁾ См. „Торжество открытія“, стр. 14 и 9. Между тѣмъ въ жизни Сената бывали моменты, когда онъ и „взиралъ на лица“, и приспосаблился къ политическому курсу. Достаточно вспомнить рядъ рѣшеній I Департамента при Столыпинѣ и рядъ рѣшеній Уголовнаго Департамента (особенно 4 отдѣленія) при Щегловитомъ.

нія момента, т. е. возстановленія на Донской территоріи дѣятельности Сената, разрушеннаго большевиками.

Всѣ были проникнуты свѣтлой вѣрой въ грядущее возрожденіе Родины, всѣ признавали открытіе на Дону Сената важнымъ этапомъ на пути къ этому свѣтлому будущему.

Управляющій донскимъ отдѣломъ юстиціи Н. М. Захаровъ подчеркнул, что Сенатъ «явится однимъ изъ тѣхъ краеугольныхъ камней, на которыхъ будетъ соиздаться стройное зданіе всей Великой, вновь могущественной нашей матери Россіи» и указалъ, что «въ первомъ ряду строителей и борцовъ за возрожденіе нашей общей Родины по справедливости должно быть поставлено Донское Казачество. Донской архіепископъ, Высокопреосвященный Митрофанъ, указывалъ на завѣты Спасителя, призывалъ сенаторовъ «всещю посвятивъ себя дѣлу возстановленія въ нашей изстрадавшейся Родинѣ поправныхъ и поруганныхъ врагами ея правды, права и законности».¹⁾ Донской Атаманъ А. П. Богаевскій, подчеркнувъ, что, безъ права, законности и порядка невозможна нормальная жизнь государства, и призывая Сенатъ къ работѣ «на благо Единой, Великой и недѣлимой Россіи», указалъ на то, что «Войску Донскому въ теченіе многолѣтней почти непрерывной боевой его жизни приходилось работать болѣе мечомъ, чѣмъ перомъ», и потому призналъ, что «руководящее сотрудничество Сената въ надзорѣ за правомѣрностью гражданскаго быта въ Россіи особенно цѣнно и нашему Тихому Дону».

Яркую характеристику той разрухи, которую внесъ большевизмъ во всѣ стороны жизни, и кошмарной картины большевистскаго правосудія далъ представитель Главного командующаго генераль Эльснеръ. Онъ говорилъ о великомъ подвигѣ освобожденія Россіи отъ гнета, насилія и произвола и привѣтствовалъ то, что въ лицѣ Сената «снова становится на свой постъ стражъ права, законности и государственной пользы», а это приближаетъ насъ къ конечной завѣтной для всѣхъ цѣли — возстановленію единой, великой, могучей и свободной Россіи».

Управляющій отдѣломъ юстиціи В. Н. Челишевъ передалъ сенаторамъ отъ Главного командующаго пожеланіе успѣха въ тяжелой и отвѣтственной работѣ, соединенное съ увѣренностью «въ безпристрастномъ нелицемѣрномъ правосудіи Сената, учрежденія чуждаго политики», и въ томъ, что «начала права и закона водворятся неизбежно въ жизни народа и внесутъ въ нее успокоеніе, котораго жаждетъ истомленная страна». Закончилъ свою рѣчь В. Н. твердымъ и знаменательнымъ выраженіемъ своего убѣжденія въ томъ, что подъ руководствомъ возобновляемаго Сената «въ Россіи окрѣпнетъ и расцвѣтетъ право, какъ ея истинный Суверень».

Тѣ же основные мотивы звучали въ рѣчахъ предсѣдателя Донского войскового Круга В. А. Харламова, предсѣдателя Совѣта управляющихъ отдѣлами на Дону генерала П. Х. Попова, въ подробной и сопровождавшейся интересными историческими справками

¹⁾ Указ. „Торжество открытія“, стр. 2 и 3.

отвѣтной отъ имени Сената рѣчи сенатора А. А. Чебышева и въ небольшой, но сильной, прочувствованной отвѣтной рѣчи сенатора А. Н. Невѣрова.)

Вполнѣ присоединяясь къ этимъ мотивамъ, пишущій эти строки въ своей рѣчи хотѣлъ подчеркнуть важность момента и въ томъ смыслѣ, чтобы идея государственнаго единства Россіи, находящая свое выраженіе въ бытіи единого для всей Россіи Правительствующаго Сената, осуществлялась въ новыхъ болѣе свободныхъ формахъ. Это было сформулировано такъ: «Россія будущаго не явится Россіей прошлаго. Невозвратно ушла изъ русской жизни система подводящаго все подъ одинъ шаблонъ и нивелирующаго все централизма. Наше возрожденное отечество будетъ построено на признаніи права и особенностей разнообразныхъ областей и народностей, входившихъ въ составъ Россіи, на предоставленіи имъ возможности свободно жить и развиваться, рѣшая рядъ важныхъ для себя вопросовъ на мѣстахъ, безъ давленія всеохраняющаго центра.

Но при этомъ необходимо, чтобы не получился пестрый конгломератъ механически спаянныхъ кусковъ, чтобы интересы частей не заслонили интересовъ цѣлаго, а свобода и федеральныя или автономныя права не превратили въ пустой звукъ идею единого великаго государства, нуждающуюся въ такихъ нормахъ, которыя давали бы ей ясное и наглядное выраженіе. Среди такихъ нормъ имѣютъ громадное значеніе тѣ государственныя нормы, которыя опредѣляютъ бытіе единого для всей Россіи Правительствующаго Сената . . .

Когда то великій Пушкинъ мечталъ о томъ, чтобы надъ отечествомъ взошла прекрасная заря просвѣщенной свободы. Просвѣщенной свободы не можетъ быть безъ уваженія къ праву и закону. Будемъ же вѣрить, что возстановленіе дѣятельности Сената явится одной изъ важнѣйшихъ основъ въ дѣлѣ укрѣпленія права и закона, и что мы скоро увидимъ передъ собой исполненіе мечты великаго поэта и появленіе у насъ вмѣсто хаоса и произвола подлинной просвѣщенной свободы.»¹⁾

Послѣ заключительнаго благодарственнаго за всѣ привѣтствія слова предсѣдательствовавшаго сенатора Ф. И. Кочеткова²⁾ торжественное собраніе было закрыто и немедленно состоялось распорядительное засѣданіе, выработавшее текстъ нижеслѣдующаго указа:

«Указъ Именемъ Закона изъ Правительствующаго Сената.»

. . . Полтора года назадъ, въ засѣданіи 23 ноября 1917 года, въ г. Петроградѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: «Не

¹⁾ См. Тамъ же стр. 4, 7, 8, 9, 11, 12, 13—17. Тоже было и въ рѣчи представителя адвокатуры А. И. Петровскаго, подчеркивавшего какъ процессъ государственнаго строительства на Дону, такъ и то, что полная самостоятельность Дона является временной.

²⁾ См. тамъ же, стр. 10—11. См. также газету «Жизнь» отъ 5 іюня, N 35.

³⁾ Примѣч. Въ началѣ осени сенаторъ Кочетковъ скончался. На его мѣсто былъ избранъ и утвержденъ сенаторомъ гражданскаго кассационнаго департамента сенаторъ А. И. Морозовъ, а предсѣдательство на общихъ собраніяхъ и въ соединеннои присутствіи перешло къ старѣйшему сенатору Н. А. Чебышеву.

признавая законной силы за распоряженіями какой бы то ни было самочинной организаціи, неуклонно исполнять, впредь до Учредительнаго Собранія и образованія власти въ странѣ, возложенныя на Сенатъ законныя обязанности, доколѣ къ тому представляется какая либо возможность». Вслѣдствіе сего опредѣленія, дѣятельность Правительствующаго Сената въ Петроградѣ, вооруженною силою захватчиковъ власти, была прервана.

Но неразрывно связанному съ государственнымъ бытіемъ Россіи Правительствующему Сенату надлежало возобновить свою дѣятельность при возстановленіи Государственныхъ началъ, которыя и воссоздаются въ настоящее время Добровольческой Арміей и Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ, пріярившимъ на себя вмѣстѣ со всѣми вѣрными сынами отечества великій подвигъ возрожденія Единой Россіи и установленія въ ней общегосударственной власти и правового порядка.

Нынѣ Правительствующій Сенатъ на прежнихъ основаніяхъ по Учрежденію Сената и Судебнымъ Уставамъ возобновляетъ свою дѣятельность.

Въ твердой увѣренности, что постигшія наше отечество безпримѣрныя бѣдствія минуютъ, при возрождающемся стремленіи народовъ Россіи къ единенію и къ общественному и государственному порядку, и что Государство Россійское восприметъ къ свѣтлой жизни труда, мира и опирающейся на законъ свободы, Правительствующій Сенатъ, въ его настоящемъ составѣ, будетъ стоять на стражѣ законности, справедливости и порядка и призываетъ къ тому же всѣ подвѣдомственныя ему мѣста и лица.

Посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: о возобновленіи его дѣятельности на указанныхъ основаніяхъ дать знать указами всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ.¹⁾

Свѣтлымъ и достойнымъ рисуется этотъ первый шагъ Сената. Возстановивъ свою связь съ прошлымъ, съ насильственно закрытымъ Всероссійскимъ Сенатомъ въ Петроградѣ, онъ наряду съ началами законности и порядка выставилъ, какъ идеалы свѣтлой жизни, трудъ, миръ и свободу, а свое главное назначеніе усматривалъ въ охраненіи началъ законности и справедливости.

И, какъ увидимъ далѣе, хотя Сенату и не пришлось въ желательной мѣрѣ развернуть свою дѣятельность, частью вслѣдствіе сравнительно краткаго времени его существованія, частью вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ него независившихъ, но онъ все же стремился дѣйствовать въ духѣ указанныхъ началъ, «нелѣпно» велъ свою работу.

VI.

Нельзя не сказать, что внѣшняя обстановка для работы была неособенно благоприятной. Сенатъ открылся въ городѣ, и до него уже сверхъ мѣры переполненномъ. Новые донскіе «отдѣлы» (или, говоря по старому, министерства) потребовали для себя массу мѣ-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 18—19.

ста; оно же понадобилось и для съ начала до конца непрерывно возраставшаго числа чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ.¹⁾ Благодаря этому новоприбывшимъ чинамъ Сената оказалось почти невозможно добыть себѣ не только квартиру, а иногда и просто комнату.

Сенатская работа по самому существу своему требовала личности хорошей библіотеки, безъ которой трудно было, а иногда и почти невозможно, разрѣшить порой важные и сложные вопросы кассационной и высшей административной практики. Нужны были, далѣе, опытные работники для канцеляріи Сената, нужна была извѣстная обстановка, канцелярскіе матерьялы и проч., и проч. Возникалъ, наконецъ, и вопросъ . . . объ одѣяніи для засѣданій. Конечно, не шитые золотомъ прежніе сенаторскіе мундиры имѣлись тутъ въ виду. Въ трудныхъ условіяхъ момента, при массѣ средствъ, которыхъ требовала непрерывная и тяжелая вооруженная борьба съ большевиками, самая мысль о такомъ парадѣ показалась бы смѣшной. Но высокій авторитетъ Сената и достоинство вершимаго имъ правосудія требовали хотя бы минимально приличнаго и однообразнаго одѣянія для засѣданій, и этого одѣянія у многихъ не было.

Понемногу все наладилось, конечно, въ формахъ, доступныхъ по условіямъ момента, и притомъ, главнымъ образомъ, при содѣйствіи Донскихъ властей.

Новочеркасская палата и судъ потѣснились, и Сенатъ расположился въ значительной части новаго и для Новочеркасска достаточно импозантнаго зданія судебныхъ установленій. Часть личного состава Сената, не нашедшая въ городѣ помѣщеній, поселилась въ томъ же зданіи, частью въ служебныхъ кабинетахъ, частью въ уступленныхъ для этого комнатахъ. Въ томъ же зданіи открылась и столовая для чиновъ судебного вѣдомства, которой преимущественно пользовались чины Сената, ибо изъ нихъ почти никто не имѣлъ особой квартиры, а тѣмъ болѣе кухни. Столовая эта по типу, обстановкѣ и характеру пищи живо напоминала студенческія дешевыя столовыя добраго стараго времени, но все же было чисто, довольно сытно и не дорого, а это послѣднее обстоятельство, при скромныхъ окладахъ того періода и при непрерывно растущей доровизнѣ жизни, для многихъ являлось очень и очень существеннымъ.

¹⁾ Примѣч. Этотъ ростъ одинаково замѣчался и въ учрежденіяхъ Донского Правительства, и въ учрежденіяхъ Кубанскаго, и въ учрежденіяхъ при Главнокомандующемъ добровольческой Арміи. Вызывался онъ нѣсколькими причинами. Во-первыхъ, многие работники въ новыхъ министерствахъ были недостаточно подготовлены и недостаточно опыты, а потому, чтобы работа не затягивалась, дѣлались попытки качество восполнить количествомъ; во-вторыхъ, въ канцеляріи канцелярскихъ министерствъ стремилась масса своей интеллигенціи обою пола, имѣвшей связи и давнія отношенія, и не всегда было легко отказать кандидату, особенно въ случаѣ, напримѣръ, просьбы вліятельнаго члена Круга или Рады; въ третьихъ, въ добровольческія министерства приходилось брать лишнихъ людей, не находившихъ себѣ прямого мѣста вслѣдствіе набытка бѣженской интеллигенціи и испытывавшихъ крайнюю нужду. Особенно были набиты такими людьми нѣвѣстный „Освагъ“, гдѣ наряду съ действительными литераторами (какъ Чириковъ и др.) и действительными газетчиками и пропагандистами, находились и офицеры, и бывшіе чиновники, и прочіе разные милостивые государи и государины.

Затѣмъ мѣстное судебное вѣдомство подѣлилось съ ними частью необходимой для кабинетовъ и канцелярій мебелью, а кое что было куплено и заказано на еще ранѣе отпущенный Донскимъ Правительствомъ небольшой кредитъ.¹⁾ Изъ этого же источника явились необходимыя канцелярскія принадлежности, бумага и проч.

Труднѣе дѣло обстоило съ библіотекой, и тутъ особенно приходилось чувствовать неудобство нахождения не имѣющаго своей библіотеки Сената не въ университетскомъ городѣ, гдѣ въ библіотекѣ можно было бы широко пользоваться и юридической литературой, и законодательнымъ матерьяломъ, и справочными изданіями. Пришлось каждому департаменту Сената дѣйствовать по собственной инициативѣ и добывать, что можно. Для уголовного департамента мнѣ удалось добыть многое благодаря любезному содѣйствію прокурора палаты Ермоленки и какъ ростовскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и отдѣльныхъ представителей ростовской адвокатуры. Намъ была передана въ пользованіе цѣлая масса важныхъ и необходимыхъ книгъ и изданій, въ томъ числѣ полное собраніе рѣшеній уголовного кассационнаго департамента и рѣшеній по общему собранію Сената. Наконецъ, многое я взялъ изъ университетской библіотеки; я легко могъ это сдѣлать, зачислился въ составъ ростовской преподавательской коллегіи и съ осени открылъ въ Университетѣ специальный рекомендованный факультетомъ курсъ уголовной политики. Ростовъ былъ близко и ходилъ въ составѣ поѣзда особый вагонъ для чиновъ Донского Правительства, такъ что еженедѣльно можно было ѣздить на лекціи и за книгами, съ меньшимъ рискомъ заразиться тифомъ, чѣмъ въ другихъ вагонахъ.

Канцеляріи составились (кромѣ машинистокъ) изъ молодежи съ университетскимъ образованіемъ, уже служившей въ канцеляріяхъ суда или палаты. Подѣхали и поступили и 2—3 изъ старыхъ сенатскихъ служащихъ.

Что же касается одѣянія, то до наступленія холодовъ всѣ участники засѣданій, съ сенаторами включительно, сидѣли въ костюмахъ полувоеннаго образца (съ узкими погонами) изъ парусины мѣшечнаго типа. Было «единообразно», но по цвѣту и сорту матерьяла издали походило, къ сожалѣнію, на арестантскую лѣтнюю одежду. Позже стали уже сидѣть, по возможности, въ темныхъ костюмахъ (сюртукахъ, пиджакахъ и т. д.), или (послѣ выдачи всѣмъ служащимъ на льготныхъ условіяхъ англійскаго солдатскаго сукна) въ форменныхъ кителяхъ и френчахъ. Наконецъ, отсутствіе у Сената типографіи и дороговизна печатанія повлекли за собой то, что только первый указъ Сената (объ его открытіи) былъ напечатанъ. Дальнѣйшія рѣшенія, и въ томъ числѣ рѣшенія принципиальныя,

¹⁾ Примѣч.: По соглашенію Атамана съ Главнокомандующимъ расходы по Сенату объ стороны должны были нести совместно. Конечно этотъ порядокъ могъ бы вызывать задержки и создавать осложненія, но Донское Правительство рѣшило, что соотвѣтствующіе расчеты оно произведетъ съ Главнокомандующимъ позже, а потому до самой эвакуаціи несло всѣ расходы по Сенату, что очень облегчило положеніе послѣдняго.

как увидимъ дальше, весьма важныя, остались не напечатанными.

Когда работа наладилась, то выяснилось, что почти безработнымъ у насъ оказался второй департаментъ, — ни аграрный, ни вообще крестьянскій вопросъ въ этотъ періодъ не получили окончательнаго разрѣшенія ни на Дону, гдѣ работали коміссіи извѣстнаго П. Агеева, ни въ Особомъ Совѣщаніи, при которомъ не прошли въ жизнь ни первые проекты аграрной реформы В. Колокольцова, ни позднѣйшіе — профессора А. Д. Билимовича. А дѣла другой природы было мало, и поступило еще меньше. Поэтому сенаторы 2 департамента (А. А. Чебышевъ и А. И. Невѣровъ) охотно и часто пополняли составъ присутствія другихъ департаментовъ, а оберъ-прокуроръ и канцелярія 2 департамента все время оставались въ минимальномъ составѣ.

Больше работы оказалось у 2 департамента, а еще больше у кассационныхъ департаментовъ, хотя избытка ея и здѣсь никогда не было.

Дѣло въ томъ, что первоначально территорія, подвѣдомственная Сенату, была невелика. Она расширялась по мѣрѣ успѣха нашихъ армій, но дѣла въ Сенатъ начинали поступать уже позже, когда удавалось наладить строй судебныхъ учреждений, разрушенныхъ большевиками. Такъ постепенно стали поступать дѣла изъ Крыма, изъ Украины и т. д. (по большей части старья), но ростъ этихъ дѣлъ начался поздней осенью, а уже въ декабрѣ работа на Дону Сената была прервана спѣшной его эвакуацией.

Я далѣе постараюсь отмѣтить ту общую атмосферу и ту политическую обстановку, среди которой пришлось работать Сенату, пока же остановлюсь на болѣе интересныхъ дѣлахъ, бывшихъ на разсмотрѣніи Сената, и на болѣе важныхъ вопросахъ, имъ разрѣшенныхъ по уголовному департаменту. Коснусь также и дѣлъ дисциплинарныхъ.

Изъ дѣлъ не военныхъ было интересно дѣло нѣкоего З. Беренштейна, дошедшее въ уголовный департаментъ по протесту прокурора Таганрогскаго окружнаго суда. Здѣсь приходилось разрѣшить случай, который не имѣлъ тождественнаго образца въ предшествующей кассационной практикѣ Сената. Въ этомъ дѣлѣ послѣ оглашенія старшиною присяжныхъ засѣдателей ихъ вердикта, который не внушилъ по внѣшней формѣ никакихъ сомнѣній, судъ узналъ изъ вопроса, обращеннаго къ нему однимъ изъ присяжныхъ, что они утвердительно отвѣтили на вопросъ о виновности подсудимаго, ибо голоса раздѣлились поровну, а они думали, что голосъ старшины дастъ перевѣсъ. Судъ обратилъ присяжныхъ къ новому совѣщанію, и они вынесли тогда оправдательный вердиктъ.

Въ моемъ заключеніи по этому дѣлу¹⁾, которое вполне раздѣлил въ своемъ особомъ мнѣніи сенаторъ С. А. Богородскій (я ука-

¹⁾ Примѣчаніе. Работу по дачѣ заключеній раздѣлять со мной товарищъ оберъ-прокурора М. И. Стржеуховъ (по соглашенію было положено, лишь по одному товарищу оберъ-прокурора на департаментъ), но по вопросамъ особенно сложнымъ и принципиальнымъ я считалъ необходимымъ давать заключенія лично.

залъ, что дѣйствительно цѣлымъ рядомъ рѣшеній Правительствующаго Сената было установлено, что двукратное объявленіе отвѣтовъ присяжныхъ противорѣчитъ основному началу суда присяжныхъ, въ силу котораго публично произнесенный приговоръ не можетъ подлежать ни исправленію, ни измѣненію, ибо законъ дозволяетъ исправленіе самими присяжными ихъ рѣшенія лишь до прочтенія на судѣ данныхъ ими отвѣтовъ, такъ что даже по вновь обнаруженнымъ обстоятельствамъ дѣла, доказывающимъ невинность осужденнаго, судъ не можетъ обращать присяжныхъ къ новому совѣщанію а долженъ постановить согласный съ вердиктомъ приговоръ, который можетъ быть отмѣненъ лишь путемъ кассационныхъ жалобъ и протестовъ и ходатайствъ о возобновленіи дѣла. Но въ то же время нельзя не отмѣтить, что всеъ указанные разъясненія Сената состоялись по дѣламъ, по коимъ вердиктъ присяжныхъ, не правильный по существу или основанный на неправильномъ пониманіи какого либо вопроса, въ то же время являлся формально правильнымъ и соответствуетъ основнымъ требованіямъ, предъявленнымъ закономъ къ вердиктамъ присяжныхъ. Последнее имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда послѣ объявленія вердикта сдѣлалось извѣстнымъ какое-либо новое по дѣлу обстоятельство.

Совершенно не то мы видимъ въ данномъ дѣлѣ. Послѣ провозглашенія вердикта, но до постановки судомъ приговора, выяснилось, что самый вердиктъ поставленъ съ нарушеніемъ формальныхъ требованій процессуальнаго закона, при соблюденіи которыхъ изъ голосованія присяжныхъ вытекало оправданіе подсудимаго.

Судъ оказался въ положеніи, при которомъ не было выхода, не сопряженнаго съ тѣмъ или инымъ нарушеніемъ. Обращая присяжныхъ къ новому совѣщанію, онъ нарушилъ бы твердо охраняемый, какъ мы видѣли, Сенатомъ принципъ недопустимости провозглашенія однимъ и тѣмъ же составомъ присяжныхъ двухъ вердиктовъ по одному и тому же дѣлу. Отмѣнить вердиктъ присяжныхъ своей властью судъ не могъ, ибо законъ разрѣшаетъ суду отмѣнить вердиктъ лишь тогда, если судъ единогласно найдетъ что присяжные судили невиннаго; очевидно здѣсь имѣется въ виду вердиктъ неправильный по существу, но правильный по формѣ, ибо законъ не могъ бы требовать для отмѣны единогласія суда, если бы имѣлъ въ виду вердикты, поставленные съ прямымъ нарушеніемъ требованій закона. Наконецъ, перейдя къ постановкѣ приговора и не допустивъ новаго совѣщанія присяжныхъ, судъ санкционировалъ бы прямо нарушеніе закона, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ публичномъ засѣданіи и построилъ бы свой приговоръ на вердиктѣ, явно въ глазахъ самого суда незаконнымъ.

Судъ избралъ первый изъ указанныхъ путей, и Правительствующему Сенату надлежитъ установить, является ли допущенное въ данномъ случаѣ нарушеніе столь существеннымъ, что приговоръ суда подлежитъ отмѣнѣ. Оберъ-прокурорскій надзоръ этой ответственности не усматриваетъ, ибо судъ, обративъ присяжныхъ къ новому совѣщанію и преподавъ имъ черезъ предсѣдателя дополнительное разъясненіе, этимъ самымъ предотвратилъ возможность при-

говора, основанного на вердиктѣ, явно нарушающемъ законъ, и тѣмъ охранилъ авторитетъ суда и устранилъ неизбежный соблазнъ, который возникъ бы, если бы судъ, призванный на судъ съ присяжными быть блюстителемъ закона и охранителемъ правильного разрѣшенія юридическихъ по дѣлу вопросовъ, приступилъ бы къ постановкѣ приговора по дѣлу на основаніи вердикта, незаконность котораго не вызвала сомнѣній выяснилось въ публичномъ засѣданіи. Судъ здѣсь дѣйствовалъ въ духѣ охраны существенныхъ основъ правосудія (ст. I, 612 и 663 уст. уг. суд. пр.).

Наконецъ, и Правительствующій Сенатъ въ прежнихъ своихъ рѣшеніяхъ, строго охраняя принципъ недопущенія провозглашенія двухъ вердиктовъ однимъ и тѣмъ же составомъ присяжныхъ по одному и тому же дѣлу, въ то же время по исключенію допускалъ сохраненіе приговора въ силѣ, когда второе рѣшеніе присяжныхъ по существу не противорѣчило уже оглашенному рѣшенію (Р. I. К. Д. 1875 г. N 259).

Въ данномъ случаѣ первое рѣшеніе присяжныхъ должно было быть оправдательнымъ (ибо 6 голосовъ было подано за оправданіе), второе же рѣшеніе прямо было оправдательнымъ, т. е. хотя по формѣ были вынесены противорѣчивыя рѣшенія, но по существу убѣжденіе присяжныхъ не измѣнилось и было одинаковымъ какъ при первомъ, такъ и при второмъ рѣшеніи. —

Правительствующій Сенатъ, раздѣливъ изложенныя соображенія оберъ-прокуратуры, призналъ, что «исправленіе присяжными засѣдателями неправильнаго своего отвѣта уже послѣ его оглашенія, какъ вызванное неизбежностью, въ настоящемъ случаѣ не могло бы само по себѣ служить основаніемъ для отмены приговора». Но, наряду съ этимъ нашель, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть увѣренности въ томъ, что «присяжные засѣдатели въ полной мѣрѣ соблюли требованія ст. 813 у. у. с. о надлежащемъ совѣщаніи для склоненія своихъ мнѣній къ единогласію». Поэтому Сенатъ отменилъ по этому дѣлу приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ, сославшись на нарушеніе 813 ст. хотя кассационный протестъ прокурора суда и не содержалъ въ себѣ указанія на это нарушеніе.

Изъ дѣлъ военныхъ, разсмотрѣнныхъ уголовнымъ департаментомъ, было не лишено интереса дѣло нѣкоего Самойленко. Это дѣло является однимъ изъ характерныхъ показателей тѣхъ поистинѣ своеобразныхъ порядковъ, которые иногда замѣчались у насъ въ практикѣ военныхъ судовъ. По этому дѣлу 5 февраля 1919 г. послѣдовало предложеніе военно-прокурорскаго надзора о производствѣ слѣдствія. Уже 8 февраля военный слѣдователь, принявъ дѣло къ производству, въ постановленіи своемъ категорически признаетъ какъ полную возможность установленія по данному дѣлу состава преступления, такъ и то, что «произведеннымъ дознаніемъ обстоятельства настоящаго дѣла не выяснены съ надлежащей полнотой».

Но . . . перемѣнились лица, явился новый слѣдователь и новый помощникъ военного прокурора, — и вдругъ по тому же

дѣлу является постановленіе военного слѣдователя того же участка отъ 7 мая о направленіи дѣла на прекращеніе въ виду отсутствія состава преступления, и это постановленіе выносится безъ всякаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ по дѣлу разслѣдованія, т. е. при наличіи лишь старыхъ данныхъ дознанія, которыя три мѣсяца назадъ были признаны слѣдственной властью неполными.

Военно-окружной судъ совершенно правильно не согласился на прекращеніе дѣла и въ опредѣленіи отъ 29 мая постановилъ возвратитъ дѣло военному прокурору для обращенія къ надлежащему дослѣдованію. Но дѣло попало уже къ новому помощнику военного прокурора, который принесъ свой частный протестъ на опредѣленіе суда въ Сенатъ, указывая, что предложеніе о производствѣ по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія было сдѣлано предшественникомъ его по должности ошибочно и утверждая, что результатъ слѣдствія по настоящему дѣлу былъ бы тождественнымъ съ результатомъ дознанія».

Трудно было бы не согласиться съ военнымъ судомъ, который въ представленномъ имъ объясненіи на протестъ, нашель вышеуказанныя утвержденія «совершенно непонятными».

Въ оберъ-прокурорскомъ заключеніи даннымъ мною Сенату пришлось, раздѣливъ точку зрѣнія военно-окружного суда, указать на то, что рядъ приведенныхъ въ протестъ статей закона и рѣшеній Главнаго Военнаго Суда не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу. Къ сожалѣнію, протестъ этотъ, абсолютно вздорный, нельзя было просто оставить безъ разсмотрѣнія, ибо Военно-Судебный Уставъ этого не допускаетъ, а сверхъ того тутъ возникъ и принципиальный вопросъ.

Прежде всего нужно было разъяснить, что существуетъ единство военно-прокурорскаго надзора, а въ связи съ этимъ и обязательность для каждаго преемника въ прокурорской должности признавать дѣйствія, законно учиненныя по данному дѣлу его предшественникомъ. Съ этимъ шло въ разрѣзъ заявленіе въ протестъ, что предложеніе о производствѣ слѣдствія было сдѣлано предшественникомъ ошибочно, не говоря уже о томъ, что въ аргументаціи протеста въ дѣйствительности устанавливалось вовсе не ошибка прокурора-предшественника, а просто несогласіе съ нимъ прокурора-преемника, который не усмотрѣлъ въ дѣлѣ состава преступления.

Но была въ дѣлѣ еще одна важная сторона. До проведенной на Дону реформы высшей кассационной инстанціей по военнымъ дѣламъ былъ Главный Военный Судъ, а потому Правительствующему Сенату надлежало съ самаго начала выяснитъ, поскольку онъ будетъ считать себя связаннымъ практикой Гл. В. С. и его разъясненіями.

На этихъ страницахъ не мѣсто говорить о томъ, насколько удачной была сама конструкція Главн. В. С. вообще, насколько она отвѣчала требованіямъ судейской несмѣняемости и независимости и т. п. Важно было уже то, что практика Гл. В. С. часто шла по пути распространительнаго толкованія ограничительныхъ

нормъ закона, что не можетъ быть допустимо ни по началамъ, которыя наука признаетъ непреложными при толкованіи законовъ, ни въ виду важности идеи охраны правъ личности. Напримѣръ, ст. ст. 984 и 985 У. В. С. содержатъ въ себѣ исчерпывающій переченьъ тѣхъ случаевъ, когда допускается принесеніе частныхъ жалобъ и протестовъ отдѣльно отъ кассационныхъ жалобъ и протестовъ, но рядомъ рѣшеній Гл. В. С. была установлена расширительная практика по указаннымъ статьямъ, допустившая и вѣтъ приведеннаго въ законѣ исчерпывающаго перечня принесеніе частныхъ протестовъ прокуратурой не какъ стороной, а какъ хранительницей закона. Со ссылкой на эту практику былъ поданъ и протестъ по настоящему дѣлу. Въ связи съ изложеннымъ, оберъ-прокуроръ предложилъ оставить принесенный протестъ безъ уваженія, какъ по ранѣ приведеннымъ его дефектамъ, такъ и потому, что даже неправильная расширительная практика Гл. В. С. допускала отдѣльные частные протесты не по существу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ дѣла, а лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда прокуратура усматривала нарушение судомъ въ его опредѣленіяхъ точнаго смысла законовъ, прокуратурой же по данному дѣлу такія нарушения не установлены и не доказаны. Но, наконецъ, если бы и были представлены такія доказательства, Правительствующій Сенатъ все же никоимъ образомъ не могъ бы считать себя связаннымъ прежними рѣшеніями Гл. В. С., а тѣмъ болѣе не могъ бы продолжить практику расширительнаго толкованія ограничительныхъ нормъ.

Правительствующій Сенатъ въ своемъ опредѣленіи по настоящему дѣлу полностью раздѣлилъ соображенія оберъ-прокуратуры.

Другой глубоко важный вопросъ, также стоящій въ связи съ прежними разъясненіями Гл. В. С., возникъ въ Сенатѣ въ связи съ дѣломъ Дударева и Ювко. Вопросъ шелъ о предѣлахъ, въ какихъ по точному смыслу законовъ допускается примѣненіе матерьяльныхъ военныхъ законовъ и въ частности примѣненіе смертной казни по дѣламъ, передаваемымъ въ военные суды для сужденія по законамъ военного времени.

Въ своемъ кассационномъ протестѣ, принесенномъ на приговоръ Донского военного суда (отвергшаго примѣненіе къ обвиняемымъ ст. 225 Воинск. Уст. о наказ. Всев. В. Донского, т. е. примѣненіе смертной казни), помощникъ военного прокурора, опираясь на текстъ ст. 1 и 20 прав. о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, утверждая, что законодатель, говоря о «сужденія виновныхъ по законамъ военного времени и по правиламъ определеннымъ въ ст. 20» подразумеваетъ подъ выраженіемъ «по правиламъ» законы процессуальные, такъ какъ въ дальнѣйшемъ определенно говоритъ о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, согласно ст. ст. разд. IV уст. воен. суд. и, слѣдовательно, подъ выраженіемъ «по законамъ военного времени» надо понимать законы матерьяльные, т. е. вышеупомянутую ст. 225, непримѣненіе которой является существеннымъ нарушеніемъ закона.

Въ своемъ оберъ-прокурорскомъ заключеніи по данному дѣлу пишущій эти строки рѣшительно возсталъ противъ доводовъ протеста. Дѣйствительно, прежняя практика военныхъ судовъ, благодаря разъясненіямъ Главнаго Военнаго Суда, шла въ томъ направленіи, на которое указывалъ кассаторъ, хотя, какъ указываетъ и приговоръ по настоящему дѣлу, извѣстны случаи, когда военные суды избирали другой путь. Главный Военный Судъ въ рѣшеніи 1887 года N 117 высказался категорически въ томъ смыслѣ, что къ виновнымъ, преданнымъ суду по законамъ военного времени, должны примѣняться и законы военного времени. По мнѣнію Главнаго Военнаго Суда выраженіе «для сужденія ихъ по законамъ военного времени» само по себѣ совмѣщаетъ понятіе не только о судопроизводственныхъ формахъ, но и о карательномъ законѣ, ибо, если бы въ ст. 17 Полож. объ усил. охранѣ подразумевались лишь военно-процессуальные законы, то указаніе на нихъ же въ ст. 18 Полож. являлось бы ничѣмъ не оправдываемымъ и совершенно излишнимъ. Указанія же въ ст. 18 тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя безусловно караются смертной казнью, «выражаютъ собою лишь расширеніе круга преступленій, облагаемыхъ этимъ наказаніемъ».

Обращаясь къ разсмотрѣнію даннаго разъясненія Главнаго Военнаго Суда, нельзя прежде всего не отмѣтить, что Правительствующій Сенатъ не связанъ рѣшеніями упомянутаго суда и отнюдь не обязанъ продолжать его традиціи. Въ особенности же Сенатъ не можетъ идти по пути тѣхъ рѣшеній Главнаго Военнаго Суда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ допущено расширительное толкованіе ограничительныхъ и исключительныхъ по своему характеру нормъ, а въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ толкованіемъ исключительныхъ законовъ, создающимъ изъятіе изъ общаго нормальнаго порядка. Правительствующій Сенатъ не разъ категорически разъяснялъ, что «правила изъятія нѣкоторыхъ дѣлъ изъ общей подсудности, какъ и всякій исключительный законъ, не могутъ допускать расширительнаго толкованія, а должны быть толкуемы ограничительно (Рѣш. общ. Собр. 1880 г. N 25; рѣш. Уг. Кас. Деп. 1886 г. N 23).

Даже и по существу невозможно согласиться съ относящимися сюда разъясненіями Главнаго Военнаго Суда. Вопреки мнѣнію послѣдняго, повтореніе, допущенное въ ст. 18, можетъ быть вполне объяснено тѣмъ, что ст. 17 имѣетъ въ виду представителей административной власти и въ числѣ правъ, которыя они получаютъ, говоритъ и о правѣ передавать отдѣльные дѣла на разсмотрѣніе военного суда для сужденія ихъ по законамъ военного времени; что же касается ст. 18, то она относится къ военнымъ судамъ и говоритъ о тѣхъ правилахъ, съ соблюденіемъ которыхъ они должны разсматривать дѣла, передаваемые имъ для сужденія по законамъ военного времени. На этой точкѣ зрѣнія стояли и комментаторы данныхъ статей; ее, напримѣръ, отчетливо проводилъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ военноуголовнаго права профессоръ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

Затѣмъ при толкованіи ст. ст. 17 и 18 Полож. объ усил. охр. мы для выясненія истиннаго ихъ смысла должны ихъ сопоставить съ другими исключительными законами, особенно же съ тѣми, которые говорятъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, ибо послѣдніе законы по самому существу своему, очевидно, должны быть строже, чѣмъ законы, относящіеся къ усиленной охранѣ, а посему, если относительно нихъ мы придемъ къ выводу, что выраженіе «для сужденія по законамъ военного времени» относится исключительно къ процессуальному порядку и не объемлетъ нормъ матерьяльнаго права, то уже не будетъ никакихъ сомнѣній, что въ томъ же смыслѣ должно быть истолковано и соответствующее выраженіе въ Полож. объ усил. охранѣ.

Разсматривая законы, относящіеся къ военному положенію, нельзя не замѣтить, что законодатель пользуется двумя формулами и проводитъ твердую границу между формулой «сужденіе по законамъ военного времени» и формулой «сужденіе и наказаніе по законамъ военного времени». Поэтому въ частности, когда законодатель находитъ необходимымъ, чтобы къ какой либо категоріи дѣяній, передаваемыхъ въ военный судъ въ виду ихъ особой важности, возможно было примѣненіе смертной казни, онъ каждый разъ дѣлаетъ соответствующее указаніе.¹⁾

Совершенно иначе обстоитъ дѣло со ст. 19 прав. о мѣстн. сост. на воен. пол. Она говоритъ въ п. 7 объ исключеніи изъ общей подсудности цѣлой категоріи преступленій, не предусмотрѣнныхъ въ ст. 17 «съ передачей такихъ дѣлъ къ производству военного суда на основаніяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ»; предыдущій же пунктъ говоритъ о передачѣ преступленій, совершенныхъ не принадлежащими къ арміи лицами гражданскаго вѣдомства, на разсмотрѣніе военного суда для приданія виновныхъ по законамъ военного времени и по правиламъ, опредѣленнымъ въ ст. 20.

Какъ видимъ, здѣсь ни слова не говорится о наказаніи по законамъ военного времени, между тѣмъ какъ въ цѣломъ рядѣ вышепересмотрѣнныхъ законовъ мы видимъ обратное. Дѣлается лишь ссылка на правила ст. 20, а эта статья указываетъ, что производство

¹⁾ Такъ ст. 17 Пост. о мѣстн. объявл. на военномъ полож. говорятъ, давши перечень особо тяжкихъ преступленій, что въ этихъ случаяхъ «не принадлежація къ арміи лица гражданскаго вѣдомства подлежатъ высшему суду и наказанію по законамъ военного времени». Ст. 20 тѣхъ же Постановленій, указавъ точно какъ категоріи должностныхъ лицъ, подвергшихся посягательству, такъ и сама посягательства, прямо говорятъ о томъ, чтобы въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ примѣнялось наказаніе, предусмотрѣнное въ ст. 279 Военск. Уст. о нак. (т. е. смертная казнь) Ст. 1278-2 У. В. С., говоря о преступленіяхъ, которыя совершены въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи не вслѣдствіе обстоятельствъ военного времени, опредѣляетъ когда за эти преступленія военнослужащіе судятся по законамъ о судѣ и наказаніяхъ военного времени (и и. д., и т. и. См., напримѣръ, Выс. Пов. отъ 28 Ноября 1904 г. объявленное въ прик. по Воен. Вѣд. 1904 г. за N 725; ст. 1278-1, говорящую о военно-полевыхъ судахъ: зак. отъ 29 Іюля 1891 г. о примѣненіи военного суда на Кавказѣ въ собр. Узак. 1891 г. N 25, ст. 1003 и зак. 13 сент. 1893 г. въ Собр. Узак. 1893 г. N 160, ст. 1267. Вездѣ или говорится о судѣ и наказаніи по законамъ военного времени, или же прямо упоминается о возможности примѣненія наказанія по ст. 279, т. е. смертной казни)

по даннымъ дѣламъ должно вестись по правиламъ, установленнымъ въ разд. IV В. С. У., и примѣненіе статьи 279 В. У. о нак. устанавливаетъ (въ дополненіе къ прочимъ законамъ, также допускающимъ смертную казнь) лишь для прямо поименованныхъ случаевъ въ тяжкихъ посягательствахъ на должностныхъ лицъ и вооруженнаго сопротивленія властямъ, устраняя такимъ образомъ возможность примѣненія смертной казни въ случаяхъ, въ законѣ прямо не указанныхъ, ибо ясно, что не было бы надобности допускать смертную казнь для дѣяній, упомянутыхъ въ ст. 20, если бы одно уже преданіе военному суду для сужденія по законамъ военного времени открывало бы возможность примѣненія смертной казни.

Анализъ всѣхъ указанныхъ законовъ ясно показываетъ, что выраженіе «для сужденія по законамъ военного времени» отнюдь не объемлетъ законы матерьяльные, а потому противоположное разъясненіе Гл. Воен. Суда, легшее въ основу протеста, принесеннаго военной прокуратурой по настоящему дѣлу, признано правильнымъ быть не можетъ.¹⁾ Но противъ этого имѣются возраженія особаго рода. Ихъ въ дополненіе къ ранѣе изложеннымъ нами его соображеніямъ приводитъ Гл. Военн. Судъ въ рѣшеніи 1887 г. за N 117. Онъ утверждалъ, что было бы безцѣльно передавать дѣло въ военный судъ, если нельзя къ этому дѣлу примѣнить повышенную репрессію (въ видѣ смертной казни, ибо и «передача дѣлъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ обуславливается исключительно важностью этихъ дѣлъ, требующихъ принятія чрезвычайной мѣры для сужденія виновныхъ по всей строгости законовъ... Поэтому очевидно, что (въ сихъ случаяхъ) должны примѣняться законы о наказаніи, установленныя для военного времени... Если бы передача дѣлъ въ военные суды устанавливалась съ исключительной цѣлью изъятія изъ подсудности общимъ судамъ, то въ такомъ случаѣ разсмотрѣніе этихъ дѣлъ въ порядкѣ военного времени не нашло бы себѣ оправданія».

Эту аргументацію отнюдь нельзя признать правильной и юридически состоятельной. Она исходитъ изъ соображеній цѣлесообразности, а не изъ соображеній строгой законности; она категорически признаетъ очевиднымъ то, что является предметомъ спора, а потому должно быть доказано, и читаетъ въ сердцѣ законодателя, приписывая ему свои собственные соображенія, имъ не высказанныя.

Не говоря уже о томъ, что во многихъ случаяхъ, именно въ виду важности преступленія, законъ допускаетъ примѣненіе смертной казни и прямо это оговариваетъ, является совершенно непонятнымъ, почему передача дѣла въ военный судъ требуетъ непременно «чрезвычайной мѣры» наказанія, а иначе «не найдетъ себѣ оправданія». Тамъ, гдѣ законодатель считалъ необходимымъ примѣненіе «чрезвычайной мѣры» (т. е. смертной казни), онъ прямо, какъ мы

¹⁾ Прим. Чтобы не вдаваться въ детали, укажу только, что противъ нашего вывода не можетъ послужить возраженіемъ текстъ прим. I къ ст. 1278 У. В. С., если это примѣчаніе толковать правильно и въ связи съ другими законами. Подробныя доказательства этого были приведены въ моемъ заключеніи по данному дѣлу, но здѣсь я ихъ опускаю.

видимъ, это и высказалъ; въ другихъ же случаяхъ передача дѣла въ военный судъ можетъ быть объяснена желаніемъ изъять извѣстныя дѣла изъ компетенціи суда присяжныхъ, который можетъ вынести оправдательный вердиктъ даже при формальной доказанности преступленія, желаніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе на умы населенія, ибо военный судъ а priori считается болѣе строгимъ и т. д.

Если же возникли бы возраженія, гласящія, что нельзя въ тяжелое для родины и тревожное время ослаблять репрессію и давать при этомъ толкованіе закона, расходящееся съ прежней долготѣйшей практикой, допускавшей безъ ограниченій примѣненіе смертной казни къ лицамъ, не принадлежащимъ къ арміи, за такія преступленія, какъ убійство, разбой, грабежъ и т. п., то на это мы отвѣтимъ: 1. что военныя власти имѣютъ для исключительныхъ случаевъ и въ исключительные моменты государственной жизни возможность передачи дѣлъ въ военно-полевые суды, дѣйствующіе по ст. 1278-1 У. В. С., которая прямо допускаетъ исключительныя наказанія по законамъ военного времени; 2) что соображеніями политическими и соображеніями целесообразности можетъ и долженъ руководствоваться законодатель, но никакъ не Правительствующій Сенатъ, обязанный, какъ высшій блюститель и хранитель закона, стоять исключительно на почвѣ строго юридической и 3. что, стоя на этой послѣдней почвѣ, мы неизбежно приходимъ къ защищаемому нами толкованію разбираемаго закона, а не къ какому либо другому.¹⁾

Нашъ великій поэтъ Пушкинъ въ сценѣ между Огрепьевымъ и приставомъ даетъ незабываемый примѣръ, какъ не надо толковать законы:

Отрепьевъ (читаетъ переданный ему приставомъ приказъ):
«И Царь велѣлъ его, окаяннаго Гришку, изловить».

Приставъ: — И повѣсить. —

Отрепьевъ: «Здѣсь не сказано — повѣсить».

Приставъ: — Врешь. Не всякое слово въ строку пишется.
Читай: изловить и повѣсить. —

Я полагаю, что только идя по пути органическаго толкованія исключительныхъ законовъ, освященному давней практикой Правительствующаго Сената, мы избѣжимъ ошибки, такъ ярко изображенной великимъ поэтомъ.

По всемъ изложеннымъ соображеніямъ я полагаю, что въ приговорѣ Донского Военнаго Суда по настоящему дѣлу не усматривается указанныхъ кассаторомъ нарушеній, и что, поэтому, за силою ст. 912 У. У. С. и ст. 1002 У. В. С., этотъ протестъ слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій.

¹⁾ Прим.: Кассаторъ указывалъ также и на нарушение мѣстныхъ важныхъ законовъ Всев. В. Донск., но правильное толкованіе этихъ законовъ не подтверждало факта ихъ нарушенія, подробныя доказательства чему были даны въ моемъ оберъ-прокурорскомъ заключеніи и здѣсь для большей краткости изложенія опускаются. Отмѣчу только, что Редакція Донского Военнаго Устава отличается большою точностью и опредѣленностью, такъ что относительно статей этого устава гораздо меньше могутъ имѣть мѣста тѣ сохвѣнія, съ которыми мы встрѣчались при разборѣ болѣе старыхъ общегосударственныхъ военныхъ законовъ.

Правительствующій Сенатъ полностью раздѣлилъ соображенія оберъ-прокуратуры и положилъ ихъ въ основу своего рѣшенія по данному дѣлу отъ 27 августа 1919 г.

Останавливаясь еще здѣсь на бывшихъ на разсмотрѣніи Сената дѣлахъ дисциплинарныхъ. По причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, ихъ немало должно было поступить изъ Украины, но этому помѣшалъ успѣхъ большевиковъ и вызванная ими эвакуація Сената, благодаря которой ему уже не пришлось разбирать этихъ дѣлъ. Изъ другихъ мѣстъ дисциплинарныхъ дѣлъ почти не поступало по двумъ причинамъ: во-первыхъ, изъ всѣхъ, попадавшихъ подъ большевистское владычество, представители судебного вѣдомства наиболѣе высоко держали свое знамя и только въ крайности шли на большевистскую службу, чтобы не быть зачисленными въ «не-трудоустроенные элементы» и не умереть съ голода и не быть выброшенными изъ жилища на улицу. Но и въ этихъ случаяхъ судебные дѣятели старались занимать по возможности нейтральныя должности (по статистикѣ, по продовольствію, по кооперативамъ и т. п.). Въ «реформированные» большевиками «народные» суды, гдѣ провозглашена была формула «судъ принимаетъ всѣ прежніе законы лишь постольку, поскольку они находятся въ соответствіи съ революціонной и пролетарской совѣстью», пошли немногіе, да и то лишь тогда, когда пущено было въ ходъ большевиками принужденіе, сопровождаемое весьма недвусмысленными угрозами. Исключеній почти не было.

Во-вторыхъ, къ чести судебного вѣдомства и прокуратуры нужно отмѣтить, что за весь этотъ періодъ совершенно не было дутыхъ или явно неосновательныхъ возбужденій дисциплинарныхъ дѣлъ.

Изъ дѣлъ, которыя были разсмотрѣны Высшимъ Дисциплинарнымъ Присутствіемъ Сената, отмѣчу два. Одно дѣло кавказское о судѣ Н., который при большевикахъ пошелъ въ судьи народнаго суда, замѣнившаго окружной судъ, и притомъ пошелъ не возбуждаемый на это особой крайностью. Принимая во вниманіе, что на этой новой службѣ Н. ничего предосудительнаго не совершилъ, В. Д. Присутствіе присудило его къ перемѣщенію въ другой судебный округъ, считая, что самое поступленіе въ народный судъ, который завѣдомо для поступившаго, не могъ удовлетворять идеями истиннаго и подзаконнаго правосудія, уже является для судебного дѣятеля поступкомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ этикой, а потому оставленіе его на прежнемъ мѣстѣ службы не удобно.

По другому (крымскому) дѣлу В. Д. Присутствіе уволило со службы обвиняемаго члена суда З., ибо выяснилась крайне неприглядная картина его дѣйствій. Онъ пошелъ въ большевистскій народный судъ не изъ нужды, а чтобы обезпечить за собой свой домъ и обстановку; онъ при встрѣчахъ съ бывшими своими товарищами по службѣ пробовалъ склонять ихъ къ поступленію въ народный судъ и иногда въ этомъ успѣвалъ и т. п. Правда, въ не очень красивомъ свѣтѣ обрисовался и кое-кто изъ «соблазненныхъ» его увѣщаніями и дававшихъ потомъ по его дѣлу свидѣтельскія

показанія, но это, конечно, не оправдывало З. и нимало не умаляло его вины.

Приведенными данными я пока и ограничусь, ибо обрисовка дѣятельности Сената по общему собранію и соединенному присутствію требуетъ предварительнаго уясненія обстановки этого періода и тѣхъ общихъ условий, въ которыхъ протекала жизнь. Во многое Сенатъ, не выходя изъ строгихъ рамокъ закона, не могъ вмѣшиваться. Во многихъ случаяхъ, когда было бы важно его авторитетное слово, его поддержки не искали.

Но все же такъ было не всегда. По нѣкоторымъ вопросамъ Сенатъ все же высказался и, какъ увидимъ далѣе, высказался съ полной твердостью и опредѣленностью, взирая не на лица, а только на законъ. Объ этихъ случаяхъ я и разкажу въ дальнѣйшемъ.

М. П. Чубинскій.

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ.

(1549—1919)

Глава I.

Войсковой кругъ въ 1549—1721 г.

Войско Донское возникло триста семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ (около 1549 года). Какъ видно изъ самого имени, это была прежде всего организація военного характера («войско»). Въ социальномъ отношеніи, это была община, обладавшая общимъ имуществомъ (землями, рѣками, угодьями и другимъ добромъ). Въ политическомъ же отношеніи это было — государство.

Первобытны и грубы были формы этого государства. Не слишкомъ значительно было сначала число гражданъ этого государства. Одна лишь территория Войска Донского довольно значительна уже въ самомъ началѣ его государственнаго существованія.

Но историкъ государственнаго права не можетъ пройти безъ вниманія исторіи казачьихъ республикъ, возникшихъ въ XVI вѣкѣ на Дону, Волгѣ, Терекѣ и Яикѣ, и вошедшихъ постепенно въ составъ Россійскаго государства. Историки излагаютъ подробно устройство демократій античнаго мира, республикъ итальянскаго и германскаго средневѣковья. Теоретики государственнаго права не забываютъ упомянуть о непосредственныхъ демократіяхъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи. Исторія государственныхъ учреждений Дона заслуживаетъ не меньшаго вниманія.

Войско Донское было вольной колоніей русскаго народа, основанной донскими казаками. Это были вольные люди, воины и промышленники (охотники и рыболовы), уходившіе изъ «украинныхъ» земель Московскаго Государства въ Дикое Поле, на Донъ и «запольныя рѣки» — бить звѣря, ловить рыбу и искать добычи въ чистомъ полѣ, бродившіе по степному приволью «станицами» и «ватагами». Около 1549 г., извѣстное число вольнаго казачества, сошедшееся въ одномъ мѣстѣ, ради общей цѣли — борьбы съ общимъ врагомъ, степными хищниками, — сплотилось въ единую военную, государственную и общественную организацію и осѣло на землю. Вѣроятно же всего, что цѣлью военнаго объединенія отдельныхъ ватагъ («станицы») въ одно «войско» была борьба съ Азовомъ, турецкой крѣпостью въ устьяхъ Дона, и съ бродившимъ вокругъ Азовскаго моря татарскимъ «азовскимъ казачествомъ».

Мѣстомъ первыхъ поселеній донскаго казачества было нижнее теченіе Дона, по близости отъ впаденія въ него Сѣвернаго Дона.

«Войско Донское» не было результатомъ царскаго повелѣнія или правительственной дѣятельности, оно не было провинціей или колоніей царства. Войско Донское было народной колоніей, вольной и независимой. Оно было государствомъ, а не провинціей.

Государственная власть на Дону имѣла своимъ источникомъ народную волю, и донская колонія представляла изъ себя республику, Суверенная, верховная власть въ Донской республикѣ принадлежала общему народному собранію, носившему названіе круга или войскового круга.

Названіе «круга» произошло оттого, что участники его собирались фактически въ кругъ, въ средину котораго выходили тѣ, кто имѣлъ что-либо предложить собравшимся. Казаки были природными республиканцами. Каждая отдѣльная группа казаковъ, для какой-бы цѣли она ни объединялась, рѣшала все дѣла сообща, въ кругу. Была ли это «ватага», собравшаяся на охоту, на рыбную ловлю, для добычи соли, для перевозки товара или, наконецъ, для совместнаго веселья и объѣзда своихъ друзей, все равно, собравшись въ кругъ, она выбирала «ватажнаго атамана», помощника его «есаула», и въ Кругу рѣшала и намѣчала все предстоящія дѣйствія. Собиралась ли «станция» казаковъ для занятія земли, чтобы на этомъ «станичномъ юртѣ» построить «станичной городокъ»; отправлялась ли «зимовая станция» (посольство) въ Москву за царскимъ «жалованьемъ»; выступало ли въ походъ противъ врага «походное войско», — все они собирались въ кругъ и выбирали себѣ атамана и есаула, (а «походное войско» — «походнаго атамана», его есаула, полковниковъ, старшинъ, есауловъ и т. д.). Соответственно, и все вопросы казачьей жизни рѣшались въ кругу, коллегиально. Выборныя власти въ каждой организаци были лишь исполнителями воли общаго собранія организаци (сбора или круга).

Естественно, что казачество, привыкшее рѣшать все дѣла въ кругу, собиралось въ общій Кругъ для рѣшенія дѣлъ всего Войска Донскаго. Между Кругомъ и древне-русскимъ вѣчемъ была несомнѣнная связь. Идея народоправства, отмиравшая въ Московско-Суздальской Руси и сознательно уничтожавшаяся великими князьями Московскими въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ, нашла свое выраженіе, обрѣла новыя силы въ вольной колоніи русскаго народа на Дону. Свойственное славянскимъ народамъ, русскому въ частности, стремленіе рѣшать общія дѣла путемъ общаго совѣта и общаго согласія, искореняемое въ Московскомъ Государствѣ, продолжало жить въ душѣ донскихъ казаковъ.

Въ самомъ Московскомъ Государствѣ идея вѣча проявлялась въ моменты, когда народныя массы выступали активно. Въ Смутное Время, и въ эпоху Разинскаго возстанія, и во время стрѣльцкихъ мятежей конца XVII и начала XVIII вѣка (въ Москвѣ и Астрахани) народъ собирался въ круги. При Разинѣ и въ 1705 г., при Булавинѣ, въ поволжскихъ городахъ народъ «въ кругу» выбиралъ

вмѣсто царскихъ воеводъ, «городскихъ атамановъ» и другихъ начальниковъ.

Сравнивая казачій Кругъ и древнерусское вѣче, мы видимъ черты полнаго ихъ сходства. Лѣтописецъ рисуетъ слѣдующую картину: «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти» (волости, страны) «якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть»...¹⁾

Подобно тому, какъ въ каждой древнерусской землѣ былъ свой старшій городъ, къ которому «тянули» все «пригороды» (младшіе города) той страны и вся страна управлялась «вѣчемъ» (народнымъ собраніемъ) старшаго города, точно также и на Дону все «городки» казачьи безпрекословно повиновались Войску, выразителю воли всего донскаго казачества, имѣвшему свое мѣстопребываніе въ главномъ городкѣ, столицѣ Войска. Столицей Войска были послѣдовательно: 1. Роздоры, при впаденіи Дона въ Донъ (1549—1622); 2. Монастырскій городокъ, на Монастырскомъ Яру, или просто «на Яру», на «Монастырскомъ урочищѣ», по ниже Черкаскаго Городка (1622—1637); 3. Азовъ (1637—1642); Монастырскій Городокъ (1642); 5. Роздоры (1643); 6) Черкасскій Городокъ (нынѣ станція Старочеркасская (1644—1805).

Какъ центръ административнаго управленія, столица Войска называлась «Главное Войско»; жители ея назывались «Войсковые казаки». Въ XVIII в. Черкаскаго городокъ состоялъ уже изъ одиннадцати станицъ: Черкаскаго, Средней, Павловской, Прибылянской, Дурновской, Скородумовской, Гютеровской, Верхне-, Старо-, и Ниже-Рыковской и Татарской.

Войсковою Кругъ былъ, по преимуществу, вѣчевымъ общенароднымъ собраніемъ Главнаго Войска, т. е. жителей главнаго городка (все 11 станицъ). Полное собраніе всехъ казаковъ изъ всехъ станицъ на Дону и «запольнымъ рѣкамъ» бывало не менѣе одного раза въ году. Этотъ «сѣздъ всехъ казаковъ» бывалъ непременно весной, послѣ прихода изъ Воронежа «бударь», на которыхъ «зимовая станція» привозила изъ Москвы царское «жалованіе». Сѣздъ этотъ былъ тѣмъ-же Войсковымъ Кругомъ, только расширеннаго состава.

На Кругѣ, какъ и на вѣчѣ, присутствіе и подача голоса были предоставлены на волю члена общины. Онъ могъ, по своему усмотрѣнію, присутствовать въ Кругу и не присутствовать, подавать голосъ и не подавать. Но каждый казакъ, былъ ли онъ въ Кругу, или находился вдали, въ своей станицѣ, обязанъ былъ повиноваться приговору, состоявшемуся на Кругѣ, и не могъ отговариваться своимъ отсутствіемъ. Такъ же было на вѣчѣ.

Въ отличіе отъ вѣча, для котораго всегда достаточно было наличныхъ гражданъ главнаго города, донскіе казаки считали нужнымъ ежегодно устраивать весенній «сѣздъ». Кромѣ того, «сѣздъ» бывалъ нерѣдко и по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ.

¹⁾ Лаврент. лѣтопись с. 160.

Онъ собирався естественно, когда Войско созывало казаковъ въ главный городокъ для осуществленія заранѣе намѣченнаго предпріятія, для организаціи защиты отъ врага. Такъ, напримѣръ, въ 1639 г. при полученіи вѣсти о походѣ «крымскаго царя» на Азовъ, занятый казаками, «атаманы и казаки по тѣмъ вѣстямъ посылали» изъ главнаго городка «вверхъ по Дону по вѣсѣмъ городкамъ и запольнымъ рѣчкамъ и вѣлѣли... вѣсѣмъ казакамъ ѣхать въ сѣздъ къ себѣ въ главный городокъ.¹⁾

Это былъ не только, такъ сказать, сборъ вѣсѣхъ военныхъ частей, но и сѣздъ для рѣшенія вопроса, защищать ли Азовъ или отступать на территорію Дона. Въ болѣе тревожныя времена, обычно, казаки «для совѣту» изъ городковъ въ Войско «часто пріѣзжали». Обыкновенно же, въ менѣе важныхъ случаяхъ, «посылали о Войсковой Думѣ въ ближніе» (отъ главнаго) «городки Войсковыя для сѣзду письма».²⁾ Въ 1688 году, по чрезвычайно важному вопросу (о выдачѣ на расправу въ Москву бывшаго атамана Самойла Лаврентьева), казаки, недовольствуясь Кругомъ, состоявшимся въ Черкасскомъ, послали «въ верхніе городки до Раздоръ» и на четвертый день учинили «иной кругъ».³⁾ Въ 1675 г., уклоняясь отъ исполненія неугодныхъ имъ предложеній царскаго правительства, казаки отписывались въ Москву, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ «безъ совѣту съ верхними городками».⁴⁾ Да и московское правительство считало, что рѣшеніе Войска будетъ крѣпче, если оно будетъ принято на подлинномъ «сѣздѣ» всего Войска. Поэтому въ 1671 г. царскій посланецъ на Донъ, стольникъ Косочевъ, ѣхавшій требовать отъ казаковъ присяги на вѣрность царю, и возвращавшіеся на Донъ бывшіе войсковые атаманы Корнило Яковлевъ и Михайло Самарянинъ, «какъ ѣхали рѣкою Дономъ съ верхнихъ городковъ казакамъ Великаго Государя указъ сказывали, чтобъ они ѣхали въ Нижне-Черкасской городокъ, и казаки къ пріѣзду ихъ всѣ собрались».⁵⁾

Кромѣ случаевъ всенароднаго ополченія, когда выступало въ походъ поголовно все Войско, врядъ ли бывалъ когда-либо поголовный сѣздъ вѣсѣхъ казаковъ. Даже въ 1638 г., когда звали къ Азову вѣсѣхъ, кого можно, и то предписывалось «оставлять въ городкахъ немногихъ людей, сѣзжаться городковъ по пяти—шести въ одно мѣсто съ семьями, чтобы, сѣхавшись, станицы жили съ «великимъ береженьемъ». Обычно же на сѣздъ посылались изъ станицъ представители. Такъ, въ 1708 г. изъ Войска писал: «Да вамъ-бы, атаманамъ-молодцамъ изъ всякой станицы, для вѣрности, что Василий Лаврентьевичъ пріѣхалъ съ государевой милостью при-слать немедленно изъ станицъ по два человѣка людей добрыхъ».⁶⁾

Однако, присутствовало ли на Кругѣ (въ важнѣйшихъ случаяхъ) фактически, большинство казаковъ, или же только жители глав-

¹⁾ Донъ. Дѣла, т. I. 622.

²⁾ Дон. къ Акт. Истор., т. XII, 195.

³⁾ Дон. къ Акт. Истор., т. XII, 192.

⁴⁾ Соловьевъ, „Истор. Рос., т. III, с. 493.

⁵⁾ Мат. для исторіи возмущенія Ст. Разина, М. 1857, с. 217.

⁶⁾ „Истор. Опис.“, с. 379, прим.

наго городка съ атаманами ближайшихъ городковъ (или безъ нихъ), все равно — воля Круга была волею всего Войска.

Полную аналогію Круга съ вѣчемъ можно провести и по вопросу о правѣ участія въ Кругѣ. Всякій донской казакъ, къ какой бы станицѣ онъ ни принадлежалъ, имѣлъ право, пріѣзжая въ Войско, участвовать въ Кругѣ. Подобно вѣчу, недопускались въ Кругъ малолѣтніе. Обычай установилъ возрастъ малолѣтнихъ: до 16 1/2 лѣтъ. Въ XVII вѣкѣ выработалось также понятіе «выростка» (отъ 16 1/2 до 18 лѣтъ) и «малолѣтка» (18 лѣтъ, присяжнаго, но не служилаго казака). И выростки, и малолѣтки, могли присутствовать на Кругѣ, но безъ права голоса. Постепенно выработалось понятіе «служилаго казака», т. е. такого, который получалъ свою долю изъ «жалованья». «Служилые казаки» были полноправными гражданами Донской республики.

Подобно вѣчу, не могли участвовать въ Кругѣ люди посторонніе Войску. Къ нимъ принадлежали «озимейные казаки», которые являлись «новоприходцами», которые «зѣжали» или «сбрели» на Донъ. Жили здѣсь не годъ, а два или три и даже принимали участіе въ походахъ, въ тѣхъ или иныхъ станичныхъ дѣлахъ, но не были еще зачислены въ Войско. Должно сказать, что въ XVI и первой половинѣ XVII в. «новоприходцы» очень быстро принимались въ казаки, и понятіе объ «озимейномъ» казачествѣ возникло лишь позднѣе, когда начались ограниченія для принятія въ казаки сразу, и пришлось создать промежуточное состояніе. Тѣмъ менѣе имѣли право участвовать въ Кругѣ «бурлаки» и даже «зажилые бурлаки» (т. е. тѣ же «новоприходцы», убѣжавшіе на Донъ, бродившіе тамъ, укрываясь отъ преслѣдованія московской власти, или въ поискахъ работы). Равнымъ образомъ, не имѣли политическихъ правъ, «работники», «работные люди», приходившіе на Донъ на весеннее и лѣтнее время «покормитца работою» въ казачьихъ городкахъ, живя «въ куреняхъ» у болѣе состоятельныхъ казаковъ. Такъ въ 1688 г. допрошенный на Москвѣ «работный человѣкъ» Ермошка показывалъ, что «жилъ у одного изъ старшинъ, работалъ черную работу, а не въ казакахъ служилъ и въ круги не хаживалъ».⁷⁾

Наконецъ, лишены были политическихъ правъ «ясыри» или рабы (военно-плѣнные или купленные). Но всѣ безъ исключенія, пребывавшіе въ Войскѣ (включая и рабовъ), могли «бить челомъ» въ Кругу и просить о помощи и защитѣ Войска.

Чужеземцы, каковыми являлись и московскіе люди («торговые люди», пріѣхавшіе изъ монастырей за рыбой или для сбора на монастырь; «вожи», «казачьи головы», стрѣльцы, сопровождавшіе царскихъ пословъ и т. д.) могли поодаль слушать, о чемъ рѣчь идетъ. Но азіаты (турки, татары и калмыки), исключая, конечно, татаръ, принятыхъ въ казаки, совершенно не допускались въ Кругъ, по соображеніямъ военной безопасности. Духовенство было устранено отъ активнаго участія въ вѣчѣ. Предъ началомъ Круга обычно служился молебенъ, особенно, если Кругъ былъ по случаю

⁷⁾ Дружининъ. „Расколъ на Донѣ“ с. II, прим.

приѣзда царскаго посла. Тогда и «звоны звонили, и молебны пѣли», и послѣ этого уже собиравсь въ Кругъ.

Интересно отмѣтить, что впоследствии, когда началось социальное разслоение казачества, бывало, что казакъ, работавшій у богатаго старшины, не всегда могъ изъ за работы фактически попасть на Кругъ. Въ эпоху особеннаго наплыва «голыдыбы» на Донъ, въ послѣдней четверти XVII вѣка, послѣ пораженія Разина, «голыдыба» вынуждена была «стоять за кругомъ», предоставляя, такимъ образомъ, рѣшеніе дѣла стоявшимъ въ центрѣ старшинамъ и «старымъ», «домовнымъ» казакамъ. Женщины не имѣли права участія въ Кругѣ. Не имѣли его и тѣ, кто были объявлены «пенными» (отъ слова «пеня», наказаніе) за какія-либо преступленія. «Пенныхъ» можно было «бить и грабить», а поэтому, чтобы они могли явиться въ Кругъ — необходимо было освободить ихъ отъ наказанія особымъ актомъ амнистіи. Такъ, въ 1638 г. Войско писало изъ Азова во все городки: «ѣдья (ѣзжайте) въ Азовъ къ Войску днемъ и ночью не малыми людьми на помочь . . . ѣдья всякіе люди, пенные и не пенные: пеня имъ будетъ отдана . . . И такъ, только политически правоспособные граждане республики могли принимать участіе въ общенародномъ собраніи (въ Кругу) и выносить рѣшенія. Однако, какъ мы видѣли, ограниченія были не очень велики: подавляющее большинство жителей Дона участвовало въ политической жизни.¹⁾

Созыву Круга въ важныхъ случаяхъ предшествовали мѣры предосторожности, во первыхъ, чтобы обезпечить тайну военныхъ совѣщаній и подготовленій; во вторыхъ, чтобы предохранить Кругъ отъ буйства пьяныхъ, если страсти разгорятся. Поэтому, подданныхъ враждебныхъ державъ брали на учетъ или удаляли съ острова, на которомъ находится Черкасской городокъ. А въ 1671 г. «заказъ учинили во всехъ куреняхъ крѣпкой, чтобы никто никакого питья покаместъ они обѣщанье учинятъ, (пока на Кругъ не будетъ принесена присяга), не продавали, а если кто къ обѣщанію придетъ пьянъ и такому человѣку и продавцу вина учинено будетъ . . . жестокое наказаніе . . .»²⁾

Предосторожность эта была далеко не лишней, потому что иногда страсти на Кругѣ весьма бурно бушевали. Бояре Посольскаго приказа хорошо понимали дѣло, когда давали послу на Донъ наказъ: «а съ казаками многихъ рѣчей не плодить, дабы ихъ не ожесточить» . . . А стольнику Арсеневу (въ 1670 г.) поручено было «говорить казакамъ (въ Кругу) не по одинъ день прилежно, а радѣтельно великихъ государей указомъ и своими ласковыми разговорами» . . . Попытка царскаго посла Карамышева (1630) грозить Кругу обошлась ему слишкомъ дорого: она стоила ему головы.

¹⁾ Ср. Соловьевъ, „Объ отношеніяхъ великаго Новгорода къ великимъ Московскимъ“, М. 1846, с. 2; Бѣляевъ, „Судьбы земщины и выборнаго пачала на Руси“, М. 1906, стр. 9, 12—13, 17, 35. Сергѣевичъ, „Вѣче и князь“, 1867; Леоновъ, „Войсковой Кругъ“. „Дон. Войск. Вѣдомъ“, 1862, N 26, 28.; „Дон. къ Ант. Истор.“, т. XII, с. 139, 161, 292; „Дон. Дѣла“, т. I—IV.

²⁾ Мат. для истор. возмущ., с. 225.

Мѣстомъ собраній Войскового Круга (съ 1549 по 1917) была главная площадь столицы Войска, у часовни, а впоследствии у соборнаго храма. По приказанію атамана созывали («сбивали») Круги войсковые «есаулы». На ихъ же обязанности лежало поддержаніе порядка на Кругѣ, распоряженія о наказаніи тѣхъ, кто признанъ былъ на Кругѣ виновнымъ и, вообще, исполненіе порученій атамана и Круга по дѣламъ полиціи и юстиціи. Они же по требованію Круга доставляли туда лицъ, которыхъ Войско желало видѣть предъ собою.

Ставши въ кругъ, собравшееся Войско очищало посреди свободную площадь, т. наз. «майданъ», на который выходили торжественно все войсковыя власти съ атаманомъ во главѣ, который по этому случаю имѣлъ въ рукахъ знакъ своего достоинства — «насъку» и становился подъ «войсковымъ знаменемъ», посреди майдана. Есаулы войсковые приказывали всемъ молчать. Затѣмъ атаманъ излагалъ дѣло въ короткой рѣчи, главнѣйшія обстоятельства. Въ концѣ ея онъ или предлагалъ извѣстное рѣшеніе, если оно было подготовлено предварительнымъ сговоромъ съ атаманами (старшинами), или же, если дѣло было сомнительное, предлагалъ обсудить.

Предложивши проэктъ рѣшенія атаманъ, спрашивалъ: «любо-ль, не любо?» Кругъ обычно отвѣчалъ «любо». Вообще существовали краткія формулы для отвѣтовъ, которыя и предлагались: «любо», «не любо», «въ куль да въ воду», «Богъ помочь», «съ Богомъ» и т. п. Но въ болѣе важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ есаулы провѣряли голосованіе, спрашивая на все стороны голосно: «все-ли такъ соизволяютъ?» И Кругъ подтверждалъ свое рѣшеніе.

Формула обращенія къ Кругу была слѣдующая: «Атаманы-молодцы и все великое Войско» или «Господа атаманы и казаки и все войско Донское» . . .

Участники Круга стояли на ногахъ и безъ шапокъ изъ уваженія къ мѣсту и къ случаю. Говорить могъ всякій желающій, но для этого онъ долженъ былъ выйти на майданъ (свободное мѣсто внутри Круга). Войско, находящееся въ сборѣ, въ полномъ его составѣ, называлось: «все великое Войско». Это не былъ почетный титулъ, говорившій о «всевеличїи» или могуществѣ, а просто обозначеніе всего коллектива, всей «громады». Войсковой Кругъ, который представлялъ собою весь народъ Дона, и былъ все въ великимъ Войскомъ.

Республиканскій характеръ государственной организаціи Дона подчеркивался самимъ текстомъ обращенія къ Донскому Войску. Царскія грамоты адресовались прежде всего «атаманамъ и казакамъ, т. е. всему народу Дона, затѣмъ «Войсковому Атаману» (имя рекъ) и наконецъ и «всему Войску Донскому» . . . Такимъ образомъ, державный народъ Дона поминается всегда впереди его выборнаго головы — атамана. Запорожцы писали «атаману и всему товариществу Войска Донскаго».

Кругъ былъ Верховнымъ органомъ народной воли. Ни одинъ изъ органовъ власти исполнительной не смѣлъ дѣйстви-

вать въ мало-мальски важномъ дѣлѣ безъ «войскового совѣту и приказу», т. е. безъ приговора Круга. Современные государственные акты Дона часто говорятъ о «мысли войсковой», о «войсковой думѣ», выраженной Кругомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кругъ выражалъ волю всего Войска. Этой волѣ никто не смѣлъ противиться на территоріи Войска. Малѣйшія попытки «владѣть и жить особно» отъ Войска на донской территоріи Войско пресѣкало суровыми и рѣшительными мѣрами вплоть до поголовнаго истребленія крамольниковъ, сожженія мятежнаго городка.

Вотъ примѣры: въ 1638 г. запорожскіе казаки, съ атаманомъ Матяшемъ во главѣ, участвовавшіе во взятіи Азова, «учали было бунтовать, а Войска (Донского) было слушать не учали, и учали было просить города въ Азовѣ особнаго и наряду (артиллерійскихъ орудій), и хотѣлъ было онъ, Матяшъ, владѣть и жить особно. И онъ-де (донскіе атаманы и казаки), поговоря межъ себѣ, тово черкаскаго атамана Матяша убили полѣньемъ до смерти и вкинули въ Донъ. И послѣ того запорожскіе черкасы имъ во всемъ послушны по прежнему, а будетъ де они впередъ похотятъ владѣть собою, и имъ-де Войскомъ молчать не будутъ и съ ними управятца»¹⁾ Разговоръ «межъ себя» и убійство Матяша «полѣньемъ» происходили именно въ Кругу. Войско установило вину, приговорило виновнаго къ смерти, и приговоръ былъ тутъ же исполненъ.

Въ 1628 г. группа воровскихъ казаковъ въ 600 чел. «на Дону у Чиру» построила себѣ «особый городокъ». О нихъ сообщали въ Москву, что «съ донскими де казаками съ нижними городки они не сѣзжаютца и ни въ чемъ донскихъ казаковъ не слушаютъ»²⁾ . . . Городокъ былъ, по повелѣнію Войска, сметенъ съ лица земли. вмѣстѣ съ тѣмъ, «атаманъ Елиха Радилъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманамъ, съ которыми въ городкѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, . . . зимовали и велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобъ имъ стать въ войскѣ» (т. е. явиться на судъ Войска), на Яру, на урочищѣ Монастырскомъ, а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаками, что нынѣ воруютъ, и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочищѣ Монастырскомъ, и ихъ атаманъ . . . съ товарищи били олопьемъ и грабили» . . . Тоже было учинено и съ торговыми людьми, ссужавшими воровскихъ казаковъ.³⁾

Такимъ образомъ, Войско покарало не только самихъ виновныхъ, но и «пособниковъ». Въ 1659—1660 г. возникъ «воровской городокъ», поставленный самовольно въ «пустомъ юртѣ» между Паншинскимъ и Иловлинскимъ городками и названный «Рыгинымъ городкомъ»⁴⁾.

Войско послало на Рыгинъ «своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками, и тѣ посыльщики

¹⁾ Дон. Дѣла, т. I, с. 707.

²⁾ „Истор. Опис.“, с. 246.

³⁾ Тамъ-же, с. 245—6.

⁴⁾ Соловьевъ въ своей „Исторіи“ называетъ его „Ригой“ и остритъ по поводу того, что и на Дону свои „Рига“ объявились.

тотъ городокъ взяли за большимъ боемъ и подкопами . . . и городокъ воровской сожгли, и старшихъ ихъ воровскихъ заводчиковъ сожгли, атамана и есаула съ товарищи 10 человекъ привезли, для вершенія (на судъ Войска), живыхъ, и разспрося, тѣхъ воровъ повѣсили . . .»

Какъ мы видимъ, Кругъ не только защищалъ суверенитетъ Войска, но и судилъ и казнилъ «отпадчиковъ» и «отметчиковъ». Не только мятежные граждане Войска подвергались преслѣдованію со стороны Круга, но и послы иностранныхъ державъ, покушавшихся на суверенитетъ Войска. Въ 1648 г. Андрей Лазаревъ привелъ на помощь Войску отрядъ,¹⁾ изъ Московскаго государства, по царскому повелѣнію. Онъ потребовалъ, вопреки обычаю и достоинству Круга, чтобы казаки шли къ нему «на станъ», вмѣсто того, что бы самому идти въ Кругъ и тамъ по обычаю, сообщить царскую грамоту. «Казаки учинились непослушными противъ государева повелѣнія, къ нему въ шатеръ милостивыхъ словъ слушать не пошли и казны тутъ у него не приняли». На несчастье, семеро крѣпостныхъ «людишекъ» Лазарева, привезенныхъ имъ въ страну, гдѣ воздухъ дѣлалъ людей свободными, «забѣжали къ казакамъ». А Лазаревъ, находясь въ странѣ «казачьево присуду», вздумалъ послать на розыски за бѣглыми рабами офицеровъ-иноземцевъ изъ своего отряда. Попытка производить полицейскій розыскъ вооруженною рукою въ свободной республикѣ привела къ печальнымъ результатамъ. «И имъ, иноземцамъ, за то въ Кругѣ были позорные лап. А меня, жаловался Лазаревъ царю, холопа твоего, сверхъ разоренія моего, хотѣли убить въ Кругу до смерти безъ вины моей, что Ивана Карамышева: прислали по меня въ тотъ день изъ Кругу есауловъ звать къ себѣ въ Кругъ, чтобъ я пришелъ въ Кругъ къ нимъ самъ говорить объ людѣхъ своихъ. . .»

Кругъ былъ правъ, охраняя свою юрисдикцію отъ невѣжественнаго вмѣшательства московскаго дворянина. Именно, въ Кругу и надо было принести жалобу на «збѣжавшихъ людишекъ», которые, вѣроятно, «снесли» у хозяина и кое-что изъ «рухляди». Но Лазаревъ не могъ этого понять.

— «И, — писалъ онъ, — я боясь твоего государева страху и за своею болѣзнью къ нимъ въ Кругъ не пошелъ и есауламъ ихъ въ томъ отказалъ, что въ Кругъ къ нимъ нейдю о разоренье своемъ и о людѣхъ. Будетъ они не сыщутъ, буду милости просить у тебя, а не у нихъ. . .»

Это заявленіе было уже явнымъ покушеніемъ на суверенныя права Донской республики. «И они (казаки) тово же часу въ Кругѣ закричали всеъ, что за тѣ слова мои либо меня убить.» Эти серьезные люди не любили откладывать дѣло въ долгій ящикъ. «А и саблю войсковую,²⁾ чѣмъ было меня казнить, выдали, а по меня, — продолжалъ Лазаревъ — прислали изъ Круга двухъ

¹⁾ Составившій изъ 1 „маера“, 4 капитановъ, 5 „поручиковъ“ и 1000 солдатъ. Дон. Дѣла, 111, 858, 930; IV, 239—244.

²⁾ Очевидно, у Войска былъ свой „мечъ правосудія“ для обезглавленія преступниковъ: „Войсковая сабля.“

посланцевъ, а съ ними многихъ казаковъ, и велѣли меня за ноги приволочь до Кругу». . . Оригинальный способъ введенія царскаго посла въ державное народное собраніе! «И твои государевы люди, солдаты, видя ихъ безстрашное суровство, за твое государское имя стали, меня волочить за ноги въ Кругъ не дали. И хотѣли съ казаки биться смертнымъ боемъ. Видя, казаки, ихъ твердое стояніе, убивство мое ужъ съ тѣхъ мѣстъ оставили и въ круги свои ужъ съ тѣхъ мѣстъ звать не почали, и бѣглыхъ людей моихъ отъ себя изъ Черкаска въ верхніе городки тово-жь дни выслали. . .»¹⁾

Этотъ случай интересенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, потому, что казаки готовы были казнить посла царскаго, и какого: того, который въ тяжелую для Дона минуту привелъ имъ отрядъ на помощь. Причина этого заключалась въ попыткѣ вторгнуться въ державное право республики — самой дѣлать все, что касается суда и полиціи на ея территоріи. Во вторыхъ, Лазаревъ, не по своей инициативѣ, а по наказу изъ Москвы, сдѣлалъ попытку (она была уже не первая) не идти въ Кругъ, а звать Войско къ себѣ.

Подобныхъ случаевъ мы знаемъ два. Одинъ въ 1692 г., когда не пошелъ въ Кругъ, къ Войску, посолъ Нащокинъ. Три дня онъ звалъ казаковъ къ себѣ, а тѣ не шли и ходить «въ станы» къ послу «заказали». На четвертый день посолъ воспользовался пріездомъ къ нему группы въ 300 казаковъ и сказалъ имъ то, что долженъ былъ сказать Войску, и далъ имъ «государевы грамоты» . . . И, — писалъ Нащокинъ — отошедши отъ насъ въ Кругъ, чли твои государевы грамоты всѣмъ атаманамъ и казакамъ въ слухъ. И, вычитчи грамоты, всѣ атаманы и казаки говорили межъ себя шумно» . . . Въ этотъ разъ Москва въ лицѣ правителя Бориса Годунова сдѣлала первую попытку превратить небольшую тогда Донскую республику въ общину служилыхъ казаковъ, вѣрнѣе даже въ наемный отрядъ. Войску предложено было служить впредь подъ начальствомъ назначеннаго «голова», дворянина Петра Хрущева. Казаки отвергли это и другія предложенія, хотя имъ и угрожалъ царь прислать «рать большую» и поставить царскую крѣпость въ центрѣ республики, «на Роздорѣхъ».

Второй случай былъ въ 1645 г., когда Донъ изнемогъ послѣ взятія Азова, и царь послалъ ему вспомогательный отрядъ изъ «прибранныхъ» вольныхъ охочихъ людей» (4.000 чел.). Дворянинъ Жданъ Кондыревъ звалъ атамановъ и казаковъ къ себѣ на станъ. Войсковые есаулы отъ Круга вторично пригласили Кондырева въ Кругъ. «А Войску — де Донскому — заявили есаулы: — къ Вамъ въ станъ не хаживать, и напередъ де сего того не бывало, что атаманамъ и всему Донскому Войску къ Вамъ, къ стану, ходить, и то де вы затѣваете собою . . . и въ государевой де грамотѣ того къ Войску не написано» . . .

Такъ пересылались посолъ и Войско съ 26-го по 30-е мая 1646 г. включительно. Жданъ Кондыревъ «противъ (т. е. согласно) государева указа стоялъ накрѣпко и посылалъ къ казакамъ мно-

¹⁾ Дон. Дѣла, IV, 229—244.

гижда». Наконецъ, 30-го мая сослался на указъ и потребовалъ, чтобы «казаки не упрямылись». Войсковой есауль Захаръ Дементѣевъ и два казака изъ Круга заявили послу: «Вы упрямитесь, и затѣваете собою, и государевымъ дѣламъ не радѣете, и въ Кругъ нейдете, и тѣмъ Войско безчестите. А у насъ тово въ Войску николи не повелось, что ходить Войску къ Вамъ на станъ; а мы-де для Васъ Круги збиваемъ, и затѣмъ-де у насъ государева служба стала, что Вы въ Кругъ нейдете и государевы казны не отдаете. А у насъ-де, какъ и зачалось Донское Войско, такового образа не бывало, что Донскому Войску на станъ ходить или иные такіе статьи перемѣнять. И о томъ-де у насъ въ Кругу приговоръ, какъ и стари бывало, такъ и нынѣ будетъ. И велѣли вамъ отъ Войска говорить, будетъ вы къ намъ въ Кругъ не пойдете и въ предъ къ вамъ о томъ отъ Войска пересылки никакіе не будутъ, и государевы казны и запасовъ не примемъ». Казаки требовали, чтобы посолъ писалъ государю, и сами обѣщали написать.

Кондыревъ ясно увидѣлъ, что попытка Москвы заставить державный органъ республики выразить символически свое подчиненіе Московскому государству — не удалась. Казаки не только защищали свое исконное право, но и требовали соблюденія его во имя высшаго національнаго интереса. Пришлось пойти на компромиссъ. Кондыревъ пригласилъ Войско къ часовнѣ, на молебнѣ, а самъ, вышедши со службы, сказалъ казакамъ то, что долженъ былъ говорить въ Кругу. Это было второе выступленіе Москвы противъ державнаго органа республиканской колоніи. Третье выступленіе было вскорѣ. Мы о немъ знаемъ.

Но Лазареву пришлось таки побывать въ Кругу. Изъ Москвы пришло приказъ Лазареву оставить солдатъ своихъ на Дону, предложивши имъ поступить въ Донскіе казаки. Послѣ молебна по этому случаю, царскаго посла «въ воротѣхъ» «Черкаска» есаулы ихъ (казачьи) и казакъ Василій Зевака съ товарищи» взяли «къ себѣ въ Кругъ неволею».

«А — писалъ Лазаревъ царю — сказали, что за мною твое государево великое государственное дѣло и войсковое.»¹⁾ И привели меня въ Кругъ, что плѣннова, и въ Кругу мнѣ атаманъ ихъ войсковой Наумъ Васильевъ почалъ говорить рѣчь, что я на нихъ къ тебѣ, государю, писалъ ихъ первое въ пріездѣ непослушаніе и за то де твое письмо атаману нашему станищному на Москвѣ выговоры были большіе, а кто де у насъ на Дону отъ Государя не бывалъ, честнѣе тебя, и тѣ де на насъ государю тово не писывали, и въ Кругъ къ намъ всѣ хаживали. Да ты жъ де писалъ на насъ государю многогижда, утаясь отъ насъ, многіе затѣйные слова» . . . Однако, Павелъ Чесночихинъ, на котораго сослался атаманъ, ссылки не подтвердилъ, и на атамана Наума Васильева на Кругъ «зятельствомъ крикнули» и освободили посла.

Дѣло обошлось довольно счастливо для Лазарева. Что касается Ивана Крамышева, то этого царскаго посла казаки въ 1630 г. въ

¹⁾ Стало быть, «великимъ войсковымъ дѣломъ» считались дѣла о преступленіяхъ противъ республики.

Кругу обезглавили «за его великую неправду», за то — писали казаки царю — его «злоумышление, что онъ безъ твоего, государева, указа, умыслилъ всѣхъ насъ на Дону, низовыхъ и верховыхъ, побить, и городки наши пожечь» . . . На самомъ дѣлѣ, Карамышевъ прѣхалъ было на Донъ, чтобы заставить Донскую республику повиноваться метрополи въ дѣлѣ иностранной политики. «И — отписывали казаки — прѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ . . . хотѣлъ казню смертною казнить, въшатъ и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить, и сверхъ того учалъ . . . съ Крымскими и нагайскими людьми ссылатся, чтобы насъ всѣхъ побить, и до конца погубить и раззорить и искоренить и городки наши безъ остатку пожечь, чтобы наше, донскихъ атамановъ и казаковъ, на Дону и по Запольшю, вездѣ имя казачье не именовалось».

Вполнѣ понятно, что Войско сочло своимъ правомъ немедленно же взять посла на Кругъ и у него «Государевой грамоты и наказу» на всѣ эти планы расправиться съ Войскомъ «не по единожды спрашивать». Карамышевъ, несомнѣнно, имѣлъ наказъ въ этомъ родѣ; врядъ ли московскій посолъ осмѣлился бы «своимъ злохитрствомъ и умышленьемъ» замышлять подобныя вещи. Но онъ не выдалъ ни царя, ни фактическаго руководителя политики, патриарха Филарета, и былъ Кругомъ осужденъ за «злоумысль» противъ республики и «Войсковою саблею» тутъ же въ Кругу казненъ.

Та же участь постигла и турецкаго посла при русскомъ дворѣ грека Оому Кантакузена, пытавшагося изъ войска, гдѣ онъ былъ временно задержанъ въ 1637 г., когда казаки пошли на Азовъ, — подать вѣсти туркамъ. «Мы — писали казаки царю — видя его умышление, къ тебѣ, государю, неправду . . . его, посла, за то съ его людьми порубили» . . .

Такимъ образомъ, Кругъ считалъ себя вправѣ судить и казнить за покушеніе на державныя права республики всѣхъ: и «воровскихъ» казаковъ, и сепаратистовъ «Черкассъ-Запорожцевъ», и даже иностранныхъ пословъ.

Войсковою Кругъ рѣшалъ всѣ дѣла, касавшіяся донской республики. Дѣлами иностранными являлись: объявленіе войны и заключеніе мира, посланки вспомогательныхъ войскъ на службу царю, союзъ съ окрестными народами, пріемъ пословъ и отправленіе посольствъ и грамотъ въ Москву и къ окрестнымъ народамъ, выдача заграничныхъ паспортовъ («Войсковыхъ проѣзжихъ грамотъ») и полномочій или наказовъ («войсковыхъ правыхъ писемъ»).

Такъ, напримѣръ, съ Азовомъ разрывъ происходилъ обычно путемъ посланки «розмирной грамоты», послѣ того, какъ Кругъ «приговаривалъ всѣмъ войскомъ съ ними (азовцами) розмирница». Равнымъ образомъ, Кругъ утверждалъ мирныя договоры, заключенныя «мировщиками» съ донской и азовской стороны. Такихъ пословъ присылалось обычно по 2 человека съ каждой стороны. Калмыки присылали ихъ больше. Такъ, въ 1650 г. ими было прислано отъ Аюки-хана и Мункотемира, для «юртовыхъ» между донцами и калмыками «дѣлъ» посланцевъ больше 100 человекъ. Они хода-

тайствовали о выкупѣ знатныхъ плѣнниковъ-калмыковъ, предлагая за нихъ по 200 и по 300 лошадей за каждаго. Но казаки, «межь собою, всѣмъ Войскомъ придумавъ» (т. е. на Кругѣ), запретили выдавать плѣнныхъ. Взвѣсивъ въ плѣнъ казакамъ Войско, «оскудя себя» выдало 250 рублей, а калмыковъ убили предъ глазами пословъ.

Кругъ, въ нужныхъ случаяхъ, уполномочивалъ атамана на заключеніе договора. Такъ, въ 1636 г. «у атамановъ-молодцовъ, у всего великаго войска донскаго, былъ Кругъ съѣзжей. Въ Кругу договорились атаманы молодцы, велѣли атаману Ивану Каторжному ото всего войска донскаго руку дать до мирнаго договору во всемъ», что касалось перемирія съ нагайскими мурзами.¹⁾

Кругъ посылалъ пословъ. Такъ, въ 1616 г., «посылали съ Дону атаманы и казаки на Днѣпръ, къ черкасамъ, казаковъ Дружину Трубникова и Ивана Слѣпова о томъ, чтобы они, черкасы, на нихъ не приходили, а были бѣ съ ними въ миру» . . . Такъ, въ 1661 г. посланы были къ калмыкамъ старшины Федоръ Буданъ и Степанъ Разинъ. Этихъ «выборныхъ посыльщиковъ» звали иногда «станишниками». Въ Москву посылались посольства такъ наз. «зимовыя станицы» изъ атамана, есаула и 98 казаковъ, которые въѣзжали въ Москву къ зимѣ, жили тамъ три мѣсяца и на весну провожали къ Воронежу царское «жалованіе», а оттуда шли водою въ «будурахъ» до столицы войска. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, посылались въ Москву «легкія» или «вѣстовыя станицы» (чел. по 10) со срѣшними сообщеніями. При прѣздѣ и отпускѣ зимовыя станицы принимались царемъ и получали подарки и содержаніе отъ Правительства.

Въ свою очередь, Кругъ самъ принималъ пословъ къ Войску. Въ частности, когда прѣзжалъ посолъ отъ царя, то онъ, по наказу, ставилъ въ указанномъ ему дворѣ, звалъ атамановъ и казаковъ, «чтобы они собирались въ кругъ всѣ къ церкви Божіей и великаго государя . . . грамоту у него приняли и выслушали».

«Да—писалось въ наказѣ²⁾ — какъ атаманы и козаки въ кругъ соберутся и ему при всѣхъ говорить: Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій Государь царь (полный титулъ) велѣлъ васъ атамановъ и казаковъ и все Войско Донское спросить о здоровьи» . . .

«И, изговоря рѣчь подать имъ грамоту: . . . Да какъ атаманы и казаки Великаго Государя грамоту у него Егорья примуть, и въ Кругу вычтутъ и выслушаютъ, и Егорью (послу) говорить: Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій государь царь и пр. велѣлъ Вамъ говорить» . . . Далѣе шла дѣловая часть рѣчи.

Мы знаемъ уже, что въ 1592 году, 1646, 1648 г. г. были попытки Москвы не позволять послу идти въ Кругъ. Въ 1653 г. запрещеніе ходить на Кругъ мы встрѣчаемъ въ наказѣ дворянина Пара-

¹⁾ „Ист. Опис.“, с. 169.

²⁾ Наказъ 1682 г. „Доп. къ Акт. Ист.“ . . . т. X. с. 1—2.

мона Золотарева:¹⁾ «Стоять на томъ крѣпко, то будетъ государеву имени не къ чести».

Однако, вскорѣ это притязаніе исчезаетъ изъ наказовъ, и послы являются въ Кругъ. Въ частности, всѣ послы, привозившіе «годовое» жалованіе вмѣстѣ съ зимовой станцией, отдавали грамоту и жалованіе всегда въ Кругу.²⁾

Формула, съ которой обращался къ Кругу дворянинъ, привезшій жалованіе, была обычно слѣдующая: «Великій Государь и про Васъ атамановъ и казаковъ и все Донское Войско за Вашу къ нему вѣрную службу жалуетъ, милостивно похваляетъ и велѣлъ Васъ, атамановъ и казаковъ, спросить о здоровьи» . . .

Пословъ турецкихъ, татарскихъ, калмыцкихъ, обычно принималъ Войсковой Атаманъ, докладывавшій затѣмъ Кругу о результатахъ.

Въ тѣсной связи съ иностранной политикой стояло право Круга опредѣлять число войскъ, посылаемыхъ на войну. Въ исключительныхъ случаяхъ созывались всѣ, «конные и пѣшіе, пенные и нѣпенные». Въ другихъ случаяхъ опредѣлялась цифра въ зависимости отъ состоянія станицъ. Такъ 1 сентября 1671 г. «атаманы и казаки приговорили послать подъ Астрахань изъ Черкаскаго Городка съ десятка по человѣку, а которые казаки во время взятія Стеньки Разина подъ Кагальникомъ не были и тѣмъ идти всѣмъ, а изъ городковъ отъ Черкаскаго до Пашина городка — третьей части казакамъ, а отъ Пашина до Мигулина городка — половинѣ казакамъ».³⁾

Кругъ устанавливалъ и цифру посылаемыхъ на всемогательную службу казаковъ, и постановлялъ, можно ли вообще послать отрядъ или нѣтъ. Неоднократно онъ находилъ, что войско должно обезпечить оборону со стороны мѣстныхъ враговъ и посылалъ въ Москву отвѣтъ, что Войско не пошлетъ просимый отрядъ. Относительно дѣйствій флота дѣлалось на Кругу постановленіе лишь въ общей формѣ, а цѣль похода объявлялась лишь по выходѣ въ морѣ.

Важнѣйшими внѣшними отношеніями Войска были отношенія къ Московскому Государству, и въ этомъ вопросѣ Кругъ не однократно рѣшалъ, каковы будутъ взаимоотношенія колоніи и метрополіи. Въ 1605 и 1632 г. г. Кругъ отвергъ притязанія царей, чтобы Войско имъ присягнуло, но въ 1671 г. Кругъ, хотя и послѣ долгаго сопротивленія, принесъ присягу за все Войско. Равнымъ образомъ, въ 1705 г., когда «посыльщики» Астраханскихъ мятежниковъ прибыли въ Войско, то Войсковой Атаманъ . . . учинилъ Кругъ и въ томъ Кругу, при казакахъ собранныхъ, тѣхъ посыльщиковъ спрашивалъ, тѣ посыльщики . . . которые съ ними присланы прелестныя письма подали, и Войсковой де Атаманъ и прочіе съ нимъ собранные всѣ казаки велѣли тѣ письма Войсковому своему писарю прочесть въ слухъ и . . . единогласно закричали, что они никогда къ такому

¹⁾ Дон. Дѣла, IV, 618, 783.

²⁾ Дон. Дѣла, т. IV, 950; Дон. къ Акт. Ист., X, 1—2 и др.

³⁾ Мат. для ист. возм. 1875, с. 226.

злomu дѣлу не пристануть, . . . и приговорили тѣхъ посыльщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать безъ мотчанія къ Москвѣ . . . и было у нихъ казаковъ крестное цѣлованіе не примыкать къ Астраханскому мятежу.

«Да, служа ему великому государю, вѣрно, послали они казаки, изъ Черкаскаго конныхъ казаковъ болѣе двухъ тысячъ съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ, . . . съ товарищи, которымъ приказано взять съ собою въ прибавку изъ Верховыхъ Городковъ, которые до Пашина отъ 10 по два человѣка, а за Пашинимъ по Дону и по Хопру, и по Медвѣдицѣ велѣно идти изо всякаго городка по половинѣ: у которыхъ казаковъ есть добрые лошади и тѣ бы были въ конницѣ, а безконные шибѣ судами . . . и всего въ томъ походѣ по смѣтѣ будетъ больше 10.000 человѣкъ» . . .

Но тотъ же Кругъ готовъ былъ вступить въ войну даже съ метрополіей, во имя защиты правъ республики. Такъ въ 1630 году, послѣ убійства царскаго посла Карамышева, собрался «сѣздъ» всего Войска, «шумѣли» на атамана «почему не побилъ и пословъ», ѣхавшихъ изъ Константинополя обратно въ Россію (черезъ Донъ); «все равно мы уже заворовали, съ Москвы хотъ сто тысячъ пришлютъ, то мы не боимся, соберемся въ одинъ городокъ . . . Донъ немедленно заключилъ оборонительный договоръ противъ Москвы съ Запорожской Республикой: «У Донскихъ де казаковъ съ запорожскими Черкасами приговоръ учиненъ таковъ: какъ приходу откуды чаять какихъ людей многихъ, имъ взаимно помогать, а Дону де, — заявляли казаки — намъ безъ крови не покидывать».

Войсковой Кругъ отнюдь не считалъ для себя обязательными дѣйствія и обѣщанія своихъ пословъ, если они не соответствовали наказу, который далъ Кругъ. Такъ въ 1632 году Донскіе послы, атаманы Богданъ Конинскій и Тимофей Яковлевъ Лебяжья—Шея, вынуждены были патриархомъ Филаретомъ присягнуть за Войско на вѣрность царю. Войско не утвердило ихъ акта, а писало: «а креста, Государя, цѣловати мы челобитчикомъ своимъ не писали, то они учинили не помня старины, своими молодыми разумы, безъ нашего Войскового совѣту и безъ приказу¹⁾ — И, въ 1638 году атаманъ Михаилъ Татариновъ на вопросъ въ посольскомъ приказѣ отвѣтилъ: «а въ помочъ де себѣ о воеводѣ и о ратныхъ людехъ съ нимъ отъ войска государю бити челомъ не наказано, и чево — де съ ними не приказано, и того де они и дѣлать не смѣютъ»²⁾ . . .

Суверенный въ дѣлахъ иностранныхъ Кругъ былъ въ равной степени верховнымъ органомъ Войска въ области внутренняго управленія и суда. Кругъ избиралъ всю администрацію Войска: Войскового Атамана, Войсковыхъ Есауловъ, «Войскового Дьяка», «Войскового толмача», и «подтолмача», пословъ (атамана, есаула и членовъ зимовыхъ и легкихъ станицъ), «выборныхъ посыльщиковъ» къ казачьимъ войскамъ и къ окрестнымъ народамъ, «мировщиковъ» въ Азовъ; войсковыхъ казаковъ и «старшинъ», которые посылались по городкамъ съ особыми порученіями Войска (такъ сказать, комис-

¹⁾ Сборн. Обл. В. Дон. Стат. Ком. т. XIII, с. 160 и сл.

²⁾ Дон. Дѣла, I, 709.

саровъ Войска); «походныхъ атамановъ» и полковниковъ при от-
правленіи «походнаго войска» и т. п. Въ XVIII вѣкѣ, при отъѣздѣ
войскового атамана въ столицу, Кругъ избиралъ «наказнаго атамана»,
временно исполнявшаго обязанности отсутствующаго атамана.
Когда званіе «старшихъ» стало почетнымъ званіемъ, которое оста-
валось за бывшими атаманами «походными, станичными (зимовой
станцы и т. п.) «боевыми и судовыми» полковниками и т. п., то
Кругъ избиралъ въ это званіе. Въ XVIII в. Кругъ избиралъ и по-
явившихся въ эту эпоху разнаго наименованія войсковыхъ чиновъ:
полиціи безопасности, торговой, по коннозаводству, питейному
дѣлу и т. п.

Выборы атамана происходили первое время безъ срока; пока
угоденъ Кругу. Но постепенно установилось правило выбирать ата-
мана на годъ. Неудобный атаманъ могъ быть «отставленъ» и даже
«скинутъ».

Такъ, въ 1675 г. Кругъ, не желавшій постройки крѣпости на
рѣкѣ Міусѣ, отговаривался малолѣтствомъ казаковъ въ Войскѣ, но
и тогда, когда собрался съездъ съ участіемъ верховыхъ казаковъ,
тянулъ дѣло, не давая отвѣта. Атаманъ Корнилъ Яковлевъ, собрав-
шій въ послѣдній разъ Кругъ, требовалъ отъ него рѣшительнаго
отвѣта. Казаки, не окончивши дѣла, стали снова расходиться; Кор-
нилъ сталъ укорять Кругъ и трехъ человекъ, непослушныхъ зашибъ
палкой. Тогда казаки бросились бить атамана, смѣнили его и вы-
брали атаманомъ Михаила Самарянина.

Болѣе серьезный характеръ имѣла смѣна атамана въ 1708 г.,
когда Булавинъ поднялъ возстаніе противъ метрополіи и, одновре-
менно, противъ казачьей старшины. Войска, подъ предводительствомъ
Войскового Атамана Лукьяна Максимова, были разбиты и Була-
винъ, со всѣмъ Войскомъ Донскимъ собрался, пришли подъ Чер-
касской, чтобы . . . прежнихъ бывшихъ старшинъ атамана Лу-
кьяна Максимова и при немъ будущихъ, которые съ нимъ чинили
неправду, отъ дѣла ихъ отставить и выбрать иныхъ старшинъ».)
Революционный Кругъ сообщалъ во всеобщее свѣдѣніе: и мы (Вой-
скомъ Донскимъ) приговорили ихъ воровъ (Лукьяна и старшинъ),
смотря по винѣ, казнить смертию и выбрали для управленія Вели-
каго Государства и нашихъ войсковыхъ дѣлъ Войскового Атамана
Кондратя Афанасьевича Булавина и старшинъ иныхъ . . .» Какъ
мы видимъ, возставая одновременно и противъ Руси, и противъ
собственной легальной власти, повстанцы старались соблюсти види-
мость законности. Подобный случай революціоннаго Круга и казни
атамана былъ исключительнымъ. Обычно же, довольно было неодоб-
ренія Кругомъ его предложенія, чтобы атаманъ «сдавалъ Атаман-
ство», не хотѣлъ «отаманить».

Срока для должности не было. Въ частности, Войсковые Ата-
маны неоднократно переизбирались на мало лѣтъ подрядъ, но еже-
годно бывала церемонія переизбирания, что бы атаманъ чувствовалъ
свою зависимость отъ Круга. Ничьего утвержденія на послѣдовав-
шее избраніе не требовалось, и первымъ ударомъ независимости и

¹⁾ Отписка Булавина и Войска Дон. къ войску Запорожцевъ, 17 мая 1708 г.

республиканскому устройству колоніи было утвержденіе Пе-
тромъ I Василія Фролова войсковымъ атаманомъ, по выбору Вой-
ска, впредь до нашего (царскаго) указу безпремѣнно».)¹⁾

При избраніи атамановъ, ежегодно, по большей частью въ но-
волѣтіе, старый атаманъ клалъ свою насѣку на землю или на столъ,
въ срединѣ Круга, и поклонившись на всѣ четыре стороны, отхо-
дилъ прочь. Выбранный въ атаманы вновь принималъ насѣку изъ
рукъ Войсковыхъ есауловъ, и, тоже поклонившись на всѣ стороны,
становился подъ Войсковое Знамя. Тогда почетные старики, стар-
шины, прикрывали его своими шапками и потомъ поднимавъ на руки,
по казачьему обычаю, качали».)²⁾

Всѣ безъ исключенія области внутренней жизни колоніи были
подчинены вѣдѣнію Круга. До начала XVIII вѣка политически
опаснымъ казалось для казачества занятіе земледѣліемъ, которое въ
Московскомъ Государствѣ вело къ закабаленію работника, поэтому
земледѣліе запрещалось на Дону. Еще въ 1689 г., казаки, «во время
съѣзда всѣхъ казаковъ, великихъ государей къ годовому жалова-
нію, послали по всѣмъ городкамъ войсковой свой приговоръ, что бы
никто и нигдѣ хлѣба не пахали и не сѣяли, а если стануть па-
хать, и тогда до смерти бить и грабить».) . . . Такимъ образомъ
Кругъ опредѣлялъ даже самый образъ добыванія средствъ къ
жизни.

Въ области церковнаго управленія Кругъ вѣдалъ всѣ дѣла по
сношенію, черезъ посольскій приказъ, съ Патріархомъ всея Руси,
которому Донъ былъ подчиненъ непосредственно въ дѣлахъ духов-
ныхъ. Кругъ выбиралъ «войсковыхъ» (т. е. главнаго городка) свя-
щенниковъ; черезъ него шли представленія станицъ на утверж-
деніе патріарха о выборѣ церковно — священнослужителей. Кругъ
разрѣшалъ постройку церквей и часовенъ иногда даже «безъ благо-
словенія св. патріарха по старому антимиусу. Онъ же вѣдалъ дѣла
монастырей, которые учредились на Дону, а въ XVI и XVII в. в.
къ нему обращались также и «били челомъ въ Кругу» представи-
тели Донскихъ казачьихъ монастырей, оказавшихся на царской тер-
риторіи (когда Правительственная колонизація обхватила ихъ со
всѣхъ сторонъ, подвигаясь къ югу отъ Воронежа). И до 1685 г.
заступничество Круга за эти монастыри принималось царями, кото-
рые давали монастырямъ жалованныя грамоты на имя Войска.

По военному и гражданскому управленію, которые не отдѣля-
лись первые полтора вѣка, одно отъ другого, Кругъ постановлялъ
приговоры, которые сообщались въ городки въ формѣ «войсковыхъ
грамотъ».

Писались эти грамоты такъ: «отъ Донскихъ Атамановъ-мо-
лодцовъ, отъ Фрола Минаевича, и отъ всего Великаго Войска
Донскаго вверхъ по Дону и по запольнымъ нашимъ рѣкамъ, го-
родокъ отъ городка, покаместъ нашъ казачій присудъ. Вѣдомо
вамъ, атаманы-молодцы будутъ» . . . Затѣмъ излагалось дѣло. Въ

¹⁾ Указъ 18 января 1718 г.

²⁾ Леопольдъ „Войсковой Кругъ“, „Дон. Войск. Вѣд.“ 1862, N 26—27.

³⁾ Дружининъ, с. 16.

началъ XVIII вѣка писали: «По приговору всего Великаго Войска Донскаго, а по приказу Войскаго Атамана» (имя и отчество, съ «вичемъ») «въ такую то станицу станичному атаману и всѣмъ станичнымъ молодцамъ». А въ концѣ шли слова: «а се печать и грамота войсковая».

Территорія, на которой распространялась власть Круга, называлась землей «казачьего присуда», т. е. компетенціи. Московское — же Государство и сосѣди звали ее, то «землей Донскихъ казаковъ», то «землей Войска Донскаго».

Войсковыя грамоты были слѣдующія. Амнистія, данная Кругомъ, находила выраженіе въ прощальной грамотѣ. Разрѣшеніе на жительство въ предѣлахъ Войска — «жилая грамота». Паспортъ — «проѣзжая грамота». Предупрежденіе о грозящей опасности и о мобилизаціи — «опасная грамота». Приказъ Войска присягать новому царю (съ 1676 г.) «войсковая о послушаніяхъ грамота».

Объявившимъ желаніе завести новую станицу и построить новый городокъ Кругъ выдавалъ «заимную грамоту». Когда «юртъ» былъ занятъ и состоялось соглашеніе съ станицами сосѣднихъ городковъ, то разграниченіе юртовъ утверждалось «разводной грамотой». Царю посылались «войсковыя отписки», посламъ съ Дону давались указы — «войсковыя правыя письма». О пріѣздѣ на Кругъ казаковъ изъ городковъ посылались войсковыя для съѣзду письма».

Кругъ разрѣшалъ заемъ новыхъ юртовъ, судилъ и рѣшалъ споры между станицами и исправлялъ, по отдѣльнымъ случаямъ и челобитьямъ, общее теченіе административныхъ дѣлъ. Первая Войсковая Грамота, опредѣлявшая общее положеніе для управленія станицъ, была издана Кругомъ въ 1721 г. Въ ней мы встрѣчаемъ санкцію: «если же вы, о чемъ писано вамъ въ сей грамотѣ того исполнять не будете, то всеконечно Ваша станица будетъ разорена и выжжена безъ остатку, а атаманъ и лучшіе люди будутъ казнены смертью безъ всякой пощады и милосердія. Эта угроза за неповиновеніе — обычное заключеніе повелѣній Войска».

Въ 1685 г. атаманъ и Кругъ говорили привезшему царскую грамоту Никитину, что «указъ о томъ посланъ войсковой по всѣмъ Донскимъ городкамъ, чтобы никто къ польскому королю не ходилъ, а кто пойдетъ и имъ за то будетъ войсковая казнь».

Въ 1705 г.: были «посланы» во всѣ донскіе и верхніе городки съ нарочными посыльщиками войсковые ихъ письма съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, дабы . . . къ астраханскимъ ворами (т. е. измѣнникамъ) «не приставали . . .»

Кругъ исполнялъ въ высшей степени важную функцію распределенія между станицами субсидіи, которую давала колонія Россія. Кругъ утверждалъ представленіе станичныхъ сборовъ о зачисленіи въ Донскіе казаки т. н. «озимейныхъ казаковъ», «зажилыхъ бурлаковъ». Онъ же разрѣшалъ выѣзды казаковъ въ Московское государство (къ «родимцомъ», на богомолье, съ товаромъ и т. п.). Онъ же увольнялъ (въ XVIII в.) отъ дѣйствительной службы за болѣзнь, дряхлостью, ранами и т. п. Словомъ, всѣ области внутренней жизни Войска, какъ государства, какъ воен-

наго организма, какъ соціальной общины — подлежали вѣдѣнію Круга.

Наконецъ, Кругъ былъ не только законодателемъ и высшимъ административнымъ органомъ. Онъ также и судилъ гражданъ Войска за преступленія политическія, всѣ безъ исключенія, и главнѣйшія изъ уголовныхъ. Мы видѣли выше примѣры расправы Круга не только со своими гражданами, покушавшимися на суверенитетъ Войска, но съ пришлыми запорожцами и даже съ чужеземными послами. Въ своей дѣятельности Кругъ руководился неписанными нормами права, которое вырабатывалось жизнью въ теченіе вѣковъ, и касалось государственнаго, административнаго, уголовного, гражданскаго и торговаго права, государственной политики и т. д. Соединеніе этихъ положеній называлось «войсковымъ правомъ».

Но преимущественно этому выраженію придавалось значеніе карательной и судебной власти Войска. Право это всегда признавалось Москвою и было самодовлѣющимъ. Московское Правительство считало Донскихъ казаковъ подлежащими суду и наказанію только Войска. Въ 1625 г. Михайлъ Федоровичъ ссылался на существовавшій въ Войскѣ въ началѣ XVII в. «крѣпкой приказъ», «что куды пойдетъ безъ вѣдома Войскаго и тѣхъ казнивали смертью». «Царь просилъ ходившимъ (для разбоя) на Волгу и Яикъ казакамъ и впредь чинить наказаніе по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось.»¹⁾ «Даже въ 1671 г. требуя выдачи Разина, какъ врага Московскаго Государства, на расправу въ Москву, Алексѣй Михайловичъ просилъ Войско пушнымъ заводчикомъ (бунта) учинить указъ по войсковому праву.»²⁾

8 октября 1673 г. царь писалъ: «послать Вамъ, атаманамъ и казакамъ, вверхъ по Дону въ городки къ казакамъ листки свои съ жестокимъ своимъ казацкимъ правомъ, чтобы они бѣглыхъ ратныхъ людей къ себѣ не принимали.»³⁾

Въ XVIII вѣкѣ право суда также признавалось за Войскомъ. Появились въ обращеніяхъ Правительства выраженія: «по обыкности», «по казаческому обыкновенію» (1715), по «казачьему артикулу» (1764), но сохранилось и выраженіе: «по ихъ войсковому праву.»⁴⁾

Наказанія «по войсковому праву» отличались крайней жестокостью. Для городковъ — это было уничтоженіе, для отдѣльных лицъ — смертная казнь: «обезглавленіе», повѣшеніе, разстрѣливаніе изъ луковъ и пицалей, «сажаніе въ воду», посадивши предварительно «въ куль»; вѣшаніе «черезъ якорь» и т. п. Но въ Войскѣ не было палачей, и еще 1756 г. Войско сообщало петербургскому правительству: «никогда и никого Войска Донскаго казаковъ катъ (палачъ) не бьетъ, а наказываются насѣками и плетью самими же казаками.»⁵⁾

¹⁾ Дон. Дѣло т. I, с. 251—2.

²⁾ „Ист. Опис.“ с. 272.

³⁾ „Мат. для ист. В. Дон.“, с. 100.

⁴⁾ Акты, собр. Личнымъ, т. I, с. 181; т. II, с. 344—5, 365; т. III, с. 297; Труды Войск. Стат. Ком. т. II, 2872 г., мат. с. 17.

⁵⁾ Акты, т. II, с. 775.

Судъ Круга не былъ, конечно, чистымъ «самосудомъ», но имѣлъ съ нимъ не мало общаго. А. А. Леоновъ, описавшій Кругъ въ эпоху, когда Донскіе патріоты идеализировали старину, видѣлъ во всенародномъ судебномъ разбирательствѣ на Кругѣ нѣчто вродѣ суда присяжныхъ, суда народной совѣсти, начала гласности, публичности. Но нельзя не признать эту форму суда крайне примитивной. Въ отличіе отъ Малороссіи и Запорожья, гдѣ создались помимо атамана, есаула и «войскового писаря», должность «войскового судьи», Донъ не имѣлъ ни судьи, ни войскового суда, но т. к., Кругъ могъ заниматься даже по отношенію къ столицѣ Войска лишь главнѣйшими судебными дѣлами, то уже довольно рано сталъ создаваться при станичныхъ атаманахъ судъ стариковъ, станичныхъ судей. И Кругъ для ряда дѣлъ превратился въ апелляціонную инстанцію. Здѣсь не мѣсто излагать исторію Донского уголовного права и судопроизводства. Но судъ по главнѣйшимъ уголовнымъ преступлениямъ принадлежалъ Кругу и къ нему на судъ присылали отовсюду обвиняемыхъ въ измѣнѣ, трусости, убійствѣ, грабежѣ, насиліи.

Иногда, въ виду выхода отряда на царскую службу, откуда высылка въ Войско виновныхъ была бы затруднительна, Войско давало разрѣшеніе «походному войску» казнить за преступленія, не посылая обвиняемыхъ на судъ Круга. Такъ, въ 1705 г. писали изъ Войска, чтобы «походное войско (и старшины), буде приличатся къ... бунтовщикамъ изъ нашихъ... казаковъ, не обсылая къ намъ, въ Черкасское, чинили бы ворами и бунтовщикамъ на Царицынѣ смертную казнь по нашей обычности, вѣшали бъ за ноги.¹⁾

Слово «казачій присудъ», обозначающее государственную-правовую компетенцію войска въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, обозначало судебную компетенцію войска.

Итакъ, въ періодъ 1549—1721 г. Донской Войсковой Кругъ былъ народнымъ собраніемъ непосредственной Демократической Республики, единой и нераздѣльной. Въ 1721 г. Донъ изъ государства сталъ провинціей Россійской Имперіи. Съ 1721 г. до 1917 г. Донъ пережилъ длинную и сложную эволюцію. Войсковой Кругъ не былъ уничтоженъ, но теряя постепенно свое политическое значеніе, онъ превратился въ блѣдный символъ, самый смыслъ котораго начиналъ утрачиваться. Но память о былой мощи Круга жила въ душѣ Донскихъ патріотовъ, и революція 1917 года принесла возрожденіе Круга, какъ органа краевой, а потомъ государственной власти, на этотъ разъ на основѣ представительства.

¹⁾ „Ист. Опис.“, с. 358.

ЧАСТЬ II. ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ И АВТОНОМІЯ ДОНА ВЪ ЭПОХУ ИМПЕРІИ (1721—1717).

Глава I.

Судьбы Круга въ эпоху Государственной автономіи.

Эпоха Имперіи въ Государствѣ Россійскомъ совпала случайно съ тою эпохою въ исторіи Донского края, когда онъ былъ провинціей Россіи. За эти, безъ малаго, двѣсти лѣтъ державныя права Донской земли и ея сувереннаго органа — Войскового Круга — пережили долгую эволюцію. Медленно и неохотно, уступая силѣ времени, а иногда и силѣ оружія, исчезало изъ жизни историческое донское право. Обломки донской автономіи, съ трудомъ распознаваемые юридическія руины, дожили до великой революціи. Смыслъ ихъ былъ утраченъ для тѣхъ, кто не зналъ государственнаго прошлаго Донской земли. Равнымъ образомъ и Войсковой Кругъ изъ бурнаго, но властнаго вѣча превратился въ блѣдный, хотя и величественный, символъ.

Въ 1721 году Донъ пересталъ быть государствомъ и сталъ провинціей Россійской Имперіи. Здѣсь не мѣсто излагать исторію взаимоотношеній Дона и Россіи, съ точки зрѣнія государственной-правовой. Укажемъ лишь вкратцѣ, что съ 1549-го по 1721 годъ государственное-правовое положеніе Дона мѣнялось и въ 1614 и 1671 годахъ. Все время Донъ оставался Республикой: съ 1549 по 1614 г. независимой, съ 1614 по 1671 г. — вассальной. Послѣ присяги 1671 г. войдя юридически въ составъ Государства Россійскаго, Донъ пользовался государственной автономіей, сохраняя всѣ свои учрежденія и ведя сношенія съ окрестными народами (кромѣ Турціи, Польши и Крыма).

Въ промежуткѣ между 1671 и 1721 г. г. произошли слѣдующія измѣненія въ правовомъ положеніи республики: въ области внѣшнихъ сношеній — въ 1703 г., когда Петръ I поставилъ внѣшнія сношенія Войска подъ контроль Азовскаго, а затѣмъ и Воронежскаго губернатора, облеченнаго особыми полномочіями по дѣламъ пограничнымъ. Въ области внутренней жизни: въ 1671 г. утрачено право политическаго убѣжища, въ 1705 г. — и право убѣжища для бѣглыхъ рабовъ, военнотружениковъ и т. п.; въ 1707 г. — право обращеній непосредственно къ царю по текущимъ дѣламъ Войска; съ 1700 по 1718 г. выборы атамана происходятъ подъ вліяніемъ императорской власти; въ 1718 г. отмѣнены ежегодные перевыборы атамана, вслѣдствіе утвержденія Атамана, из-

браннаго Кругомъ, «по смерти», «безперемѣнно»; въ 1718 г. изданъ, а въ 1720 г. подтвержденъ указъ о передачѣ церковнаго управленія на Дону изъ вѣдѣнія патриарха въ вѣдѣніе Воронежскаго епископа. Наконецъ, въ 1723 году, Петръ I отказалъ въ утвержденіи избранному Кругомъ войсковому атаману Краснощекову и повелѣлъ: «въ атаманахъ быть впредь до нашего указа изъ старшинъ Андрею Лопатину.»

Однако, съ точки зрѣнія юридической, Донъ пересталъ быть государствомъ не въ 1723 г., а въ 1721 году. Указомъ 3-го марта 1721 года Петръ I повелѣлъ: «Донскимъ казакамъ во всѣхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи Военной Коллегіи.» Такимъ образомъ, во-первыхъ, сношенія съ Дономъ черезъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ (Посольскій приказъ, а съ 1718 г. черезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ) прекращались; во-вторыхъ, всѣ дѣла, касающіяся Дона («по всѣмъ управленіямъ»), сосредоточивались въ Военной Коллегіи. Отнынѣ Донъ разсматривался, какъ провинція, а не какъ государство. И Войско Донское оставалось лишь въ качествѣ общины казаковъ, уже не вольныхъ, а служилыхъ, пользующейся извѣстнымъ самоуправленіемъ. Ни одно изъ учрежденій Дона не было уничтожено, но соотношеніе силъ между ними измѣнилось. Нормы имперскаго права не были примѣнены къ Дону. Онъ продолжалъ жить на основѣ своего собственнаго, никѣмъ не дарованнаго, никѣмъ не утвержденнаго права. Его государственная автономія смѣнилась областной автономіей, просуществовавшей до 1775 г.

Періодъ областной автономіи, начавшійся съ 1721 г., длился собственно до 1835-го года, когда издано было въ первые, въ формѣ имперскаго закона, сепаратное «Положеніе объ управленіи Войска Донскаго». — Однако, уже въ 1775 году, Екатериной II былъ нанесенъ весьма серьезный ударъ Донской Областной Автономіи.

Превращеніе Дона изъ Государства въ Провинцію было подготовлено Правительственными актами Центральной Власти, о которыхъ бѣгло упомянуто выше. Но и во внутренней жизни Дона, во второй половинѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка происходили измѣненія, которыя облегчили Центральному Правительству уничтоженіе Донской Государственности. Измѣненія эти касались, во-первыхъ, социальнаго состава донскаго населенія, во-вторыхъ, органовъ власти на Дону.

Оба эти вопроса заслуживаютъ специальныхъ изслѣдованій. Здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, что, единая вначалѣ масса донскаго казачества, во второй половинѣ XVII в. раскололась на три неравныя части: старшинъ, «домовное» казачество и «голыдбу». Старшины (бывшіе атаманы: войсковые, походные, станичные; «боевые» и «судовые» полковники, походные полковники; бывшіе войсковые дьяки и т. п.), являлись вождями казачества и сохраняли свой авторитетъ и послѣ сложенія съ себя полномочій, которыми надѣлили ихъ Кругъ. Съ середины XVII вѣка этихъ «знатныхъ», т. е. всѣмъ въ Войскѣ извѣстныхъ казаковъ, стали именовать «старшинами».

Хранители традицій: военныхъ, политическихъ и юридическихъ, — старшины пользовались вліяніемъ не только благодаря ихъ опыту, но и въ силу экономической мощи, которая понемногу сосредоточивалась въ ихъ рукахъ (добыча, скотъ, лошади, оружіе). Терскій атаманъ Иванъ Кукля, покровительствовавшій бѣжавшей къ нему съ Дону «голыдбѣ», называлъ въ 1688 г. донскихъ старшинъ «станичными бояры и воеводы», а укrywшійся съ Дону на Терекѣ, бывшій на Дону станичнымъ атаманомъ Мурзенокъ грозился вернуться на Донъ и у «войсковыхъ старшинъ головы рѣзать, и бородами связывать и черезъ якору вѣшать».¹⁾

Такимъ образомъ, социальный антагонизмъ обозначился рѣзко уже въ послѣдней четверти XVII вѣка. Эта эпоха наполнена борьбою двухъ партій, образовавшихся въ составѣ Войска и его выразителя — Круга. Это была партія т. н. московская, или старшинская; другая партія получила случайное названіе «раскольничьей». Послѣдняя состояла въ значительной степени изъ «голыдбы», изъ пролетарскаго «новаго» казачества, изъ «молотчихъ людей». Эта группа Донскаго населенія состояла изъ «новоприходцевъ», бѣглыхъ рабовъ, стрѣльцовъ, старообрядцевъ, изъ тѣхъ, кого заставили бѣжать на Донъ крѣпостное право, «лихіе бояре», приказная неправда и религіозныя гоненія.

Пролетарское казачество не находило себѣ пропитанія на Дону. Жалованья еле хватало и «старымъ казакамъ». Земледѣліе было запрещено. Охота не могла прокормить всѣхъ. Скотъ и «зипунъ» и прочую «здобычъ» могла бы дать война. Но метрополія наложила руку на главнѣйшія внѣшнія сношенія Войска. Оставался разбой на Каспій и попытка социальной революціи въ Россіи. Разинъ испыталъ сперва одно, потомъ другое средство. Къ моменту его выступленія, «голыдбы» набралось на Дону столько, что Разинъ могъ сказать войсковому атаману многозначительныя слова: «ты владѣи своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ войскомъ».²⁾ «Голыдба» ненавидѣла московскіе порядки и горячо поддерживала донскія вольности и донскую независимость, стояла за свободу вѣры (за старый обрядъ) на Дону, но готова была перейти и въ нападеніе противъ метрополіи.

Московская старшинская партія тянула къ Москвѣ. Во время пріѣзда старшинъ въ Москву за ними очень ухаживали бояре. Послы потихоньку возили имъ подарки на Донъ. Но не грубый подкупъ заставлялъ казачью старшину обращать свои взгляды къ Москвѣ. Ихъ социально-экономическіе интересы начинали уже отдѣляться отъ интересовъ донской общины. Переходъ отъ охоты къ скотоводству, а позже и къ земледѣлію; накопленіе богатствъ въ рукахъ старшинъ, пользование рабскимъ и наемнымъ трудомъ для охраны табуновъ и стадъ, для обработки земли, для личныхъ услугъ; захватъ земель войсковыхъ и станичныхъ; взиманіе процентовъ за ссуженный рядовымъ казакамъ капиталъ, — все это создавало для старшинъ особое положеніе въ средѣ нѣкогда единого

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. XII, 271, 280.

²⁾ Мат. для ист. возмущ. м. 1857 с. 196.

браннаго Кругомъ, «по смерти», «безперемѣнно»; въ 1718 г. изданъ, а въ 1720 г. подтвержденъ указъ о передачѣ церковнаго управленія на Дону изъ вѣдѣнія патриарха въ вѣдѣніе Воронежскаго епископа. Наконецъ, въ 1723 году, Петръ I отказалъ въ утвержденіи избранному Кругомъ войсковому атаману Краснощекону и повелѣлъ: «въ атаманахъ быть впредь до нашего указа изъ старшинъ Андрею Лопатину.»

Однако, съ точки зрѣнія юридической, Донъ пересталъ быть государствомъ не въ 1723 г., а въ 1721 году. Указомъ 3-го марта 1721 года Петръ I повелѣлъ: «Донскимъ казакамъ во всѣхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи Военной Коллегіи.» Такимъ образомъ, во-первыхъ, сношенія съ Дономъ черезъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ (Посольскій приказъ, а съ 1718 г. черезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ) прекращались; во-вторыхъ, всѣ дѣла, касающіяся Дона («по всѣмъ управленіямъ»), сосредоточивались въ Военной Коллегіи. Отнынѣ Донъ разсматривался, какъ провинція, а не какъ государство. И Войско Донское оставалось лишь въ качествѣ общины казаковъ, уже не вольныхъ, а служилыхъ, пользующейся известнымъ самоуправленіемъ. Ни одно изъ учрежденій Дона не было уничтожено, но соотношеніе силъ между ними измѣнилось. Нормы имперскаго права не были примѣнены къ Дону. Онъ продолжалъ жить на основѣ своего собственнаго, никѣмъ не дарованнаго, никѣмъ не утвержденного права. Его государственная автономія смѣнилась областной автономіей, просуществовавшей до 1775 г.

Періодъ областной автономіи, начавшійся съ 1721 г., длился собственно до 1835-го года, когда издано было въ первые, въ формѣ имперскаго закона, сепаратное «Положеніе объ управленіи Войска Донскаго». — Однако, уже въ 1775 году, Екатериной II былъ нанесенъ весьма серьезный ударъ Донской Областной Автономіи.

Превращеніе Дона изъ Государства въ Провинцію было подготовлено Правительственными актами Центральной Власти, о которыхъ бѣгло упомянуто выше. Но и во внутренней жизни Дона, во второй половинѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка происходили измѣненія, которыя облегчили Центральному Правительству уничтоженіе Донской Государственности. Измѣненія эти касались, во-первыхъ, социальнаго состава донскаго населенія, во-вторыхъ, органовъ власти на Дону.

Оба эти вопроса заслуживаютъ специальныхъ изслѣдованій. Здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, что, единая вначалѣ масса донскаго казачества, во второй половинѣ XVII в. раскололась на три неравныя части: старшинъ, «домовное» казачество и «голыдбу». Старшины (бывшіе атаманы: войсковые, походные, станичные; «боевые» и «судовые» полковники, походные полковники; бывшіе войсковые дьяки и т. п.), являлись вождями казачества и сохраняли свой авторитетъ и послѣ сложенія съ себя полномочій, которыми надѣлили ихъ Кругъ. Съ середины XVII вѣка этихъ «знатныхъ», т. е. всѣмъ въ Войскѣ известныхъ казаковъ, стали именовать «старшинами».

Хранители традицій: военныхъ, политическихъ и юридическихъ, — старшины пользовались вліяніемъ не только благодаря ихъ опыту, но и въ силу экономической мощи, которая понемногу сосредоточивалась въ ихъ рукахъ (добыча, скотъ, лошади, оружіе). Терскій атаманъ Иванъ Кукля, покровительствовавшій бѣжавшей къ нему съ Дону «голыдбѣ», называлъ въ 1688 г. донскихъ старшинъ «станичными бояры и воеводами», а укрывшійся съ Дону на Терекъ, бывший на Дону станичнымъ атаманомъ Мурзенокъ грозился вернуться на Донъ и у «войсковыхъ старшинъ головы рѣзать, и бородами связывать и черезъ якору вѣшать».¹⁾

Такимъ образомъ, социальный антагонизмъ обозначился рѣзко уже въ послѣдней четверти XVII вѣка. Эта эпоха наполнена борьбою двухъ партій, образовавшихся въ составѣ Войска и его представителя — Круга. Это была партія т. н. московская, или старшинская; другая партія получила случайное названіе «раскольничьей». Последняя состояла въ значительной степени изъ «голыдбы», изъ пролетарскаго «новаго» казачества, изъ «молотчухъ людей». Эта группа донскаго населенія состояла изъ «новоприходцевъ», бѣглыхъ рабовъ, стрѣльцовъ, старообрядцевъ, изъ тѣхъ, кого заставили бѣжать на Донъ крѣпостное право, «лихіе бояре», приказная неправда и религіозныя гоненія.

Пролетарское казачество не находило себѣ пропитанія на Дону. Жалованья еле хватало и «старымъ казакамъ». Земледѣліе было запрещено. Охота не могла прокормить всѣхъ. Скотъ и «зипунъ» и прочую «здобычу» могла бы дать война. Но метрополія наложила руку на главнѣйшія внѣшнія сношенія Войска. Оставался разбой на Каспій и попытка социальной революціи въ Россіи. Разинъ испыталъ сперва одно, потомъ другое средство. Къ моменту его выступленія, «голыдбы» набралось на Дону столько, что Разинъ могъ сказать войсковому атаману многозначительныя слова: «ты владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ войскомъ».²⁾ «Голыдба» ненавидѣла московскіе порядки и горячо поддерживала донскія вольности и донскую независимость, стояла за свободу вѣры (за старый обрядъ) на Дону, но готова была перейти и въ нападеніе противъ метрополіи.

Московская старшинская партія тянула къ Москвѣ. Во время пріѣзда старшинъ въ Москву за ними очень ухаживали бояре. Послы потихоньку возили имъ подарки на Донъ. Но не грубый подкупъ заставлялъ казачью старшину обращать свои взгляды къ Москвѣ. Ихъ социально-экономическіе интересы начинали уже отдѣляться отъ интересовъ донской общины. Переходъ отъ охоты къ скотоводству, а позже и къ земледѣлію; накопленіе богатствъ въ рукахъ старшинъ, пользованіе рабскимъ и наемнымъ трудомъ для охраны табуновъ и стадъ, для обработки земли, для личныхъ услугъ; захватъ земель войсковыхъ и станичныхъ; взиманіе процентовъ за ссуженный рядовымъ казакамъ капиталъ, — все это создавало для старшинъ особое положеніе въ средѣ нѣкогда единого

¹⁾ Дон. къ Акт. Ист. XII, 271, 280.

²⁾ Мат. для ист. возмущ. и. 1857 с. 196.

казачества. Стремление старшинъ стать независимыми отъ казачьей массы; желаніе обезпечить обработку своихъ земель принудительнымъ трудомъ крѣпостныхъ; жажда почета соответственно создавшемуся социальному положенію, — все это заставляло казачьихъ старшинъ оглядываться невольно на Москву, вздыхать о дворянскомъ званіи, о титулахъ, о правѣ владѣнія крѣпостными.

Третій элементъ донского населенія, — «домовое» казачество, «старое», обладавшее недвижимостью, скотомъ, хозяйствомъ, стояло между этими двумя крайними группами. Говоря языкомъ марксистовъ, это была «буржуазная демократія» Дона, его основное политическое ядро. «Домовое» казачество весьма чувствовало религиозную связь съ метрополіей, видѣла въ царѣ общенациональнаго вождя, цѣнило субсидію, получаемую колоніей отъ метрополіи. «Голыдыба», озлобленная на религиозныя преслѣдованія, расширяла свой протестъ до борьбы съ Московскимъ государствомъ. Правильно писалъ о ней кн. В. В. Голицыну казакъ Янъ Грекъ: «тѣ, которые суть противники апостольской церкви не есть рабы великихъ государей...»¹⁾ Въ 1675 г. «голыдыба» грозилась: «если государь приплететъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ, и старшинъ, которые съ Разинымъ не были и Государю доброхотствуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали»²⁾. «Вѣсти» въ Москву разсматривались, какъ измѣна Дону.

Старшины объясняли по этому поводу воеводѣ кн. Хованскому, что это «нѣкоторые пьяницы казаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться» и обнадеживали его, не безъ основанія, что «у казаковъ въ нижнихъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало».

Экономическая независимость Дона отъ Москвы сыграла роковую роль въ дѣлѣ потери независимости. Экономическую блокаду примѣняли къ Дону и Борисъ (1600—1604), и Михаилъ (1625—1627, 1630—1632), но безуспѣшно. Блокада 1669—71 г. г. при Алексѣѣ вынудила «домовое» казачество присягнуть царю, хотя «молотчѣ» люди три дня боролись въ Кругу противъ этого.

Расколъ, противъ воли своей, принялъ характеръ борьбы съ Московскимъ государствомъ. Старообрядцы, путемъ гоненій превращенные въ политическихъ эмигрантовъ, искали убѣжища на Дону. Въ партіи независимости они нашли друзей и защитниковъ. Къ этой партіи принадлежали Самойло Лаврентьевъ, бывший войсковой атаманъ, старшина К. Чюрносковъ и другіе «домовые» казаки. Въ Кругу шла рѣзкая борьба обѣихъ партій, причемъ (въ 1671—1688 г. г.) Московской партіи приходилось плохо, и она искала защиты въ письмахъ въ Москву къ боярамъ, подстрекала Воронежскаго воеводу «управиться» съ раскольниками въ соседнихъ казачьихъ городкахъ. Но воевода помнилъ о «казачьемъ присудѣ» Донской земли и отвѣчалъ, что на р. Медвѣдицѣ ему «изгономъ про-

¹⁾ Дон. къ Авг. Пест. т. XIII (1688);

²⁾ Соловьевъ, т. XII изд. 3.

мыслу и посылки учинить не мочно потому, чтобы не возмутить всѣмъ Дономъ отъ тово дѣла».

Москва, долго наблюдавшая, увидѣла, что дѣло серьезно, когда стали приходиться вѣсти, что на Дону, подъ вліяніемъ раскольниковъ перестали въ «войсковой бесѣдѣ» (трапезѣ послѣ Круга) «про государское здравіе заздравныя чаши пить, о государскомъ здравіи древніе обычай отставили, три года (1684—1687) на церковной службѣ не поминали государей, и духовенство, и русское воинство. Тогда московская партія получила поддержку. Москва потребовала выдачи вождей партіи независимости: имъ ставили въ вину угрозы идти на Москву, фразы: «Куды де намъ идти на Крымскаго, надобно де тутъ первое отчистить; лучше де нынѣ Крымской (ханъ) нежели наши цари на Москвѣ».

Экономическая зависимость отъ Москвы рѣшила дѣло. Послѣ страстной борьбы въ Кругу «всѣмъ Войскомъ закричали: зачѣмъ де намъ его, Самойла (Лаврентьева), съ его единомышленники не отдать. Но не помереть бы намъ голодною смертью для ихъ». . . . 10 мая 1688 г. на Красной площади, подъ топоромъ московскаго палача, упали головы вождей донской партіи независимости, въ томъ числѣ и бывшего войскового атамана. Старшинская партія взяла верхъ.

Органомъ власти и вліянія старшинъ былъ неофициальный совѣтъ или «сборъ» старшинъ при атаманѣ. Полную аналогію ему въ учрежденіяхъ Украины мы находимъ въ т. н. «тайной радѣ», которую держалъ обычно «съ полковниками» гетманъ войска Запорожскаго, прежде чѣмъ учинить «явную раду всего войска», «всего народа»¹⁾.

Еще въ 1592 году были казачьи протесты, что въ царской грамотѣ не были упомянуты атаманы «имянно», т. е. по имени. Въ 1613—1614 г. г. изъ Москвы писали грамоты, поминая кромѣ войскового, еще 2, 3 и даже 7 именъ атамановъ. Въ 1623 г. предписывалось послу призвать (на Дону) къ себѣ, «лутчихъ атамановъ Исая Мартемьянова да Елиху Родилова и иныхъ атамановъ, и есауловъ, и казаковъ старыхъ и лутчихъ, которыхъ Войско слушаетъ»²⁾. «Здѣсь очень точно описана группа, получившая съ 1640 г. названіе «старшины». Въ 1644 г. посланецъ Томила Карякинъ доноситъ царю о томъ, что онъ «слышалъ на Дону у атамана Ивана Каторжнаго и у его совѣтниковъ»³⁾. «О 1646 годѣ имѣется извѣстіе, что плѣнныхъ турокъ «резепрашивали старшины одни, (войсковой атаманъ) Осипъ Петровъ, съ товарищи, тайнымъ дѣломъ»⁴⁾.

Вліяніе этого неофициальнаго «совѣта старшинъ» было громадно еще во времена народоправства. Не только всѣ военные планы разрабатывались въ немъ, но и всѣ дѣла гражданскаго быта, подлежащія обсужденію въ Кругу. Голосъ старшинъ не былъ обяза-

¹⁾ Соб. Гос. грам. и Док., т. III. 494.

²⁾ Пест. опис., с. 122.

³⁾ Дон. Дѣла, II. 702.

⁴⁾ Дон. Дѣла, т. III. с. 70.

теленъ для атамана, еще менѣе для Круга. Но онъ имѣлъ и на атамана и на Кругъ сильнѣйшее вліяніе.

Несомнѣнно, вопреки голосу старшинъ и атамана, Кругъ поступилъ вопреки царской волѣ въ 1674 г., когда онъ отвергъ царское повелѣніе о постройкѣ крѣпости на Миусѣ. Въ 1686 г. Войско самостоятельно «замприлось съ крымскими и азовскими людьми и черкасы по своему войсковому обычаю», хотя въ 1671 г. и отказалось отъ сношеній съ Крымомъ. Въ 1689 году повелѣно было войсковому атаману Фролу Минаеву принять начальство надъ походнымъ войскомъ, но Кругъ, находя его отсутствіе на Дону необходимымъ, выбралъ въ походные атаманы Ивана Семенова, вопреки волѣ царя.

Каковы были результаты старшинскаго правленія за 20 лѣтъ (1687—1707) видно изъ двухъ документовъ: похвальной грамоты Войску (21 февр. 1706 г.) и грамоты революціоннаго войскового атамана Булавина (2 мая 1708 г.). Похвальная грамота дана была казакамъ «за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо которую учинили въ 1705 г. въ возмущеніе астраханское,—на вѣчную имъ, и дѣтямъ ихъ и сродникамъ славу.» Перечисливши походы и службы при Алексѣѣ Михайловичѣ и его пріемникахъ, грамота гласила: «а которые изъ Донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ, великому государю, свое обѣщаніе и заповѣди святыхъ апостольскихъ соборныхъ церкви, и явились въ расколъ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣхъ они, по вѣрной своей къ намъ службѣ, казнили смертію и ни до какова злора намеренія тѣхъ возмутителей не допустили, а иныхъ ради подлиннаго розыску, перелоя, присылали къ намъ, великому государю, къ Москвѣ» . . . А когда мятежные астраханцы прислали на Донъ «прелестныя воровскія ложныя письма,» желая присовокупить и . . . Войско Донское «къ своему воровству», то войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ знатною и разумною старшиною и съ прочими добрыхъ сердецъ казаками, «подсылщиковъ и съ прелестными письмами, оковавъ», прислали къ Москвѣ. Кромѣ того, «заказъ учинили крѣпкой» не приставать къ астраханскому «воровству», «подъ смертнымъ страхомъ».

Составъ Круга 1705 года вскрывается словами грамоты: атаманъ со . . . старшиною и съ прочими добрыхъ сердецъ казаками. Очевидно, партія независимости была уже настолько задавлена, что ея голосъ не звучалъ въ Кругѣ. Врядъ ли для созыва Круга 1705 г. были посланы «въ верховые городки войсковые для съѣзду письма». Врядъ ли даже очень значительно было участіе въ Кругѣ казаковъ и одиннадцати станицъ главнаго городка. Это видно изъ того, что запрещеніе («крѣпкіе войсковые указы») послали «въ донскіе верховые городки» — «войсковою атаманъ и знатная старшина, съ добраго и усердно радѣтельнаго своего совѣту. И такъ, совѣтъ атамана и старшинъ, уже въ 1705 г., рѣшалъ и разсылалъ отъ имени Войска грамоты, прочитанныя, вѣроятно, для формы передъ Войскомъ, которое изображали лишь «добрыхъ сердецъ» казаки.

2-го мая 1708 г. избранный революціоннымъ Кругомъ въ атаманы Булавинъ сообщалъ, «отпискою» на имя Петра I и его «полководцевъ» о смѣнѣ Лукьяна Максимова и старшинъ «за многія къ намъ, (казакамъ) неправды и разореніе, и всякіе нестерпимые налоги». Оказывалось, что старшины присваивали и казакамъ «въ дуванъ» (раздѣлъ) ничего не давали изъ ежегоднаго жалованія и изъ чрезвычайныхъ денежныхъ присылокъ (1706 г. — 20.000 р.) 1708 г. — 10.000 р. «Да они жъ, неправые старшины» не исполняли указа «о неприниманіи новопрішлыхъ съ Руси людей», и «о заимкѣ юртовъ безъ войскового вѣдома письма многія давали и за тѣ письма многія къ себѣ взятки брали». Одной рукою принимая бѣглыхъ, старшины другою рукою «неволею высылали въ Русь . . . многое число и старожилыхъ казаковъ и въ воду, ради своихъ взятокъ, сажали и по деревьямъ за ноги вѣшали женска полу и дѣвчья, тако жъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство надъ нашими женами и дѣтьми чинили, и городки многіе огнемъ выжгли, а пожитки наши они, старшины, на себя отбирали».

Такимъ образомъ возстаніе Булавина было направлено не только противъ метрополіи и ея вмѣшательства въ жизнь вольной колоніи, но и носило характеръ суда Войска, казачества, надъ старшинами. Правда, старшины сами были иногда не прочь поддерживать казаковъ противъ попытокъ Москвы присылать на Донъ чиновниковъ изъ Москвы,¹⁾ но, обычно, они уже въ это время дѣйствовали больше «безъ войскового совѣту», т. е. безъ Круга.

Интересно, что войсковая отписка заявляла, что Долгорукаго, посланнаго на Донъ «для выимки бѣглыхъ», «убилъ не одинъ Кондратей Булавинъ, (а) съ вѣдома общаго нашего со всѣхъ рѣкъ войскового совѣту» за дѣйствія Долгорукаго «вопреки указовъ». Отписка гласила, что «казаки по совѣту всѣмъ Войскомъ Донскимъ иного атамана (Булавина) и старшинъ, кто намъ, Войску, годны и любы, выбрали».

Итакъ, возстаніе Булавина было направлено противъ метрополіи и одновременно противъ засилья «неправыхъ» старшинъ, на защиту донскаго народоправства и рядового казачества.

Чудовищный разгромъ, который потерпѣлъ Донъ въ столкновеніи съ метрополіей, рѣшилъ судьбы Донской демократіи и въ политическомъ, и въ социальномъ отношеніи. Чрезвычайно символична сцена, разыгравшаяся въ Черкасскомъ городкѣ 19 апрѣля 1709 года на войсковомъ «майданѣ» (мѣстѣ собранія Круга). Въ этотъ день Петръ I, прибывшій на Донъ, повелѣлъ «взоткнуть на колъ» засушенные головы обоихъ атамановъ революціоннаго времени, Булавина, покончившаго съ собою при арестѣ, и Зерщикова, который его арестовывалъ, но, несмотря на это, былъ взятъ въ Москву и обезглавленъ. «Поверхность» Россійская надъ Дономъ, суверени-

¹⁾ Въ 1703 г. старшины пожимали столыничамъ Пушкину и Кологривову «сдѣлать перепись казаковъ»; въ 1706 г. поддержали Булавина, какъ бахмутскаго атамана, когда онъ пожималъ дякону Горчакову отобрать у донцовъ солеварни. Они же подстрекнули Булавина къ расправѣ съ кн. Долгорукинымъ (1707 г.).

тетъ метрополіи надъ вольной колоніей, были продемонстрированы весьма наглядно. Затѣмъ была осуществлена программа, предложенная кн. Вас. Долгорукимъ, усмирителемъ Дона, «сеи сарыни», которая ничѣмъ «кромѣ жесточи не можетъ унята быть». Жестокости было проявлено достаточно. Десятки городковъ были стерты съ лица земли. Многія тысячи казаковъ казнены или бѣжали въ эмиграцію, на Кубань.

Долгорукій предлагалъ: 1. «опредѣленіе (расправу) съ ними сдѣлать, чтобы и впредь имъ нельзя (было) не токмо дѣлать, (но) и мыслить»; 2. «вольности у нихъ убавить»; 3. которые городки вновь поселились верхніе близъ нашихъ городовъ, — чтобы конечно (окончательно) у нихъ отнять. «... Определеніе» и аннексія 1.000.000 десятинъ къ российскимъ губерніямъ были сдѣланы. Затѣмъ Петръ I предписалъ Долгорукому: «когда будешь въ Черкасскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобы выбрали атамана добраго человѣка, Долгорукій возражалъ, что на Дону «всѣ измнили сплошь»... «въ лице выберутъ дураковъ, а сами изъ за нихъ воруютъ»... «Одно средство — оставить въ Черкасскѣ полкъ солдатскій.» Петръ высказался противъ военной оккупации столицы Дона, все равно до нея отъ Азова (тогда царской крѣпости) было лишь 30 верстѣ.

«Добрый человѣкъ» былъ выбранъ въ лицѣ Петра Рамазанова. По словамъ Крюка, еще въ 1700 году Лукьянъ Максимовъ былъ «выбранъ вольными голосами, но утвержденъ». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Рамазановъ былъ избранъ (въ 1709 г.) по желанію Петра и до смерти не былъ смѣняемъ Кругомъ. Оставалось «вольности у нихъ убавить». Петръ I и здѣсь предпочелъ не уничтожать Круга, а оказывать на Войско воздѣйствіе неформальное. Кругъ, послѣ 1709 года, сталъ собираться лишь нѣсколько разъ въ году, да и то болѣе для одобренія того, что было уже рѣшено атаманомъ и старшинами. Атаманъ, зависѣвшій ранѣе отъ ежегоднаго переизбранія, чувствуя поддержку высочайшей власти и центрального правительства, сразу выросъ въ смыслѣ своего значенія. Соответственно умалилось значеніе Круга. Все больше и больше сталъ замѣщать Кругъ, для рѣшенія текущихъ дѣлъ, неформальный совѣтъ старшинъ въ «войсковой избѣ».¹⁾

Глава II.

Кругъ въ эпоху областной автономіи (1721—1775).

Кругъ и Граждан. Правительство (1775—1797).

Въ 1715 г. комендантъ Транжаменты (царской крѣпости, построенной на донской территоріи, близъ Черкаскаго, взамѣнъ сданнаго въ 1713 г. туркамъ Азова) доносилъ: «послѣ погребенія Емельянова» (Рамазанова) «по ихъ обыкновенію былъ войсковой Кругъ для избранія атамана. Собрались всѣ станицы и большая

¹⁾ „Войсковая изба“ — терминъ, собственно, янцкій, не донской.

часть приговорила быть атаманомъ изъ старшинъ Василю Фролову», (кандидату центральной власти), «меньшая же часть стояла за старшину Максима Кумшацкаго; однако жъ рѣшено было у нихъ быть войсковымъ атаманомъ Кумшацкому и насѣку ему вручили впредь до указа». Въ 1718 году Кругъ избралъ, наконецъ, Василю Фролова, сына знаменитаго Фрола Минаева. И Войско «просило для подтвержденія того себѣ указу, понеже имъ безъ войскового атамана пробыть невозможно»... 18-го января 1718 г. дана была высочайшая грамота: «указали мы, великій государь, на Дону у васъ войсковымъ атаманомъ быть тебѣ, Василю Фролову, по выбору всего Войска Донского... впредь... до нашего указа бесперемменно...»

Этимъ указомъ правамъ Круга, донскому народовластію, нанесенъ былъ тяжкій ударъ. Когда Фроловъ «умре», то казаки «выбрали и учинили войсковымъ атаманомъ» Ивана Матвѣевича Краснощекова, героя войнъ съ турками и шведами. Петръ I, ссылаясь на то, что Краснощековъ состоялъ подъ судомъ «за взятіе у украинскихъ жителей вещей и денегъ», отказалъ въ утвержденіи. Но онъ и не предложилъ Кругу выбрать новаго атамана, а рѣшилъ вопросъ самъ. «Того ради — писалъ Петръ — наше императорское величество повелѣли въ атаманахъ быть впредь до нашего указа изъ старшинъ Андрею Лопатину.»

Такимъ образомъ, послѣднимъ выборнымъ атаманомъ (до 1917 г.) былъ Краснощековъ, и послѣднимъ атаманомъ, правившимъ по выбору Круга, былъ Василю Фроловъ. Лопатинъ, умершій въ 1735 г. и смѣнившій его Иванъ Фроловъ (братъ Василя), также назначенный, именовались «наказными атаманами», т. е. правившими по «наказу», по назначенію. Наконецъ, Анна Іоанновна 4-го марта 1738 г. «для нынѣшняго военнаго случая» разсудила «за благо и потребно» опредѣлить «при Донскомъ Войскѣ особливаго войскового атамана, вмѣсто наказнаго атамана, которымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были»... Того ради она «онаго Войска старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя ево Намъ и предкамъ Нашимъ службы», пожаловала «въ оный чинъ войскового атамана». А на Донъ написали, что Ефремова пожаловали «къ оному Войску Донскому настоящимъ войсковымъ атаманомъ».

Въ лицѣ Ефремова пожалованъ былъ «въ чинъ» войскового атамана не только отличившійся въ войнахъ старшина, но и сынъ идейнаго руководителя московской партіи, Ефрема Петрова, казненаго Булавинымъ. Самое обозначеніе званія атамана «чиномъ» показываетъ, какъ петербургскія канцеляріи за 23 года, если не за 29 лѣтъ практики утвержденія и назначенія атамановъ на Донъ, утратили истинное представленіе о сущности званія атамана.

Данила Ефремовъ правилъ съ 1738 по 1753 годъ. Уже съ 1749 г. сынъ его Степанъ сталъ наказнымъ атаманомъ, замѣняющимъ отца, при отъѣздахъ того съ Дона. Съ 1753 г. Степанъ Ефремовъ сталъ войсковымъ атаманомъ, но отецъ его до самой смерти (1763 г.) оказывалъ вліяніе на дѣла Дона. Отмѣна выборности атамановъ имѣла своеобразные результаты для Дона. Нес-

частный Прутский миръ (1711) и смерть Петра остановили движеніе Россіи къ Черному морю на полъ вѣка. Большая колонія, стоявшая на путяхъ метрополіи къ морямъ, могла бы нѣсколько оправиться, сохранить свою, подвергшуюся ударамъ, автономію при слабыхъ преемникахъ Петра. Украина, какъ мы знаемъ, пережила возрожденіе своей автономіи. На Дону же Данила Ефремовъ сдѣлался своего рода владѣтельнымъ княземъ. Онъ до того проникся этой психологіей, что даже, уходя со службы «за старостью», выхлопоталъ передачу атаманства по наследству сыну своему. Любопытный указъ Елизаветы, отъ 12 авг. 1753 г., устраивалъ семейныя дѣла Ефремовыхъ, а — за компанію, между прочимъ — и судьбы Войска Донского. Покидая свой постъ, Данило изъявилъ готовность, въ нужныхъ случаяхъ, «противъ непріятеля войскомъ донскимъ командовать и во всякихъ нужныхъ приключеніяхъ распорядка чинить...» Для того, Ея Императорское Величество, видя его въ воинскихъ и пограничныхъ дѣлахъ искусство, которому долженъ онъ и сына своего, Степана, обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова... чиномъ армейскаго генерала-майора, подъ котораго командую, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ его, войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, со всѣмъ Войскомъ Донскимъ...»

Эпоха наказныхъ атамановъ, а затѣмъ назначеннаго Данилы и «наслѣдственнаго» Степана, въ исторіи Дона, была временемъ постепеннаго паденія значенія Круга, аристократическаго правленія старшинъ и, наконецъ, самодержавія атамана.

Въ противоположность Украинѣ (Малой Россіи), соединеніе коей съ Россійскимъ Государствомъ состоялось на нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя были выставлены малороссійской казачьей старшиной, затѣмъ духовенствомъ, и городами, и были имъ «жалованы» царемъ, относительно Войска Донского, его положенія въ составѣ Имперіи и правъ его гражданъ не состоялось ни одного акта общаго характера. Взаимнъ этого была издана въ XVIII-мъ и началѣ XIX вѣка масса отдѣльныхъ жалованныхъ грамотъ на отдѣльныя права и привилегіи Войска и казачества. Эта масса сепаратныхъ законовъ можетъ быть сведена въ нѣкую «систему жалованныхъ правъ и привилегій».

Не слѣдуетъ думать, что этими грамотами жаловались донскимъ казакамъ и Войску какія либо права, коими они не обладали ранѣе. Наоборотъ, всѣми правами казаки и Войско обладали въ полной мѣрѣ, какъ граждане республики и какъ государство. Высочайшія грамоты дѣлали изъятія изъ имперскаго права, основами коего были: самодержавіе, централизація, крепостное право. Основами же неписаннаго донскаго казачьяго права были: народоправство, личная свобода гражданъ, свободное использование естественныхъ богатствъ. Поэтому, имперская власть, въ огражденіе Войска и казачества, вынуждена была дѣлать изъятія, предписывая властямъ и гражданамъ Имперіи соблюдать права, принадлежавшія искони вольному казачеству, гражданамъ новоприсоединенной республиканской колоніи.

Исконными правами Войска были: право на землю и на угоды; особый образъ управления и особый образъ служенія казачества. Правами, полученными въ эпоху вассалитета, были: жалованье (субсидія) Войску и беспошлинная торговля, сопряженная съ свободнымъ проѣздомъ казаковъ въ Россію. Они же и были, по существу, жалованными. Ибо неоднократно подтвержденныя въ XVIII вѣкѣ права казачества на свободное добываніе и потребленіе вина и соли были естественными, исконными правами донскихъ гражданъ.

Ни однимъ специальнымъ актомъ не была опредѣлена конституція края. Однако, «особое управленіе Войска», глухо упоминаемое въ грамотахъ, имѣло свои очертанія и предѣлы. Черты областной автономіи были: самоуправленіе Дона въ центрѣ и на мѣстахъ (въ Войскѣ и въ станицахъ); выборность всѣхъ административныхъ (военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ) лицъ, кромѣ атамана; донское происхожденіе всѣхъ этихъ властей; отсутствіе какихъ-либо комиссаровъ центральной власти въ области; подсудность казаковъ только казакамъ и примѣненіе къ нимъ лишь донскаго, а не имперскаго права; личная свобода всѣхъ казаковъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ; отбываніе службы по казачьему обыкновению, а не по имперскому праву; свобода отъ постоя и какихъ либо податей, повинностей и налоговъ; равенство всѣхъ казаковъ, вне дѣйствительной военной службы, между собою.

Въ этихъ чертахъ ясно видны всѣ признаки свободныхъ гражданъ республики. Эти права были «привилегіями» лишь въ рабской обстановкѣ самодержавно-крепостнической Россіи.

Каково же было положеніе Круга въ описываемую эпоху (1721—1775)? Данила Ефремовъ, правившій по старинѣ, считалъ своимъ долгомъ показывать внѣшнее вниманіе и къ совѣту старшинъ и къ Кругу. Повидимому, въ 1722 г. учреждена была «Войсковая Канцелярія» или «Канцелярія Войсковыхъ Дѣлъ», подъ начальствомъ «войскаго дьяка». «Сборъ старшинъ въ Войсковой Канцеляріи» собирався подъ предѣлательствомъ войскаго или наказнаго атамана для рѣшенія текущихъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Войсковые старшины являлись въ количествѣ 15—20 чел., кто былъ въ Черкасскомъ. «Для доклада» какъ и въ Кругу, участвовали «войсковые есаулы». Приговоры записывалъ «войсковой дьякъ». Нѣкоторыя дѣла рѣшались окончательно. О другихъ постановлялось: «отдать на обсужденіе старшинамъ и казакамъ въ Войсковомъ Кругу».

Кругъ собирався довольно рѣдко. Обязательно бывалъ Кругъ «на новолѣтіе», для выбора всѣхъ войсковыхъ чиновъ, кромѣ атамана, т. е. «дьяка», есауловъ войсковыхъ и старшинъ. Старшины, избираемые въ это званіе Кругомъ, именовались «войсковыми», въ отличіе отъ тѣхъ, которыхъ избирало на военное время «походное войско», въ помощь выборнымъ же полковникамъ. Уже въ 1730-хъ годахъ званіе «старшинъ» было, въ сущности, пожизненнымъ. Въ Россіи, — въ арміямъ и въ Военной Коллегіи, — понемногу соз-

давалось представление, что на Дону существуют «чины» старшинъ, есауловъ и т. п., какъ и чины арміи, только ихъ нельзя ставить вровень съ армейскими. Въ 1740 г. г. начинали «производить въ чинъ» старшины и командующіе арміями, и Военная Коллегія, и даже войсковой атаманъ. До 1754 г. Кругъ боролся за свое право избирать старшинъ и разжаловать ихъ въ рядовые казаки на срокъ и пожизненно. Такъ, въ 1751 г. старшина Лащилинъ «за нѣкоторую оказанную имъ войску, яко главной своей командѣ противность и непослушаніе» лишенъ былъ «старшинской чести и написанъ на три мѣсяца въ рядовые казаки». А въ 1754 г. старшина Перфиловъ «за продерзости и за взятки и за освобожденіе по поимкѣ великороссійскихъ бѣглецовъ лишенъ старшинскаго чина и написанъ вѣчно въ рядовые казаки».

Въ 1754 г. Военная Коллегія взяла въ свои руки сперва утвержденіе избранныхъ Кругомъ, а затѣмъ и «пожалованіе» въ старшины.

Однако, выборы войсковыхъ есауловъ были правомъ Круга. Въ 1767 г. старшина и войсковой дьякъ Яновъ жаловался, что «войсковой наказной атаманъ Сулинъ, не взирая на приговоръ многихъ старшинъ, станичныхъ атамановъ и всего Круга казаковъ и, не принявъ отъ него, дьяка, представленія, имѣя въ рукахъ своихъ войсковую насѣку, безразсмотрительно, сыну своему, Дмитрію, оную изъ собственнаго своего произволенія ему отдалъ». Это назначеніе вмѣсто избранія, учиненное «казацкимъ обрядамъ въ противность», было отмѣнено Военной Коллегіей.

Кругу же принадлежало право выбора тѣхъ старшинъ, которыхъ Войско посылало для исполненія особыхъ войсковыхъ порученій. Въ частности, Войско посылало «войсковыхъ для сыску бѣглыхъ старшинъ, чтобы избавить Войско отъ прихода воинскихъ командъ изъ Россійскихъ губерній. Кругъ же выбиралъ и старшинъ, посылавшихся для цѣлей слѣдственныхъ, карательныхъ, административныхъ. Вообще Войско учрежденію постоянныхъ должностей внутри Войска предпочитало систему комиссаровъ и эмиссаровъ съ особыми порученіями.

Но надо признаться, что эти — «выборы» въ Кругу въ XVIII вѣкѣ были скорѣе фикціей, ибо все было предрѣшено атаманомъ и сборомъ старшинъ. Кругъ «на Покрова» (1 окт.) избиралъ (1775 г.) составъ «зимовыхъ станицъ».

Майскій «съѣздъ» бывалъ ежегодно, причемъ часто Ефремовъ и старшины изъ за половодья, выѣзжали на бугоръ, у станицы Аксайской. Этотъ «съѣздъ» носилъ, по преимуществу, характеръ судебный по дѣламъ, которыхъ не рѣшилъ «сборъ старшинъ». На немъ же рѣшались и дѣла земельныя. Въ 1742 г. Кругъ постановилъ, а атаманъ ходатайствовалъ — поселить новую станицу на Дону межъ Усть-Быстринской и Усть-Бѣлокалитвенской станицами. Изъ Петербурга напомнили указы «блаженные памяти» Петра I и его «жестокое запрещеніе». Главныя же земельныя дѣла были — споры между станицами. Но разграбленіе войсковой старшиной войсковой земли до Круга не доходило. Грамоты на землю старшинамъ разда-

вала Войсковая Канцелярія по приказамъ атамана и по постановленіямъ сбора старшинъ».

Былъ разрядъ дѣлъ, которыя старшины не рѣшались своею властью, безъ Круга, рѣшать окончательно. Это были дѣла, касавшіяся военной службы казачества. Когда, въ 1740 году Данила Ефремовъ сталъ строить въ Черкасскомъ новыя крѣпостныя стѣны изъ камня, «формальной дефензией», то въ этомъ было усмотрѣно то, что теперь именуютъ «сепаратизмомъ». Въ Сенатѣ возникло цѣлое дѣло объ атаманѣ, который позволилъ себѣ постройку крѣпости «съ нѣкоторою старшиною безъ (царскаго) указа и безъ совѣту Войска Донскаго». Такимъ образомъ, даже центральное правительство полагало, что въ данномъ случаѣ атаманъ долженъ былъ дѣйствовать согласно съ Кругомъ.

Посылая на Донъ, въ 1772 году — по случаю отозванія въ Петербургъ атамана Степана Ефремова, — своего комиссара, ген. Черепова, чтобы онъ «способствовалъ безостановочному теченію дѣла» Военная Коллегія приказала Черепову не «входить ни въ какія внутреннія собственно войсковыя дѣла, ниже въ выборы, наряды и правленіе». «Наряды» на военную службу и составляли одно изъ правъ Круга въ XVIII вѣкѣ. Для участія въ этомъ дѣлѣ вызывались въ Черкасскъ на Кругъ станичные атаманы.

Наконецъ, Кругъ рѣшалъ всѣ вопросы о принятіи въ казаки по представленіямъ станицъ, объ увольненіи отъ дѣйствительной службы и т. п. Когда ген. Левашевъ, командовавшій отрядомъ, уволилъ въ 1737 году отъ службы «за старостью» казака Осипа Чернаго и сообщилъ Войску для исключенія его изъ списка служилыхъ казаковъ, то Войско протестовало, и по рѣшенію Военной Коллегіи дѣло рѣшилъ Кругъ. Равнымъ образомъ при переселеніи 1000 семействъ донскихъ казаковъ на г. Аграхань, «нарядъ» былъ сдѣланъ Кругомъ (1724 г.).

Составъ Круга былъ традиціонный: жители II станицъ, составлявшихъ Черкасскій городокъ, станичные атаманы, большею частью, ближайшихъ городковъ, «пріѣзжіе изъ станицъ» старики. Въ XVIII вѣкѣ допускались даже «станичные приписные малороссіане». Выборы въ «станицы», посылавшіяся по традиціи (до 1775 г.) въ Петербургъ, имѣли характеръ назначенія награды за военныя заслуги. И здѣсь много значилъ голосъ атамана и старшинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше утрачиваетъ Кругъ въ пользу центральной власти, атамана, «сбора старшинъ» и Войсковой Канцеляріи свои исконныя права, тѣмъ больше превращается онъ въ декорацию. Его собираютъ для выслушанія царскихъ жалованныхъ грамотъ, манифестовъ о войнѣ, мирѣ, восшествіи на престолъ, рожденіи и смерти высочайшихъ особъ, для предьявленія новопожалованныхъ знаменъ и регалій. Послѣ Круга слѣдуетъ «войсковая бесѣда», но кушаютъ и пьютъ больше старшины и станичные атаманы.

Донъ участвовалъ въ выборѣ депутатовъ въ Екатерининскую Законодательную Комиссію 1767 года. Каждая станица прислала 2 выборщиковъ, а общее ихъ собраніе избрало 6 депутатовъ. Во-

прось об автономии Войска, о правах Круга не были поставлены донскими депутатами, заботившимися о даровании казацкой старшинь прав дворянского звания и покупки крепостных. Зато «Комиссия о родах государственных», при большой Комиссии, выработала «Проект законов о правах войск казачьих».¹⁾

Согласно этого проекта, «жительствовавшие войсками казаки» имели «въ своих мѣстах учрежденныя правительства (§ 25) и право «собираться и избирать въ свои правительства судей на установленномъ обрядѣ». (§ 26). Войсковымъ «Правительствомъ» называли авторы проекта всего навсего «Войсковую Канцелярію», въ коей «президентъ» назначался «отъ Высочайшей власти», «прокуроръ» и половина «членовъ» — отъ «вышняго правительства» и лишь половина членовъ — «выбирается изъ того войска». Этихъ членовъ должно было выбирать собраніе выборщиковъ, по 3 человека отъ станицы, собравшихся «въ присутствіи Войсковой Канцеляріи». Очевидно, это собраніе выборщиковъ и должно было замѣнить собою Войсковой Кругъ. Но Комиссія 1767 г. была распущена и проектъ ея остался на бумагѣ. Впрочемъ, должно сказать, что личные права казачества были недурно разработаны въ проектѣ непримѣръ правамъ Войска въ области самоуправления.

Здѣсь не мѣсто разсказывать о томъ, что творили на Дону не только по отношенію къ рядовому казачеству и крестьянамъ, но и по отношенію къ старшинамъ оба Ефремовы. Степанъ, дѣйствовавшій вдали отъ «ока» центральной власти, пересталъ считаться и со «Сборомъ старшинъ». Отецъ его неоднократно шелъ противъ воли Круга и старшинъ, закрывая ротъ непослушнымъ ссылкой на «высочайшую довѣренность» къ нему. Степанъ вступалъ въ борьбу съ самодержавіемъ императорской власти во имя своей автономии сатрапа. Но онъ искусно сумѣлъ опереться въ началѣ борьбы своей съ Екатериной на казачество. Когда на Дону получено было повелѣніе 27 авг. 1769 г. о вызовѣ желающихъ донцовъ для службы въ Азовскомъ и Таганрогскомъ казачьихъ отдѣльныхъ (при крепостяхъ), полкахъ, Ефремовъ собралъ «сѣзжій Кругъ» и, выражая соболѣзнованіе, обѣщалъ освободить казаковъ отъ переселенія. Казачество увидѣло въ Ефремовѣ защитника отъ «регулярства». Когда начальство послало на Донъ ген. Черепова, который потребовалъ отъѣзда атамана для объясненія въ Петербургъ и запретилъ принимать отъ атамана повелѣнія, Ефремовъ снова оперся на Кругъ. 1-го октября 1772 года собрался Кругъ, который возмутился попыткой Черепова возстановить Войско противъ атамана. «Генералъ хочетъ насъ въ регулярство писать, а рѣку раздѣлить», — кричали казаки. Черепова приволокли къ Ефремову и хотѣли его «въ воду посадить», но атаманъ заступился за Черепова, замѣтивши ему съ усмѣшкой: «Это Донское Войско, не Яицкое». Ефремовъ, конечно, намекалъ Черепову на то, какъ онъ предательски разстрѣлялъ пушками Яицкій Войсковой Кругъ въ 1766 году.

Въ ночь на 9 ноября 1772 г. въ Черкасскомъ раздался набатъ, и загремѣли выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Оказалось, что

¹⁾ Сб. Р. Ист. Об., т. 36, с. 235.

атаманъ былъ схваченъ командою драгунъ въ его имѣніи «Зеленый Дворъ», и увезенъ въ крепость Св. Дмитрія Ростовскаго. Старшина Вас. Иловайскій съ 300 казаковъ поскакалъ къ крепости отбивать атамана. Кругъ собирался непрерывно нѣсколько дней, послали вѣсти въ верхнія станицы, но движеніе стало утихать, когда узнали, что Ефремовъ взятъ по высочайшему повелѣнію прибывшимъ изъ Петербурга офицеромъ гвардіи.

Октябрьскій и Ноябрьскій Круги напомнили тѣ круги, которые были обычны для XVI—XVII в. в. Но теперь они носили характеръ революціонный. Правительство отвѣтило на нихъ репрессіями. Однако, донцы вскорѣ получили отпущеніе грѣховъ, ибо мятежъ Пугачева поставилъ предъ имперіей вопросъ объ «оказаченіи» всего крестьянства. Пугачевъ, самъ донецъ, не забывалъ въ своихъ манифестахъ и Дона. Еще 16 Сент. 1773 г. Пугачевъ объявилъ яицкимъ казакамъ, что «намѣренъ возстановить ихъ вольность». Взавши яицкій городокъ, Пугачевъ приказалъ казакамъ созвать Кругъ и выбрать себѣ атамана и старшинъ, съ правомъ смѣстить ихъ хоть черезъ три дня. Призывая донцовъ присоединиться къ нему, онъ писалъ (въ манифестѣ отъ 13 авг. 1774 г.): «вы нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые не насытятся Россією, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». Въ манифестѣ къ «Березовской станицы г. атаману и всѣмъ... казакамъ» онъ обвинялъ «злѣдѣвъ-дворянъ» въ томъ, что они «подвергнули, кромѣ (т. е. помимо) нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство... черезъ что, какъ яицкое, донское и волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія». Истребленіемъ казачьяго рода, очевидно, называлъ Пугачевъ политику Екатерины, направленную противъ привилегій казачества и остатковъ народоправства. Онъ зналъ лично о борьбѣ донцовъ и противъ созданія Азовскаго и Таганрогскаго поселенныхъ служилыхъ казачьихъ полковъ. Еще лучше зналъ онъ о кровавомъ истребленіи народоправства на Яикѣ. Донское казачество колебалось. Трудно сказать, что было бы, если бы Донъ не пережилъ только что репрессій по Ефремовскому дѣлу, если бы большая часть казаковъ не была въ то время на войнѣ, если бы въ основѣ дѣла Пугачева не лежалъ обманъ самозванства. Недаромъ, при встрѣчахъ Пугачева съ донцами, «злѣдѣй рожу свою отъ нихъ отворачивалъ». Донъ не поддержалъ Пугачева, какъ не отстоялъ и Ефремова. Кровопролитіе 1708 г., старшинское правленіе въ теченіе 65 лѣтъ — ослабили и казачество и народоправство.

Екатерина II нанесла казачьимъ автономіямъ тяжкіе удары. 3-го авг. 1775 г. съчъ Запорожская была «вконѣцъ разрушена». Императрица называла Запорожскую республику «совѣмъ особливимъ политическимъ сонмищемъ», замыслившимъ «составить изъ себя посреди отечества область совершенно независимую подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ». Такимъ образомъ, Императрица въ автономіи Войска видѣла сепаратизмъ и въ ея республиканскомъ устройствѣ «неистовое» управленіе. Что ка-

сается Яика, то комендантское управление, замѣнившее собою въ 1772 г. «народное правленіе и круги», было уничтожено въ 1775 г. и установлены: войсковой атаманъ (по назначенію) и войсковая канцелярія. «Народное правленіе» восстановлено не было.

Въ томъ же году, въ отношеніи войска Донского, состоялся актъ, который нанесъ серьезнѣйшій ударъ его областной автономіи. Указомъ 15 февраля 1775 г. было учреждено на Дону «Войсковое Гражданское Правительство», которому ввѣрено было «все хозяйственное въ предѣлахъ Войска внутреннее распоряженіе». Равнымъ образомъ, было предписано «въ до промысловъ, торговли и прочія гражданскому суду подлежащія дѣла производить на генеральномъ во всемъ государствѣ установленіи, съ соблюденіемъ данныхъ оному Войску привилегій». «Правительство» подчинено было Потемкину. Въ немъ должны были присутствовать, сверхъ атамана, «изъ тамошнихъ старшинъ надежнѣйшіе и знающіе», по избранію Потемкина «непремѣнныхъ два и по общему выбору погодно четыре.» Военныя дѣла поручены были атаману, на общихъ для «генералитета» основаніяхъ.

Одновременно, Потемкинъ смѣнилъ наказного атамана Сулина «по несоответствующему преподаваемымъ» отъ Потемкина «почасту руководствамъ правленію и какъ неимѣющаго отъ всѣхъ старшинъ довѣренности,» т. е. довѣрія.¹⁾ На его мѣсто Потемкинъ представилъ Императрицѣ Иловайскаго, «которому въ благонравіи и честности не токмо я, — оговаривался Потемкинъ, — но и большая часть старшинъ подлежащую справедливость отдать долженствуетъ». «Итакъ, А. И. Иловайскій былъ кандидатомъ старшинъ, которыхъ притѣснилъ нѣсколько Ефремовъ, и не очень поощрялъ честный Сулинъ. «Благонравіе» Иловайскаго заключалось въ погонѣ за Пугачевымъ, который когда то былъ у него, на войнѣ, въ отрядѣ хорунжимъ.

Правленіе Иловайскаго было эпохой всевластія старшинъ, разграбленія войсковыхъ земель и заселенія ихъ «малороссіянами.» Надо сказать, что и «Войсковое Гражданское Правительство» болѣе заботилось о соблюденіи привилегій Войска, нежели о производствѣ дѣлъ на «генеральномъ» (т. е. общемъ) для всей имперіи основаніи. При выборахъ 4 членовъ Гражданскаго правительства предписывалось «по всѣмъ станицамъ отобразить надлежащія о назначиваемыхъ судьяхъ одобренія». Понимай, какъ хочешь. На дѣлѣ, членовъ Правительства выбирали сами старшины, созывая изъ приличія и для декораций Кругъ изъ жителей столицы. Цѣль учрежденія Правительства заключалась въ ограниченіи «неограниченной власти атамана» общими административными нормами. вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣнена была старая войсковая печать (1704 г.): «казакъ на бочкѣ» и замѣнена печатью съ государственнымъ гербомъ. До 1786 г. Правительство разсылало еще «войсковыя грамоты» по станицамъ, но затѣмъ онѣ были замѣнены «предписаніями Войска Гражданскаго Правительства». Въ 1775 г. прекратился обычай посылать «зимовыя станицы», избираемая Кругомъ. Въ октябрѣ 1774 г. приз-

¹⁾ Наказными атаманами были Вас. Машелькинъ (1772—1773) и Сеженъ Судинъ (1773—1775), оба назначенные не безъ указанія старшинъ.

жала лишь депутація отъ войска, изъ «депутатовъ законодательной Комиссіи» съ тремя wybranными отъ Круга и «именемъ всего донского общества» и по «желанію всего Войска» просила о переводѣ Зимовейской станицы, родины Пугачева, на другое мѣсто.

Вообще же между войскомъ и верховной властью сталъ отнынѣ войсковой атаманъ, подчиненный Потемкину по военной части, какъ Вице-Президенту Военной Коллегіи и какъ «начальнику легкой кавалеріи и прегулярныхъ войскъ», и по гражданской части—ему же, какъ генераль-губернатору Новороссійской губерніи.¹⁾ Кромѣ атамана и Потемкина, «вице-императора» російскаго, Войско подчинялось нормально—по военнымъ дѣламъ—Военной Коллегіи, по уголовнымъ дѣламъ — въ порядкѣ ревизіи — Потемкину (до 1791 г.), а потомъ (1791—1796) Военной Коллегіи, по гражданскимъ судебнымъ дѣламъ — Сенату.

Итакъ, мы видимъ, что Кругу уже въ 1775—1797 г. г. нечего было дѣлать. Его собирали для выслушанія жалованныхъ грамотъ, вроде грамоты Войску на землю отъ 27 мая 1793 г., когда вызывали представителей отъ станицъ и раздавали имъ по куску Царскаго хлѣба-соли для распределенія по станицамъ. Его призывали для «одобриванія» выбранныхъ уже старшинами четырехъ членовъ Гражданскаго Правительства, войскового дьяка и войсковыхъ есауловъ, а равно старшинъ «для сыску бѣглыхъ.» Войсковые есаулы превращались понемногу въ офицеровъ для порученій при атаманѣ и лишь декоративно выступали «для доклада» на Кругахъ. Уже намѣтились опредѣленные традиціонные дни, когда собирали Кругъ и вычитывали опредѣленные серіи жалованныхъ грамотъ (1 янв., 1 мая, 1 окт. и нѣкоторые другіе). Въ маѣ выслушивались голоса представителей станицъ о распределеніи жалованья. Кругъ становился уже лишь «символомъ» былого народовластія. Ни центральная власть, ни правящее сословіе (на половину одворяненные въ 1775 г. старшины) не посягали на символъ, за который держалась казачья масса. Но духъ уже отлетѣлъ отъ этого учрежденія. И только въ сердцахъ немногихъ донцовъ патриотовъ и въ сознаніи массы жила память о величіи Круга.

Въ 1792 г. о Кругѣ вспомнили вдругъ и начальство и казаки, но различно опредѣлили назначеніе Круга. При попыткѣ насильственно переселить на Кубань донцовъ, оставивши тамъ навсегда находившіеся на службѣ 6 донскихъ полковъ и выславши къ нимъ съ Дону ихъ семьи. Три полка — Поздѣва, Луковкина и Кошкина — со знаменами, но безъ старшинъ, двинулись въ Черкасскъ, устроили Кругъ и потребовали у атамана объясненій, «за что онъ отдастъ ихъ на поселеніе».

Иловайскій распустилъ ихъ по домамъ. Военскій судъ при Военной Коллегіи, сославши главныхъ виновниковъ въ Нерчинскъ, постановилъ другихъ, менѣе важныхъ, но «большую дерзость и раз-

¹⁾ 14 февр. 1775 г.: «гор. Черкасскъ и всѣ жилища вѣрнаго намъ Войска Донского, съ соблюден. онаго при всей его собственности и при всѣхъ благонаслуживыхъ правостяхъ, д. были зачислены Екаториной II въ составъ Азовск. губ., съ подчиненіемъ Потемкину, начальнику края.

вратъ учинившихъ» послать внѣ очереди на службу и «по обыкновению казачьему наказать въ Кругу публично плетми. «Вотъ лишь какія «обыкновенія» запомнила Военная Коллегія и вотъ каково было назначеніе Войскового Круга, по ея мнѣнію.

Войсковое Гражданское Правительство взывало къ милосердію власти, «чтобы не ожесточить пуше чернь, которая всегда и обыкновенно бываетъ въ предубѣжденіяхъ своихъ упорна и старинныхъ обыкновеній и обрядовъ держится до изступленія» . . .

«Снисходя къ древнему войсковому обряду», Екатерина II простила «ослушниковъ ея воли», кромѣ, впрочемъ, «нераскаившихся начинщиковъ зла». Назначеніе переселяющихся предоставлено было станицамъ и «чиновникамъ», разсланнымъ отъ войска по станицамъ, было воспрещено «входить самимъ въ станичные сборы и вмѣшиваться въ станичное разсмотрѣніе». Но Круга по этому поводу не собрали.

Станицы отвѣтили востаніемъ. Въ Есауловской станицѣ состоялся революціонный «сѣзжій Кругъ» отъ возставшихъ станицъ, рѣшившій идти на Черкасскъ, забрать регалии и выбрать иного атамана. При помощи регулярныхъ войскъ и малороссійскихъ казачьихъ полковъ возстаніе было подавлено съ примѣрной жестокостью. Потомъ уже, чтобы сгладить впечатлѣніе, созвали Кругъ для выбора депутаціи въ Петербургъ за высочайше утвержденной «картой войсковою пограничной». Жалованная грамота была написана по старинѣ: «На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, атаману Алексѣю Иловайскому, Правительству Войска Донского и всему оному Войску.» . . . Депутація приняла грамоту изъ высочайшихъ рукъ. Грамотѣ сдѣлали по старинѣ «встрѣчу» съ пушечной и ружейной пальбой и «молебны пѣли и звоны звонили» и въ Кругу объявили.

Декоративная часть поставлена была блестяще. Свою собственную, кровью завоеванную землю Войско получило снова, какъ «пожалованіе» императорской власти. Но дорого обошелся Войску Екатерининскій хлѣбъ, и солонина была царская соль. Автономія Войска лежала въ обломкахъ.

Глава III.

Кругъ при Павлѣ и Александрѣ I.

Въ началѣ царствованія Павла I мы видимъ временное возрожденіе донской автономіи и Круга. Знавшій больше запорожское казачество и беззаботный насчетъ терминологіи Павелъ I, благодаря Войску за поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, уже 13 декабря 1796 года повелѣлъ объявить благодарность его «въ собраніи коша». Онъ не зналъ, что на Дону «кошъ» именовался Войсковымъ Кругомъ.

Изъ ненависти къ матери, Павелъ возстановилъ рядъ автономій, уничтоженныхъ Екатериной II. Указомъ 5 іюля 1797 г., на имя атамана ген. Орлова, Павелъ возстановилъ и донскую автономію

«Утверждая — писалъ онъ — совершенно и безъ изъятія всѣ прежде бывшія постановленія Войска Донского, намѣренъ (я) сохранить ихъ въ цѣлости для продолженія того правленія, коимъ Войско Донское было всегда на пользу государя и Отечества. Что жъ касается до вкравшихся злоупотребленій и сдѣланныхъ перемѣнъ княземъ Потемкинымъ, то вамъ надлежитъ первыя искоренять, а мнѣ послѣднихъ не опробовать (апробовать-утверждать), яко клонящихся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей.»

Повелѣніе это было торжественно объявлено на Дону въ Войсковомъ Кругу, а потомъ, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ старшинъ, была открыта Войсковая Канцелярія. Въ станицахъ возстановили выборы атамана, судей (стариковъ) и сборы, которые въ 1793 г. были замѣнены назначаемыми атаманомъ «станичными начальствами». Исчезли члены Войскового Правительства по назначенію, возродился сборъ старшинъ при Канцеляріи, который, оставивши Кругъ по-прежнему, какъ декорацию, занялся правительствованіемъ. Уже въ 1800 г. на Донъ назначенъ былъ Войсковой Прокуроръ не изъ казаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, еще въ 1800 г. Войсковая Канцелярія сенатскимъ указомъ была преобразована, раздѣлена на экспедиціи, причемъ въ «судейскія должности» предписывалось «опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей».

Не слѣдуетъ думать, что для выбора ежегодно «чиновниковъ» въ Правленіе Войска, кто либо привлекъ Кругъ. Донскіе старшины съ 1798 года превратились (по чинамъ) въ дворянъ. Ихъ чины были сравнены съ армейскими. Новоявленные дворяне, именовавшіеся официально «чиновниками Войска Донского», стали именовать себя «войсковымъ обществомъ», производить выборы во всѣ выборныя должности (кромѣ лишь войсковыхъ есауловъ), подмѣнивши собою и Кругъ и все Войско.

При Павлѣ I идея войсковой автономіи нашла свое выраженіе въ полковникѣ Евграфѣ Грузиновѣ, казненномъ въ 1800 г. за то, что хотѣлъ собрать войско, идти на Стамбуль, «учредить сенатъ». Онъ говорилъ, что «всѣ Донскіе казаки независимы отъ царскаго престола и не обѣщались передъ нимъ вѣчною присягой, а только временной относительно службы, что онъ, а также и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные» Павла I. Императоръ раздѣлилъ это какъ «измѣну противу насъ и государства». 5-го Сентября 1800 г. на Черкасскомъ майданѣ, въ присутствіи Круга, «оной извергъ Грузиновъ» былъ нещадно битъ кнутомъ и «черезъ 2 часа лишился жизни». Дядѣ же его войсковому старшинѣ Аванасьеву и казакамъ Касмынину, Попову и Колесникову отрубили голову на томъ же майданѣ «за недонесеніе» объ автономистской пропагандѣ. Брату Евграфа, Петру, гвардіи офицеру, вырвали ноздри, наложили клейма и, бивъ кнутомъ нещадно, сослали. Въ планы Грузинова и его единомышленниковъ входило возрожденіе донского народоправства и Войскового Круга.

Царствованіе Александра I, и въ исторіи Дона ознаменовано возвращеніемъ къ Екатерининскимъ идеямъ. Очень инте-

ресныя принципиальныя разсужденія относительно Донской автономіи были высказаны Государственнымъ Совѣтомъ въ 1802 г. по поводу преобразования Войсковой Канцеляріи. «Неоспоримо — разсуждалъ Совѣтъ — что виды Правительства въ отношеніи къ управленію казачьихъ войскъ клонились къ тому, чтобы привести ихъ въ единообразіе съ прочими обывателями; но частныя ихъ привилегіи, воинскій ихъ составъ, духъ народный, нравы и обычаи всегда налагали сильныя сему препятствія.» Войсковое Гражданское Правительство 1775 г. было шагомъ къ «приведенію въ единообразіе» управленія Дона съ управленіемъ Имперіи. Поэтому, подъ именемъ Войсковой Канцеляріи, Совѣтъ возстановилъ Правительство, 1775 года, съ 2 членами «непремѣнными и 4-мя ассессорами, по выбору черезъ каждые 3 года». Въ 1804 году разрѣшено было «Войсковому Обществу» (Законодатель имѣлъ ввиду все Войско) избрать «по большинству балловъ» ассессоровъ, а — кромѣ того, и кандидатовъ въ «непремѣнные члены», для представленія послѣднихъ на высочайшее утвержденіе. Тому же «Войсковому обществу» было предоставлено избирать, «при общихъ выборахъ» каждые 3 года и членовъ т. н. «Сыскныхъ Начальствъ» (Окружныхъ Управленій). Въ 1815 году изъ Гражданской Экспедиціи Войсковой Канцеляріи, подъ названіемъ Департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, была выдѣлена судебная часть. И въ этомъ судѣ три ассессора должны были избираться «войсковымъ обществомъ».

Однако, не выборные отъ станицъ, и не Кругъ, были признаны «войсковымъ обществомъ». Имя это, съ благословенія атамана М. И. Платова, присвоило себѣ «войсковое сословіе» чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ. При семъ удобномъ случаѣ, на трехгодичномъ сѣздѣ «чиновниковъ Войска» для выборовъ по гражданскому управленію, Платовъ разрѣшилъ (съ 1804 г.) «чиновникамъ» избирать изъ своей среды «домашнимъ образомъ» т. н. «Войскового и окружныхъ депутатовъ», на правахъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства.¹⁾ Такимъ образомъ, новоявленное донское дворянство стало изображать изъ себя «войсковое сословіе», т. е. все казачество.

Сущность значенія Круга и пожалованія знаменъ Войску при новомъ воцареніи, въ эпоху Платова, уже забыты или нарочно искажаются. Такъ, въ 1803 г. «Войско» проситъ Александра I-го о пожалованіи новаго знамени и объясняетъ, что знамена «по древнимъ Войска Донскаго привилегіямъ и обрядамъ, въ нѣкоторыя времена года, въ числѣ прочихъ войсковыхъ регалій, со святыми иконами выносятся въ память въ Божь почивающихъ Россійскихъ Монарховъ — и заслугъ, въ Войсковой Кругъ, гдѣ вычитываются, при собраніи генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и казаковъ, приличныя къ тому — высочайшія грамоты». Вотъ чѣмъ былъ Кругъ уже черезъ 80 лѣтъ послѣ потери Дономъ его государственности.

¹⁾ Съ этимъ именемъ „депутата“ существовали до 1870 г., когда имъ разрѣшили именоваться „областными“ и окружными предводителями.

Въ 1809 году высылка въ Войско царскаго «жалованья», шедшаго съ 1613 года, была прекращена. Въ связи съ этимъ военный министръ Аракчеевъ предложилъ Платову «о назначеніи войскового Круга въ день св. Александра Невскаго, вмѣсто того, что таковой дѣлаемъ былъ всякій разъ при полученіи изъ казны жалованья.

22-го Авг. 1810 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы «Войско Донское, въ воспоминаніе высокомонаршихъ милостей, ему дарованныхъ, продолжало дѣлать по древнимъ своимъ обычаямъ, церемонію еднажды въ годъ, въ день св. Александра Невскаго, составленіемъ воинскаго Круга (съ выносомъ регалій) и вычетомъ въ ономъ Кругѣ Высочайшихъ грамотъ-привилегій Войска за отличную службу оному дарованныхъ» . . .

Такимъ образомъ, Войсковой Кругъ именовался «воинскимъ Кругомъ» (чѣмъ то вродѣ «карьеръ или иного воинскаго построенія), а привилегіи оказывались дарованными «за службу». Очевидно, уничтожить Кругъ не рѣшались, (все-таки — «древній обычай»), но не хотѣли, чтобы «вычетъ» (чтеніе) грамотъ о какихъ то тамъ привилегіяхъ повторялся нѣсколько разъ въ году. Довольно было и одной «церемоніи».

Интересно отмѣтить, что тотъ же Александръ I, по ходатайствамъ Войска, долженъ былъ дать Войску (30 авг. 1811 г.) торжественную грамоту, въ которой писалъ: «Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Божь почивающими Предками Нашими ему (Войску) дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣній, со всеми выгодами и угодами . . .

Въ этой грамотѣ, какъ и въ грамотахъ царей Θεодора, Іоанна и Петра и манифестахъ XVIII вѣка заключалось нѣкоторое «увѣреніе» монарховъ Россійскихъ, подтвержденіе правъ и преимуществъ Войска. «Образъ служенія» включалъ въ себя и автономію, и права Круга, и многое другое, исподволь или вдругъ отмѣненное и нарушенное монархами въ XVIII и XIX в. в.

И, тѣмъ не менѣе, общее настроеніе казачества было таково, что каждый новый императоръ долженъ былъ возобновлять свои завѣренія «Императорскимъ словомъ» за себя и потомковъ, что права Дона и Войска останутся неприкосновенными. Эти завѣренія дали и Николай I (23 февр. 1832 г.), и Александръ II (8-го сент. 1863 г.) и Александръ III (1887 г.) и Николай II (1906 г.). Въ этихъ грамотахъ продолжала жить память о правахъ Войска, нѣкогда вольной республиканской колоніи, а потомъ автономнаго края и общины служилаго Донскаго казачества. Только грамоты давались уже не при началѣ царствованія, а съ запозданіемъ, и не безъ настояній со стороны Дона. Такъ Александръ I далъ грамоту черезъ 10 лѣтъ послѣ воцаренія, Николай I черезъ 7 лѣтъ, Александръ II — черезъ восемь, Александръ III — черезъ 6 лѣтъ, Николай II — черезъ 12 лѣтъ.

Что то напоминавшее «сѣздъ всего Войска» происходило до 1835 года при выступленіи Войска въ походъ. На сборный пунктъ, гдѣ нибудь около границъ Войска, собирались казаки и «чинов-

ники» изъ всѣхъ 117 станицъ, всѣ вмѣстѣ и здѣсь уже, изъ цѣлаго Войска, особые «переборщики» или самъ атаманъ формировали полки. Многие изъ старины возрождались при этомъ, хотя выборы на должности въ полкахъ были уничтожены еще въ 1776 году.

По окончаніи отечественной войны, въ 1814 году, Войску пожаловано было знамя, но ни Александръ I, ни Войско не видѣли уже въ немъ того, чѣмъ было знамя 1613 и 1646 г. г. Это было «отличіе», данное не какому нибудь полку, а войску. Въ грамотѣ по этому случаю, въ заголовкѣ, смѣшали старую форму обращенія, имѣвшую смыслъ государственно-правовой и новыя формулы благодарности за боевыя отличія воинской части. Александръ I адресовалъ грамоту: «На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману, генералу отъ кавалеріи, гр. Платову, правительству Войска Донского и всему оному знаменитому Войску намъ вѣрнолюбезному.»

Еще Платовъ чувствовалъ необходимость общаго законодательнаго акта, который утвердилъ бы казачьи права на прочномъ основаніи. Дѣло это оставалось безъ движенія съ 1767 г. Свой проектъ Платовъ представилъ въ 1814 г., но безуспѣшно. Смѣнившій Платова патриархальный атаманъ А. К. Денисовъ, защитникъ донского рядового казачества и донского (закрѣпощеннаго въ 1796 г.) крестьянства, двинулъ вопросъ. Денисовъ, видя, что «очереди казачьи на службу нечисто ведутся, да и земля войсковая захватывается людьми сильными въ войскѣ», просилъ Александра I (21 сент. 1818 г.) объ учрежденіи особой комиссіи изъ четырехъ членовъ. Предметомъ комиссіи онъ полагалъ: удобнѣйшее и равномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій; устройство финансовой части въ Войскѣ съ тѣмъ, чтобы расходъ основанъ былъ не на волю случая и желанія, а на непреложныхъ правилахъ. «Разные войсковые по внутренности распорядки, — писалъ атаманъ — размножить письменно, дополнивъ правилами, съ настоящимъ временемъ согласными, и сохранивъ всю древность ихъ установленія.» Такимъ образомъ, атаманъ хотѣлъ кодификаціи донского войскового права и системы жалованныхъ правъ и привилегій, а также и новыхъ узаконеній.

Рескриптомъ 10 марта 1819 г. Александръ I повелѣлъ учредить «Комитетъ объ устройствѣ Войска Донского» и истолковалъ идею атамана, какъ желаніе «собрать воедино всѣ узаконенія относительно Войска» для составленія «новаго войскового положенія.» Но въ Комитетъ былъ назначенъ любимецъ Александра I-го ген.-ад. Чернышевъ и одинъ гражданскій чиновникъ (д. с. с. Болгарскій). По поводу этого назначенія Александръ I счелъ нужнымъ оговориться: «Основаніемъ сего Комитета принято собственно ваше (атамана) представленіе, не для измѣненія какихъ-либо правъ и преимуществъ, дарованныхъ Войску и подтвержденныхъ уже нѣсколькими Моими грамотами, но для изысканія удобнѣйшихъ способовъ въ точномъ ихъ исполненіи.»

Денисовъ просилъ не вводить въ комитетъ лицъ, постороннихъ Войску, ибо «по крайней простотѣ здѣшняго народа, введе-

ніе сихъ постороннихъ членовъ можетъ повергнуть его въ разсужденія, простымъ людямъ свойственныя». Александръ I довольно неудачно сослался на то, что Войско «издавна» имѣетъ прокурора . . . изъ постороннихъ чиновниковъ, а не изъ среды своего сословія». . . . Впрочемъ, онъ повторялъ свои завѣренія о ненарушимости правъ Войска. Здѣсь не мѣсто рассказывать исторію Комитета, который долженъ былъ написать «конституцію» Войска. Донскіе патриоты мечтали объ автономіи на основѣ демократической (съ Кругомъ), другіе — на основѣ аристократической (безъ Круга, съ дворянскимъ правленіемъ). Въ результатѣ вышло нѣчто иное, совсѣмъ на автономію не похожее.

Работа Комитета повела къ ряду выступленій различныхъ группъ донцовъ. Представители Петербургскаго самодержавія выступили въ Комитетѣ демократами-цезаристами, защитниками казачьей массы и войсковой земли отъ донского дворянства. «Донской народъ — писалъ Чернышевъ въ Петербургъ — угнетенъ беззаконіями всякаго рода . . . Онъ полагаетъ всю свою надежду только на насъ (царя и его довѣренныхъ). «Пространство земель и водъ, владѣемое Донскимъ Войскомъ, есть древняя общественная его собственность . . . и составляющая главную донскихъ казаковъ привилегію. Въ Войскѣ никогда не было и нѣтъ земель частныхъ, а существуютъ и должны быть однѣ только общественныя, Войсковыя.» . . . Земли были разграблены старшинами. «И притѣсненные казаки должны были искать правосудія у своихъ же притѣснителей.» «Цѣлый народъ безответственно угнетается. Права сего послѣдняго, дарованныя Государемъ, разрушены.» «На Дону — бездна всякаго рода беззаконій, похищеній и низкихъ изворотовъ для угнетенія бѣдныхъ казаковъ избрѣтенныхъ.» . . . Донское дворянство образовалось нелегально и противозаконно присвоило себѣ право выборовъ . . . Несправедливо было бы многочислѣннѣйшій классъ обитателей Войска (казаковъ) устранять отъ кореннаго права ихъ на выборъ судей.» . . . Казаки «въ гражданскомъ отношеніи сословіе свободное . . . Сила законовъ дѣйствуетъ на нихъ въ домашней жизни, какъ и на чиновниковъ. Въ дарованныхъ Войску привилегіяхъ и общественныхъ удовольствіяхъ, тѣ и другіе равно участвуютъ . . .»

Но Комитетъ умалчивалъ объ автономіи, о правахъ Круга, объ организаціи представительства и т. п. Онъ критиковалъ лишь смѣшеніе властей административной и судебной, нагроможденіе дѣлъ, отсутствіе правильнаго распредѣленія ихъ и т. п. Аграрная программа Комитета вызвала волненія въ средѣ донского дворянства и рядъ выступленій съ его стороны. 28-го февраля «наличные» донскіе «чиновники» собрались «не спросивъ отъ начальства изволенія въ домѣ ген. м. Иловайскаго 5-го и «имѣли совѣщаніе насчетъ выбора и отправленія въ Санктъ-Петербургъ депутатовъ для ходатайства по нѣкоторымъ предметамъ, входившимъ въ сужденіе Комитета.» Александръ I нашелъ «дѣйствіе таковое и цѣль его равно противными общему порядку и закону . . . Никакое сословіе въ государствѣ не должно имѣть совѣщательныхъ собраній безъ

предварительного на то разрѣшенія начальства. «Тѣмъ менѣе позволительно разсуждать въ оныхъ о преждевременномъ домогательствѣ по такимъ предметамъ, которые по волѣ Моей обслуживаются въ особомъ Комитетѣ и должны . . . получить утверждение непосредственно отъ Меня.»

Въ Петербургѣ, членъ Государственнаго Совѣта, ген. ад. кн. Васильчиковъ поддерживалъ донскихъ дворянъ, предлагая пригласить «депутатовъ отъ лица всего сословія помѣщиковъ на Дону». Дворяне хотѣли защитить свои права, но ссылались на древнія права Войска.

Кромѣ дворянскаго реакціоннаго автономизма, проявилось на Дону движеніе автономистское же, но республиканское, возникшее въ средѣ донской молодежи, прошедшей черезъ Московскій и Харьковскій Университеты. Офицеръ В. Д. Сухоруковъ, писавшій для Комитета историческое и статистическое описаніе Войска Донскаго, собралъ замѣчательную коллекцію копій со старинныхъ грамотъ изъ мѣстныхъ и московскихъ архивовъ. Предъ нимъ и его сотоварищами открылся цѣлый міръ, забытый уже казачествомъ. Мысль о государственномъ бытіи Дона, о его республиканскихъ вольностяхъ воодушевила его и его кружокъ. Объ этомъ кружкѣ сообщалъ декабристъ Завалишинъ, писавшій (въ «Запискахъ» своихъ), что на Дону были тайныя общества, оставшіяся, однако, неизвѣстными правительству, «что въ этихъ обществахъ мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности посредствомъ возстановленія войсковыхъ Круговъ». «Историкъ Донскихъ казаковъ былъ членомъ Тайнаго общества» (декабристовъ). По другимъ свидѣніямъ, Сухоруковъ, будто бы, сказалъ декабристу А. Бестужеву, что о народномъ правленіи на Дону «и думать нечего, ибо казаки привержены къ царю и никакъ не могутъ вообразить иного порядка» . . . Правительство не узнало о кружкѣ Сухорукова, но съ 1827 г. и до его смерти его гоняли на службу по окраинамъ, отобравши предварительно у него всѣ историческіе матеріалы, имъ собранные. Его замѣчательный трудъ — «Историческое описаніе Войска» — былъ напечатанъ лишь въ 1867—72 г. г.¹⁾

Такимъ образомъ, идея Круга, какъ органа народнаго правленія, возродилась на Дону въ 1820 г. и съ тѣхъ поръ никогда не умирала тамъ. Дону отведено было мѣсто и въ проектахъ государственнаго устройства, составленныхъ декабристами. Н. М. Муравьевъ дѣлил Россію на 13 «державъ» (штатовъ) и двѣ области: Славянскую, съ центромъ союзной власти, и — Донскую. Но никакихъ намековъ на возстановленіе Круга по проекту Муравьева не было. Донъ опъ организовывалъ подобно другимъ штатамъ, какъ штатъ съ сенатомъ («Областной Думой») изъ 5 членовъ, и палатой депутатовъ («Палатой Выборныхъ») изъ 15 членовъ, съ «Правителемъ области» по выбору «Народнаго (Верховнаго) Вѣча», и съ сенатомъ при Правителѣ (изъ 5 членовъ). Нечего и говорить, что чудовищный имущественный цензъ для избирателей и избираемыхъ, который предполагался Муравьевымъ, не подходилъ для Дона.

¹⁾ Ср. «Ист. опис. Земли Войска Дон.» изд. 2, Новоч., 1903 г.

Въ «Русской Правдѣ» своей Пестель дѣлил Россію на 50 «округовъ» и 3 «удѣла» (Донской, Аральскій и Столпчный). «Землю донскихъ казаковъ» Пестель выдѣлялъ въ виду ихъ служебной полезности. «Почему и должны они имѣть свое особенное образованіе, особенное правленіе и особенное начальство». «Казаковъ» Пестель помѣщалъ «среди различныхъ племенъ къ Россіи присоединенныхъ», по «казаки не столько происхожденіемъ своимъ, сколько образомъ своего существованія отъ прочихъ россиянъ различаются». Основами устройства донскихъ казаковъ Пестель считалъ: общность владѣнія войсковою землею, отмену дворянства, возвращеніе въ ряды казачества всѣхъ его чиновъ, по окончаніи службы.

Столица донскаго удѣла — Новочеркасскъ «или какой либо другой городъ по желанію и выбору самихъ казаковъ». Удѣлъ дѣлится на 10 «Начальствъ» уѣздовъ (каждое «Начальство» на 10 станицъ или волостей). «Станица управлялась бы земскою управою (по выборамъ). «Начальство» — «частною управою». Удѣлъ — войсковою управою.

«Старшины», (т. е. выборные представители) во всѣхъ управахъ земскихъ и частныхъ, кромѣ «предводителей», «назначаться бы должны отъ самихъ казаковъ на три года посредствомъ выборовъ». «Предводитель Войсковою управы» или «атаманъ», всѣ четыре предсѣдателя «войсковою управы» и «предводители» всѣхъ управъ должны были назначаться отъ правительства. Такимъ образомъ, переводя это на донскіе термины, Пестель признавалъ нѣкоторую «особность» Дона, вводилъ окружное самоуправленіе, но атамановъ станичныхъ, окружныхъ и войскового мыслилъ лишь назначенными. «Войсковою же кругъ» замѣнялся «Войсковою Управою», представительнымъ собраніемъ на основѣ трехстепеннаго избирательнаго права.

Глава IV.

Кругъ и положеніе 1835 г.

Въ августѣ 1826 года атаманъ Иловайскій, находившійся подъ вліяніемъ кружка Сухорукова, подалъ Николаю I записку, весьма любопытную, по поводу работъ Комитета 1819 года. «Въ составѣ Комитета, — писалъ атаманъ, — не было ни одного члена, избраннаго донскимъ Войскомъ. Члены, избранные всѣмъ Войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого либо». Комитетъ сталъ писать новое Положеніе, не собравши «всѣхъ собственныхъ распорядки и обычаи Войска, имѣющіе на Дону силу закона.»

Иловайскій, несомнѣнно, выражалъ мнѣніе казачества, говоря, что «не сохранить обычаи освященные временемъ, значитъ потрепяти права и привилегіи донскихъ обывателей». Иловайскій просилъ Николая повелѣть: приготовленное положеніе для Донскаго края еще разсмотрѣть съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ

всѣмъ войсковымъ обществомъ. Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составитъ подъ наблюдениемъ правительствующаго. Довѣренные члены будутъ вполнѣ знать мѣстные положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія. Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упомянутымъ сводомъ донскихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостью . . . монарховъ вникнуть во всѣ мѣстные обстоятельства, въ самые права и обычаи страны, и потомъ сдѣлаютъ замѣчанія на проектъ комитета.

Чернышевъ, которому Николай I передалъ документъ для отзыва, заявилъ: атаманъ . . . испрашивая дозволенія пересмотрѣть проектъ комитета — на Дону, явно присвоитъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ общества, или народныхъ представителей, которые бы, составляя себѣ законы, находились бы въ непосредственномъ отношеніи къ Государственному Совѣту; себѣ же лично (присвоитъ) наименованіе «правительствующаго». Далѣе шли общія положенія: «Въ Государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство истекаютъ отъ единой Самодержавной Власти Государя, подобныя присвоенія и даже самыя мысли объ оныхъ не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.» «. . . Доселѣ — утверждалъ Чернышевъ, — въ Россіи ни одна область не имѣла права избирать представителей . . . Тѣмъ менѣе могло быть такое (право) дано Донскому Войску, зависѣвшему начально отъ Иностранной, а потомъ отъ Военной Коллегіи, впоследствии же отъ общаго порядка въ государствѣ . . . и никогда не имѣвшему у себя ни правительствующаго, ни правительства, а просто атамана и войсковую канцелярію, составляющаго мѣстное начальство въ войскѣ, въ видѣ губернскаго.»

Здѣсь Чернышевъ былъ неправъ, конечно, ибо Донъ имѣлъ свое правительство, и свое народное представительство, хотя и въ прошломъ. Чернышевъ указалъ на источникъ донскаго автономизма: «между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучающихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли насчетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе частное и чуждое для общества заблужденіе должно исчезнуть само собою, коль скоро ясные законы стали бы направлять каждаго къ исполненію его обязанностей.» . . . Здѣсь былъ намекъ и на Денисова, и на Сухорукова.

Чернышевъ считалъ выступленіе Иловайскаго опаснымъ въ будущемъ, когда подобныя мысли стали бы «вольнодумными». Онъ не считалъ возможнымъ выборъ «представителей» отъ однихъ «чиновниковъ». . . «Въ дѣлѣ общемъ, каково есть устройство цѣлаго Войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе.» Но тогда «казачьи представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя

нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину. Оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя пользы своего сословія, а . . . представители чиновниковъ должны были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и сдѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ». Такъ широко разсматривалъ Чернышевъ вопросъ о возможности созданія Войскового Круга на основѣ представительства. Вообще же, въ запискѣ Иловайскаго Чернышевъ усматривалъ «сокровенный замыселъ донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ», возстановить «угнетенное состояніе казаковъ» и «силою уже общаго постановленія утвердить господствующіе въ семь краѣ произволь и безотчетность . . .»

Иловайскій былъ уволенъ съ преданіемъ суду, якобы за злоупотребленія. Онъ, несомнѣнно, искренно желалъ автономіи Дона, Войскового Круга по выбору отъ всего казачества, а не отъ однихъ «чиновниковъ». Правительство же вызвало 4 «депутатовъ» отъ донскихъ дворянъ и приняло во вниманіе ихъ замѣчанія. О Пріѣздѣ на Донъ опальнаго А. В. Иловайскаго, наказный Атаманъ Андріановъ доносилъ, что по этому случаю «въ городѣ производятся тайныя и явно неблагонамѣренныя сходбища», въ которыхъ участвуютъ . . . «полицеймейстеръ, пристава и квартальные». Такимъ образомъ, даже полиція на Дону была, яко-бы, проникнута автономистскими стремленіями.

Въ началѣ царствованія Николая I казачьи войска были введены въ титулъ, но не императорскій, а наслѣдника престола. А именно, 2 октября 1827 г. девятилѣтній цесаревичъ Александръ Николаевичъ назначенъ былъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Если для войскъ, исконно служившихъ, это обозначало лишь «шефство», то для бывшихъ вольныхъ войскъ (Донскаго, Яицкаго, Терскаго) это значило окончательное присоединеніе ихъ къ Имперіи. Отнынѣ войсковые Круги должны были служить пышной декорацией при пріѣздѣ на Донъ императора и наслѣдника. Паденію стараго Круга способствовалъ переводъ столицы изъ историческаго Черкаска (станицы Старочеркасской) въ построенный на высокомъ бугрѣ чиновничій Новочеркасскъ (1805 г.). Никакіе «жители» столицы не участвовали болѣе въ Кругѣ. Участіе въ немъ стало дѣломъ военного наряда отъ войсковыхъ частей.

Въ 1837 году Николай I посѣтилъ Новочеркасскъ и, лично введя наслѣдника въ Войсковой Кругъ, вручилъ ему знаки атаманскаго достоинства. 31-го октября 1850 г. наслѣдникъ снова былъ въ Кругѣ и держалъ рѣчь. Вспоминая Кругъ 1837 г., онъ заявилъ, что «гордится быть Донскимъ Атаманомъ».

«Положеніе объ управленіи Донскаго Войска» 1835 г. было актомъ центральной власти, который стремился, не безъ аракеевской точности, предусмотрѣть и регламентировать всѣ стороны жизни Войска и казачества. Это «положеніе», не лишенное технической законодательной эlegantности, ничего не имѣло общаго съ историческими правами Дона и казачества. «Привилегіи» такъ и остались грудой грамотъ, хотя главѣ Войска — войсковому наказ-

ному атаману¹⁾ — «Положеніемъ» предписывалось имѣть «неусыпное наблюдение, чтобы . . . не были нарушаемы или ослабляемы дарованныя Войску привилегіи и преимущества». (Ч. I § 7, п. 2.) Атаманъ былъ приравненъ къ «Военному Губернатору, управляющему гражданской частью». По военной части онъ дѣйствовалъ черезъ Войсковое Дежурство, по гражданской — черезъ Войсковое Правленіе.

Единственнымъ пунктомъ «Положенія», упоминавшимъ о Кругѣ, былъ параграфъ о . . . «Войсковыхъ Есаулахъ», которые прямо именовались «адыютантами» атамана. Вотъ этотъ пунктъ: «Для сохраненія въ Войскѣ издревле существующаго званія Войсковыхъ Есауловъ, которые при Войсковыхъ Кругахъ исполняютъ должность докладчиковъ или адыютантовъ», Положеніе устанавливало: «имѣть въ Войскѣ и на будущее время двухъ Войсковыхъ Есауловъ».

«Выборъ» ихъ «представляется Войсковому Наказному Атаману, въ Войсковомъ Кругу, на 3 года, изъ достойнѣйшихъ есауловъ, несмотря на старшинство ихъ». По просту говоря, генераль могъ назначить себѣ двухъ адыютантовъ. Но были помянуты историческія слова о Кругѣ, о выборѣ и докладчикахъ и т. п. Больше нигдѣ о Кругѣ во всемъ «Положеніи» не упоминалось.

Положеніе 1835 г. ввело на Дону почти все губернскаго учрежденія, но съ обязательнымъ наименованіемъ ихъ «Войсковыми». Все выборныя должности по администраціи замѣщались по выбору донскихъ дворянъ сословіемъ войсковыхъ чиновъ. «Демократизмъ» Комитета 1819 года выразился въ томъ, что станичныя общества получили право выбирать «Засѣдателей изъ урядниковъ и казаковъ въ Войсковой Судъ и въ Окружныя Судныя и Сыскныя Начальства, на 3 года, съ утвержденія атамана». Положеніе 1835 г. было, въ значительной степени, аграрнымъ закономъ. Но это не относится къ исторіи Круга, какъ учрежденія, ни къ исторіи донской автономіи.

Отъ внимательныхъ иностранныхъ наблюдателей не ускользнуло положеніе 1835 г., Англійскій дипломатъ въ 1844 г. писалъ, что Николай I «не безъ успѣха ограничилъ казачьи привилегіи, и сдѣлалъ это чрезвычайно ловко и искусно, такъ что казачья масса, чрезвычайно привязанная къ нимъ, и не почувствовала этого.²⁾

«Черезъ 20 лѣтъ — пророчествовалъ англичанинъ, скорбѣвшій о гибели донской «чисто демократической конституціи» — донской казакъ въ родномъ своемъ краю будетъ тѣмъ же, что сегодня (1844) представляетъ изъ себя москвитинъ: стойкое и радостное довольство вольныхъ поколѣній исчезнетъ, и мы увидимъ казака согбеннымъ подъ игомъ этихъ притѣснительныхъ учрежденій, которыя составляютъ удѣлъ русскаго раба . . .»

Положеніе 1835 г. стало основной «конституціей» не только донскаго казачества, но и остальныхъ казачьихъ войскъ, вплоть до

¹⁾ Титулъ этотъ данъ былъ въ 1827 году, когда «войсковымъ» атаманомъ сталъ наследникъ.

²⁾ Revelations sur la Russie par un resident anglais, Paris 1845 v. III 50—52.

1917 года. Этотъ періодъ Донъ пробылъ въ качествѣ «области по особымъ учрежденіямъ управляемой» (1835—1917). Этими «особыми учрежденіями» и были для Дона сепаратный законъ 1835 г. и его послѣдующія измѣненія. Казачество же донское превратилось въ замкнутое, служилое сословіе, закрѣпощенное государствомъ.

Изъ числа нарушеній бывшихъ основъ автономіи Дона при Николаѣ I нельзя умолчать о назначеніи 1839 г. на должность начальника Штаба Войска не казака, бывшаго командира гус. пол. М. Г. Хомутова. Онъ же, послѣ смерти М. Т. Власова, сталъ первымъ атаманомъ не донскаго происхожденія (1848).

Революціонеръ Андрускій, сосланный въ 1847 г. за проектъ республиканской конституціи, въ числѣ штатовъ грядущей федераціи упоминалъ и Донъ, наряду съ Украиной, Черногоріей, Болгаріей, Сербіей, Польшей.

Въ 1848 г. «12—24 апрѣля» въ Парижѣ вышла прокламація, обращенная къ «Храброму народу, казакамъ донскимъ», напоминавшая казакамъ: «ваши свободы и права . . . не устояли противъ нападений то лести, то насилія.» «. . . Довольно Вамъ этой жизни низкой и сромотной, храброй Народъ, проснись на зовъ народа отъ Запада . . . Позовите къ Вамъ всехъ казаковъ и тогда сдѣлаются государствомъ сильнымъ, которое будетъ владѣть землями и морями, и благоденствовать въ славу.» «. . . къ оружію, къ войнѣ, Войны Дона, Урала, сражайтесь одно мгновеніе, какъ вольные Люди, а получите миръ, свободу и щастіе навсѣгда . . .» Неизвѣстный авторъ, повидимому, полякъ, пытался поднять Донъ идеей самостоятельнаго государства, независимаго отъ Россіи.

Глава V.

Кругъ и автономія Дона при Александрѣ II.

Въ царствованіе Александра II Войсковой Кругъ продолжалъ собираться 6 разъ въ году. Кромѣ того, были и чрезвычайные Круги по поводу пріѣзда Высочайшихъ особъ. А. А. Леоновъ, одинъ изъ донскихъ патриотовъ, напечатавшій рядъ статей въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» о прошломъ Дона, оставилъ хорошее описаніе того, чѣмъ былъ Кругъ въ это время (въ началѣ 60-хъ г.). «Церемонія Круга и теперь еще существуетъ — писалъ онъ въ статьѣ, посвященной Кругу въ 1862 г.¹⁾ — но это не болѣе какъ тѣнь стараго Войскаго Круга. Мы выносимъ, въ извѣстное время, Войсковыя регалии, т. е. грамоты и знамена, передъ церковью становимъ послѣднія въ двѣ шеренги (и тутъ даже нѣтъ точности, даже физической), а грамоты выносятся на средину, гдѣ приготовленъ церковный аналой. Въ этотъ Кругъ входитъ духовенство и чиновники Войска; одинъ дякъ войскаго правленія, а чаще кто нибудь (именно, кто нибудь, а не такъ, какъ встарь, непременно войскаго дякъ), читаетъ извѣстную грамоту въ подтвержденіе правъ Войска. Потомъ происходитъ молебствіе — и Кругъ кон-

¹⁾ А. Леоновъ «Войск. Кругъ», «Донъ Войск. Вѣд.», 1862, N 26—27.

чается. Изложивши вкратцѣ эволюцію правъ и значенія Круга, Леоновъ заключалъ: «было бы странно, да и неразумно желать возвращенія отъ нынѣшняго порядка ко временамъ Войскового Круга. Нѣтъ, мы только хотѣли показать, на какихъ началахъ было основано устройство Войска, какими идеями оно жило и еще до сихъ поръ продолжаетъ жить, ибо, съ совершеннымъ вырожденіемъ этихъ идей, казачество, несмотря ни на какую искусственную поддержку, должно необходимо исчезнуть...»

Леоновъ выражалъ пожеланія, чтобы учрежденный для пересмотра Войскового Положенія Комитетъ былъ «вѣренъ въ дѣйствіяхъ своихъ не однимъ только указаніямъ современной науки права, но и справедливымъ требованіямъ исторіи». Идея историческаго права, идея самоуправленія продолжала жить на Дону и прорывалась сквозь цензуру «Войсковыхъ Вѣдомостей...»

Эта оффиціальная областная («Войсковая») газета отразила движеніе, происходившее въ средѣ донской интеллигенціи. Рядъ статей Ив. Попова, А. А. Леонова, Пудавова, А. Полякова, Хар. И. Попова былъ посвященъ прошлому казачеству, выборному началу на Дону, Войсковому Кругу. Въ «Очеркахъ Дона» Филоновъ рассказывалъ о «падении» атамана Степана Ефремова. Подготавливались къ изданію «матеріалы для исторіи Дона» (изд. въ 1864 г.). Организовался статистическій Комитетъ, ставшій фактически донскимъ историческимъ обществомъ и издавшій 2 тома «Трудовъ» (т. I 1867 г., т. II 1872 г.) съ массою цѣннаго матеріала о Донѣ, о Кругѣ, о свободномъ прошломъ казачества. Были изданы первая (1867), а за нею и вторая (1872) часть «Историческаго описанія Земли Войска Донскаго», составленнаго Сухоруковымъ (1864 г.).

Не только казачья интеллигенція заговорила о Кругѣ. Начальникъ Штаба Войска Донскаго, не донецъ, ген. лейтенантъ кн. Дондуковъ-Корсаковъ 3 декабря 1861 г., выступилъ въ защиту правъ Войска съ запискою на имя Военнаго Министерства. Въ этой «запискѣ о Войскѣ Донскомъ» онъ указывалъ Правительству на три «главныя начала казачества»: 1. поземельное начало (принадлежность земли всему Войску); 2. замкнутость Войска; 3. выборное начало и др. особенныя права самоуправленія. «Поэтому онъ желалъ, чтобы помѣщичьи земли на Дону могли продаваться лишь лицамъ войскового происхожденія.» Въ смыслѣ казачества постановленіе это имѣетъ глубокое значеніе. Автономія каждой страны, несомнѣнно, основана на поземельномъ началѣ. Продажа земель иногороднимъ ввела бы въ Войско новый, независимый отъ сего учрежденія элементъ...»

Замкнутость Войска Дондуковъ оправдываетъ слѣдующими соображеніями: «нѣсколько вѣковъ казаки пользуются самостоятельностью»; въ XVII вѣкѣ... «они составляли отдѣльное вольное общество, имѣвшее свои уставы, свои права, коими на войсковыхъ сборахъ или Кругахъ всенародною подачею голосовъ рѣшались общественныя вопросы и избирались войсковые атаманы... имена Ермака и нѣкоторыхъ популярныхъ атамановъ еще очень свѣжи въ памяти народной... какъ гражданинъ, каждый простой казакъ

считаетъ себя съ нѣкоторымъ основаніемъ несравненно выше всѣхъ прочихъ податныхъ сословій Россіи. Выборное начало и другія либеральныя права, составляющія основу казачества на Дону, развили въ немъ чувство личнаго достоинства и самостоятельности...» На Дону развиты «понятія, которыхъ далеко чужда общая масса населенія Россіи». Поэтому, «приписка новаго иногородняго элемента всегда будетъ встрѣчена казаками съ крайнимъ неудовольствіемъ, можетъ даже быть, и съ гласнымъ ропотомъ, какъ нарушеніе одного изъ самыхъ близкихъ сердцу казака постановленій. При свойственныхъ казакамъ недовѣрчіи и подозрительности, подобная мѣра непременно заставитъ ихъ опасаться за прочность существованія самого Войска и возбудитъ недоброжелательство къ Правительству въ населеніи, исключительно привязанномъ и преданномъ имени государя...»

«Выборное начало — продолжаетъ Дондуковъ — составляетъ одно изъ существенныхъ правъ Войска Донскаго, которымъ масса сословія преимущественно дорожитъ. Простой казакъ гордится на станичныхъ выборахъ и сборахъ своимъ правомъ голоса наравнѣ съ прежнимъ своимъ командиромъ полка, офицерами, генералами, если они граждане одной съ нимъ станицы...»

Затѣмъ Дондуковъ упоминалъ о «другой не меньшей привилегіи» — о правѣ казаковъ «сбирать станичныя сборы для обсужденія нуждъ станицъ...»

Весьма важной привилегіей Войска правильно считалъ «право Войска имѣть отдѣльную отъ государственной — Войсковую казну, составлять собственный бюджетъ...» Затѣмъ Дондуковъ перечислялъ права казачества на рыбную ловлю, Манычскую соль и на нѣдра (Грушевскій антрацитъ).

Несомнѣнно, Дондуковъ былъ искреннимъ сторонникомъ широкаго мѣтнаго самоуправленія на Дону. Онъ зналъ проекты Петербурга уничтожить, хотя и подъ либеральнѣйшими, демократичнѣйшими предлогами выборное начало на Дону. Поэтому онъ горячо стоялъ за выборы. «Неоспорима истина — писалъ онъ — что зло, могущее произойти отъ выборнаго начала, несравненно менѣе зла и легче переносится чѣмъ то, которое происходитъ отъ личнаго произвола начальника или отъ самовластнаго управленія краемъ...»

Дондуковъ напоминалъ о чтеніи грамотъ на 6 ежегодныхъ войсковыхъ Кругахъ, о тревожныхъ опасеніяхъ казачества, протестовалъ противъ централизаціи казачьихъ дѣлъ въ Петербургѣ и мысли «подчинить одному единообразному положенію все казачье войско»... Нарушенія основныхъ правъ Войска Дондуковъ считалъ «рановременными, чтобы не сказать опасными». Записку свою Дондуковъ заключалъ здравою мыслью, что «время, обстоятельства и улучшение гражданскаго быта прочаго населенія Россіи могутъ вызвать интересъ казаковъ къ переменѣ настоящаго ихъ положенія и облегчатъ Правительству, если оно это имѣетъ въ виду, слияніе казаковъ съ единообразными началами прочихъ губерній Имперіи». Дондуковъ правильно объяснялъ психологію донскихъ казаковъ: этихъ потомковъ бѣглецовъ изъ Россіи можно было бы привязать къ мѣ-

трополи равенством или преимуществом правъ, но не равенствомъ въ безправіи. Такимъ образомъ, даже въ приѣзжихъ на Донъ администраторахъ идея донской автономіи находила горячихъ защитниковъ.

Въ свое время, назначая ген. Хомутова, посторонняго Войску, атаманомъ, Николай I оговорился въ рескриптѣ, что, «какъ первую изъ важныхъ обязанностей атамана онъ возлагаетъ на него»: попечение о неприкосновенномъ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Бозѣ почивающими его предками и имъ самимъ «любезновѣрному Войску Донскому, и неизмѣнное соблюденіе утвержденнаго для онаго положенія» . . .

«Положеніе» 1835 г., внесенное въ сводъ законовъ, дѣйствительно, соблюдалось, но отъ правъ и преимуществъ остались одни лишь грамоты, «вычитывавшіяся» на Кругахъ. Для этихъ грамотъ, сдѣлали громадный ларецъ (изъ литого серебра, отбитаго казаками у Французовъ въ 1812 г.). Ларецъ этотъ подобенъ былъ великолѣпному гробу, въ которомъ мирно покоились останки донской вольности. А «Войсковая хлѣбъ-соль» послѣ Круга сдѣлалась своего рода поминальнымъ столомъ казачества послѣ панихиды по дорогимъ покойникамъ.

Въ заботахъ о положеніи 1835 г. Хомутовъ, еще въ 1856 г. ходатайствовалъ о созданіи подъ его предсѣдательствомъ, на Дону, особаго Комитета для собиранія и приведенія въ систему всѣхъ дополненій къ положенію 1835 г. Въ Питерѣ было не до того. Но начался радъ адресовъ съ Дона, въ частности отъ дворянъ («войскового общества»), извѣстный «Кузнецовскій адресъ», и правительство, учреждая комитеты сразу во всѣхъ казачьихъ войскахъ, 10 окт. 1859 г. учредило и въ Новочеркасскѣ «временный Комитетъ для составленія проектовъ положенія о Донскомъ Войскѣ». Предсѣдателемъ былъ атаманъ. Исключительно чиновничій составъ и глубокая тайна вызвали слухи, что комитетъ этотъ, прозванный «кодификационнымъ», собирается уничтожить права и преимущества Войска.

Довольно единодушны были, какъ и 40 лѣтъ назадъ (1819 г.) заявленія, что члены Комитета должны быть избраны Войскомъ. Н. И. Красновъ, тогда офицеръ, ген. Штаба, составлявшій «географическое и статистическое описаніе Земли Войска Донского»,¹⁾ отмѣтилъ въ этомъ официальномъ изданіи: «въ настоящее время вопросъ о правахъ и повинностяхъ казаковъ составляетъ главнѣйшій предметъ толковъ, и донцы желали бы обсудить этотъ вопросъ сами, образовавъ изъ себя собраніе и заявивъ въ немъ свои мнѣнія и искреннія желанія, передать ихъ на разсмотрѣніе Правительства. Всякое же постановленіе помимо ихъ заявленія возбуждаетъ въ донцахъ неудовольствіе и нелюбовь къ иногороднимъ, которыхъ они называютъ «русскими», считая себя какъ бы отдѣльнымъ народомъ» . . . Дѣло шло о возстановленіи Войскового Круга, какъ представительнаго органа.

¹⁾ Вышло въ свѣтъ въ 1863 г.

Круга не устроили, но вызвали изъ станицъ въ нѣкоторомъ числѣ представителей для участія въ Комитетѣ. Участіе станичниковъ было очень полезно для комитета, и дважды просили съ Дона отсрочить его закрытіе (4 дек. 1826 г. срокъ продолженъ былъ по 1 Юля 1863 г., и затѣмъ по 1 Янв. 1865 г.).

Но въ Петербургѣ Главнымъ Управленіемъ иррегулярныхъ войскъ донской проэктъ былъ признанъ «не соответствующимъ духу новѣйшаго законодательства» и ходатайство о возрожденіи Круга положено было подъ сукно¹⁾ (1865). Но въ 1863 г. обстоятельства были еще серьезны. Возстала Польша, донцы пондобились. 6-го Юня 1863 г. Александръ II открылъ финскій сеймъ личною рѣчью а къ «автономистамъ»-донцамъ поѣхалъ наслѣдникъ Николай Александровичъ. Онъ явился 8 авг. 1863 г. въ Войсковой Кругъ, гдѣ принялъ знаки атаманскаго достоинства. Путешествіе это имѣло политическій характеръ, ибо казачество волновалось слухами, что казаковъ «хотятъ повернуть въ крестьянъ». Свита цесаревича, вернувшись въ Петербургъ, сообщила, что существуетъ «стремленіе донскихъ казаковъ къ автономіи и независимости».

Тогда, 8 сент. 1863 г., была послана на Донъ торжественная грамота, подтверждавшая права Войска и казачества, для объявленія въ Войсковомъ Кругу. Къ бумажному подтвержденію старыхъ много разъ нарушенныхъ привилегій добавили реальную льготу: сокращеніе срока службы до 15 лѣтъ.

Послѣ смерти великаго кн. Николая Александровича (29 мая 1856 г.) званіе атамана перешло къ его брату вел. кн. Александру Александровичу. Новый цесаревичъ явился принять знаки атаманскаго достоинства въ Воск. Кругъ 31 Юля 1869 г. 21 го мая 1870 г. онъ былъ присланъ на Донъ по случаю 300 лѣтняго юбилея Войска (считая отъ 1 уцѣлѣвшей царской грамоты 3 янв. 1570 г.). Въ Войсковомъ Кругу цесаревичъ произнесъ рѣчь, въ которой помимо обычныхъ его положеній официальной благодарности Войску, содержалось и политическое заявленіе: «Наше общее пожеланіе, это-чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрѣпилось на долгое время во вѣки вѣковъ» . . .

Было бы странно говорить на юбилей иныя рѣчи. Въ жизни же проводилась другая программа. 5-го ноября 1865 г. Александръ II обратился съ рѣчью къ членамъ созданнаго въ Петербургѣ временнаго Комитета для пересмотра казачьихъ положеній, при Главномъ Управленіи иррегулярныхъ Войскъ²⁾.

Въ этотъ Комитетъ были затребованы съ мѣстъ «представители» Войскъ по одному отъ каждаго Войска, «по избранію» наказнаго атамана каждаго Войска. Александръ II объяснилъ этимъ «депутатамъ» по назначенію, что они вызваны, чтобы съ ихъ помощью «разъяснить истинныя ихъ нужды». Александръ II желалъ чтобы «въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было сколько возможно согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. . .» «Казачье населе-

¹⁾ Проектъ этотъ такъ и не обнародованъ еще.

²⁾ Открылся Комитетъ 2 октября 1865 г.

ние, отбывая по прежнему военную свою обязанность, может и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданского благоустройства. . .»

12-го августа 1872 г. Александръ II явился въ Войсковой Кругъ, гдѣ сказалъ: «Мнѣ остается желать, чтобы Войско Донское, сохраняя доблести своего вѣкового казачества, развивалось и въ гражданскомъ быту, согласно даннымъ Мною указаніямъ». По отношенію къ Дону осуществлялась программа Военнаго Министра Д. А. Милютина, типичнаго демократическаго цезариста. Какъ и всѣ реформы 60-хъ г. г., реформы на Дону должны были облагодѣтельствовать казаковъ безъ ихъ спроса и вѣдома. Милютинъ хотѣлъ «объединить сколь возможно казачье сословіе съ другимъ, совместно съ нимъ обитающимъ населеніемъ, подъ однимъ общимъ гражданскимъ управленіемъ, сохранивъ отдѣльность только въ военномъ устройствѣ казаковъ, въ собственномъ хозяйствѣ войсковомъ и военной администраціи.¹⁾

Главные реформы, которыя должны были одобрить въ Петербургѣ «депутаты» отъ казачьихъ атамановъ, были законоположенія о земствѣ, судѣ и военной повинности, выработанныя питерскими чиновниками. «Депутаты» не могли много разговаривать. Въ результатѣ, казачество хорошо приняло новый судъ, особенно выборныхъ мировыхъ судей, но земство, не приспособленное къ донскимъ условіямъ, встрѣтило недовѣріе, а потомъ протестъ казачества.

Сколько ни были скромны донскіе «депутаты» отъ атамана, но и тѣ выступили (въ 1867 г.) съ протестомъ противъ предполагавшагося измѣненія «образа служенія» донцовъ. Они заявили, что «ненарушимость настоящаго образа служенія Войска Донского утверждена Высочайшими грамотами и Императорскимъ словомъ четырехъ монарховъ, въ послѣдній разъ столь недавно» (1863 г.) «Всякая перемѣна его была бы принята донцами съ прискорбіемъ, какъ нарушеніе пожалованныхъ привилегій. . .» Протестъ имѣлъ успѣхъ. Вообще же, реформы слѣдовали одна за другой, безъ всякой справки съ исторіей Дона и желаніями казачества. Тѣмъ болѣе, что у Комитета нашелся конкурентъ на Дону въ лицѣ атамана А. Л. Потапова, который (1865—1868) вырабатывалъ ихъ тоже не спрашивая казачество, съ чрезвычайной быстротой.

Вмѣсто созыва Круга Донъ при Александрѣ II подарили слѣдующими реформами, цѣль которыхъ была уничтожить остатки его автономіи. Воспоминаніе о государственномъ бытѣ Дона, заключавшееся въ имени «Земли Войска Донского», стерли, наименовавши, по случаю 300-лѣтняго юбилея Войска «Землю» — областью, а «Войсковое Правленіе» — областнымъ. Въ 1865 г. по развѣянности, забывши о титулѣ наслѣдника, назвали донскаго атамана «войсковымъ»; но уже въ 1866 г. возстановили названіе «войскового наказнаго атамана», установленное въ 1827 году. За то атаману дали права генераль-губернатора.

Точно въ пику Дондукову и его запискѣ 1861 г., стали отмигать на Дону выборное начало. Въ 1866 г. отмигли выборы

¹⁾ Всенодд. отчетъ за 1868 годъ.

окружныхъ стряпчихъ, въ 1867 г. — выборы судей; въ 1868 г. — по администраціи. Областное правленіе было учреждено по типу губернскихъ, но оставили (на бумагѣ) выборность «совѣтниковъ» и казначея. Ихъ должно было выбирать будущее «Земство Войска Донского», но фактически и въ періодъ 1876—1882 г. такъ никогда и не выбирало. Законъ 13 мая 1870 г. предоставилъ участіе въ станичныхъ сходахъ лишь домохозяевамъ и примѣнилъ къ станицамъ положеніе 1861 г. объ устройствѣ сельскихъ обществъ. Станичное самоуправленіе было отдано подъ надзоръ окружныхъ начальниковъ и наказнаго атамана.

Финансовая автономія Войска была уничтожена въ 1867 г. Правительство не рѣшилось отнять у Войска т. наз. «войсковые капиталы», которые были признаны «собственностью цѣлаго Войска, какъ особаго государственнаго установленія». По существу, эти капиталы въ приходной и расходной частяхъ были ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ бывшаго государственнаго бюджета донской республики. Только имѣя это въ виду и можно понять, почему на войсковые капиталы была возложена оплата тѣхъ расходовъ, которые носили общегосударственный характеръ и въ остальныхъ губерніяхъ Россіи относились на счетъ казны. Въ 1871 г. объединили капиталы въ единый «войсковой капиталъ». Распоряжаться имъ сталъ Военный Совѣтъ въ Петербургѣ по представленіямъ областного правленія. Созданіе единства государственной кассы повело къ сосредоточенію всѣхъ денежныхъ суммъ въ кассахъ имперскаго Министерства финансовъ. Войсковому начальству воспретили вводить какіе-либо сборы въ Войскѣ. Войско лишилось права опредѣлять свои приходы и расходы. При составѣ Областнаго Правленія по назначенію, это, конечно, была бы уже автономія чиновниковъ, а не области и ея жителей.

Въ 1862 г. Войско лишилось винной регалии, въ 1880 г. отмигна акциза на соль сдѣлала безсодержательной соляную регалию Войска. Свобода отъ таможенныхъ пошлинъ была утрачена въ XVIII вѣкѣ. Свобода отъ торговаго обложенія потеряла смыслъ съ разрѣшеніемъ торговать на Дону всѣмъ желающимъ. Свобода отъ подушной подати лишилась своего смысла для казаковъ въ 1882 и 1885 г., когда эта подать снята была и съ крестьянъ. Косвенные налоги взымались и съ казаковъ. Поземельный налогъ, съ ростомъ доходности земель, сталъ составлять все меньшую и меньшую часть этой доходности, а свобода отъ него казаковъ давала имъ минимальное облегченіе. Новые виды прямого обложенія, какъ налогъ на наслѣдства, на процентныя бумаги и квартирный были распространены на казаковъ. Позабывши о грамотахъ XVIII вѣка, стали взыскивать съ нихъ гербовый сборъ.

Даже права Войска на землю подверглись сомнѣнію въ Комитетѣ для пересмотра казачьихъ законоположеній. Казачья войска пожелали опредѣленія правъ каждаго войска, какъ особаго учрежденія, въ отношеніи войсковыхъ земель. Чиновники Комитета признали «предрѣшеніе вопроса о правахъ казачьихъ войскъ на земли тѣмъ болѣе бесполезными, что Правительство, какъ верховный вла-

дѣтель, имѣеть право (?) распорядиться этими землями сообразно съ своимъ видамъ, обстоятельствами и потребностями мѣстнаго населенія, будетъ ли объ этомъ сказано въ положеніи о земельномъ устройствѣ казачьихъ войскъ, или нѣтъ» . . . Всѣ Высочайшія грамоты, начиная съ 1793 года, шли на смарку. Суверенное право метрополи хотѣли утвердить превыше историческихъ правъ донской колоніи. Но мысль была слишкомъ смѣла. Предпочли снова писать въ грамотахъ завѣренія «Императорскимъ словомъ» а не распоряжаться войсковою землею безъ Войска, безъ казачества.

Въ 1868 г. земля донскихъ помѣщиковъ, нѣкогда похищенная у Войска, была объявлена ихъ собственностью съ правомъ продавать ее кому угодно. Въ 1869 г. было повелѣно нарѣзать пай «чиновникамъ» Войска изъ станичныхъ юртовъ. Въ 1870 г. было издано положеніе объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ Донского Войска участками изъ Войсковой земли. Тщетно пытался Военный Совѣтъ напомнить, во время выработки «положенія», что «Войску Донскому всемилостивѣйшими грамотами земли пожалованы въ общее достояніе всего войскового сословія» (казачества.) Высочайшее повелѣніе все рѣшило: Значительная часть войсковой земли оказалась во владѣніи частныхъ лицъ. Кромѣ того, въ 1858 г. было создано т. наз. «частное коннозаводство» въ Задонской степи, изъяснявшее 783.000 десятинъ войсковой земли. Такимъ образомъ, въ 1881 году были уничтожены, въ сущности, почти всѣ привиллегіи Войска и казачества. Не буду говорить о такихъ признакахъ автономіи, какъ мѣстное происхожденіе чиновниковъ. Последнее, нарушенное Николаемъ I, было отмѣнено окончательно при Александрѣ II. Равнымъ образомъ, сосредоточенность мѣстныхъ дѣлъ въ единомъ центрѣ, была нарушена въ царствованіе Александра I. При Николаѣ I всѣ дѣла края снова сосредоточили въ военномъ министерствѣ. При Александрѣ II сперва раздали дѣла по отдѣльнымъ министерствамъ, потомъ многое опять вернули въ военное министерство. Но эти рецидивы сосредоточенія дѣлъ по управленію Войскомъ не были признакомъ автономности края. Наоборотъ, это было средствомъ еще большей милитаризаціи управления, введеніе военныхъ навыковъ и требованій въ гражданскую жизнь казачества.

Глава VI.

Земство на Дону. Идея Круга у народниковъ.

Наконецъ, введеніе земскаго самоуправления было произведено съ полнымъ пренебреженіемъ къ проэкту, выработанному на Дону (14 янв. — 29 окт. 1867 г.) Комитетомъ, въ которомъ были представители всѣхъ сословій, имѣвшихъ право на участіе въ самоуправленіи. Донской проэктъ былъ отвергнутъ Главнымъ Управленіемъ иррегулярныхъ войскъ. Оно выработало свой проэктъ, по возможности близкій къ закону о земствѣ 1864 г. Главное мѣсто въ Донскомъ Земствѣ, по закону 1875 г. занимали дворяне. вмѣстѣ съ

торговымъ сословіемъ, безъ голосовъ крестьянъ, они могли подавить голоса представителей отъ станицъ.

Въ 1880 году ген. Маслоковецъ, критикуя донское земство, рисовалъ «стройно-организованную» военно-административную систему управленія Дономъ. «Послѣ чего не останется уже мѣста для хозяйственнаго безцвѣтнаго учрежденія съ безчиновными своими агентами.» Противъ земства пошла всевластная администрація, впервые обложенные сборами отставные офицеры и чиновники, окружные начальники, атаманы отдѣловъ. Казачья масса была истомлена войною 1877—8 г. г., неурожаями, падежами скота. Денежныя земскія повинности и ихъ поголовная раскладка (вмѣсто прежней — на однихъ служилыхъ казаковъ) заставили казаковъ думать, что ихъ хотятъ превратить въ податное состояніе. Они заявляли: «земля наша завоевана нашими предками, заслужена ихъ и нашею службою Государю и Отечеству и потому не должна быть облагаема налогами» . . . Отказъ казачества платить земскіе налоги былъ поддержанъ администраціей, подстрекавшей казаковъ къ неповиновенію. Недовольство казаковъ, считавшихъ себя хозяевами края, полноправными гражданами, было вызвано и тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣли въ Областномъ Земскомъ Собраніи лишь 127 мѣстъ, а противъ нихъ были 134 мѣста у землевладѣльцевъ и торговаго сословія, не считая 40 мѣстъ представителей сельскихъ обществъ. Съ точки зрѣнія демократической наиболѣе недовольны земскимъ закономъ 1875 г. могли бы быть крестьяне, составлявшіе на Дону свыше 40% населенія и имѣвшіе лишь 40 мѣстъ. Но безправные донскіе крестьяне, недавніе рабы донского дворянства, были весьма довольны привлеченіемъ ихъ къ участию въ самоуправленіи. Донскому дворянству законъ 1875 г. механически далъ преобладаніе въ земствѣ. Законъ 1864 г. сдѣлалъ это во всѣхъ 34 губерніяхъ Россіи. Это соответствовало тому положенію, которое создало себѣ Донское дворянство въ отношеніи края и казачьей массы.

Но казаки, проглядѣвшіе постепенное исчезновеніе своихъ привиллегій, земель, постепенное занятіе края крестьянами иногородними, были потрясены. Здѣсь не мѣсто излагать исторію борьбы за и противъ донскаго земства, которое, объективно, было шагомъ впередъ въ дѣлѣ превращенія донской казачьей области въ Донской край, въ которомъ въ всему населенію края представлялись права самоуправления. Для казаковъ это былъ регрессъ вдвойнѣ. Не они уже были хозяева края, хотя бы и номинально, — въ грамотахъ и другихъ актахъ, — а и пришельцы: населенные на ихъ землѣ крестьяне и явившіеся использовать казаковъ «иногородніе». Болѣе того, казаки были оттерты на второй планъ. Наконецъ, — и это пойметъ лишь тотъ, кто знаетъ государственное прошлое Дона и суверенныя права Круга, — самое самоуправленіе по закону 1875 г. было лишь придаткомъ ко всевластной администраціи, было весьма несовершенной и совѣтъ не демократической (хотя бы и для однихъ казаковъ) организаціей.

Администраціей была организована Комиссія по вопросу о земствѣ, подъ предсѣдательствомъ ген. Маслоковца 1879—1880.

Она высказалась за «болѣе тѣсное соединеніе земскихъ органовъ съ... мѣстной администраціей» и за «подчиненіе ихъ серьезному, независимому отъ нихъ правительственному контролю». Областное Земское Собраніе 1880 г. отвѣтило на это, что Земскія учрежденія служатъ прочнымъ залогомъ лучшаго будущаго Донской земли. Сложная и трудная работа, выполняемая земствомъ «безъ участія въ ней общественныхъ силъ съ успѣхомъ выполнена быть не можетъ»; эта работа, «являясь дѣломъ выборныхъ представителей всѣхъ сословій края, составляющихъ въ Земствѣ одно цѣлое, при постоянномъ и энергичномъ содѣйствіи администраціи, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ». Областное Земское Собраніе было противъ умаленія правъ донского земства, «такъ какъ только эти права въ состояніи возратить утерянное областно процвѣтаніе и только они одни послужатъ самою крѣпкою связью между областно и общимъ нашимъ отечествомъ — Россіей». Интересно отмѣтить это противопоставленіе «Края», Донской «Земли», — «общему отечеству» — Россіи. По существу земцы были правы, говоря, что только широкое самоуправленіе могло бы тѣснѣе привязать Донъ къ Россіи.

Въ отвѣтъ на предположеніе военнаго министра пріостановить дѣятельность земства на Дону (января 1881 г.) атаманъ Краснокутскій настоялъ на созваніи комиссіи изъ 100 представителей отъ всѣхъ сословій области. Милютинъ же полагалъ возможнымъ сдѣлать опросъ «выборныхъ отъ всѣхъ сословій», но не ранѣе, какъ черезъ 1½—2 года послѣ закрытія земства.

Этимъ временемъ на престолъ вступилъ Александръ III. Представившейся ему донской депутаціи, выразившей опасенія за будущность земскаго самоуправления, новый Императоръ сказалъ, что «введеніе земскихъ учрежденій онъ считаетъ правомъ, дарованнымъ краю его покойнымъ августѣйшимъ родителемъ и отнятіе этого права было бы большою несправодливостью». Въ ноябрѣ 1881 г. созвали въ Новочеркасскѣ «комиссію для разрѣшенія основныхъ вопросовъ по предмету примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Донской области», или т. наз. «комиссію 106-ти». Комиссіи дали всего 9 дней, разбили ее на три группы, чтобы отдѣлить представителей станицъ отъ интеллигенціи, и позволили каждой группѣ засѣдать лишь 3 дня.

Вторая группа, представлявшая коренныхъ донскихъ крестьянъ и торговое сословіе (т. е. часть иногороднихъ), высказалась, естественно, за земство. Третья группа землевладѣльцы, шахтовладѣльцы, коннозаводчики и представители войсковой администраціи — была увлечена за собою представителями земства (А. А. Доненкинымъ и А. А. Карасевымъ) и признала, что «казаку нужно дать представительство въ управленіи всѣмъ областнымъ и окружнымъ хозяйствомъ». Имя неважно, но оно должно быть «дѣйствительнымъ и широкимъ представительствомъ», такимъ, «чтобы и казакъ, и крестьянинъ, и землевладѣлецъ управляли общественнымъ дѣломъ черезъ своихъ избранниковъ и чтобы особые выборные отъ всѣхъ сословій контролировали это дѣло и давали указанія; чтобы судьба

этого представительства и дѣйствія представителей не зависѣли отъ усмотрѣнія единичныхъ административныхъ лицъ.»

Еще болѣе неожиданнымъ для властей оказался отвѣтъ первой группы — представителей отъ станицъ. Они выразили пожеланіе, «чтобы въ Новочеркасскѣ было утверждено Хозяйственное Выборное Гражданское Управленіе... При этомъ учрежденіи долженъ быть ежегодный созывъ Войскового Круга, состоящій изъ представителей отъ каждой станицы по одному человеку, которые и должны обсуждать и утверждать всѣ дѣла самоуправления и предьявлять правительству наши нужды...» Существующую администрацію казаки признали «совершенно полезною», — но, прибавляли они, «желательно, чтобы на всѣ должности гражданскія избирать представителей отъ населенія края». Земскія учрежденія были «непріятны» казакамъ тѣмъ, что обложили ихъ налогами «за землю и недвижимыя имущества». Казаки заявляли, что, если земскія учрежденія и впредь будутъ «облагать ихъ деньгами», то «казаки сочтутъ это нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и окажутъ сопротивленіе»...

Казаки желали, чтобы «выборы чиновниковъ на гражданскія должности были не по старому Положенію 1835 г., а съ участіемъ наравнѣ и нашихъ «депутатовъ». Очевидно, представители станицъ уже забыли къ 1881 году, что участіе казачества въ выборахъ на должности, даже въ формѣ фиктивнаго подтвержденія состоявшихся выборовъ Кругомъ, исчезло еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до положенія 1835 года. Во всякомъ случаѣ они не хотѣли теперь оставлять выборы въ рукахъ одного дворянства. Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно также происходить «съ участіемъ въ смѣтахъ его нѣсколькихъ человекъ изъ нашихъ представителей.» Наконецъ, казачество желало подтвержденія своихъ историческихъ правъ, а именно, «чтобы въ означенномъ Войсковомъ Кругу выносились всѣ регалии и вычитывались всѣ Высочайшія грамоты, которыя все Войско Донское свято чтитъ и всѣмъ своимъ сердцемъ дорожитъ и будетъ отъ нынѣ и до вѣка изъ рода въ родъ хранить и благоговѣть передъ ними...»

Начальство ждало отъ «казаковъ» гонимого осужденія земства и принципа самоуправления, а въ отвѣтъ получило: 1) просьбу невойскового населенія сохранить земство, 2) пожеланіе представителей имущихъ классовъ и землевладѣльцевъ о расширеніи и независимости мѣстнаго самоуправления и 3) требованіе казачества возстановить Кругъ, выборы всѣхъ гражданскихъ властей и подтвердить конституцію края, хотя и изложенную по «кусочкамъ въ десяткахъ грамотъ. Казаки говорили о прямомъ сопротивленіи обложенію ихъ, хотя бы и подъ предлогомъ земскихъ нуждъ; они торжественно заявляли, что будутъ изъ рода въ родъ хранить свои историческія права.

Казаки продолжали считать Донъ казачьимъ краемъ и противопоставляли себя и крестьянамъ и донскому дворянству. «Крестьянъ потому считаемъ мы противъ себя, — пояснили они, — что съ ними у насъ интересы противоположны и, сказать по правдѣ,

согласія между нами никогда не было, а главное, они очень зависят от помѣщиковъ, военную службу несутъ далеко меньшую, а благъ отъ земства имѣютъ больше. «Они» арендуютъ войсковыя земли, которыя надо употребить на прирѣзку станицамъ земли...» Изъ этого видно, что «крестьяне никакъ не могутъ въ земскихъ собраніяхъ быть на сторонѣ нашихъ интересовъ, когда таковыя сталкиваются съ помѣщичьими интересами». Что касается «помѣщиковъ землевладельцевъ», — то они — офицеры . . . и «при существующей дисциплинѣ и чиновочитаніи» спорить съ ними невозможно. Поэтому «самые умные, честные и даже первые старики не рѣшаются быть гласными (земства), приходится замѣщать въ гласные г. г. офицеровъ. . .» Изъ всего этого и прочаго выходитъ, что мы зависимъ отъ доброй воли г. г. землевладельцевъ, и она очень часто обращается въ произволь. . .»

Такимъ образомъ, казачество желало возстановленія историческаго Войскового Круга (и, именно, т. наз. «сѣзжаго Круга»), участія въ составленіи краевого и войскового бюджета, выборной администраціи. Но въ Кругу, чисто казачьемъ, не находилось мѣста ни для землевладельцевъ, ни тѣмъ болѣе для крестьянъ. Въ выборахъ администраціи землевладельцы могли бы еще участвовать, какъ казаки, приписные къ известнымъ станицамъ. Но крестьянство оставалось въ глазахъ казачества пришлымъ элементомъ, хотя жило уже на Дону сто лѣтъ: тѣмъ болѣе всякіе «наброды» иногородніе, торговцы въ станицахъ, арендаторы паевыхъ и войсковыхъ земель, вообще «русскіе», — всѣ они являлись въ глазахъ казачества какимъ то чуждымъ элементомъ, не связаннымъ кровно съ Донскою Землею.

Правительство воспользовалось несомнѣнной нелюбовью донцовъ къ земской организаціи по закону 1875 г. и уничтожило зачатки того мѣстнаго представительства, въ которомъ могли бы найти примиреніе и объединеніе интересы всѣхъ слоевъ донского населенія. Оно закрыло земскія учрежденія въ 1882 г. О полномъ властномъ же Войсковомъ Кругѣ не было и рѣчи.

Что касается представителей революціонной интеллигенціи, то далеко не всѣ ясно представляли себѣ, чѣмъ былъ Донъ въ прошломъ, но многіе знали постепенную потерю Дономъ его правъ, знали традиціи вольнаго казачества, и возлагали на него надежды въ борьбѣ за политическое и социальное освобожденіе русскаго народа въ его цѣломъ. Въ 1854 г. Герценъ писалъ: «Когда къ двѣнадцати милліонамъ рабовъ присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своихъ правъ и вольностей, раскольники «да сверхъ того часть дворянства, будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ зимняго дворца» . . . Вольнолюбивыя стремленія казачества идеализировали и Бакунинъ и Огаревъ. Но Бакунинъ опасался, что «турки и поляки и даже турецкіе раскольники» (некрасовцы, донскіе эмигранты 1709 г.) могли бы вести на Дону «анти-народнорусскую политику». Петроградское тайное общество «Земля и Воля» въ 1862 г. намѣчало среди районовъ, гдѣ сохранилась память о вѣчевомъ стрѣбѣ, и «казачій» (т. е. донской) районъ, не считая волжскаго и

уральскаго. Корреспондентъ «Свободнаго Слова» (издававшася эмигрантомъ Л. И. Блюммеромъ въ Берлинѣ въ 1862 г.) писалъ: «чѣмъ какая-нибудь страна добровольнѣе присоединилась къ Россіи, тѣмъ горше была ея участь. Ее, повидимому, щадил, наружно оставляли старое устройство, но зато, въ сущности, запутывали страшными сѣтями, прокажали болѣзнями, которыя называются: самодержавіемъ, бюрократіей и холопствомъ». Изложивши исторію постепенной гибели донской автономіи и превращенія казачьихъ привилегій въ одіозныя, авторъ восклицалъ: «О Русь, О Русь!» . . . Когда всѣ дѣти будутъ равноправные граждане, а не «привилегированные», въ родѣ донскихъ казаковъ, рабы.»

Начиналась идеализація Стеньки Разина, въ которомъ Бакунинъ видѣлъ «перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи», Пугачева. Авторы прокламаціи «Молодая Россія» (1862 г.) говорили о «народной партіи»: Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ-за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею» . . . Нечаевъ предвѣщалъ мрачно въ 1869 г.: «Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева» . . .

Революціонное народничество идеализировало казачье прошлое и даже серьезный (заграничный) журналъ П. Л. Даврова «Впередъ» посвящалъ (въ 1873 г.) статью годовщинѣ Пугачевщины и независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ Америкѣ «1773 годъ былъ точкой исхода блестящаго общечеловѣческаго прошедшаго», а въ Россіи 1773 годъ (Пугачевщина) былъ «кровавымъ началомъ великаго будущаго», будущаго не только для Россіи, но и для всего человѣчества . . .

Анархическій (заграничный) органъ «Работникъ» (1875 г.) такъ популяризировалъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ»: «Таковъ то былъ грозный атаманъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ сдѣлать казаками, а быть казакомъ, значить не платить царю подати, не работать на баръ, владѣть землею всѣмъ общинамъ вмѣстѣ и управлять народомъ черезъ выборныхъ людей отъ самого народа». (N 3.) Въ шестомъ номерѣ Работника «говорилось о казачествѣ, которое» московскимъ государствомъ, хитростью да коварствомъ, подарками да милостью было развращено и изъ вольнаго превращено въ служилое» . . .

Органъ крупной революціонной партіи «Земля и Воля» (1878, г. N 1) полагалъ, что отнятіе земли у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ, съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ . . . Такова-же, — добавлялъ авторъ статьи, — остается она теперь для громаднаго большинства русскаго народа» . . . Поэтому эту программу принимали и издатели органа землевольцы, «революціонеры-народники». Врядъ ли, конечно, Разина и Пугачева можно зачислить въ социалисты, но весьма интересно заявленіе землевольцевъ насчетъ «Казачьихъ

Круговъ». Органъ власти (Кругъ) они смѣшивали со станицами или же съ казачьими республиками («автономными общинами»). Легальный «Вѣстникъ Европы» отозвался весьма критически на идеализацию «казачьихъ круговъ» въ органѣ вольной россійской печати. Д. А. Клеменецъ, въ № 3 «Земли и Воли» возражалъ «внутреннему обозрѣвателю» Вѣстника Европы. «Очевидно, — писалъ онъ, — авторъ составилъ себѣ представленіе о казакахъ по французскимъ романамъ; ему дѣла нѣтъ до того, что казачій Кругъ-народное собраніе, имѣющее власть безапелляционно рѣшать свои внутреннія дѣла, судить, выбирать и смѣнять своихъ должностныхъ лицъ, т. е. самая широкая форма мѣстнаго самоуправления». Клеменецъ не зналъ, что казачьи республики были не только самоуправляющимися общинами, но и государствами. Клеменецъ заявлялъ, что не русскій народъ создалъ станovýchъ приставовъ и «современное государственное устройство» . . . Отъ современнаго россійскаго государства народъ нашъ бѣгалъ въ лѣса, за Уралъ . . . «Извѣстно, что противъ этого единого россійскаго государства, сперва Московскаго, потомъ Петербургскаго, онъ возставалъ съ Болотниковыми, Разинными, Булавинными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрѣпилось современное устройство на Руси, то все знаютъ, что оно укрѣпилось на крови народной, что оно досталось намъ цѣной гибели народной культуры и областной земельной и общинной автономіи.»

Такимъ образомъ, идея Круга, подавленная на Дону, возродилась въ Россіи въ программахъ революціонныхъ народниковъ-федералистовъ. Естественно, что «землеволюцы» попытались установить связь съ Дономъ. Молодому тогда землеволюцу Г. В. Плеханову, пріѣхавшему специально изъ Петербурга, казачья интеллигентская группа доказывала, что донское земство — гораздо ниже подлиннаго казачьего самоуправления съ Кругомъ и т. д. Въ этомъ духѣ было казачьями и Плехановымъ, совместно, выработано воззваніе. Къ славному войску Донскому¹⁾. Корреспонденцію о казачьихъ волненіяхъ (1878 г.) на Дону, посланную въ «Землю и Волю» Плехановъ началъ словами: «Вся русская исторія ничто иное, какъ непрерывная борьба государственности съ автономными стремленіями общины и личности». Мысль эту онъ доказывалъ примѣрами изъ исторіи Дона. По существу онъ былъ правъ; только Донъ боролся за свою государственность противъ московской, а вовсе не противъ государственности вообще.

Когда партія «Земли и Воли» раскололась на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», то объ эти партіи продолжали интересоваться казачествомъ, его идеалами (въ прошломъ), и правильно понимали народный характеръ вольной колонизации Юго-Востока и историческія судьбы казачества.

Еще до Плеханова, въ 1872 г., члены кружка «чайковцевъ» собирались пройти по землѣ Войска Донскаго, потолкаться среди казачества, разузнать, какъ велико недовольство его своимъ положеніемъ, живы ли въ немъ старыя преданія о казачьихъ вольностяхъ, о казачьихъ кругахъ, о Стенькѣ Разинѣ» . . .

¹⁾ Налечатать его не удалось.

Мысль объ угнетеніи казачества не чужда была вообще радикальной интеллигенціи. Извѣстный защитникъ по политическимъ процессамъ и поэтъ А. А. Ольхинъ, въ стихотвореніи, посвященномъ смерти Мезенцова: «У гроба», писалъ:

«Стонуть Польша, казаки, забитый еврей,
«Стонетъ пахарь нашъ многострадальный» . . .

Исторія политическаго и экономическаго по цѣлямъ своимъ движенія въ средѣ казачества выходитъ за предѣлы настоящей работы. Отметимъ лишь волненія казаковъ по поводу земства и, особенно, по поводу закона о лѣсоохраненіи, который былъ введенъ въ 1877 году. Они произошли въ ст. Луганской, Еланской и др. Генералу, грозившему усмиреніемъ и сказавшему, что онъ усмирялъ мужиковъ въ 1861 г., казаки отвѣтили многозначительно: «мы тебѣ не мужики». Относительно земства казаки заявляли: «У мужика земля царская, поэтому онъ и платитъ за нее подати; а у насъ, казаковъ, своя собственная, да и служимъ мы царю по своей охотѣ и за эту добровольную службу царь долженъ присылать намъ свои грамоты, подтверждающія наши старыя вольности казачьія». Хоперскій, Донецкій, Черкасскій, Усть-Медвѣдичскій округа отказались отъ уплаты земскаго обложенія. Хоперскій послалъ даже депутацію къ Августѣйшему Атаману просить объ отменѣ земства. Александръ Александровичъ запомнилъ это ходатайство.

Глава VII.

Кругъ при Александрѣ III.

Въ царствованіе Александра III-го Кругъ собирался по традиціи въ немногіе дни въ году и имѣлъ характеръ войскового «парада». Въ 1887 г. имп. Александръ III посѣтилъ Донъ и 6-го мая, въ Войсковомъ Кругу, вручилъ наслѣднику знаки атаманскаго достоинства. Того же 6 мая 1887 г. обнародована была высочайшая грамота, въ которой Александръ III, «желая ознаменовать» тогдашнее свое посѣщеніе «славнаго Войска Донскаго знакомъ особаго къ нему благоволенія», подтвердилъ права и преимущества Войска. Грамота эта была дана не безъ повторныхъ ходатайствъ съ мѣстъ неофициальныхъ, конечно.

Въ 1890 г. (въ приказѣ № 32, по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ, отъ 24 декаб.) войсковою праздникъ Войска Донскаго былъ установленъ на 17 октября. Въ этотъ день долженъ былъ происходить «парадъ, именующійся Войсковымъ Кругомъ.»

Мѣрою, которая помню грамотъ должна была охранить войсковую землю, было разъясненіе Сената по гражданскому кассационному Департаменту, состоявшееся въ 1894 г., о томъ, что «войсковыя и станичныя земли въ Донскомъ Войскѣ не могутъ быть пріобрѣтаемы въ собственность по давности владѣнія.» Что касается «особаго образа служенія», то онъ изъ привилегіи превратился въ тягчайшую повинность. Остатки же автономіи истреблялись въ эту эпоху въ порядкѣ ликвидаціи послѣднихъ, случайно уцѣлѣвшихъ мелочей. Такъ послѣ уничтоженія земства въ 1882 г., совершенно

безцѣльнымъ оказался параграфъ, устанавливавшій въ штатѣ Областного Правленія двѣ особыя должности совѣтниковъ (одинъ по назначенію отъ правительства, другой по выбору земства), Закономъ 28 апр. 1887 г. обѣ эти должности были упразднены, и областное правленіе окончательно приблизилось къ обычному губернскому правленію. Уничтоженіе послѣдней выборной должности въ Управленіи Войска имѣло политическій характеръ. Земскія учрежденія были замѣнены въ 1882 г. областными и окружными «распорядительными по земскимъ дѣламъ комитетами», исключительно чиновничьяго состава. Остаткомъ земства были съ 1882 г. по 1917 г. учрежденныя еще до введенія земства (въ 1871 г.) «Окружныя избирательныя собранія». Цѣль ихъ была, исключительно, выборъ мировыхъ судей. При уничтоженіи выборныхъ мировыхъ судей по всей Россіи (въ 1889 г.) они были оставлены лишь на Дону (и въ станицахъ). Составъ окружныхъ избирательныхъ собраній былъ организованъ согласно закону о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. для землевладѣльцевъ и крестьянъ, и согласно закону 1875 г. о донскомъ земствѣ (для казаковъ, особымъ закономъ 1883 года).

Кромѣ того, присоединенная къ Донской области мѣстность Екатеринославской губерніи (Ростовскій на Дону уѣздъ и Таганрогское градоначальство) были лишены земскихъ учреждений, дѣйствовавшихъ тамъ 21 годъ (1866—1887). За то на Дону образовали не существовавшее до тѣхъ поръ Областное Жандармское Управленіе.

Были введены общія для Имперіи правила по соляной части (1886) и по горной части (1885—1893). Общія мѣста заключенія были переданы въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по главному тюремному управленію), но за содержаніе казаковъ въ тюрьмѣ должно было платить Войско. Въ сферѣ военнаго управленія уничтожили должность «походнаго атамана», сохранившуюся отъ тѣхъ временъ, когда колонія высылала вспомогательные отряды въ метрополию. Въ 1888 г. уничтожили старинный артельный порядокъ довольствія фуражемъ донскихъ полковъ. Казачьи части, внѣ Дона, подчинены были начальникамъ мѣстныхъ бригадъ.

Несмотря на всѣ объединительныя мѣропріятія на Дону не забывали объ автономіи, а Лорисъ-Меликовъ, оглядываясь назадъ, въ 1884 г. говорилъ объ опасности разложенія Россіи на составныя части. «Связь частей въ Россіи, — говорилъ онъ, — еще очень слаба. И Поволжье, и Войско Донское очень мало тянутъ къ Москвѣ . . .»

Войско вскорѣ увидѣло, какимъ несчастьемъ для края было уничтоженіе земства, хотя бы несовершеннаго (по закону 1875 г.). Съ 1882 г. тянутся безконечныя коммисіи по вопросу о введеніи земства на Дону. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ исторію. Войскового же Круга, о которомъ просили казаки въ 1882 г., не было дано, хотя въ эту именно эпоху казакамъ усиленно твердятъ объ ихъ казачьихъ «традиціяхъ», о томъ, что они исконные вѣрные слуги Престола, что земство имѣло цѣлью «рассказчить» ихъ и т. п. Словомъ, традиціи вольнаго казачества подмѣняются традиціями

служлагаго казачества. Войсковой Кругъ, выборность администраціи, самоуправленіе-обходятся молчаніемъ.

Въ области личныхъ правъ бывшихъ гражданъ Донской республики царствованіе Александра III ознаменовано мѣрами, усиливающими военно-государственное закрѣпленіе казачества до крайней степени. Въ 1886 г. уничтожается должность «окружныхъ начальниковъ». Они оказываются слишкомъ «гражданскими» для милитаризуемаго Дона чиновниками и замѣняются «окружными атаманами», сосредоточивающими въ своихъ рукахъ власть и военную и гражданскую. Въ 1882 г. наказному атаману дано было право отправлять въ неправомерномъ порядкѣ казаковъ строевого возраста, безъ очереди, въ полки; а отставныхъ казаковъ «вредныхъ въ общежитіи» ссылать въ отдаленныя станицы, срокомъ, въ обоихъ случаяхъ, на 4 года. Въ 1887 г. были изданы правила о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ казаковъ по усмотрѣнію наказнаго атамана.

Въ 1884 г. вмѣсто «домохозяевъ» позволили участвовать въ станичномъ сборѣ лишь десятидворнымъ. 1-го января 1892 г. ввели высочайше утвержденное 3-го іюня 1891 г. «положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ». Здѣсь не мѣсто излагать это положеніе, мало кому, къ сожалѣнію, внѣ казачьихъ войскъ, извѣстное. Оно устранило молодежь до 26 лѣтъ отъ всякаго участія въ станичныхъ дѣлахъ, подчинило усмотрѣнію начальства всѣ стороны станичной жизни, усилило власть станичнаго атамана, ввело круговую поруку общества за исправный выходъ казаковъ на службу и этимъ закрѣпостило казака. Законъ этотъ далъ громадную дисциплинарную власть станичному атаману, сбору и суду. Главное Управленіе казачьихъ войскъ хотѣло даже ввести наказаніе 20 ударами розогъ, по приговору станичнаго суда, но Военный Совѣтъ отклонилъ это. Вмѣсто выборовъ атамана оставили сбору право представлять трехъ кандидатовъ. Атаманамъ станичнымъ и занимающимъ должности по станичному управленію стали давать награды. Станичный судъ, въ кассационномъ порядкѣ, былъ подчиненъ окружному атаману.

Въ связи съ усиленіемъ дисциплинарной власти станичнаго начальства вмѣшательство администраціи въ частную жизнь казака, даже внѣ военной службы, достигло крайней степени. Установившейся съ 1892 г. въ станицахъ порядокъ далъ основаніе казачьимъ депутатамъ говорить въ Государственной Думѣ о режимѣ «аракчеевскихъ поселеній». Таковъ былъ результатъ реформаторской дѣятельности Александра III. Граждане вольной колоніи превратились въ крѣпостныхъ рабовъ государства, несшихъ военную тяготу въ 13 разъ большую, нежели остальное населеніе.

Казачьи волненія второй половины 80-хъ годовъ и первой половины 90-хъ годовъ, были, однако, вызваны не политическимъ движеніемъ, а экономическими невзгодами казачества. По большей части, это было противодѣйствіе мѣропріятіямъ по чумѣ и по лѣсоохраненію. Самые серьезные беспорядки были въ ст. Кривянской въ 1893 г., когда пришлось вызвать регулярныя войска, пбо казаки отказались «усмирять» своихъ же.

Революціоннаго воздѣйствія на казачество не было, въ сущности, и при Александрѣ III. Врядъ ли дошло до казаковъ «Объявленіе славному казачеству Войска Донскаго отъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли» (отъ 3 сен. 1881 г.). «Атаманы-молодцы» — писали авторы воззванія, напоминая казакамъ объ ихъ боевомъ прошломъ — «заслуга казачья не въ одномъ бою съ бусурманами... Вольное казачество было колыбелью русской свободы. На казачьихъ земляхъ испоконъ вѣковъ все были равны, все были свободны.» «...Ваши дѣды всехъ принимали, никого не выдавали... дѣлали мужика вольнымъ казакомъ и славнымъ вонтедемъ.» ... Кроме того, «много разъ славное войско казачье подымалось на Москву, чтобы освободить народъ русскій.» ... «Въ этомъ самая великая заслуга казачества, что оно давало примѣръ вольности всей Россіи, и всегда за права свои и народныя стояло дружно, не щадя жизни...»

Авторы воззванія звали казаковъ на помощь русскому народу, рассказывали о борьбѣ за землю и волю противъ Александра II, котораго Исполнительный Комитетъ «за все его жестокости самого присудилъ къ смерти и казнилъ 1-го марта.» ... Царь не исполнилъ требованія Комитета: вся земля — крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ артелямъ, а главное, чтобы онъ «созвалъ выборныхъ депутатовъ отъ всего народа, отъ крестьянъ, рабочихъ, казаковъ и проч. и безъ совѣта тѣхъ депутатовъ не назначалъ податей, не издавалъ законовъ, не велъ войны.»

Александръ III тоже объявилъ, что «будетъ царствовать по старому, земли мужикамъ не дастъ и съ выборными совѣтоваться не желаетъ.» «...Нужно — призывалъ комитетъ — поднять возстаніе и низвергнуть Правительство. На мѣсто его мы созовемъ Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ всего народа.» ... Комитетъ спрашивалъ, за кого стануть «атаманы-молодцы» — за Царя или за Народную Волю. Дальше шла часть, специально посвященная казакамъ.

«А, кажется, царскія милости вамъ довольно хорошо извѣстны. Сами знаете, что права и вольности давно помаленьку сокращаются. Правда, теперь еще опасаются сразу перевести васъ на крестьянское положеніе, но дѣлаютъ это потихоньку, да понемножку... Ужъ и теперь нѣтъ у васъ прежняго выборнаго начальства, ужъ и теперь природному казаку трудно выбиться даже въ полковники, а въ Войсковое Правленіе и подавно.» ... На все мѣста царь назначаетъ армейскихъ офицеровъ да чиновниковъ. Ваши войсковыя земли ужъ и теперь разобраны да порозданы, для того, чтобы не было въ казакахъ единодушія... Ваша служба годъ отъ году становится тяжелѣе, для того, чтобы вамъ самимъ не мила стала казачья жизнь и чтобы вы безъ большого сопротивленія согласились сдѣлаться крестьянами. Вотъ куда клонитъ Правительство.» ... Комитетъ обвинялъ правительство во введеніи земскихъ повинностей, за которыми придуть и казенныя. Отъ казаковъ отбираютъ арсеналы и орудія... Собираются уже и славное войско донское искоренить...»

... «Вольность противна царю. Цари васъ только потому не трогали, что боялись. Они знали, что стоитъ лишь казачеству подняться, такъ за нимъ двинется весь народъ. А теперь думаютъ что, ... забылъ крестьянинъ свое братство съ казаками... и васъ начинаютъ подтягивать... и вовсе искоренятъ, если только не освободится весь русскій народъ. Если цари останутся такими же тиранами, какъ и теперь, если весь русскій народъ будетъ въ рабствѣ, ... то не устоятъ и вамъ передъ царскими войсками. Если же народъ русскій освободится, то и все вы останетесь вольными... Тогда вы, казаки, останетесь при своей землѣ, людьми вольными, ваши депутаты тоже будутъ въ правительствѣ, и никто не осмѣлится посягать на ваши права...» «...Либо вы вмѣстѣ со всемъ народомъ освободитесь отъ царскаго ига, либо вмѣстѣ со всемъ народомъ попадете въ вѣчное рабство... Идите же вмѣстѣ съ нами выручать Русскую Землю изъ неволи... Будетъ вамъ наградою земля и воля, и вѣчная слава въ потомствѣ.» ...

Документъ этотъ, врядъ ли, дошелъ до Дона. Онъ интересенъ тѣмъ, что авторы его сочли нужнымъ успокоить казаковъ, что они останутся «при своей землѣ». Изображеніе земства, какъ шага къ «омужиченію» казака было, конечно, несправедливо.

Не все народовольцы вѣрили въ казаковъ. Такъ нѣкій «А. Дорошенко», въ томъ же, 1881 г. писалъ въ «Народной Волѣ»: въ настоящее время ни раскольники, ни казачество, представляющее привилегированное сословіе сравнительно съ крестьянствомъ, неспособны, повидимому, дать лозунгъ къ народному возстанію». (N 5 «Нар. Воля»). Однако, для успѣха возстанія необходимо, чтобы «хоть нѣкоторая часть Войска и казачества перешла на сторону народа»...

Въ конституціонныхъ проэктахъ 80-хъ г. г. Дону было отведено извѣстное мѣсто. «Политическая программа общества «Земскій Союзъ» (въ 1882 г.) дѣлила Россію на рядъ самоуправляющихся областей. Каждая изъ нихъ должна была превосходить значительно размѣрами своими губернію, «за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ земель казачьихъ войскъ, покуда общій ходъ прогресса не изгладитъ окончательно эту отживающую форму самоуправления».

Гораздо подробнѣе былъ разработанъ федеративный проектъ Драгоманова подъ названіемъ «Вольный Союзъ» (1884). Драгомановъ дѣлилъ Россію на 18 областей, кромѣ областей казачьихъ и средне-азиатскихъ. «Земли казачьи (Донская, Кубанская, Терская и Уральская), — писалъ онъ, — должны оставаться, какъ особыя области впредь до преобразования казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всеобщности, послѣ чего земля Уральскихъ казаковъ примкнетъ вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составятъ съ губерніей Ставропольской¹⁾ одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отличій». Такимъ образомъ, Драгомановъ былъ первый, кто бросилъ мысль о созданіи общей Юго-

¹⁾ Въ 1884 г. Черноморье принадлежало къ Кубанской области.

Восточной области, которую самостоятельно пытались претворить въ жизнь творцы Юго-Восточнаго союза (1917 г.) и участники Южно-Русской Конференціи (1919 г.).

Глава VIII. Кругъ при Николаѣ II.

Царствованіе имп. Николая II для Дона было эпохой, съ одной стороны полнаго отсутствія какой либо автономіи, съ другой стороны временемъ оживленія идеи Войскового Круга. Идея эта принимала различныя очертанія. То это былъ органъ чисто сословный, казачій, который долженъ былъ вѣдать дѣла общины донскихъ казаковъ; то Кругъ рисовался, какъ областной представительный органъ, съ участіемъ въ немъ лишь казачьяго населенія, потомковъ полноправныхъ гражданъ края. Съ другой стороны, въ связи съ борьбой за общенародное представительство, а затѣмъ, благодаря созданію Государственной Думы, возникла съ новой силой идея всесословнаго краевого (областного) земства.

Имп. Николай II не спѣшилъ подтвердить права Войска Донскаго. Прошло 11 слишкомъ лѣтъ, пока Войску дана была жалованная грамота. Понадобились многочисленныя неофициальныя ходатайства и напоминанія. Наконецъ, обнаружилась острая нужда въ казачьей помощи: надо было съ ихъ помощью спасти старый политическій порядокъ. И тогда, 24 января 1906 года, появилась эта грамота.

Самый заголовокъ ея совершенно пренебрегалъ исторической формулой. Не было ни «атамановъ и казаковъ», ни «юртовъ» и т. п. историческихъ терминовъ. Имп. Николай II ничего не зналъ ни о государственномъ прошломъ донской колоніи, ни о донской автономіи. Онъ зналъ лишь служилое, поселенное войско, на жалованной землѣ, онъ зналъ не вольное, а служилое, закрѣпощенное государству и ему, монарху, казачество. Поэтому, грамота Николая II адресована была: «Нашему вѣрнѣйшему и доблестному Войску Донскому». Это была послѣдняя грамота императорской Россіи, подтверждавшая права Дона, и поэтому мы приведемъ ее подробнѣе предыдущихъ:

«Съ первыхъ же временъ своего существованія, — гласила грамота, — свыше 300 лѣтъ тому назадъ, славное Войско Донское начало вѣрное свое служеніе Царямъ и Отечеству. Неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зарождавшагося тогда грознаго могущества Государства Россійскаго, она, съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностью своею и безпредѣльною преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ государства, богатырской грудью охраняло и содѣйствовало расширенію его предѣловъ.

Въ години тяжелыхъ испытаній, неисповѣдимыми судьбами Промысла Всевышняго Царству Русскому непосланныхъ, всѣ донскіе казаки всегда съ одинаковою любовью и храбростью, становясь

въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ постоянно приеущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами безсмертную славу и благодарность Отечества.

«И въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, донскіе казаки, свято исполняя завѣтъ своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, — явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества.

«За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ ближнему сердцу Нашему, доблестному войску донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Бозѣ почивающими высокими предками нашими, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненаружимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, приобрѣтенныхъ трудами и кровью предковъ и утвержденныхъ за Войскомъ Высочайшими грамотами.

«Мы твердо увѣрены, — заключалъ Николай II, — что любезные и вѣрные намъ сыны Дона, слѣдуя и впредь славному преданію отцовъ, всегда сохранятъ за собой высокое званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества».

Весьма характерна въ этой грамотѣ философія исторіи: заслуга казачества — это единственно его служебная роль въ дѣлѣ развитія «грознаго могущества» метрополіи. Не менѣе характерны: похвала Николаю II за вѣрную службу «особливо, въ тяжкіе дни смуты» (т. е. революціи) и дарованное казакамъ званіе, преданныхъ «слугъ» и «охранителей Престола», вмѣсто обычнаго званія защитниковъ родины.

Вступая на престолъ, Императоръ Николай II вспоминалъ «завѣты усопшаго Родителя» своего и «проникался» ими. Каковы же были «завѣты» Александра III по отношенію къ Дону и казачеству? Этими завѣтами являлись: поддержаніе закрѣпощенности казачества, уничтоженіе самоуправленія, искорененіе остатковъ автономіи Дона, усиленіе дисциплинарной власти начальства въ мирной обстановкѣ станичной жизни, закрытіе общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, превращеніе казачества въ неразумяющихъ «преданныхъ слугъ и охранителей» престола и стараго порядка. Отъ этихъ «завѣтовъ» Императоръ Николай II не отступалъ все свое царствованіе.

До 1917 года Войсковой Кругъ на Дону оставался лишь парадомъ. Попытка объяснить историческій смыслъ его, сдѣланная уже въ 1909 году, повлекла конфискацію брошюры¹⁾, какъ конфисковывались и другія брошюры, посвященныя исторіи донскаго народовластія. Въ ту же эпоху, когда казачество было двинуто на борьбу съ революціей, подъ рукою, и неофициально, донцамъ обѣщано было созвать на Дону Кругъ, какъ представительное собраніе. Обѣщаніе это не было исполнено.

Отъ автономіи Дона не осталось и слѣда. Высоко характерна судьба войсковыхъ грамотъ и «клеюдовъ». Во время путешествія

¹⁾ Лосевъ «Церковный парадъ 6 декабря» Новочеркасскъ, 1909 года.

на Донъ, военный Министръ Куропаткинъ нашелъ, что храненіе войсковыхъ регалий въ областномъ правленіи «небезопасно въ пожарномъ отношеніи» . . . Можетъ быть, онъ былъ и правъ. 6-го сент. 1901 г. регалии и клейноды были перенесены изъ главнаго правительственнаго мѣста «на постоянное храненіе» въ Донской Музей. Отъ современниковъ, кажется, ускользнуло символическое значеніе этого перемѣщенія «хартій» и «клейнодовъ», но историкъ Дона долженъ отмѣтить этотъ фактъ. Содержаніе грамотъ стало достояніемъ и фактомъ исторіи, а «клейноды», въ смыслѣ государственно-правовомъ, превратились въ «музейную древность», вродѣ почетной сабли, поднесенной Платову лондонскимъ Сити.

Представительство Дона въ Военномъ Министерствѣ также исчезло. 20-го дек. 1897 г. состоялось закрытіе т. н. Казачьяго Комитета, учрежденнаго въ 1865 г. при Главномъ Управленіи казачьихъ (въ началѣ—иррегулярныхъ) войскъ. Депутаты отъ войскъ, хотя и назначаемые отъ атамановъ, были суррогатомъ статсъ-секретаріата по областнымъ дѣламъ, когда большинство областныхъ дѣлъ шло черезъ военное министерство. Теперь эти «свѣдущіе люди» по казачьимъ дѣламъ были признаны излишними. Даже задыхаясь отъ централизаціи, распухшее отъ числа чиновниковъ, Главное Управленіе не пошло на дѣйствительную децентрализацію казачьихъ дѣлъ и, 28 мая 1901 г. передало областной администраціи на разрѣшеніе лишь самыя ничтожныя мѣстныя дѣла.

Къ самоуправленію на Дону, — казачье-сословному и областному Николай II и его правительство относились отрицательно. Здѣсь не мѣсто излагать исторію комиссій, учреждавшихся то на Дону, то въ центрѣ по вопросу о земствѣ. Кто только не ходатайствовалъ о возрожденіи донскаго земства. Дворянское собраніе 1898 г. съ большимъ волненіемъ постановило ходатайствовать предъ императоромъ о назначеніи комиссіи «для изслѣдованія причинъ, подрывающихъ хозяйственный бытъ Донскаго казачьяго Войска и о способахъ къ поднятію его благосостоянія.» Дворянство заявляло что, «современное экономическое положеніе казаковъ представляетъ тяжкую картину прогрессивно растущей среди нихъ нужды, могущей въ недалекомъ будущемъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Во главѣ специальной Комиссіи поставили ген. Маслоковца, который въ 1880 г. требовалъ уничтоженія донскаго земства, и даже тотъ вынужденъ былъ признать, что экономическое положеніе казаковъ «пошатнулось нѣсколько» и что нужно земство.

Но земства Дону не дали, а ген. Куропаткинъ, совершивши быстрый объѣздъ области, доложилъ Императору, что дѣло не такъ плохо, и предложилъ давать 100-рублевое пособіе казаку, выходящему на службу съ конемъ: главное вниманіе надо обратить на конскій составъ, ибо земли у казаковъ достаточно, но казачество ею «недостаточно энергично и умѣло пользуется» . . . Поэтому, вмѣсто земства, стали насаждать станичное коневодство. Въ эту эпоху создалась казачья поговорка, — довольно мѣткая, что войсковая администрація начинается войсковымъ наказнымъ атаманомъ и кончается станичнымъ жеребцомъ.

Учрежденные въ 1902 годѣ областной и окружные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности единогласно высказались за земство. Однако, вопросъ этотъ похороненъ былъ до третьей думы.

Между тѣмъ, процессъ ликвидаціи правъ и преимуществъ Войска былъ уже почти законченъ. Оставалось право на землю. Не успѣли объявить на Дону грамоту 1906 г., какъ Сенатъ, вопреки ясному смыслу закона и безчисленному ряду своихъ же рѣшеній, нанесъ 15 мая 1906 года тяжкій ударъ казачьей земельной общинѣ и неприкосновенности войсковой земли.

Сенатъ неожиданно нашелъ, что «казачьи земли не принадлежатъ ни къ разряду имущества, постановленныхъ прямымъ указаніемъ закона внѣ дѣйствія давности, ни къ числу имущества публичныхъ, доступныхъ всеобщему пользованію, а потому призналъ, что земли эти подлежатъ дѣйствию давности на общемъ основаніи. Съ другой стороны въ 1901 году еще разъ и на долгій срокъ, Задонская степь была сдана частному коннозаводству, и 951.806 дес. войсковой земли находилась снова подъ коннозаводствомъ. «Временное» пользованіе начинало становиться вѣчнымъ, а станицы оставались безъ прирѣзокъ изъ войскового запаса.

Милитаризація управления, доведенная до предѣловъ при Александрѣ III, оставалась неизмѣнной; а къ открытію I Думы (съ янв. 1906 г.) только 3 Округа Области не были объявлены на положеніи усиленной охраны (Сальскій, Черкасскій и I Донской).

Въ проэктахъ государственнаго переустройства Россіи, носившихъ федеративный характеръ, Донъ обыкновенно упоминался, какъ штатъ грядущей федераціи. «Славянофилъ» Шараповъ, желавшій создать «земско-областную самоуправляющуюся Россію подъ самодержавнымъ царемъ» дѣлилъ Россію на 18 областей, изъ нихъ 12 «коренныхъ русскихъ» и 6 «инородческихъ». Среди русскихъ областей была «Казачья Область» (съ главнымъ городомъ Ростовомъ на Дону). Она образовывалась изъ части губерній Екатеринославской, части Области Войска Донскаго, части губ. Астраханской (до Волги), губ. Ставропольской и Черноморской и области Кубанской и Терской. Сѣверную часть области Войска Донскаго Шараповъ прирѣзывалъ къ Средне-Черноземной области (съ Воронежемъ). Во главѣ области долженъ былъ стоять генераль-губернаторъ, назначаемый государемъ и назначающій членовъ Областной Думы изъ числа членовъ Земскаго Областнаго Собранія. Последнее составляется изъ гласныхъ отъ «уѣздовъ» (округовъ) и отъ городовъ. Дума отвѣтственна въ равной степени и передъ Собраніемъ и передъ генераль-губернаторомъ. Казачья область могла бы послать одного представителя въ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, въ 1899 г., черезъ 15 лѣтъ послѣ Драгоманова, Шараповъ выдвинулъ идею Юго-восточнаго края или области.

Соціалисты-революционеры внесли въ I-ую Думу «проектъ основнаго закона о землѣ». Проектъ касался не только социализаціи земли. Онъ дѣлилъ Россію на 18 областей. Донъ входилъ въ юго-восточную область (съ Новочеркасскомъ во главѣ). Туда же входили:

Кубанская область, губернии Астраханская и Ставропольская — цѣликомъ; южная часть Саратовской губернии и западная Уральской области, а также сѣверная часть Терской области (но безъ рѣки Терека). Сѣверная часть Донской области (по линіи сл. Краснопольской, Правоторовской, Ярыженской станицъ и слоб. Мачехи) отходила къ Приволжской области. Таганрогскій и Ростовскій округа отрѣзывались къ южной области. Зато прирѣзывались къ Юго-Восточной Области и части Богучарскаго уѣзда (Ворон. губ.) и Старо-Бѣльскаго уѣзда (Харьк. губ.) Во главѣ области должно было стоять областное земство.

Профессоръ К. А. Фортунатовъ, въ своемъ проэктѣ дѣленія Россіи на «национальныя области» (1906) дѣлилъ Россію на 16 «штатовъ». Изъ нихъ одинъ — «Казачій» (изъ области Донской и Кубанской, 2 округовъ Терской, губернии Астраханской, Ставропольской и Черноморской — съ населеніемъ въ 6.700 тыс. чел. (Такимъ образомъ, и славянофилы, и федералисты-націоналисты, и социалисты-федералисты выдвигаютъ идею Юго-Восточнаго Казачьяго Штата (съ участіемъ Дона).

Проектъ «Союза Освобожденія» (1905 г.) оговорилъ превращеніе Дона въ губернію, отрицая именованіе области и «Земли» (Земля Войска Донскаго). Донскіе автономисты (реакціоннаго и либеральнаго оттѣнка) продолжаютъ думать о присоединеніи къ области того, что было отрѣзано отъ нея при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ, въ кругахъ торгово-промышленныхъ, въ связи съ грандіозными проэктми Волго-Донскаго канала, великихъ желѣзнодорожныхъ путей (Сибирь—Приазовско—Черноморскіе порты; Одесса—Ростовъ; Ростовъ—Закавказье черезъ хребетъ Кавказа, и т. п.) въ связи съ осуществляемымъ частично шлюзованіемъ рѣкъ и проэктми глубокаго порта въ Ростовѣ и другими предпріятіями на Сѣв. Кавказѣ, возникаетъ идея Юго-Восточной Области. Эта идея пеходитъ не изъ мысли объ объединеніи казачества или политическихъ соображеній, а изъ соображеній чисто экономическихъ. Экономическій расцвѣтъ юга передъ 1914 г. даетъ оправданіе этимъ планамъ областного переустройства Юго-Востока.

Здѣсь не мѣсто излагать вопросъ о казачествѣ въ программахъ общерусскихъ политическихъ партій. Но нельзя не отмѣтить, что изъ всѣхъ партій въ эпоху 1905—6 г. г., особенно отрицательно отнеслась къ нему партія социалистовъ-революціонеровъ. Сторонница социализации земли и всеобщаго ея передѣла, она особенно рѣзко ставила вопросъ о казачествѣ въ связи съ землею. Въ «Народномъ Вѣстникѣ» (сборникъ, 1906 г.) г. Л. Чермакъ писалъ, что «слово казакъ стало синонимомъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства...» Онъ не сомнѣвается, что «когда наши народные представители получаютъ власть, то казачій вопросъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которымъ они займутся и разрѣшатъ его въ смыслѣ уничтоженія этой военной касты, являющейся покорнымъ орудіемъ... въ рукахъ правящаго класса.» ... Въ Іюнь 1906 г., въ с.-р. газетѣ «Голосъ» авторъ вернулся къ казачеству. Онъ возражалъ на заявленія казаковъ: что рѣшая казачій вопросъ, нельзя трогать казачью землю. «Почему

это, — восклицалъ г. Л. Ч. — русскій народъ въ моментъ коренной ломки поземельныхъ отношеній, проводя въ жизнь принципъ «земля-трудящимся» долженъ блюсти какія то казачкія привилегіи...» Прямо таки преступно поддерживать мнѣніе, что казачество является чѣмъ то особеннымъ, чего нельзя касаться. «...Какъ можно легко догадаться, именно, возможность покушенія, не только на войсковыя, но и на станичныя земли, во имя надѣленія ими мало-земельнаго крестьянства (донскаго кореннаго, донскаго иногородняго и русскаго вообще), именно, заявленія партій, претендовавшей на представительство всего русскаго крестьянства, а еще больше инстинктивное предчувствіе казачествомъ подобнаго будущаго — были причиной того, что казачья масса очень недружно приняла участіе въ политическомъ освободительномъ движеніи и враждебно отнеслась къ социальному (аграрно-крестьянскому и рабоче-соціалистическому). Несомнѣнно, казачество сильно помогло спасенію рушившагося въ 1905 г. стараго русскаго строя.

Мы не будемъ касаться здѣсь дѣятельности общерусскихъ политическихъ партій на Дону въ эпоху революціи 1904—1906 г. г. Она преслѣдовала цѣли общегосударственныя и находила откликъ въ соответственныхъ группахъ донскаго населенія. Идея Войскаго Круга тѣсно связана съ казачествомъ и съ донскимъ «областничествомъ» и мы будемъ говорить о теченіяхъ чисто донскихъ, выдвигавшихъ идею Круга.

Донское консервативное областничество вело свое начало отъ старшинскаго автономизма временъ Екатерины II, дворянскаго автономизма эпохи Чернышевскаго «Комитета 1819 г.» «Оно никогда не умирало, причудливо сочетаясь съ подчеркнутой вѣрностью Государю и Россіи, съ признаніемъ служилаго и служебнаго значенія казачества. «Стариною», которую хотѣло охранить это теченіе, былъ конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка. Чувство любви къ родному краю родило иногда старыхъ казачьихъ генераловъ съ радикальной молодежью университетскихъ землячествъ. Но именно это теченіе стояло за узкословный характеръ казачества, поддерживало худшія стороны сословнаго эгоизма и классовой вражды по отношенію къ донскому и русскому крестьянству, военно-кастовые предразсудки. Донъ представлялся имъ въ мечтахъ не былой вольной республикой, и не автономнымъ краемъ свободнаго Государства Русскаго, а автономной дворянской провинціей, населенной покорными имъ царскими «слугами» и охранителями престола.

Земскія группы 1870—1880 г. г. были группами общерусской идеологии и движеніе, возникшее въ нихъ въ 1902 г., повело къ растворенію ихъ въ общерусскихъ группировкахъ. Онѣ стояли за всесловное земское самоуправленіе на Дону и за облегченіе «одіозной привилегіи» казачества, единственной, которую охраняло самодержавіе, за облегченіе казака отъ чрезмѣрной и непосильной военной тяготы.»

Донскія землячества въ университетскихъ городахъ (особенно въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ) въ 1870—1900 годахъ яви-

лись мѣстомъ сплоченія либеральной и радикальной молодежи. Членами донского землячества, казаками, были студенты Петербургскаго университета Орестъ Говорухинъ и Василій Генераловъ, принявшіе участіе въ подготовленіи покушенія 1-го марта 1887 г. на жизнь Александра III. Покушеніе не состоялось. Говорухинъ бѣжалъ за границу, а Генераловъ-повѣшенъ. Но не только участіе въ обще-русскомъ политическомъ и студенческомъ движеніи объединяло студентовъ-донцовъ. Въ ихъ землячествахъ жила память о родныхъ станицахъ, о прошломъ Дона, и въ нихъ продолжали жить идеи В. Д. Сухорукова о властномъ Войсковомъ Кругѣ, учрежденіи республиканскомъ и демократическомъ. Сепаратистами молодые донскіе радикалы не были, и свобода Дона всегда сочеталась въ ихъ мечтаніяхъ со свободой всей Россіи. Вообще, донской либерализмъ и радикализмъ всегда былъ умѣреннымъ, трезвымъ, но твердымъ и настойчивымъ.

Оживленіе политической жизни Дона совпало съ общерусскимъ. Въ 1902—1903 г. г. въ Новочеркасскѣ появляются листки «Группы Свободнаго Слова»; въ началѣ 1903 г. казачьей интеллигенціей создается группа «Казачья Воля». Въ первомъ листкѣ «Казачья Воля» изображала историческую роль казачества, у котораго самодержавіе похитило вольности и которое оно послало на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ. Самодержавіе же искусственно задержало духовный ростъ казачества, чтобы помѣшать его освобожденію. Вспоминая старыи лозунгъ казачества: «тряхнемъ Москвою», организациа звала казаковъ присоединиться къ общерусскому движенію.

Въ сентябрѣ 1905 г. возникъ «Областной Казачій Союзъ» въ Новочеркасскѣ, цѣлью котораго было — «раскрѣпощеніе казака», а путь къ нему лежалъ черезъ завоеваніе общенароднаго представительства. Пользуясь указомъ 18 февраля 1905 г. Сенату, члены Союза провели на станичныхъ сборахъ ряда станицъ приговоры, которые были скопированы съ приговоровъ «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза».¹⁾ Казаки охотно принимали пункты о всенародномъ представительствѣ, всеобщемъ образованіи, но въ «милиціи» заподозрили обращеніе въ солдаты, а въ «надѣленіи землею» — раздѣлъ своихъ казачьихъ земель между крестьянами.

Въ концѣ 1906 г. была издана объяснительная записка къ проекту устава «Казачьяго Союза». Записка была написана сильно и довольно вѣрно изображала прошлое вольнаго Дона. «Воля, независимость свободной полноправной личности была для казаковъ дороже всего... И, говоря о завѣтахъ предковъ, не слѣдуетъ забывать, прежде всего, этого. Изъ исторической борьбы казачества за свободу и независимость вытекали и главнѣйшія права казачества: право на самое широкое самоуправленіе и право на всю землю, которую казачество кровью своею приобрѣло.» ... Союзъ думалъ, что роль казачества не сыграна. Новая «наиболѣе славная и почетная роль казачества — въ борьбѣ за лучшія формы

¹⁾ Приговоры состоялись въ станицахъ: Старочеркасской, Холутовской, Кагальницкой и нѣкот. другихъ.

государственности, противъ самовластиа и произвола — въ борьбѣ за свободу и права не только свои, но и всѣхъ угнетенныхъ. Тутъ именно, славные завѣты старины гармонически сочетаются съ завоеваніями человѣческой мысли въ новые времена... И чѣмъ скорѣе казачество пойметъ свои интересы и свое значеніе, тѣмъ скорѣе оно повернетъ шансы на побѣду въ пользу народа.» ... Когда эта побѣда наступитъ, «человѣчество убѣдится, что формы широкаго народоуправства и свободнаго общежитія созданы были людьми борьбы за право личности еще раньше. И въ числѣ этихъ борцовъ за право не послѣднее мѣсто занимаетъ казачество.» ... Итакъ, не отдѣленіе отъ Россіи, а «самое широкое самоуправленіе» и участіе въ общенациональной борьбѣ за свободу проповѣдывалъ «Казачій Союзъ». Но вопросъ о правѣ казачества на всю землю былъ изложенъ неясно, а этотъ вопросъ былъ очень важенъ и ясенъ въ немъ особенно необходима.

Въ 1906—1907 г. г. распространялось воззваніе «Донской Казачьей Организации», проникшее въ станицы, и озаглавленное: «Казачьи Нужды». Помимо общегосударственнаго представительства, Организациа требовала широкаго самоуправления, возстановленія Казачьяго Круга, члены котораго избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Войсковой атаманъ и другія выборныя власти избираются на 1 годъ всѣмъ казачьимъ населеніемъ съ 20-лѣтняго возраста. Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно быть передано Войсковому Кругу. Въ отношеніи казачьей службы проектъ программы требовалъ замѣны арміи «милиціей», т. е. вооруженія всѣхъ гражданъ, обучаемыхъ для этого военному искусству въ срокъ, потребный для этого и, притомъ, на мѣстахъ ихъ жительства.

Всѣ свободныя войсковыя земли, отведенныя подъ частное коннозаводство, подъ казенный Провальскій (конный) заводъ, и (почему то даже) подъ лагеря войскъ и военныхъ училищъ должны были поступить «въ распоряженіе Войскового Круга для удобнаго использованія ихъ населеніемъ». Земли, находящіяся во владѣніи монастырей и церквей, безъ выкупа отбираются и поступаютъ въ распоряженіе Войскового Круга. Покупка Войскомъ помѣщичьихъ земель прекращается. «Частновладельческія земли отбираются безъ выкупа и поступаютъ въ распоряженіе крестьянъ, заселившихъ издавна эти земли, обрабатывавшихъ ихъ, какъ при существованіи крѣпостнаго права, такъ и послѣ него. Такимъ образомъ, казачья Организациа не требовала возвращенія Войску земель, захваченныхъ казачьей старшиной и нарѣзанныхъ донскому офицерству и чиновничеству за службу. Эти земли должны были пойти донскому коренному крестьянству. Даже иногородніе, т. е. арендаторы казачьихъ земель (войсковыхъ и станичныхъ) могли, повидимому, быть включены въ понятіе «населенія», для «удобнаго использованія» которымъ отчислялась въ особый фондъ чисто войсковая запасная земля. Казачья Организациа намѣчала свободный выходъ казака изъ станичной общины съ участкомъ, экономически равнымъ его паевому надѣлу. Такимъ образомъ, Организациа намѣчала разрушеніе, какъ

станичной, такъ и войсковой общины. Войсковой Кругъ намѣчался, какъ сословное, казачье представительство. Въ чемъ заключалось «широкое самоуправленіе» для всего населенія края, изъ проэкта не видно.

Нѣкоторое общеніе интеллигенціи и казачества произошло въ 1905—1906 г.г. на станичныхъ сборахъ не только въ Черкасскомъ, но и въ Донецкомъ, Хоперскомъ и Усть-Медвѣдницкомъ округахъ. 7-го апрѣля 1905 г. станичный сборъ ст. Каменской составилъ приговоръ о созданіи полномасштабнаго всероссийскаго народнаго представительства.

Въ 1906 г., уже во время дѣятельности I-ой Государственной Думы, сборъ ст. Усть-Медвѣдницкой сдѣлалъ постановленіе весьма характерное. Требования приговора были слѣдующія:

1. Въ Войскѣ Донскомъ должно быть восстановлено прежнее самоуправленіе казачества, долженъ по прежнему созываться Войсковой Кругъ изъ всѣхъ казаковъ-гражданъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни казачества, какъ это было встарь.

2. Выборъ всѣхъ начальствующихъ въ Войскѣ лицъ долженъ быть изъ среды своихъ же казаковъ, начиная съ войскового атамана.

Итакъ предъ нами возрожденіе требованій Круга, выборность должностныхъ лицъ и мѣстнаго происхожденія послѣднихъ. Приговоръ говорилъ, конечно, не о возрожденіи непосредственной, а объ установленіи представительной демократіи (Кругъ изъ всѣхъ казаковъ). Но и въ немъ не было ни звука о не-войсковомъ населеніи края.

Аграрная программа была изложена такъ: «Вся земля, заключающаяся въ границахъ Области Войска Донскаго, какъ, завоеванная самими казаками у кочевыхъ ордъ и добытая кровью нашихъ предковъ должна всецѣло принадлежать казакамъ и на общинномъ пользованіи, что было подтверждено грамотою Императрицы Екатерины II въ 1786 г.¹⁾ Но, такъ какъ еще съ конца XVIII вѣка на Дону, благодаря поощренію правительства, образовалась частная собственность на землю, съ одной стороны, путемъ захвата казацкими старшинами общинной войсковой земли и заселенія ея крѣпостными крестьянами (1,607.749 дес.), а съ другой-черезъ раздачу самимъ правительствомъ непринадлежащихъ ему участковъ офицерамъ и чиновникамъ (1,187.749 дес.), что составляетъ полное нарушеніе казачьихъ правъ на землю, то мы съ своей стороны, находимъ справедливымъ поступить съ этой насильственно отнятой у насъ землей такъ: всю розданную офицерамъ и чиновникамъ землю выкупить на войсковой счетъ и возвратитъ казакамъ. Что же касается помѣщичьей земли, захваченной казацкими старшинами, то, принимая во вниманіе что она заселена съ давнихъ поръ крестьянами, прежде крѣпостными, эта земля должна быть выкуплена на государственный счетъ и роздана означеннымъ выше крестьянамъ. «Т. н. запасныя

¹⁾ 10 окт. 1780 г. были установлены лишь границы Войска, а «пожалованіе» состоялось 27 мая 1793 года.

войсковыя земли (въ томъ числѣ и сданная коннозаводчикамъ) — повернуть въ распоряженіе и пользованіе казаковъ».

Такова была Усть-Медвѣдницкая программа, основанная на выкупѣ, которая своимъ «радикализмомъ» повергла въ трепетъ и правительство и донское дворянство. Последнее, свалившее Кутлера за его проэктъ выкупа, быть можетъ, было бы болѣе довольно, если бы казаки поддерживали болѣе радикальный проэктъ всеобщаго передѣла. Но казаки были умѣрены и реалистичны. И это, вѣроятно, дѣлало эту программу особенно опасной.

Болѣе радикальны были требованія наказовъ членамъ I Думы отъ станицъ Малодѣльской, Сергѣевской и Березовской. Республиканскіе въ политической части, требовавшіе отобрания земли у помѣщиковъ для раздачи крестьянамъ, наказы эти, въ случаѣ отказа правительства, говорили о необходимости «съ оружіемъ въ рукахъ защитить свободу, бороться за землю».

Мы не будемъ здѣсь излагать ни исторію участія казачества въ борьбѣ съ революціей, ни исторію казачьихъ волненій и протестовъ противъ навязанной имъ роли усмирителей русскаго народа. Самая мобилизація казаковъ для этой борьбы была произведена съ нарушеніемъ закона. Казачество, исполнившее то, что считало долгомъ въ отношеніи правительства, начало протестовать противъ полицейской службы.

Казачье движеніе остановлено было рядомъ обстоятельствъ: созданіемъ народнаго представительства и надеждами, съ нимъ связанными, нѣкоторыми мѣрами правительства (репрессіи съ одной стороны, матеріальная помощь мобилизованнымъ, негласное обѣщаніе созвать Кругъ и кое какія мѣры для респредѣленія свободнаго земельного запаса между станицами, роспуска казачьихъ частей по домамъ и т. п.). Но надо признать и то, что политически весьма радикальное, казачество было довольно консервативно въ земельномъ вопросѣ. Если нѣкоторые казаки мечтали возвратитъ Войску земли, отобранныя у него Петромъ, расхищенные помѣщиками, розданныя офицерамъ, и даже заселенныя кореннымъ донскимъ крестьянствомъ, дабы восстановить цѣльность Войсковой территоріи и владѣній донской общины, то въ 1905 г. явственно почувствовалось и другое теченіе, шедшее извнѣ. Лозунгомъ этого теченія былъ передѣлъ всѣхъ, даже казачьихъ паевыхъ (надѣльных) земель.

Здѣсь не мѣсто описывать крестьянское движеніе и первыя противорѣчія между организуемымъ крестьянствомъ и казачествомъ. Очень сильно и бурно происходило движеніе въ гражданскихъ округахъ Области, особенно въ городахъ Ростовѣ и Таганрогѣ. Но въ созданіи народнаго представительства нельзя умалить роль и донской казачьей интеллигенціи.

Глава IX.

I-ая и II-ая Государств. Думы.

Организація народнаго представительства 1905—1906 г. г. была чисто централистская. Не только чисто русское областни-

чество Сибири, Поволжья и национально-автономистскія стремленія Армении, Грузин и т. п., но и законное стремленіе къ польской автономіи не получали удовлетворенія. Въ равной мѣрѣ, безъ всякаго вниманія остались автономныя стремленія Дона, Урала, Терека и Кубани, наслѣдницы Запорожья.

Положеніе 6 августа 1905 г. о выборахъ въ Государственную Думу дало Дону 12 мѣстъ въ Думѣ. Изъ нихъ одно — отъ Ростовскаго градоначальства. Кромѣ обычныхъ трехъ курій: сѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, сѣздъ отъ землевладѣльцевъ и сѣздъ городскихъ избирателей, для Дона создана была четвертая курія-сѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ (по 2 отъ станицы). Всего областныхъ выборщиковъ было 177 человекъ. Больше всего было уполномоченныхъ отъ станицъ (79 чел.). Слѣдующая группа — землевладѣльцы (47 чел.). Отъ городскихъ избирателей 37 выборщиковъ. Отъ крестьянъ, составлявшихъ 50% населенія, — всего 14 выборщиковъ. Ставка дѣлалась на казаковъ и землевладѣльцевъ. Особенно ярко сказывалось преднамѣренное уменьшеніе числа крестьянскихъ выборщиковъ по округамъ: Донецкому — всего одинъ, Таганрогскому — всего три крестьянскихъ выборщика.

Указъ 13-го декабря далъ еще шесть мѣстъ выборщиковъ рабочимъ. Что касается верхней палаты, то и тамъ Донъ былъ представленъ весьма односторонне. Указъ 21 февраля 1906 г. о переустройствѣ Государственнаго Совѣта предоставилъ донскому дворянству право избирать 2 выборщиковъ на сѣздъ дворянскихъ избирателей для участія въ избраніи 18 членовъ Совѣта по выборамъ отъ дворянства. «Временно, впродъ до открытія земскихъ учреждений въ области, землевладѣльцамъ области было предоставлено право выбора одного члена Государственнаго Совѣта. Выборщиками, въ данномъ случаѣ, были лишь тѣ, кто имѣлъ не менѣе 200 десятинъ и владѣлъ ими не менѣе 3 лѣтъ. Избраннымъ могъ быть лишь обладатель 600 дес. земли. Кромѣ того, Ростовскій биржевой Комитетъ могъ послать 2 выборщиковъ (одного отъ промышленности, одного отъ торговли) на сѣздъ выборщиковъ отъ промышленности и торговли, для участія въ избраніи 12 членовъ Гос. Совѣта по этой куріи. Таковы были права Дона на участіе въ народномъ представительствѣ въ 1905—1907 г. г.

Составъ и работа членовъ Думы и Совѣта отъ Дона въ 1906—1907 г. г. заслуживаютъ особаго очерка, но нельзя умолчать, что неизмѣннымъ избранникомъ Дона въ Думу всѣхъ четырехъ созывовъ былъ В. А. Харламовъ. Кромѣ того, видную роль играли въ 1-й Думѣ — Араканцевъ и Ефремовъ, во 2-ой — А. И. Петровскій и К. П. Каклюгинъ, въ 3-ей тотъ же И. Н. Ефремовъ, въ 4-ой Лебедевъ, Савватѣевъ.

Лѣвые донскіе депутаты первой Думы вошли въ составъ т. н. «группы автономистовъ», которая, впрочемъ, не просуществовала долго. Цѣль ея была: «децентрализація государственнаго управленія», которая «должна быть произведена на демократическихъ началахъ и на принципѣ широкой автономіи отдѣльныхъ областей,

устанавливаемой основными законами Россійской Имперіи». Но во второмъ параграфѣ автономисты требовали, чтобы «предѣлы и границы автономіи каждой отдѣльной области или территориально-национальной единицы устанавливались согласно волѣ ея населенія». Однако, была оговорена «нераздѣльность и неприкосновенность границъ Россійскаго Государства».

Гораздо болѣе серьезной по значенію и послѣдствіямъ была начавшаяся уже въ 1-ой Думѣ работа «казачьей группы», объединявшей казачьихъ представителей всѣхъ войскъ и донскихъ депутатовъ безъ различія ихъ политическихъ убѣжденій. Здѣсь объединились и представители тѣхъ областей, которыя имѣли свое государственное прошлое, и служилыхъ казачьихъ войскъ, бывшихъ лишь общинами въ составѣ Государства Россійскаго. Руководящая роль въ группѣ, во всѣхъ 4-хъ Думахъ, принадлежала Донцамъ.

Вопросъ о земскомъ самоуправленіи былъ поднятъ въ 1-ой Думѣ И. Н. Ефремовымъ, лучшимъ знатокомъ земскаго вопроса на Дону, но Дума прошла мимо этого, казалось ей, слишкомъ частнаго вопроса. Вопросъ же объ историческомъ прошломъ Дона былъ затронутъ во время преній по поводу запроса о незаконной мобилизаціи запасныхъ казачьихъ полковъ, т. н. 2-ой и 3-ей очереди. Харламовъ говорилъ о возрожденіи среди донскаго казачьяго населенія «того стараго духа свободы, который создалъ казачество, и который съ теченіемъ вѣковъ нашимъ «самодержавнымъ» бюрократическимъ правительствомъ, истребленъ въ казакахъ». Араканцевъ напомнилъ, что русское правительство отмѣнило «выборное войсковое правленіе на Дону», выборныхъ казачьихъ атамановъ и «древній сборъ казачьей общины». «Что такое земскій начальникъ, — сказалъ Ѳ. Д. Крюковъ — въ сравненіи съ нашимъ военнымъ администраторомъ, для котораго законъ не писанъ, ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ слова... Никакая казарма, никакая солдатская муштровка не можетъ итти въ сравненіе съ этимъ своеобразнымъ воспитательнымъ режимомъ, сковавшимъ все существованіе казака...»

Правый казакъ Савостьяновъ, упрекалъ Харламова за то, что онъ «навязываетъ казакамъ свободу»... Ужъ не такую ли свободу, восклицалъ урядникъ — которою казаки 300 лѣтъ тому назадъ пользовались? ... Правда, тогда они никому не подчинялись и жили только въ зависимости отъ самихъ себя, да и межъ собой то ладу не было: кому хотѣли, тому служили, на чью сторону захотѣли перейти, на ту и переходили. Но теперь время не то. «Въ томъ же родѣ говорилъ и урядникъ Васильевъ, увѣряющій, что «казаки не просятъ освобожденія, а просятъ улучшенія ихъ быта»...»

Но Савостьяновъ былъ вынужденъ признать съ каедръ, что при выборахъ казаки обращались къ депутатамъ съ просьбой, «чтобы внутренній режимъ (Дона) былъ построенъ на выборномъ началѣ, какъ это нѣкогда у насъ было», ... и о «распределеніи войсковыхъ запасныхъ земель по станичнымъ юртамъ».

Насколько далеки были донские депутаты от мысли о сепаратизмѣ, видно изъ того, что Харламовъ упрекалъ правительство, которое «искусно поддерживало обособленность казачества, раздувало въ немъ непріязнь къ остальной части населенія, къ «иногороднимъ», къ русскому обществу. До послѣдняго времени, до эпохи этого освободительнаго движенія, для казака его область — это былъ особый міръ.» — «Это — моя страна: я здѣсь дома, — говорилъ казакъ, — а тамъ Россія, тамъ все чужое». И онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею. Потакая такимъ инстинктамъ, наше правительство въ своей политикѣ по отношенію къ казакамъ сохраняло все наружные признаки этой обособленности. . . И Араканцевъ негодовалъ на тѣхъ, кто прививалъ въ казакахъ презрѣніе къ «кацапамъ» (великороссамъ) и «хохламъ» (малороссамъ), и кто посылалъ ихъ противъ «дорогой и для казаковъ общей нашей родины. . .»

Такимъ образомъ, далеки отъ какой либо мысли отдѣлать Донъ отъ Россіи, донские депутаты стояли за широкое мѣстное самоуправленіе, въ которомъ сочетались бы историческія формы и новое содержаніе. Въ той же Думѣ I-го созыва поставленъ былъ на очередь вопросъ о самомъ существованіи казачества, какъ особаго сословія, а равно и о казачьей землѣ. Въ борьбѣ по этому вопросу приняли участіе и донские (правые и лѣвые) депутаты и членъ Гос. Совѣта отъ Дона В. И. Денисовъ. Но этотъ вопросъ выходилъ за предѣлы темы о Войсковомъ Кругѣ, автономіи Края и объ организаціи самоуправления на Дону.

Во второй Думѣ вопроса о казачьихъ привиллегіяхъ коснулся донской депутатъ А. И. Петровскій, выступленіе котораго вызвало одинъ изъ самыхъ бурныхъ инцидентовъ за время существованія этой Думы. Говоря о военно-полевыхъ судахъ, Петровскій сказалъ, что правительство, обманывая служилое казачество «видимостью правъ, развращая его фальсификаціей привиллегій, пользуясь желѣзными тисками военной дисциплины, пустило казачество противъ освободительнаго движенія.» . . «Но это могло быть только до времени. Я говорю Вамъ, скоро настанетъ то время, и оно близится, когда ни одинъ казакъ не подниметъ шагайку и не обнажитъ...» Тутъ онъ былъ прерванъ бурными протестами справа.

Вопросъ о донскомъ управленіи и самоуправленіи былъ подробно разработанъ членами «казачьей группы» II-й Думы, приготовившими его для внесенія въ Думу въ качествѣ законопроекта. Помимо политической части общаго характера, объединившей казачьихъ депутатовъ, въ программѣ группы были поставлены на очередь и «чисто казачьи задачи, вытекающія изъ особенностей казачьяго быта».

«Войсковое управленіе» — писали авторы программы Казачьей группы II-й Думы — «должно обнимать: а) органы правительственной власти и б) мѣстное самоуправленіе. Органы Правительственной власти опредѣляются потребностями общегосударственнаго управленія и устанавливаются общероссійскимъ законодательствомъ. Во главѣ каждаго казачьяго войска стоитъ Войсковой атаманъ, изби-

раемый казачьимъ населеніемъ изъ казаковъ и утверждаемый государемъ. Атаманъ является представителемъ высшей административной власти и наблюдаетъ за законностью постановленій органовъ самоуправления.

«Главный органъ самоуправления представляетъ Войсковой Кругъ (рада, сборъ, съѣздъ), избираемый отъ всего войска на 3 года, на основаніи всеобщаго избирательнаго права. По предметамъ своего вѣдѣнія, Кругъ дѣлаетъ окончательныя постановленія и обладаетъ правомъ самообложенія, участвуя въ распредѣленіи по Войску государственныхъ налоговъ и издаетъ обязательныя постановленія. Вѣдѣнію Круга подлежатъ все мѣстныя казачьи нужды.» Въ числѣ ихъ, помимо общеземскихъ задачъ, мы находимъ: «Общія порядки по казачьему землевладѣнію, а также все хозяйственныя дѣла, связанныя съ отбываніемъ казачьей воинской повинности.» Исполнительнымъ органомъ Круга является избираемое имъ «Войсковое Правительство».

Проектъ этотъ касался всѣхъ войскъ. Относительно Дона была сдѣлана оговорка о введеніи, кромѣ того, въ области земскихъ учрежденій на общихъ началахъ, съ измѣненіями, обусловливаемыми особенностями казачьяго быта и землепользованія. Земскія учрежденія должны были распространяться въ одинаковой мѣрѣ и на крестьянство. Мировые судьи должны быть избираемы всеобщей подачей голосовъ; все казачье духовенство должно избираться прихожанами; гражданское управленіе Войскомъ должно быть взято изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства. Помимо нѣкоторыхъ мѣръ для облегченія тяготы военной службы казачества, программа требовала, чтобы «количество перво-очередныхъ частей опредѣлялось высшимъ военнымъ начальствомъ совместно съ Войсковымъ Кругомъ». Вопросъ о не-войсковомъ населеніи Области предполагалось разрѣшить съ не-казачьими депутатами края.

Нельзя не признать половинчатымъ рѣшеніе многихъ вопросовъ въ этомъ проектѣ, носившемъ не областной, не краевой, а сословно-казачій характеръ. Кругъ избиралъ атамана, начальника края, но рядомъ съ Кругомъ по Войсковымъ дѣламъ создавалось Областное Земское Собраніе для всѣхъ жителей, т. е. и для не-казаковъ. Старая идея Круга, какъ обще-краевого органа была оставлена, но не замѣнена идеей обще-сословнаго краевого же представительства. Однако, трудно было передать дѣла казачьей общины, составлявшей все же около половины населенія области (въ 1895 г. — казаковъ 49,61% всего населенія; въ 1915 г. — ихъ лишь 44%) и исторически сложившейся, въ руки Областного Земства, не уничтожая казачества или не оказавшая остальное населеніе. Предлагаемое рѣшеніе превращало Войсковой Кругъ, бывшій суверенный органъ края, въ сословно-казачью организацію съ опредѣленнымъ сословнымъ кругомъ вѣдѣнія. Таково было компромиссное рѣшеніе вопроса, предложенное казаками II-й Думы.

Не вполне понятно также, почему лишь казачье духовенство должно было избираться. Выборность Донского духовенства исчезла, правда, лишь въ 1830-хъ годахъ. вмѣстѣ съ выборностью

атамана, уничтоженной въ 1723 г., возстановлялись выборность администраціи, исчезнувшая не такъ давно. вмѣстѣ съ тѣмъ, выработанный членами II-й Думы и аграрный законопроектъ, изложеніе котораго выходитъ за предѣлы темы.

Глава X.

Кругъ, автономія и самоуправленіе въ III и IV Государственной Думѣ.

Государственный переворотъ 3 іюня 1907 г., выразившійся въ изданіи, безъ согласія на то Гос. Думы, новаго избирательнаго закона, былъ направленъ также и противъ правъ Дона. Край долженъ былъ быть «наказанъ» за либерализмъ его депутатовъ въ I и II Думѣ. Ростовское градоначальство было вовсе лишено своего отдельнаго депутата. Отнынѣ гор. Ростовъ и Нахичеванъ должны были наравнѣ съ другими городами Донской Области участвовать въ избраніи выборщиковъ отъ городскихъ избирателей. Эти избиратели разбиты были на 2 куріи: на I и II Окружные съѣзды городскихъ избирателей.

Общее число выборщиковъ по Области, равнявшееся въ 1906—1907 г. г. 183 чел., было уменьшено до 142 ч. (на 41 чел.) Большую потерю понесли донскіе рабочіе: они имѣли 6 голосовъ и потеряли 3 голоса (50%). Мало голосовъ имѣли крестьяне — 14 гол., у нихъ отняли 3 гол. (21,5%). Городскимъ избирателямъ прибавили два голоса — вмѣсто 37 — стало 39. Но зато члены перваго съѣзда городскихъ избирателей (по всей Области), т. е. представители крупной буржуазіи, получили право имѣть 18 выборщиковъ, а члены втораго съѣзда городск. избир. лишь 11 чел. Землевладѣльцамъ, которые имѣли 47 голосовъ, прибавили 32 голоса (68%), а всего они по новому закону, имѣли 79 голосовъ, т. е. на 7 голосовъ больше, чѣмъ было нужно для абсолютнаго большинства голосовъ въ Областномъ избирательномъ Собраніи. Зато казаки оказались жестоко наказанными за то, что не оправдали надеждъ въ Госуд. Думѣ. Изъ 79 прежнихъ ихъ выборщиковъ они получили лишь 20. Пятьдесятъ девять голосовъ (т. е. почти 75%) были у казаковъ отняты. Представители помѣстнаго класса, правившаго Россіей, не пожелали «простить» умѣренный, но и твердый либерализмъ донскихъ избирателей и ихъ депутатовъ. «Слуги и охранители Престола», грудью защищавшіе его въ тяжкую минуту, превращались въ мало желательныхъ гражданъ 3-го разряда съ уменьшенной политической правоспособностью.

Уже въ IV Думѣ избирательный законъ этотъ въ примѣненіи къ казачеству подвергся рѣзкой критикѣ казачьихъ депутатовъ. Карауловъ, выступавшій (18 марта 1913 г.) указавъ, что Семірѣченское и Сибирское Войско вовсе были лишены депутатовъ, а Уссурийскій представитель былъ приписанъ къ Амурскому войску; у Кубанцевъ изъ трехъ Депутатовъ отняли 2. Донскія цифры числа выборщиковъ — извѣстны. Эти цифры ясно говорятъ, въ какомъ на-

правленіи былъ 3 іюня измѣненъ избирательный законъ по отношенію къ Донскому казачеству, и это не Богъ вѣсть къ какимъ анархистамъ и революціонерамъ, а къ тѣмъ, которые избрали въ свое время царствующій Домъ Романовыхъ на престолъ, къ тѣмъ, которые спасли Россію въ минувшіе годы Смуты» . . .

Голосъ справа замѣтилъ ему: «Казакамъ не слѣдуетъ заниматься политикой». — «И духовенству, батюшка, не слѣдуетъ», — отбилъ выпадъ Карауловъ. Онъ напомнилъ, что въ 1767 г. изъ 518 депутатовъ Законодательной Комиссіи было 57 казачьихъ представителей, а въ IV Думѣ лишь 15, да и то по разнымъ цензамъ. Разнообразіе способовъ выборовъ въ однихъ только казачьихъ войскахъ, уменьшеніе числа казачьихъ выборщиковъ, наконецъ, подготовка выборовъ въ III и IV Думу все это привело казачью группу къ убѣжденію сказать Государственной Думѣ прямо и открыто, что у насъ нѣтъ избирательнаго закона, а есть только канва, по которой можно вольно вышивать узоры административнаго произвола. Цѣль закона 3 іюля была ясна казачеству съ самаго начала. Казаки превратились въ «нежелательный» для правительства элементъ.

По закону 3 іюня были произведены выборы въ III и IV Думы. И все же Донъ послалъ снова либеральное большинство (5 к.-д., 2 прогрессистовъ, 1 октябриста, 3 умѣренно-правыхъ и 1 правого). Что касается IV Думы, то они оказались еще менѣе утѣшительными для авторовъ закона 3 іюня. Въ 1912 году Донъ послалъ въ Думу: 8 депутатовъ к.-д., одного с.-д. (рабочаго) и 3 прогрессистовъ. Правые (крайніе и умѣренные) и даже октябристы были забаллотированы.

Донскіе депутаты III и IV Думы входили въ составъ казачьей группы и, совмѣстно съ нею, выработали и внесли въ Думу рядъ законопроектовъ, касавшихся разныхъ сторонъ какъ краевой донской, такъ и казачьей сословной жизни. Дѣятельность депутатовъ въ Думѣ является темой, достаточной для особаго очерка. Мы ограничимся лишь изложеніемъ того, какъ обстоялъ въ III и IV Думѣ вопросъ о Войсковомъ Кругѣ и о Земскомъ самоуправленіи.

Уже 3 апр. 1908 года семьдесятъ семь членовъ внесли въ Думу законодательное предположеніе о распространеніи на Область земскаго положенія 1890 г. Законопроектъ встрѣтилъ обычное отношеніе со стороны военнаго Министерства: оттяжку подъ предлогомъ разработки съ тѣмъ, чтобы похоронить его въ Archivъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Черезъ 7½ мѣсяцевъ (13 ноября 1908 г.) представитель Военнаго Министерства заявилъ, что Вѣдомство не встрѣчаетъ принципиальныхъ возраженій противъ введенія земства на Дону, но считаетъ непримѣнимымъ къ нему положеніе 1890 г., и поэтому беретъ на себя разработку особаго законопроекта, въ основу котораго будутъ положены, во первыхъ, преимущество казачьяго населенія въ земскихъ учрежденіяхъ и согласованность земскаго положенія съ бытомъ и особенными повинностями казаковъ. Дума передала вопросъ о донскомъ земствѣ въ комиссію по мѣстному самоуправленію. Дѣло въ томъ, что истинныя намѣренія Главнаго Управленія казачьихъ Войскъ, съ одной стороны, и необ-

ходимость земства на Дону, съ другой стороны, были ясны даже этой реакціонной Думѣ 3-го іюня.

Уже при первомъ обсужденіи бюджета III Дума (27-го мая 1908 г.) приняла, по предложенію казачьихъ депутатовъ, пожеланіе, что необходимо: немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, на выборныхъ началахъ; выдѣленіе изъ вѣдѣнія Военнаго Управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачей ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и изъятіе органовъ гражданского управленія изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства.

Въ лицѣ войскового наказнаго атамана ген.-лейт. А. В. Самсонова Донъ впервые, послѣ долгаго перерыва, получилъ атамана, который задумался надъ причинами экономического оскудѣнія казачества. Въ то время, когда Донскіе депутаты внесли свой законопроектъ, а Дума высказала пожеланіе о желательности самоуправления въ казачьихъ областяхъ, на Дону предпринята была анкета среди казачества по вопросу о желательности земства. Инициатива атамана была встрѣчена недружелюбно войсковою администраціей, употребившей все средства для того, чтобы исказить предначертанія атамана. Разосланная по станицамъ оффиціальная брошюра («О земствѣ на Дону» Новочер. 1908 г.), порицая закрытое въ 1882 г. Земство, увѣряла, что «отъ земскаго самоуправления казаки отказались сами, такъ какъ не захотѣли управлять земскимъ дѣломъ черезъ своихъ выборныхъ».

Правые круги выдвинули проектъ областного агронома Шумкова, предлагавшаго два земства — одно для крестьянъ, другое — для казаковъ. При казачьемъ земствѣ дорогія «Земскія управы» оказывались ненужными, такъ какъ достаточно было, по мнѣнію Шумкова, лишь нѣсколько усилить составъ административно-полицейскихъ окружныхъ управленій и устранивать при нихъ и при областномъ правленіи «ежегодныя собранія гласныхъ отъ станичныхъ обществъ, которыя вмѣстѣ съ окружными атаманами и областнымъ правленіемъ и будутъ обсуждать все казачьи надобности».

Несмотря на противодѣйствіе администрации, 65% станицъ высказались за скорѣйшее введеніе земства, 10% отвѣтили уклончиво и лишь 25% высказались противъ.

Результатомъ анкеты была замѣна ген. Самсонова барономъ Таубе, командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Когда донскіе депутаты запросили Главное Управленіе казачьихъ войскъ о результатахъ анкеты, то получили отвѣтъ: «населеніе области-это только одна сторона, заинтересованная въ дѣлѣ, а имѣется еще и другая, не менѣе заинтересованная сторона, которая еще не высказалась-войсковое начальство». И представитель Военнаго Вѣдомства предложилъ думской подкомиссіи приостановить разсмотрѣніе вопроса, пока войсковое начальство выработаетъ новый проектъ. Въ октябрѣ 1909 г. изъ Петербурга просили бар. Таубе: «ускорить представленіе проекта» . . . «Если же введеніе земскихъ учреждений (на какихъ бы то ни было началахъ) является въ настоящее время невозможнымъ, то необходимо въ доказательство этого представить

вѣскія, по возможности основанныя на точныхъ данныхъ соображенія». Комиссія Гос. Думы рѣшила продолжать разработку проекта, внесеннаго донцами.

Между тѣмъ, на Дону состоялся созывъ совѣщанія, которому начальство охотно готово было предоставить имя Круга. На Кубани еще въ Декабрѣ 1906 года была созвана Рада Кубанскаго Казачьяго Войска (засѣдавшая съ 1-го по 17 Декабря), въ составѣ 506 депутатовъ (по 3 чел. отъ станицы). Созывъ ея состоялся во исполненіе Высочайшаго повелѣнія-предоставить казакамъ самимъ рѣшить свой земельный вопросъ. По существу же дѣло шло о распредѣленіи между станицами части войскового запаса. 19-го февраля 1907 г. Военный Совѣтъ положилъ: «предоставить войсковому наказному атаману право по окончаніи подготовительныхъ работъ въ Областномъ Правленіи, созвать въ г. Новочеркасскѣ представителей всехъ казачьихъ станицъ и, составивъ изъ нихъ войсковое совѣщательное собраніе, приступить совместно съ ними, къ рѣшенію вопроса о распредѣленіи между станицами войсковыхъ запасныхъ земель». Постановленіе это было вызвано броженіемъ въ станицахъ: съ 1904 по 1907 г. 42 станицы и 6 крупныхъ хуторовъ ходатайствовали о дополнительномъ надѣленіи ихъ землею, и казачество начинало волноваться. Два слишкомъ года повелѣніе оставалось неисполненнымъ и начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ объяснялъ донскимъ депутатамъ, что прирѣзки излишни. Тѣмъ временемъ областное правленіе сдавало въ аренду громадныя участки. Поэтому донскіе депутаты внесли въ Думу запросъ, который и былъ принятъ Думой единогласно (9 дек. 1909 г.).

Въ связи съ этими шагами депутатовъ, 8 дек. 1909 г. бар. Таубе открылъ работы Войскового Совѣщательнаго Собранія, засѣдавшаго до 20 дек. 1909 г. Таубе подчеркнул въ рѣчи, что можетъ обсуждаться лишь вопросъ о раздѣлѣ свободной войсковою земли. Боялись возбужденія вопроса о дворянскихъ земляхъ. Въ Совѣщаніи, которому въ просторѣчьи присвоили имя Круга, участвовало 187 представителей отъ станицъ, которые и создали проектъ распредѣленія между станицами части войскового земельного запаса.

Представитель станицы Константиновской А. А. Назаровъ выразилъ при закрытіи Круга надежду «на возстановленіе стариннаго казачьяго Войскового Круга». На войсковомъ «хлѣбъ-соли» выступили представитель Новочеркасской станицы В. М. Марковъ и областной Предводитель дворянства А. П. Леоновъ. Марковъ говорилъ о взаимно довѣрчивомъ обмѣнѣ мыслей между атаманомъ, представителемъ царскаго правительства, и выборными людьми отъ казачества и желалъ, чтобы совѣщанія, если онѣ будутъ дозволены, могли касаться и другихъ неотложныхъ краевыхъ нуждъ. Намекая на донскихъ депутатовъ III Думы и называя ихъ «непрошенными радѣтелями», не понимающими духа казачьяго, онъ называлъ вредными ихъ проекты объ устройствѣ казачьяго быта (т. е. о Земствѣ на Дону). Марковъ ходатайствовалъ о прекращеніи въ Области дѣятельности Крестьянскаго банка, о невзманіи съ казаковъ-подо-

ходного, квартирного и другихъ прямыхъ налоговъ. Желалъ оставленія Дона въ вѣдѣніи Военнаго Миннстерства.

А. П. Леоновъ предполагалъ ходатайствовать о томъ, чтобы Совѣщанія были періодически постоянными и чтобы имъ присвоено было имя Войскового Круга въ память Историческаго Войскового Круга. Вместе съ тѣмъ Леоновъ указалъ на необходимость улучшить экономическое благосостояніе казачества и не придавать значенія вопросу о томъ, какое вѣдомство будетъ вѣдать гражданскую жизнь казачества.

Нѣсколько разъ III Дума подходила къ вопросу о казачествѣ, въ связи съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ законопроектомъ, или въ связи съ бюджетомъ. Не касаясь здѣсь вопроса о судьбахъ казачества вообще, и положенія донскаго казачества въ частности, отмѣтимъ здѣсь лишь тѣ моменты, когда вопросъ шелъ въ Думѣ объ остаткахъ донской автономіи.

17-го декабря 1908 г. Казачья группа внесла въ III Думу законодательное предположеніе объ устройствѣ мѣстнаго самоуправления въ казачьихъ войскахъ. 5 июня 1910 г. Дума признала предположеніе желательнымъ. Это было переработанное и расширенное предположеніе Казачьей группы II-ой Думы. Впослѣдствіи (27 февр. 1913 г.) проектъ этотъ внесенъ былъ въ IV Думу. Авторы проекта считали необходимымъ «созданіе самоуправляющихся органовъ двухъ разрядовъ: 1. для управленія хозяйствомъ войсковымъ съ чисто войсковымъ элементомъ, 2. общеземскаго, куда естественно могутъ входить по общности интересовъ и пропорціальной заинтересованности въ ходѣ мѣстной жизни и элементы инородческой и инородной» . . .

«Кромѣ того, — писали авторы проекта, — безусловность выборовъ въ органы мѣстнаго самоуправления и отсутствіе ценза диктуются въ большинствѣ казачьихъ войскъ отсутствіемъ вообще сословія, а если имѣется привилегированный классъ офицеровъ и чиновниковъ, — процентъ его незначителенъ и по вкоренившемся въ самосознаніи казака и офицера понятію, въ вопросахъ, не относящихся къ военной службѣ, всѣ являются равноправными казаками». О безусловности выборовъ и отсутствіи ценза при выборахъ въ земство авторы ничего не говорили. Очень интересна система представительства и интересовъ, которою для земства замѣняли казачьи депутаты демократическую идею, примѣнявшуюся ими для Круга.

Основныя положенія проекта были слѣдующія:

1. Въ казачьихъ войскахъ всѣ дѣла хозяйственныя, культурныя и экономическія, въ каждомъ войскѣ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію войскового Круга (рады, съѣзда) и войскового хозяйственнаго правленія, за закономѣрностью постановленій которыхъ наблюдаетъ войсковой наказный атаманъ.

2. Войсковому Кругу принадлежатъ функции распорядительныя. Войск. хоз. правленію — функции исполнительныя.

3. Войсковой Кругъ состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на станичныхъ сходахъ всѣмъ войсковымъ населеніемъ мужскаго пола, достигшимъ 25 л. возраста.

4. Предсѣдатель и члены войск. хоз. правленія избираются войсковымъ кругомъ.

5. Въ зависимости отъ величины войскъ и мѣстныхъ условій учреждаются окружныя съѣзды съ окружными хозяйственными правленіями.

6. Мелкой самоуправляющейся единицей являются станицы со станичными и поселковыми сборами, станичными и поселковыми управленіями. Станичныя и поселковыя управленія являются въ то же время и исполнительными органами общаго управленія по вопросамъ строевымъ и административнымъ.

7. Наблюденіе за дѣятельностью низшихъ органовъ мѣстнаго самоуправления въ кругѣ своего вѣдѣнія принадлежитъ Войсковому Кругу и войсковому хозяйственному правленію.

Наконецъ, въ казачьихъ областяхъ, гдѣ нельзя было образовать мѣстнаго самоуправления, инородцы и инородные, могли посылать представителей въ Войсковой Кругъ, но съ правомъ участвовать лишь въ вопросахъ, не касающихся войсковыхъ капиталовъ и имущества¹⁾.

Итакъ Войсковой Кругъ долженъ былъ стать представительнымъ органомъ исключительно сословнымъ. Ему придавались функции и земскаго собственно характера, такъ что трудно себѣ представить, какъ подобный Кругъ размежевался бы съ земствомъ. На Дону, напримѣръ, казачество видѣло бы именно въ Кругѣ «хозяина» Донской земли, а земство, конечно, заявляло бы, что оно представляетъ все населеніе и т. д. Въ проектѣ этомъ надо видѣть попытку депутатовъ — дать хоть какое-нибудь самоуправленіе казачьимъ общинамъ, задавленнымъ администраціей; оградить права казачества отъ властной опеки начальства и отъ не-войсковой стихіи, просочившейся отовсюду на войсковую территорию, грозившей растопить или растворить въ себѣ казачество. Интересно, что въ такихъ областяхъ, какъ Терская, Войсковой Кругъ, по этому проекту, могъ стать настоящимъ краевымъ органомъ, включивши въ себя и инородныхъ и инородцевъ.

Нѣсколько разъ возникалъ въ Думѣ вопросъ о назначеніи войскового капитала. Какъ войсковая земля принадлежала, въ свое время, государству — донской республикѣ, такъ и войсковой капиталъ былъ остаткомъ донскаго государственнаго имущества и бюджета. Превративши Донъ въ свою провинцію, Государство Россійское не сдѣлало логическихъ выводовъ ни относительно земли, ни относительно капиталовъ. Какъ мы видимъ лишь въ 1860-хъ г. г. въ Петербургѣ послышались голоса, что государство суверенно по отношенію къ войсковой землѣ. Что касается капитала, то его государство стало прибирать къ своимъ рукамъ, взявши въ свои руки аппаратъ для его распредѣленія и расходванія (назначенное сверху и не выборное Областное Правленіе и контроль въ лицѣ Военнаго Совѣта). Затѣмъ, сохраняя долгое время областную авто-

¹⁾ Мы приводимъ редакцію внесеннаго въ IV Думу «Предположенія» казачьихъ депутатовъ.

номію, Донъ продолжалъ оплачивать государственные расходы изъ войскового капитала, что было естественно при автономіи Войска. Когда же войсковой капиталъ пересталъ носить свой мѣстный государственный характеръ и сталъ отчасти земскимъ, отчасти и больше всего сословно-казачьимъ капиталомъ, то государство обязано было взять на общегосударственный счетъ всѣ соответственные расходы. Между тѣмъ, Военное Министерство начинало именовать войсковой капиталъ государственнымъ, хотя не проводя этого принципа полностью.

При обсужденіи бюджета въ 1909 г. докладчикъ бюджетной комиссіи Гос. Думы Звегинцевъ указалъ на смѣшеніе въ войсковыхъ расходахъ — назначеній войскового, земскаго и административнаго характера.

Поэтому бюджетная комиссія желала, а Дума признала желательнымъ немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ мѣстнаго самоуправления, что само собой должно выдѣлить группу расходовъ земско-хозяйственнаго характера и открыть источникъ, изъ котораго они должны быть покрыты; выдѣленіе изъ вѣдѣнія военного управления гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачей ихъ органамъ мѣстнаго самоуправления, и изыятіе органовъ гражданского управления изъ вѣдѣнія военного министерства.

Очень оптимистически Звегинцевъ добавилъ, что «это дѣло для многихъ войскъ очень близкаго будущаго». Онъ думалъ о проектахъ земства для Сибири и Юго-Востока, которые должны были пройти черезъ Думу. Но онъ забылъ о Гос. Совѣтѣ.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ Донской области и государства былъ нѣсколько разъ широко поставленъ В. А. Харламовымъ въ III и IV Думѣ при обсужденіи бюджета сперва Главнаго Управления казачьихъ войскъ, а затѣмъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба, куда въ 1910 г. были переданы казачьи и областныя дѣла. При обсужденіи бюджета въ 1910 г. Звегинцевъ снова напомнилъ Думѣ о принятыхъ ею пожеланіяхъ относительно мѣстнаго самоуправления въ казачьихъ войскахъ: «Понятно это мѣстное самоуправленіе должно быть казачьимъ, потому что въ казачьихъ областяхъ хозяевами могутъ быть и должны быть только казаки...»

«На иногороднихъ можно смотрѣть какъ на пришельцевъ изъ сосѣднихъ областей, живущихъ тамъ въ виду нѣкоторыхъ своихъ выгодъ, но очевидно, не какъ на хозяевъ Войска.» Затѣмъ Звегинцевъ предложилъ пожеланія прошлаго года.

Харламовъ отъ имени казачьей группы съ радостью приветствовалъ уничтоженіе Главнаго Управления. Онъ процитировалъ юбилейное изданіе военного министерства «Столѣтіе Военн. Министерства» т. XI, ч. 1, признавшее, что «главной заботой этого учрежденія было «возможно прочное подчиненіе казачьяго населенія центральной власти» и съ этою цѣлью: «упраздненіе внутренняго самоуправления казачества», возвышеніе казачьяго чиновничества и превращеніе его «въ исполнителей вѣдѣній государственной власти, какъ прежде они были исполнителями вѣдѣній Войскового Круга».

Представители министерства въ бюджетной комиссіи увѣрили депутатовъ, что пожеланіе Думы (прошлаго года) основано на недоразумѣніи, ибо самоуправленіе и такъ уже существуетъ въ казачьихъ войскахъ. Харламовъ указалъ, что станичные атаманы не избираются, а назначаются администраціей (утвержденіе 1 изъ 3 кандидатовъ), но часто бывало, что, не утверждая никого, присылали въ станицу атамана по назначенію. Всѣ приговоры утверждаются и нѣтъ самоуправления даже въ хозяйственныхъ вопросахъ. Харламовъ ссылался на мнѣніе помощника войскового наказнаго атамана (1899), что «управленіе гражданской частью въ округѣ фактически перешло къ помощнику окружнаго атамана», но и тотъ ведетъ дѣло формально, ибо «исходящихъ» въ окружныхъ управленіяхъ за годъ доходитъ до 50.000. Еще ближе, чѣмъ окружные атаманы, стоятъ къ станичному самоуправленію т. наз. «засѣдатели»,¹⁾ бывшіе строевые офицеры, незнакомые съ законами. Харламовъ подробно рассказалъ исторію борьбы за земство съ 1882 по 1909 г. и поведеніе военного министерства въ эпоху III Думы въ вопросѣ мѣстнаго самоуправления.

Военное Министерство утверждало, что «подчиненіе казачьей общественной жизни гражданскому начальству явнымъ образомъ отражается на пониженіи боевыхъ качествъ казаковъ и на упадкѣ исконныхъ казачьихъ традицій...»

Харламовъ напомнилъ, что это раздѣленіе введено было на Дону съ 1835 г. и существовало 50 лѣтъ (до 1886 г.) и за это время и на Кавказѣ и въ рядѣ войнъ казачество доказывало неизмѣнно свою боеспособность.

Семьдесятъ лѣтъ происходило назначеніе на Донѣ атаманами не казаковъ и по этому поводу Харламовъ заявлялъ: «Военное Вѣдомство думаетъ, что только, посадивъ генераловъ, сосредоточивъ власть въ рукахъ генераловъ, оно можетъ сохранить боевую способность казаковъ...» Это — заблужденіе. Въ результатѣ этого правленія на Дону «казачество на Дону обнищало до такой степени, что на немъ къ 1 Іюня 1909 г. числится продовольственныхъ долговъ войсковому капиталу 3,231.849 р., а другихъ долговъ, лежащихъ на станичныхъ обществахъ тому же войсковому капиталу 1,225.108 р. «О какой же доблести Вы будете говорить среди нищаго, полугоднаго населенія, которое нуждается въ продовольствіи...» Харламовъ приводитъ примѣры станицъ, въ которыхъ было до 50% и болѣе хозяйствъ, у которыхъ не имѣется достаточно скота и лошадей для хозяйства.²⁾ Въ станицахъ, въ которыхъ было 92—94% земледѣльческаго казачьяго населенія, отъ 15 до 22% хозяевъ не имѣли совершенно живого инвентаря. «Мѣстное самоуправленіе, — заканчивалъ Харламовъ, — единственно можетъ прийти на помощь казакамъ въ этомъ положеніи...»

¹⁾ Такъ на Дону назывались исполнительные полицейскіе чиновники, равные становымъ приставамъ.

²⁾ Въ Федосѣевской станицѣ Хонер. окр. 55% хозяйствъ; въ Тишайской 46% въ Усть-Медвѣдцкомъ окр.: Березовская ст. 62%; Островская 53%; во Второмъ Донскомъ Округѣ, исключительно казачьемъ: Нагаевская станица 91%; Верхне Куржорская 65%; въ I Донскомъ округѣ — Терновская станица 38%.

Харламовъ требовалъ уничтоженія прежней сосредоточенности всѣхъ дѣлъ, касавшихся области, въ одномъ центральномъ управленіи и привѣтствовалъ постановленіе III Думы о распространеніи на казачьи области дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Въ 60—80 г. г. рядъ дѣлъ былъ изъятъ изъ военнаго вѣдомства, которое не протестовало, и переданъ въ соответственные министерства. Харламовъ не касался вопроса о томъ, что въ былые годы эта сосредоточенность дѣлъ на мѣстѣ и сношенія Дона съ Имперіей черезъ Военное Вѣдомство (замѣнившее для области Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ), были признакомъ «особенности» Дона, его государственной и областной автономіи. Къ 1909 г. идея эта утратила свой смыслъ, автономіи не существовало, и чиновники и генералы Военнаго Министерства держались за старый порядокъ во имя чисто централистскаго, милитаристскаго вмѣшательства въ гражданскую, хозяйственную и иную жизнь казачества. Изъ органа, который единственно могъ сноситься съ автономнымъ Дономъ, военное вѣдомство превратилось въ органъ всевластной опеки надъ жизнью казака отъ колыбели до могилы. Понятно поэтому, что Харламовъ восклицалъ: «Въ государствѣ имѣть какой то правительственный аппаратъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ всѣ силы, всѣ стороны всѣхъ министерствъ, имѣющихся въ Россійскомъ Государствѣ, но-это нелѣпость.»

Такимъ образомъ, признакъ и органъ автономіи превратился въ свою противоположность и давилъ казачество. Харламовъ коснулся и другого признака донской «особенности». «Казачьи области, — говорилъ онъ, — представляютъ собой въ денежномъ отношеніи государство въ государствѣ.» Очень правильное замѣчаніе. «Исторически это такъ и было. Но въ 1909 г. Харламовъ правильно устанавливалъ, что «войсковой капиталъ есть принадлежность всего войска, всего войскового населенія данной области...» Съ основаніемъ протестовалъ онъ противъ того, что казаки ничего не получаютъ изъ этого капитала.

«На эти капиталы, — говорилъ Харламовъ, — казаки содержатъ себя, суды и тюрьмы, куда ихъ сажаютъ; всѣ учрежденія гражданского управленія; уплачиваютъ льготнымъ офицерамъ жалованіе; уплачиваютъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній, которыя для нихъ поставляютъ офицеровъ; уплачиваютъ пенсіи чиновникамъ и офицерамъ изъ этого капитала; донскіе казаки выплачиваютъ и дополнительное жалованіе въ 13.000 своему атаману и т. д.»

«Я спрошу, — восклицалъ Харламовъ, — гдѣ, въ какой странѣ есть такое положеніе, чтобы маленькая часть населенія, одна губернія содержала себя цѣликомъ...» Между тѣмъ, кромѣ тѣхъ небольшихъ субсидій, которыя государство даетъ Донскому Войску, мы ничего не получаемъ. Государство ежегодно беретъ себѣ почти 12.000.000 р. питейнаго дохода и отдаетъ донскимъ казакамъ только одну десятую часть, согласно вѣковой привилегіи войска; государство беретъ себѣ всѣ косвенные налоги и часть прямыхъ — квартирный, промысловый и др., казачье населеніе все управленіе области должно оплачивать своими собственными средствами.» «Прав-

да, часть расходовъ на общегосударственныя нужды была снята съ казаковъ: на войско былъ оставленъ процентъ расходовъ, соответствующій проценту казачьяго населенія. Вышло, что «казаки содержатъ все для себя и на свой счетъ, а часть, падающая на иногороднихъ, принята на общегосударственный счетъ.» Харламовъ полагалъ, что надо идти до конца въ этомъ направленіи.

Требованіе это было логично. Если бы Донъ, сохраняя свою автономію, облагалъ бы всѣхъ жителей области, то тогда естественно было бы, чтобы войсковой (областной) капиталъ несъ затраты на мѣстныя государственныя учрежденія. Но этого не было. Многие годы казачество оплачивало мѣстныя учрежденія, какъ будто бы донскіе казаки были единственно полноправными гражданами края. И до самой революціи оно платило за себя. Такъ, въ маѣ 1912 г. Дума разсматривала вопросъ объ учрежденіи полицейской стражи въ крестьянскихъ волостяхъ Донской области. Бюджетная коммиссія предлагала 25% ассигнуемой суммы возложить на войсковой капиталъ, а 75% на казну. Коммиссія законодательныхъ предположеній предлагала возложить весь расходъ на казну. Харламовъ снова протестовалъ противъ «злосчастной точки зрѣнія военнаго министерства на Донскую область и войсковой капиталъ.» Докладчикъ бюджетной коммиссіи защищалъ 25%, ссылаясь на то, что обычно на войсковой капиталъ, сообразно съ процентнымъ отношеніемъ казачьяго и не казачьяго населенія, накладывается 45%. Но тутъ было явно, что за счетъ казачьихъ словенныхъ денегъ (хотя бы и въ одной четверти) хотятъ оплачивать полицію для донскихъ крестьянъ. Кромѣ того, расходъ по полиціи былъ, вообще, расходомъ общегосударственнымъ. Дума возложила все на казну.

Болѣе того, III Дума, десятью днями позже (4 іюня 1912 г.), приняла проэктъ закона объ улучшеніи земскихъ и городскихъ финансовъ. Согласно законопроэкту была принята на счетъ казначейства часть расходовъ, относившихся ранѣе на денежные земскія повинности. Среди нихъ въ Донской области отошли къ казнѣ расходы: по содержанію мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, по содержанію статистическихъ комитетовъ; по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій; по отопленію и освѣщенію атаманскаго дворца и тюремъ въ станицахъ и г. Новочеркасскѣ; по разъѣздамъ разнаго рода оффиціальныхъ лицъ; по перевозкѣ арестованныхъ и др.

Тѣмъ не менѣе, въ 1913 г., во время обсужденія бюджета въ бюджетной коммиссіи IV Думы, начальникъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба г.-л. Агановъ заявилъ: «особые войсковые капиталы отличаются отъ средствъ казачьяго населенія и представляютъ изъ себя особаго рода государственныя капиталы.» Съ исторической точки зрѣнія Агановъ былъ правъ: до 1721 г. войсковые капиталы были государственными, до 1872 г. областными капиталами государственнаго характера, но съ этого момента они стали мѣстными и средствами особаго назначенія. Войско Донское, превращенное изъ государства въ служилое казачье войско, естественно и за-

конно, считало, что эти капиталы стали изъёмными войсковых-государственных — войсковыми казачьими, т. е. сословными капиталами. Марков 2-ой спросил Агапова, в чём же облегчение для казачества, если Военное Министерство снимет, как оно обещало в 1913 г., часть расходов съ государственного войскового капитала и переложит их на казну.

Понятно, что и здѣсь Харламовъ, сообщивши, что на Дону тратится на общегосударственные нужды не менѣе 2.772 тыс. руб. изъ войсковыхъ средствъ, твердо поставилъ вопросъ: кто же является хозяиномъ войсковыхъ капиталовъ въ цѣломъ, казачьи войска или военное вѣдомство? 12-го іюня 1913 г., во время преній по бюджету въ Думѣ Харламову пришлось вернуться къ вопросу о войсковомъ капиталѣ и указывать, что изъ него тратятся безконечныя суммы на содержание различныхъ установлений чисто государственнаго значенія¹⁾. Харламовъ настаивалъ, что войсковые капиталы — казачьи средства. Вопросъ о капиталахъ такъ и не былъ разрѣшенъ до самой революціи. Фактически они оставались въ распоряженіи военного министерства, Военнаго Совѣта и войсковой администраціи.

Основной привилегіи войска — владѣнію землей — были нанесены новые удары. Въ дополненіе къ разъясненію Сената 1906 г., распространившему земскую давность на казачьи земли, Военный Совѣтъ (2 мая 1910 г.) постановилъ, что продажа въ казачьихъ войскахъ недвижимости можетъ быть произведена общимъ порядкомъ законовъ гражданскихъ, — посредствомъ купчихъ крѣпостей, утверждаемыхъ старшимъ нотаріусомъ. Депутаты IV Думы одинъ изъ первыхъ законопроектовъ своихъ посвятили защитѣ земли казачьей общины. Они ссылались — донцы на грамоты, потомки служилыхъ казаковъ — на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича — и желали дополнить томъ X Св. Зак. новеллою 562: «Земли казачьихъ войскъ, какъ войсковыя, такъ и станичныя, юртовыя, составляютъ неприкосновенную войсковую собственность и дѣйствию земской давности не подлежатъ, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ.»

Несмотря на постановленіе III Думы о ликвидаціи частнаго коннозаводства въ Задонской степи, Военный Совѣтъ (17 января 1913 года) продлилъ аренду еще до 1928 г. И въ IV Думѣ, Комиссія бюджетная и по военнымъ и морскимъ дѣламъ высказались, что аренда эта убыточна и «несправедлива въ отношеніи Донскаго Войска, многія станицы коего давно уже нуждаются въ прирѣзкѣ земли.» Комиссія назначали 1913—1915 г. г. на ликвидацію частнаго коннозаводства. Ничего не было сдѣлано. Не

¹⁾ Въ 1911 г. изъ 6.040 тыс. расходовъ по войсковому капиталу тратилось 2.788 тыс. руб. на слѣдующія нужды общегосударственнаго характера: содерж. Главн. Упр. Каз. войскъ; содержаніе казенн. и контролн. палатъ и казначействъ; расходы на офицерскую кавалер. школу; инспектированіе юнкерск. уч.; жалованіе военн. слѣдователю; содержаніе жѣсть заключенія; жалованіе войсковому атаману и состоящимъ при немъ чинамъ; содержаніе войскового Штаба В. Д., содержаніе управленія начальника артилеріи; содержаніе льготныхъ и запасныхъ батарей, содержаніе жѣстныхъ командъ, содержаніе льготныхъ офицеровъ и т. д.

только фактически сотни тысячъ дес. были изъяты изъ распоряженія войска, но и самое право казачества на войсковую землю колебалось.

За то одіозная привилегія «образа служенія», тягостная повинность службы за свой счетъ съ конемъ и снаряженіемъ поголовно, эта привиллегія охранялась, какъ священная. Въ объяснительной запискѣ, представленной въ IV Думу, военное министерство, во имя исправнаго снаряженія казака, считало священнымъ и неприкосновеннымъ принципъ круговой поруки станичнаго общества за неисправнаго казака, а потому стояло за непремѣнное «сохраненіе въ казачьихъ областяхъ общиннаго пользованія землею». Такимъ образомъ, къ 1917 г. вольная община донскихъ казаковъ превратилась въ крѣпостную государственную организацію, а станица (общество) въ органъ закрѣпощенія отдѣльныхъ казаковъ путемъ круговой поруки.

Главнымъ дѣломъ донскихъ депутатовъ III и IV Думы, кромѣ нѣсколькихъ законовъ средняго и мелкаго значенія, проведенныхъ черезъ Думу и Совѣтъ, былъ законопроектъ о донскомъ земствѣ. 30 янв. 1912 г., въ концѣ 5-го года дѣятельности III Думы, удалось довести до общаго собранія Думы этотъ проектъ. Докладывалъ его И. Н. Ефремовъ, рассказывавшій коротко исторію четырехлѣтней его разработки. Начальникъ Главнаго Штаба ген. Михневичъ заявилъ, что министерство разрабатываетъ свой проектъ. Онъ былъ противъ думскаго законопроекта, какъ «не согласованнаго съ видами военного министерства на этотъ вопросъ». Но Дума, безъ преній, перешла къ разсмотрѣнію вопроса, и 15 февраля 1912 г. приняла въ 3 чтеніи законопроектъ «о распространеніи земскаго положенія на Область Войска Донскаго», а также «правила о примѣненіи къ Области Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и Устава о земскихъ повинностяхъ». 9-го марта 1812 г. Дума приняла окончательную редакцію. Земству передавались обычныя для этого случая учрежденія, въ томъ числѣ областная и окружная больницы, которыя въ 1875 г. не были переданы земству той эпохи администраціей.

Въ виду неудовольствія, которое въ 1870-хъ г. г. вызвали въ казачествѣ денежные земскіе сборы, въ пособіе станицамъ по уплатѣ денежныхъ земскихъ сборовъ съ земель станичныхъ обществъ, должны были быть переданы: 1. суммы изъ войскового капитала, шедшія (въ 1912 г.) на содержаніе передаваемыхъ земству богоугодныхъ, врачебныхъ и учебныхъ заведеній; 2. 230.000 р. ежегоднаго пособія изъ казны станицамъ за потерю доходовъ отъ разрѣшенія торговли крѣпкими напитками; 3. долю станичныхъ обществъ въ ежегодномъ вознагражденіи отъ казны Войску за отошедшія въ казну питейные сборы.

Но войсковой капиталъ не обращался въ земскій капиталъ. Онъ оставался — на бумагѣ — достояніемъ Донскаго казачьяго Войска, — фактически же въ распоряженіи центральной и мѣстной администраціи. Земство должно было подчиняться министру внутреннихъ дѣлъ, а не военному.

Проектъ применялъ къ Области Земское Положеніе 1890 г., но въ окружныя земскія собранія вводились гласные отъ станичныхъ обществъ, избираемые на станичныхъ сборахъ, изъ числа всѣхъ членовъ даннаго станичнаго общества, по одному гласному отъ станицы. Крупнѣйшія станицы должны были избирать 2 гласныхъ. Не могли на Дону участвовать въ выборахъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ Земскомъ Положеніи, — совѣтники Областного Правленія, начальникъ Штаба Войска Донского и его помощникъ, окружные атаманы и окружные начальники, а также и ихъ помощники.

Интересы войсковой администраціи обезпечивались введеніемъ «представителей войска», по назначенію войскового начальства, въ рядъ учреждений (по одному въ каждое), а именно: въ окружныя и въ областное земскія собранія, въ областную и окружныя оцѣночныя комиссіи. На исполнительныя должности по земству, кромѣ обычныхъ лицъ, допускалось избраніе, большинствомъ не менѣе $\frac{2}{3}$ присутствующихъ въ собраніи, также и лицъ, неимѣющихъ имущественнаго ценза, но получившихъ высшее или среднее образованіе, при условіи, что они прожили не менѣе 1 года въ предѣлахъ области или округа, и вообще имѣютъ право занимать эти должности.

Помимо потребностей, обычно удовлетворяемыхъ за счетъ земскихъ потребностей, на Дону были отнесены къ нимъ: 1. содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій, 2. содержаніе окружныхъ опеку, 3. участіе въ призрѣніи семействъ казаковъ, призываемыхъ въ военное время на дѣйствительную службу, и семействъ казаковъ, поступившихъ на службу въ военное ополченіе. Кромѣ того, содержаніе и отопленіе нѣкоторыхъ военныхъ учреждений и сельскохозяйственныхъ школъ. Не подлежали земскому обложенію войсковыя зданія, занятая бесплатно канцеляріями, казармами и т. д., а также земли подъ войсковымъ Провальскимъ заводомъ, станичными коневодствами и отведенныя для лошадей донской артиллеріи и для казачьихъ сборовъ. Денежныя земскія сборы станичнаго общества должны были уплачивать изъ своихъ средствъ. Это значило, что сохраняется правило закона 1875 г., вызвавшее такіе протесты. Но, во первыхъ, почти всѣ округа платили уже эти сборы съ 1876 г. (и послѣ 1882 г.), во вторыхъ, станицамъ давалось извѣстное уже намъ пособіе. Окружныя земскія собранія должны были избирать — мировыхъ судей, засѣдателей окружныхъ опеку и непремѣнныхъ членовъ окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Областное земское собраніе избирало непремѣннаго члена въ областное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Наибольшее число гласныхъ въ окружныхъ земскихъ собраніяхъ принадлежало представителямъ станичныхъ обществъ (158 ч.); за ними шли дворяне (первое избирательное собраніе) въ числѣ 73. Такимъ образомъ, коренные донцы (казаки и донскіе дворяне), при 315 гласныхъ имѣли большинство. Половина же голосовъ (158) принадлежала станичникамъ. Крестьяне имѣли лишь 38 мѣстъ и 46 мѣстъ было отъ 2-го собранія (прочихъ, кромѣ крестьянъ, каза-

ковъ и дворянъ, избирателей; сюда же входили и представители юридическихъ лицъ).

Сравнивая расписаніе гласныхъ по закону 1875 г. и по проекту 1912 г., мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Число окружныхъ гласныхъ по Области Войска Донского					
По закону 1875 года			По закону 1912 года		
Отъ какой группы избирателей	Число окр. зем. глас.	% отн. къ общ. чис. глас.	Отъ какой группы избирателей	Число окр. зем. глас.	% отн. къ общ. чис. глас.
Землевладельц.	134	44.53	I. избир. (двор.).	73	37.75
Городск. избир. (торговое сосл.)			II избир. собр.		
Станичн. общ.	127	42.19	Станич. общ.	158	50.15
Сельск. общ.	40	13.28	Сельск. общ.	38	12.10
Всего по обл.	301	100,0	Всего по обл.	315	100,0

И такъ, казаки могли убѣдиться что — они хозяева края, а не крестьяне и даже не донскіе дворяне. Но, вѣроятно, именно это то и не понравилось Государственному Совѣту, который отвергъ этотъ законопроектъ. Оказалось, что военное министерство провело свой проектъ черезъ Военный Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ и представило его въ Гос. Совѣтъ одновременно съ думскимъ, «какъ справочный матеріалъ», думая, что Совѣтъ замѣнитъ имъ думскій. Вышло прощѣ.

Пока думскій проектъ лежалъ въ Совѣтѣ, въ думской бюджетной комиссіи произошли пренія по поводу самоуправления въ казачьихъ областяхъ. Было это уже въ IV Думѣ, въ 1913 г. Ген. Агаповъ заявилъ, что «земское самоуправленіе отнюдь не должно разрушать того уклада жизни и управленія казачьими войсками, который отличаетъ казака отъ не—казака. Цѣль министерскаго проекта была, чтобы въ земствѣ «доминирующее значеніе имѣло казачье населеніе и чтобы иногороднее населеніе отнюдь не приобрѣло засилія надъ казачьимъ»... Убѣжденіе всѣхъ старыхъ казаковъ таково, что казачьи войска только и существуютъ, пока управленіе ими сосредоточено въ военномъ вѣдомствѣ.

Марковъ 2-ой поддержалъ Агапова. Въ отсутствіе казаковъ съ Дона, «иногородніе, не отвлекаемые отъ своей родины обязанностями, возьмутъ въ свои руки земское самоуправленіе.» Для казаковъ «это будетъ не самоуправленіе, а управленіе, да еще не начальствомъ,

царевыми слугами, а людьми, которые съ ними на экономической почвѣ постоянно враждуютъ, борятся.» Марковъ 2-ой выражалъ скромную надежду, что Гос. Совѣтъ обезвредитъ попытку III Думы ввести земство на Дону «и что Богъ дастъ, ни одно казачье войско при жизни нашей не увидитъ своего самоуправления...» Харламовъ напомнилъ, что донское земство прошло въ III Думѣ почти единогласно, и что пожеланіе о самоуправленіи въ казачьихъ областяхъ принималось 4 года подрядъ. «Иногородніе не возьмутъ земскаго дѣла въ свои руки, ибо, кромѣ Ростовскаго и Таганрогскаго, во всѣхъ округахъ казачье населеніе преобладаетъ.» И въ [проектъ 1912 г. казакамъ обеспечено большинство. Сылаясь на существованіе нищихъ казаковъ, выпрашивающихъ хлѣбъ въ казацкой фуражкѣ и штанахъ съ лампасомъ, Харламовъ спрашивалъ: «Неужели государство думаетъ, плодя такое нищенство, что оно содѣйствуетъ укрѣпленію самобытной обособленности казачьяго войска...» Марковъ 2-ой возразилъ Харламову, что «казачество хочетъ не земскаго, а казачьяго самоуправления, т. е. возрожденія старыхъ казачьихъ круговъ, выборнаго атамана. Но это не земское самоуправленіе.» Марковъ не хотѣлъ говорить, хорошо ли казаки мечтаютъ, но настаивалъ, что «казаки, разобравшись въ этомъ дѣлѣ и узнавъ, что иногородніе, съ которыми они спорятъ и соперничаютъ, будутъ играть преобладающую роль, облагать ихъ земли повинностями, не захотятъ этого самоуправления...» Военное дѣло нельзя совмѣстить съ цѣлями культуры. «Когда вы введете земство, казаковъ не будетъ...»

Гос. Совѣтъ исполнилъ завѣтное жаланіе Маркова 2-го, и ни одно казачье войско не увидѣло земства въ періодъ Имперіи. Изъ принципиальныхъ вопросовъ, касавшихся положенія Дона и казачества, отмѣтимъ то, что и III и IV Дума вели борьбу съ Военнымъ Совѣтомъ, который продолжалъ, параллельно съ законодательными учрежденіями, законодательствовать по вопросамъ гражданской жизни казачества. Желая обезпечить власть чиновничества, Совѣтъ министровъ представилъ 24 авг. 1909 г. на Высочайшее утвержденіе «Положеніе о порядкѣ примѣненія ст. 96 Осн. Зак.» Пунктъ 5-ый гласилъ: «Въ общемъ законодательномъ порядкѣ, по ст. 86 Осн. Зак. направляются: а) законодательныя дѣла, касающіяся гражданского управленія казачьихъ войскъ и подвѣдомственныхъ военному вѣдомству областей, если дѣла сѣ не относятся къ устройству вооруженныхъ силъ Имперіи и къ управленію ими...» Такимъ образомъ, правила эти «обезпечивали» дѣло государственной обороны отъ народныхъ представителей. Но Военное Министерство, не желая выпустить власть надъ казачьими областями изъ рукъ, направляло дѣла самаго мирнаго характера, вродѣ учрежденія должности акушерки, по ст. 96 Осн. Зак. III и IV Дума отправляла подобные законопроекты обратно, ибо «всѣ они касались интересовъ всего казачьяго населенія войска, а не того лишь его состава, который входитъ въ дѣйствующую армію...»

Мы не касались въ работѣ этой вопроса объ измѣненіи праваго положенія донцовъ, какъ гражданъ края, и объ измѣненіяхъ въ области отбыванія казаками военной повинности. Но нельзя не

отмѣтить законопроектъ казачьихъ депутатовъ, внесеннаго въ IV Думу (27 февр. 1913 г.) и касавшагося т. н. «наряда» казаковъ на военную службу. Депутаты желали, чтобы казачій контингентъ опредѣлялся не волею военнаго министра, а законодательными учрежденіями, какъ остальной контингентъ арміи и флота. Кромѣ того, казачьими депутатами былъ вносимъ въ Думу всѣхъ 4 созывовъ рядъ законопроектовъ, касавшихся различныхъ сторонъ казачьей жизни. Мы остановимся здѣсь лишь на тѣхъ, которые имѣли цѣлю или введеніе самоуправления на Дону, или ликвидацію тѣхъ правовыхъ обломковъ, которые принадлежали къ эпохѣ донской государственности или донской автономіи и превратились или были превращены правительствомъ въ орудіе закрѣпощенія казака и Донскаго края.

Правительство уклонялось не только отъ разрѣшенія, но и отъ постановки казачьяго вопроса. Законодательныя же учрежденія заваливались т. н. законодательной вермишелью по казачьимъ дѣламъ. Третья Дума своимъ реакціоннымъ составомъ сильно повліяла на содержаніе земскаго проэкта (1908—1912 г. г.) Чтобы проташить земство черезъ Столыпинскую Думу, донцы сдѣлали всѣ уступки. Но Совѣтъ отвергъ и этотъ проэктъ. Третья Дума не желала и сама заниматься казачьимъ вопросомъ. Разъ въ году, при обсужденіи бюджета, Дума позволяла сказать рѣчь Харламову, лидеру казачьей группы и еще кому-нибудь. Затѣмъ рѣчи ограничивались 10 минутами, и обсужденіе вопроса прерывалось. «Вѣдь достаточно Харламовъ заплакался, и все мы знаемъ», — заявляло думское большинство. Такимъ образомъ, старая Россія цѣнила въ казачествѣ лишь бесплатныхъ и безотвѣтныхъ слугъ, не желая вдуматься въ причины экономическаго оскудѣнія Дона. Англійскій писатель 1844 г. оказался пророчествомъ.

За двѣсти лѣтъ пребыванія своего въ составѣ Имперіи Донской край утратилъ и свою государственность, и свою автономію, и свое самоуправленіе. Органъ Донскаго народовластія — Войсковой Кругъ сталъ лишь символомъ. Вольные граждане Дона превратились въ закрѣпощенныхъ государству служилыхъ казаковъ. Привилегіи ихъ были утрачены почти полностью. Но столѣтія политической свободы, а затѣмъ автономіи не прошли безплодно. И въ дни великой разрухи государства Россійскаго вольная донская колонія проявила и высокое національное общероссійское чувство и выдающіяся способности государственнаго творчества.

С. Сватиковъ.

УЧРЕЖДЕНІЕ ОБЪЕДИНЕННАГО СОВѢТА ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА.

(Историческая справка.)

Послѣдовавшая за Новороссійской катастрофой крымская эвакуація антисовѣтскихъ вооруженныхъ силъ и гражданскаго населенія дала представителямъ казачества толчокъ къ спокойной критической оцѣнкѣ прошлаго опыта въ процессѣ борьбы съ коммунистами и пересмотру основаній существованія казачьей организаціи и въ эмиграціи.

Фактъ преобладанія въ рядахъ активныхъ противобольшевистскихъ вооруженныхъ силъ именно казаковъ и фактъ предоставленія казачьихъ контингентовъ въ полное распоряженіе главнокомандующихъ вооруженными силами Юга Россіи и одновременно съ этимъ отсутствіе соотвѣтствующаго участія казачьихъ органовъ власти въ веденіи борьбы съ большевиками — все это подсказало казачеству логически и исторически оправданную только что завершеннымъ печальнымъ крымскимъ опытомъ необходимость политической организованности съ цѣлью заставить слушать объединенный голосъ казачества.

Такой организованностью дѣлалась попытка парализовать въ будущемъ повтореніе ошибокъ, такъ дорого обошедшихся Россіи и казачьимъ краямъ.

Идея казачьяго союза властно выдвинута жизнью. Необходимъ онъ не только въ мѣстныхъ казачьихъ интересахъ, но онъ безспорно даетъ основу для возсозданія Россіи, какъ цѣлаго государственнаго организма. Казачество, государственно мыслящее по своей природѣ, съумѣвшее сплотиться, сможетъ благотворно повліять на ходъ возрожденія Россіи.

Нельзя скидывать со счета также и тотъ историческій фактъ, что современные казачьи края (Донъ, Кубань и Терекъ), будучи сильными организаціями еще съ XV столѣтія (казачество на Дону, запорожцы и гребенское войско на Терекѣ) унаслѣдовали отъ тѣхъ предковъ, кромѣ богатѣйшихъ природныхъ и географическихъ данныхъ, сильную волю, стойкость въ несчастьяхъ и неискоренимую любовь къ свободѣ. Черезъ всѣ бури исторіи, черезъ долгій періодъ всероссійской реакціи казаки пронесли свободолюбіе.

Долгая школа уклада казачьей жизни создала особенности его быта; эти особенности тщательно оберегались самимъ казачествомъ,

а исключительно благоприятныя географическія и естественно-историческія условия Юго-Восточной окраины Россіи дали ему и экономическую мощь. Такимъ образомъ, казачьи края Донъ, Кубань и Терекъ — объединенные въ политическое цѣлое, представляютъ собою самодовлѣющую единицу со своими определенными признаками, какъ въ области матеріальной, такъ и въ области духовной культуры.

Не забывая все это, казачество и въ настоящій тяжкій для общей родины Россіи моментъ ищетъ путей къ возрожденію страны. Оно мыслитъ свою работу на принципъ: «отъ здороваго, сильнаго Юго-Востока — къ воскресающей Великой Россіи».

О путяхъ возсозданія Россіи нѣтъ двухъ мнѣній: они идутъ съ Юго-Востока къ центру. Всѣ данныя за то, чтобы Юго-Востокъ въ этомъ процессѣ явился и военнымъ и экономическимъ плацдармомъ. За это и бытъ населенія казачьихъ краевъ, большая протяженность морскихъ линій пограничныхъ береговъ съ незамерзающими портами, нѣкоторые изъ нихъ считаются первоклассными, — хорошо развитая система рельсовыхъ путей сообщенія, наличие полезныхъ ископаемыхъ въ нѣдрахъ казачьихъ земель, нефтяные промыслы. Вся совокупность этихъ факторовъ предопредѣляетъ отмѣченный выше путь процесса оживленія Россіи.

И вотъ, чуть забрежжитъ лучъ разсвѣта на Юго-Востокѣ, какъ только безумства опыта насильственнаго насажденія коммуны начнутъ отходить въ прошлое — казачеству Юго-Востока Россіи, въ силу отмѣченныхъ выше условий, придется принять на себя тяжелую и длительную работу возсозданія Государства.

Обращаясь къ недавнему прошлому, вспоминая первый періодъ послѣ февральской революціи (1917 г.), нельзя не отмѣтить, что въ общей растерянности, охватившей всю Россію, переживавшую войну и революцію, казачество сумѣло организовать, опираясь на принципы народоправства, исторически свойственные казачеству. Оно проявило творческую энергію, оно создало основу для борьбы съ расплывавшимся по лицу земли Русской воинствующимъ коммунизмомъ.

Этапы послѣдовавшей затѣмъ кровавой братоубійственной борьбы на Юго-Востокѣ Россіи даютъ матеріалъ для историческаго анализа и, оставляя ихъ для соответствующаго отдѣла «Донской Лѣтописи», здѣсь уместно ограничиться лишь вопросомъ объединенія казачества въ эмиграціи.

Покинувъ, подъ давленіемъ военныхъ событій, родную почву осмотрѣвшись уже въ эмиграціи и подчитавши свои силы, добровольно не подчинившіяся диктатурѣ коммунистической партіи, казаки не нашли основаній для отказа отъ организованнаго бытія казачества. Они вѣруютъ, что, какъ на протяженіи всей ихъ многовѣковой исторіи, ихъ усиліями и ихъ государственнымъ инстинктомъ и на этотъ разъ будетъ спасена Россія, какъ Государство.

Въ этой увѣренности казаки видятъ въ сохраненіи обычнаго для казачества ихъ государственнаго устройства залогъ быстраго и стройнаго преображенія Россіи изъ большевистской коммуны въ страну истинной свободы и государственности.

Это здоровое стремленіе неправильно, а чаще предвзято и съ предубѣжденіемъ въ общественномъ мнѣніи превращается въ стремленіе къ сепаратизму («самостійность»). Такое претвореніе здороваго, полезнаго для общегосударственнаго строительства, стремленія казаковъ имѣетъ единственный результатъ — вредъ идеѣ возрожденія всей Россіи. Мѣшать этому процессу равносильно искусственному препятствованію проявить жизненные функции клѣточки организма, который можетъ и долженъ возстановить въ себѣ жизнь, если отдѣльныя клѣтки способны къ ней.

Юго-Востокъ — это могучая клѣтка, а весь организмъ въ цѣломъ — Россія.

Но если такое толкованіе стремленій казаковъ преобладаетъ въ русской эмиграціи, то въ казачествѣ (за малымъ и прискорбнымъ исключеніемъ) существуетъ по этому поводу полное единомысліе и убѣжденность.

Казаки въ стремленіи сохранить даже въ эмиграціи свои органы власти, рожденной изъ исторически вынесенной сути ихъ государственнаго быта, вполне послѣдовательны и исторически правы. Въ этомъ они должны быть всемирно поддержаны всей русской общественностью; между тѣмъ нежеланіе проникнуться сущностью казачьихъ стремленій и взять ихъ такъ, какъ онѣ формулированы на основѣ быта и историческаго прошлаго казачества, насыщаетъ атмосферу недоверіемъ и подозрительностью и мѣшаетъ подготовкѣ къ возрожденію Россіи, когда для начала этого процесса на лицо будутъ соответствующія данныя.

Разъ сознавъ необходимость объединенныхъ дѣйствій, убѣдившись на опытѣ первыхъ шаговъ вынужденно-самостоятельной государственной жизни (послѣ февральскихъ событій въ 1917 году) казачество, какъ уже выше упомянуто, подошло тогда же, въ началѣ революціоннаго періода, къ рѣшенію образовать Юго-Восточный Союзъ.

Военныя событія на Дону, затѣмъ на Кубани, въ Ставропольской губерніи, на Терекѣ и на Черноморскомъ побережьи, не позволили довести до конца уже далеко продвинутую работу по объединенію казачества. Въ Крымскій періодъ борьбы съ большевиками Донское казачество попыталось закончить эту работу, но кризисъ атаманской власти на Кубани, вплоть до собранія Краевой Рады на о. Лемнось, воспрепятствовалъ этому; избраніемъ Кубанскимъ Атаманомъ ген. В. Г. Науменко и назначеніемъ имъ главой правительства Д. Е. Скобцова вопросъ приблизился къ разрѣшенію и 1 (14) января 1921 года въ Константинополѣ было заключено соглашеніе между Дономъ, Кубанью и Тереккомъ; имъ достигнуто объединеніе дѣйствій краевыхъ властей Юго-Востока Россіи.

Предпосылая соглашенію обращеніе къ казакамъ и обществу, атаманы и правительства казачьихъ краевъ выразили его текстуально такъ:

«Россійская дѣйствительность осени 1917 года не могла не вселять тревоги въ сердца дѣятелей казачьяго Юго-Востока. Въ Арміи началось опасное броженіе, обнаруживались несомнѣнные

признаки разрушения фронта. Государственная власть заколебалась. Въ цѣляхъ защиты государственности, свободы и народоправства необходимо было организовать живыя силы страны. Представители Дона, Кубани и Терека степныхъ и горныхъ народовъ Юго-Востока Россіи на конференціяхъ въ Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ и Владикавказѣ рѣшили образовать Юго-Восточный Союзъ. Но событія опередили стремленія казачества. Въ Россіи былъ произведенъ большевистскій переворотъ, прежде чѣмъ Союзъ успѣлъ довести до конца собственную организацію и, объединивъ стремившіеся къ нему здоровые элементы страны, въ полной мѣрѣ использовать ихъ. Донъ, Кубань и Терекъ, всегда идейно братски объединенные, принуждены были разрозненно вступить въ неравную борьбу. Поддержанные затѣмъ русскими антибольшевистскими силами казаки свыше трехъ лѣтъ продолжаютъ эту борьбу, которая препятствовала творческой работѣ по установленію прочнаго государственнаго строя на демократическихъ началахъ. Тѣмъ не менѣе народы Юго-Востока успѣли установить въ своихъ краяхъ власть, организованную на принципахъ полного народоправства и приступили къ проведенію въ жизнь главнѣйшей основы социальнаго строительства — земельной реформы. вмѣстѣ съ тѣмъ не оставялась мысль объ объединеніи. Неоднократно высшіе законодательные органы Дона, Кубани и Терека въ постановленіяхъ своихъ указывали на необходимость скорѣйшаго осуществленія прочнаго союза. Годъ тому назадъ былъ созванъ Верховный Кругъ изъ представителей Донского и Терскаго Войсковыхъ круговъ и Кубанской Краевой Рады для установленія основъ и образованія союзной власти. Обстановка на фронтѣ помѣшала и на этотъ разъ завершить объединеніе Юго-Востока; боевое счастье оставило казаковъ, и они вынуждены были покинуть предѣлы родины. Въ настоящее время на территоріи Юго-Востока Россіи введенъ совѣтскій режимъ. Большевики жестокими мѣрами стремятся внѣдрить въ жизнь коммуны. Вольное казачество, привыкшее къ самобытному жизненному укладу, не можетъ помириться съ большевиками и не пріемлетъ власть совѣтовъ. До 50.000 строевыхъ казаковъ съ большимъ количествомъ бѣженцевъ — стариковъ, женщинъ и дѣтей предпочли лишения и тяготы скитанія внѣ родины жизни подъ управленіемъ совѣтскихъ комиссаровъ. Свѣдѣнія, получаемыя съ Дона, Кубани и Терека, говорятъ о непрекращающихся возстаніяхъ противъ совѣтской власти, массовомъ бѣгствѣ казаковъ въ лѣса и горы и окончательномъ разстройствѣ народнаго хозяйства.

«Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека почитаютъ своимъ священнымъ долгомъ не оставлять безъ дѣятельной помощи населеніе своихъ краевъ».

«Мужественно перенося выпавшія на ихъ долю тяжкія испытанія, казаки твердо вѣрятъ въ скорое возрожденіе Россіи. Мысля будущую Россію построенной на демократическихъ федеративныхъ началахъ, казаки, считая необходимымъ продолженіе вооруженной борьбы съ совѣтской властью при полномъ единеніи всѣхъ русскихъ силъ и сохраненія единого военнаго командованія, будутъ неустанно

отстаивать право устраивать жизнь своихъ краевъ на основахъ подлиннаго народоправства и здороваго экономическаго развитія».

«Въ стремленіи наилучшаго и наискорѣйшаго достиженія указанной цѣли Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека рѣшили приступить безъ всякаго промедленія къ осуществленію давнишнихъ желаній своихъ народовъ и заключили соглашеніе, полный текстъ котораго объявляютъ:

«Передъ лицомъ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю казачества, полагая, что только въ тѣсномъ единеніи можетъ быть найденъ достойный для него выходъ, Атаманы и Правительства Дона, Кубани и Терека, выполняя давнишнія чаянія своихъ народовъ, неоднократно выраженные въ постановленіяхъ Войсковыхъ Круговъ и Радъ, заключили настоящее соглашеніе.

1. Донъ, Кубань и Терекъ, сохраняя неприкосновенными свои конституціи — по вопросамъ внѣшнихъ сношеній, военнымъ, финансово-экономическимъ и обще-политическимъ дѣйствуютъ объединенно.

Примѣчаніе: Впредь до возвращенія въ свои края заботы объ устройствѣ бѣженцевъ составляютъ также предметъ объединенныхъ дѣйствій.

2. Всѣ вопросы, указанные въ п. 1, разрѣшаются въ Объединенномъ Совѣтѣ Дона, Кубани и Терека, въ составъ котораго входятъ Войсковые Атаманы и Предсѣдатели Правительствъ.

3. Всѣ сношенія, исходящія отъ Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека, производятся однимъ изъ Атамановъ по уполномочію Совѣта.

4. Развитіе настоящаго соглашенія производится путемъ дополнительныхъ частныхъ соглашеній.

5. Настоящее соглашеніе имѣетъ быть внесено на утвержденіе Большихъ Войсковыхъ Круговъ и Краевой Рады, но вступаетъ въ силу тотчасъ по его подписаніи.

Учинено въ трехъ экземплярахъ въ Константинополѣ, 1 (14) января 1921 года.

Подлинное подписали:

Донской Атаманъ Генераль-Лейтенантъ Богаевскій.
Предсѣдатель Донск. Правительства Ген.-Майоръ Апостоловъ.
Кубанскій Атаманъ Генераль-Майоръ Науменко.
Предсѣдатель Кубанскаго Краев. Правительства Д. Скобцовъ.
Терскій Атаманъ Генераль-Лейтенантъ Вдовенко.
Предсѣдатель Терскаго Правительства Е. Букановскій.

Вопросъ о сути объединенія казачества былъ въ порядкѣ дня работъ послѣдней (9—13 іюня 1923 г.) сессіи Объединеннаго Совѣта. Обмѣнъ мнѣній, къ которому были привлечены также казачьи дѣятели, далъ новое подтвержденіе единомыслія по поводу основъ казачьихъ стремленій.

Ревизія этихъ основъ выражена въ такихъ общихъ положеніяхъ:

Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, стремясь къ возрожденію и восстановленію Россіи и своихъ родныхъ краевъ, считаетъ, что это возрожденіе можетъ быть достигнуто только послѣ сверженія совѣтской власти на Руси.

Казачество, считая себя составною частью Россіи, будетъ стремиться къ возсозданію государственнаго единства Россіи.

Возстановленіе это должно быть не насильственнымъ, а на началахъ свободнаго соглашенія съ національными и территориальными государственными образованиями, возникшими во время революціи на территоріи Россіи.

Стремясь къ возстановленію единства Россіи и возлагая на себя, какъ и всегда на протяженіи многихъ вѣковъ, обязанности въ этомъ отношеніи, Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека считаетъ необходимымъ сохраненіе и укрѣпленіе въ интересахъ всей Россіи казачества со всѣми его историческими правами и особенностями его быта.

Впредь до образованія всенародно признанной государственной власти Россіи, казачество считаетъ целесообразнымъ въ интересахъ осуществленія общей задачи возрожденія Россіи и своихъ родныхъ Краевъ временное существованіе самостоятельныхъ казачьихъ государственныхъ образований, ибо, только укрѣпившись на родной почвѣ, казачество, сдѣлавшись снова сильнымъ, сможетъ оказать дѣйствительную помощь другимъ частямъ необъятной Россіи въ процессѣ ихъ постепеннаго оживанія.

Послѣ завершенія дѣла объединенія и возстановленія Россіи, казачество войдетъ въ составъ Россіи въ качествѣ неотдѣлимой части ея, оставивъ за собой право на самостоятельное устройство своей внутренней жизни.

Въ стремленіи бережно донести до благопріятнаго историческаго момента идею возрожденія родины, Донъ, Кубань и Терекъ, сохраняя неприкосновенными свои конституціи, дѣйствуютъ согласованно по вопросамъ внѣшнихъ сношеній, военнымъ, финансово-экономическимъ и обще-политическимъ черезъ Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека въ составѣ Войсковыхъ Атамановъ и Предсѣдателей Правительствъ.

Казачество, искони осуществлявшее въ своей жизни начала народоправства и управлявшееся въ послѣднее время своими выборными органами (Войсковой Кругъ, Рада и Выборные Атаманы), будетъ отстаивать начала народоправства и для Россіи.

Насильственное установленіе той или иной формы правленія, идущее извнѣ или изнутри Россіи, казачество считаетъ недопустимымъ; исключительное право разрѣшить этотъ вопросъ принадлежить только народу.

Такъ мыслить свою роль объединенное казачество, съ такой вѣрой и надеждой на успѣхъ оно понесетъ въ родныя края всѣ сбереженные силы и всю страстность къ труду и работѣ по возрожденію Россіи, зная, что успѣхъ при воплощеніи чаяній Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека дастъ казачеству еще большее моральное право на закрѣпленіе и въ будущемъ за нимъ его историческихъ правъ и на самостоятельность по всѣмъ вопросамъ внутренняго устройства и управленія и на все кровью вѣками приобретенное достояніе.

Ф. Львовъ.

РОДИМЫЙ КРАЙ.¹⁾

Стихотвореніе въ прозѣ.

Родимый край... Какъ ласка матери, какъ нѣжный зовъ ея надъ колыбелью, теплою и радостью трепещетъ въ сердцѣ волшебный звукъ знакомыхъ словъ.

Чуть таетъ тихій свѣтъ зари, звонитъ сверчокъ подъ лавкой въ уголкѣ, изъ серебра узоръ чеканитъ въ окошкѣ мѣсяцъ молодой... Укропомъ пахнетъ съ огорода... Родимый край...

Кресты родныхъ моихъ могилъ, и надъ левадой дымъ кизечный и пятна бѣлыхъ куреней въ зеленой рамѣ рошчъ вербовыхъ, гумно съ бурьющей соломой и журавель, застывшій въ думѣ, — волнуетъ сердце мнѣ сильнѣй всѣхъ дивныхъ странъ за дальними морями, гдѣ красота природы и искусство создали міръ очарованій.

Тебя люблю, Родимый край...

И тихихъ водъ твоихъ осоку и серебро песчаныхъ косъ, плачъ чибиса въ кугѣ зеленой, пѣснь хороводовъ на зарѣ, и въ праздникъ шумъ станичнаго майдана, и старый милый Донъ — не промѣняю ни на что...

Родимый край...

Напѣвъ протяжный пѣсенъ старины, тоска и удалъ, красота разлуки и грусть безбрежная — щемятъ мнѣ сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Молчаніе мудрое сѣдыхъ кургановъ и въ небѣ клетокъ сизаго орла, въ жемчужномъ маревѣ видѣнья зипунныхъ рыцарей былыхъ, полившихъ кровью молодецкой, усѣявшихъ казацкими костями просторъ зеленый и родной... не ты ли это, Родимый край?

Во дни безвременья, въ годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивалъ Тебя, мой Край Родной...

Но все же вѣрилъ, все же ждалъ; за дѣдовскій завѣтъ и за родной свой уголь, за честь казачества взметнетъ волну нашъ Донъ сѣдой...

Вскипитъ, взволнуется и кликнетъ кличъ, кличъ чести и свободы...

И взволновался Тихій Донъ... Клубится по дорогамъ пыль, ржутъ кони, блещутъ пики... Звучатъ родныя пѣсни, серебряный подголосокъ звенитъ вдали, какъ нѣжная струна...

Звенитъ и плачетъ, и зоветъ...

То край Родной возсталъ за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ и уголь...

Кипитъ волной, зоветъ на бой Родимый Донъ...

За честь отчизны, за казачье имя кипитъ, волнуется, шумитъ сѣдой нашъ Донъ, — Родимый край.

Ф. Брюковъ.

¹⁾ „Донская Волна“ N 12 26 августа 1918 года.

* * *

Ахъ, сколько, сколько пало ихъ
Въ борьбѣ за край родной —
Отважныхъ, гордыхъ, молодыхъ . . .
Плещеевъ

Пусть позволитъ мнѣ ваша чистая память возложить къ подножью вашихъ безвременныхъ могилъ нѣсколько смиренныхъ благодарныхъ, благоговѣйныхъ былинковъ. Я не погублю для этого въ своемъ маленькомъ цвѣтникѣ ни пышныхъ маковъ, ни тонкостебельныхъ синюхъ васильковъ-пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живутъ и дышатъ въ память вашу. Но я отдамъ вамъ то, что мнѣ дороже всѣхъ пышныхъ маковъ, синихъ васильковъ и благоуханныхъ левкоевъ: нѣсколько былинковъ съдой горькой полыни и полевого цвѣтущаго чебора. Пусть онѣ напомнятъ вамъ, какъ напоминали когда-то мнѣ на чужбинѣ, о прекраснѣйшей странѣ подь солнцемъ, гдѣ течетъ единственная въ свѣтѣ по синевѣ своихъ водъ старая рѣка и гдѣ на пустынныхъ прибрежныхъ горахъ колышется бѣлая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чеборъ. Пусть расскажутъ онѣ вамъ, какъ рассказывали когда-то мнѣ въ далекихъ земляхъ о нашей тихой станицѣ подь высокими горами — Пирамидами, о мыльхъ, изрытыхъ дождевыми потоками, уллицахъ, о старомъ задумчивомъ соборѣ, на которомъ чудесно трезвонятъ ко всеобщей подь праздники, о сиреневыхъ палисадникахъ, о заросшихъ шумящими пахучими левадами и садами Базахъ и Клинахъ, о коротенькихъ переулкахъ къ Дону съ восхитительными видами на старую синюю богатую воду . . . Пусть скажутъ онѣ вамъ о вашихъ, оставленныхъ на степной сторонѣ, бѣленькихъ домахъ подь лепечущей вишней, о грустныхъ лампадахъ, зажженныхъ въ вечерней часъ близкой рукой во имя ваше, о родныхъ, о близкихъ людяхъ, — о всемъ томъ, что вами высокими, оставлено нынѣ безавѣтно и непрекословно, ради долга и высокой чести . . .

И пусть передадутъ онѣ вамъ, что вся великая донская степь съ съдой полыню и розовымъ чеборомъ, съ чистой ромашкой и важными красноголовыми татарниками, съ холодной мятой и узорчатымъ тысячелистникомъ, со всякимъ, всякимъ полевымъ разнотравьемъ, нынѣ клонится передъ вами ницъ и поетъ, какъ подь сильнѣйшимъ свѣжимъ вѣтромъ: «слава вамъ, слава». Клонятся ницъ полинявшіе подь солнцемъ деревянные голубцы при дорогахъ, взмутились въ глубокихъ тѣнистыхъ оврагахъ ключевыя воды, шумѣли полевые дикіе красавицы — боярышники и луговые терны, задымила травянымъ ароматомъ дебелия яркая «рожа» подь подь емнымъ крохотнымъ слуховымъ окошкомъ: «слава вамъ, слава». Падаютъ ницъ, до самой сырой земли, степные народы — и тѣ, которые пьютъ воду изъ старой синей рѣки, и тѣ, которые пьютъ воду изъ далекихъ степныхъ жемчужныхъ озерцъ, на бѣлыхъ хуторахъ: «слава вамъ, слава».

«Слава вамъ, слава».

Романъ Кумовъ.

¹⁾ «Донская Волна» — N 12 — 26 августа 1918 г. (Къ Братской могилѣ на Пирамидахъ).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Къ произведенію Ф. Крюкова «Родимый Край».

Существуетъ мнѣніе, что извѣстное стихотвореніе въ прозѣ Федора Дмитриевича Крюкова «Родимый Край» случайно найдено въ его бумагахъ безъ даты и, слѣдовательно, можно думать, что оно написано имъ въ неопредѣленное время и внѣ зависимости отъ обстановки, имѣя въ виду историческое прошлое Дона. На самомъ дѣлѣ это не такъ.

Происхожденіе его тѣсно связано съ переживаемыми Россіей и Дономъ днями и поэтому фактическая сторона его появления имѣетъ значеніе, а она такова:

Послѣ захвата власти большевиками въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, во главѣ съ Войсковымъ Старшиной Мироновымъ (Ф. К.), 21 января 1918 г., Ф. Д. Крюковъ жилъ въ своей Глазуновской станицѣ, въ 39 верстахъ отъ Усть-Медвѣдицкой, изрѣдка наѣзжая въ нее повидаться съ своими друзьями и навѣститъ сына, учившагося въ реальномъ училищѣ.

Когда, въ концѣ апрѣля, въ округѣ началась вооруженная борьба казаковъ — «кадетъ» съ ихъ противниками казаками — «мироновцами», изгнанный изъ станицы Усть-Медвѣдицкой «Революціонный Совѣтъ» Миронова перенесъ свою резиденцію къ желѣзной дорогѣ въ слободу Михайловку, откуда и руководилъ всѣми операціями.

Вооруженная борьба разгоралась; переговоры, ведшіеся на проходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Михайловкѣ Съѣздѣ Делегатовъ обѣихъ сторонъ, не приводили ни къ чему и явно затягивались Мироновымъ, ожидавшимъ отряды красныхъ матросовъ изъ Царицына и Борисоглѣбска, для наступленія на Усть-Медвѣдицкую, объявленную контръ-революціоннымъ гнѣздомъ, подлежащимъ уничтоженію.

Шла подготовка и въ Усть-Медвѣдицкой, но у казаковъ-кадетъ не было оружія, кромѣ пашекъ, не было патроновъ, даже на имѣвшееся ничтожное число винтовокъ. Приходившіе отряды отдѣльныхъ станицъ, въ 3—4 сотни конныхъ и пѣшихъ казаковъ, имѣли на весь отрядъ всего какихъ-нибудь 15—20 винтовокъ, съ 5—8 патронами на винтовку, что, понятно, не могло не отражаться на настроеніи казаковъ.

Воодушевленная учащаяся молодежь шла въ бой, вооруженная одними палками и доставала себѣ оружіе у красныхъ. Были уже

десятки убитых и раненых; в станице не было ни медикаментов, ни перевязочных средств и не было ни копейки денег на самые необходимые расходы по уходу за ранеными и не откуда было достать их.

Тот патристический подъем, какой царил среди возставших казаков 14 хуторов ст. Усть-Хоперской, — родины Атамана Алексея Максимовича Каледина, далеко не захватывал станицы и хутора округа. И в то время, когда за Доном уже горели хутора и шайки матросов с орудиями и пулеметами двигались от линии железной дороги на Усть-Медведицкую, разстреливая десятками не в чем неповинных стариков, и когда безоружная молодежь и казаки возставших отрядов гибли в неравных боях, в это время в станицах и хуторах лѣваго берега Дона шли безконечные споры, на хуторских сборах, о том: — нужно ли участвовать в борьбѣ и чью принять сторону.

Некоторые хутора выбрасывали бѣлые флаги, заявляя этимъ свою «нейтральность», другіе дѣлились на двѣ группы «нейтральных» и «возставших» и, наконецъ, были хутора, дѣлившіеся на рѣзко обособленные три группы: «мироновцевъ», «кадетъ» и «нейтральных».

Къ этой послѣдней группѣ, скрывавшей въ себѣ и самый отвратительный, «шкурническій» элементъ станицъ и хуторовъ, въ первые дни принадлежала и родная станица Ф. Д. Крюкова — Глазуновская.

Всѣ эти колебанія казаковъ, безконечные споры ихъ на собранияхъ, начинавшіеся съ ранняго утра и кончавшіеся позднимъ вечеромъ, — угнетающе дѣйствовали на Федора Дмитриевича, жившаго въ своей станицѣ и часто вызывавшагося казаками на сборъ, — для разъясненія тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Для него, приговореннаго уже къ смерти и чудомъ спасеннаго отъ разстрѣла, всѣ вопросы были ясны, — онъ самъ ни на минуту не разставался съ своимъ германскимъ карабиномъ и вопросъ: «что дѣлать», — для него разрѣшался просто: — нужно браться безъ колебаній за топоры и вылы и очищать родную землю отъ разбойничьихъ бандъ, именовавшихся революціоннымъ народомъ.

Но это мнѣніе не было по душѣ большинству казаковъ его станицы, для нихъ болѣе были приемлемы призывы обыкновенныхъ шкурниковъ, скрывавшихся подъ видомъ нейтральныхъ и въ то время, какъ большая часть боевыхъ казаковъ ушла къ Миронову, а меньшая сражалась въ рядахъ кадетъ, шкурники философствовали въ станицѣ на тему: «мая хата съ краю».

Всѣ убѣжденія Федора Дмитриевича на сборахъ, что эта шкурническая позиція не спасетъ ихъ отъ разстрѣловъ и грабежей красны и гордости революціи — матросовъ, ужъ по одному тому, что они-казаки, на его станичниковъ не дѣйствовали, и только позже они убѣдились въ этомъ горькимъ опытомъ, и Глазуновская станица была впоследствии одной изъ непоколебимыхъ въ своей стойкости въ борьбѣ съ красными.

Въ эти тяжелые первые дни начала борьбы съ красными въ Усть-Медведицкомъ округѣ, въ дни полной неопредѣленности, ду-

шевнаго шатанія и неувѣренности, не только въ далекомъ будущемъ, но и въ завтрашнемъ днѣ, въ дни тяжелой общей душевной угнетенности — только учащаяся молодежь мѣстныхъ учебныхъ заведеній, съ примкнувшими къ ней студентами, была бодра и весела. Образованный изъ нея подбесауломъ Алексѣевымъ партизанскій отрядъ, съ пѣніемъ своего бодраго марша, ходилъ за станицу на обученіе, рѣзко выдѣляясь среди общаго угнетеннаго состоянія.

А оно питалось фронтомъ, съ котораго шли тяжелыя вѣсти, — молодые казаки, такъ называемые фронтовики, сформированныхъ въ станицахъ отрядовъ держали себя неопредѣленно, среди нихъ было много колеблющихся, а изъ хуторовъ лѣваго берега Дона и прямо сочувствовавшихъ Миронову, — все это создавало неувѣренность въ отрядахъ. Отдѣльные отряды часто митинговали, отказываясь выполнять боевыя задания, все еще надѣясь на мирное разрѣшеніе вопроса: — быть ли въ округѣ большевистскимъ совѣтамъ или жить казакамъ по старинѣ.

На поднявшихъ возстаніе Усть-Хоперцевъ, мужественно дравшихся съ большевистскими бандами, сыпались упреки, — въ поднятій напрасно оружія.

Знаменитый Казьма Крючковъ, бывший по обыкновенію въ первыхъ рядахъ, жаловался, что ему нельзя слова сказать, какъ ему сейчасъ же со злобой говорили: «всмирную славу добывать хочешь и генеральскіе погонны».

При такомъ крайне неопредѣленномъ настроеніи казаковъ, не могло быть увѣренности въ поднятое ими же самими дѣло борьбы съ большевиками у офицеровъ, призванныхъ казаками же въ свои отряды. Своимъ жертвеннымъ примѣромъ они воодушевляли свои отряды и многіе изъ нихъ гибли при обстановкѣ, исключавшей возможность этого въ иныхъ условіяхъ, — такъ погибъ сотникъ А. И. Емельяновъ, не поддержанный казаками отряда при командѣ его: «въ атаку...»

Но поднятое дѣло борьбы все же не умирало, напротивъ, оно росло и ширилось. Одинъ за другимъ приставали нейтральныя хутора къ возставшимъ и высылали свои отряды за Донъ на помощь бившимся тамъ казакамъ.

И цѣлые дни, на вершинѣ Пирамиды, ставшей теперь «исторической» точкой округа, — стояли толпы народа, молча, пристально всматриваясь въ даль Задонья, гдѣ на широкомъ, многоверетномъ пространствѣ горѣли отдѣльные хутора и кое гдѣ рвалась надъ ними шрапнель... гудѣли орудія.

А по дорогамъ зеленѣющей майской степи изъ присоединявшихся хуторовъ, съ заунывными казачьими пѣснями, полными грусти, тянулись змѣйки казачьихъ отрядовъ, шедшихъ къ Дону на сборный пунктъ.

Далекой, эпической стариной, обвѣянной грустью, вѣяло отъ всей этой картины...

На горѣ часто бывалъ и Федоръ Дмитриевичъ Крюковъ и Романъ Петровичъ Кумовъ.

Здѣсь мало говорили, но само молчаніе говорило больше всякихъ словъ.

Въ такой обстановкѣ, между жизнью и смертью, въ ст. Усть-Медвѣдицкой былъ устроенъ «летучій» концертъ, для полученія средствъ на первую помощь раненымъ.

Утромъ, въ день концерта, къ уѣзжавшему въ свою Глазуновскую станицу, только что освобожденную отъ большевиковъ, повидать родныхъ и свой очагъ, Федору Дмитриевичу, обратилась его квартирная хозяйка А. В. Попова, приглашенная участвовать въ концертъ, написать что либо для прочтенія ею на этомъ вечерѣ.

Ф. Д. отвѣтилъ:

— Что же я могу написать Вамъ, — стиховъ я не пишу, а стихотвореній въ прозѣ писать не имѣю, а то, что я пишу обычно, не подходитъ.

Это было за часъ до его отъѣзда, а уѣзжая онъ вышелъ изъ своей комнаты и, передавая ей набросанный «Родимый Край», сказалъ:

— Подойдетъ, — прочтите, а нѣтъ — выбросьте...

«Родимый Край» былъ прочитанъ подъ аккомпаниментъ — экспромтъ рояли П. П. Васильева и произвелъ неопишемое впечатленіе...

Въ открытыя окна переполненнаго зала реального училища, съ далекимъ видомъ на задонье, видно было зарево горѣвшаго въ двадцати верстахъ за Дономъ хутора Зимовника. — то отрядъ красныхъ, предводительствуемый матросомъ, жегъ дома семей офицеровъ, ушедшихъ въ противные отряды. Изрѣдка слышны были одиночные орудійные выстрѣлы...

На сценѣ сидѣли 17 юношей партизанскаго отряда, раненыхъ въ бою подъ хуторомъ Шапкинымъ, гдѣ изъ отряда въ сто человекъ было однихъ только убитыхъ 26...

Одинъ за однимъ проходили вокально-музыкальные номера грустныхъ мелодій, невольно отражавшихъ общее настроеніе и, наконецъ, вечеръ заканчивался мелодекламацией А. В. Поповой. Съ рѣдкимъ, по теплотѣ чувства, искусствомъ стала она читать это стихотвореніе, подъ мелодію казачихъ пѣсенъ, полную тоски и грусти.

Прочитанный нѣсколько разъ подрядъ, «Родимый Край» произвелъ на присутствующихъ неизгладимое впечатленіе...

Его наизусть знала молодежь, въ сотняхъ экземплярахъ его требовали на фронтъ и со словами изъ него: «за честь отчизны» шли въ бой молодые и старые казаки.

Психологическое вліяніе на казачьи массы этихъ немногихъ строкъ, сочетавшихъ въ простыхъ и ясныхъ словахъ близкія и безгранично дорогія душѣ и сердцу каждаго Донца понятія, — было огромно.

Они, эти немногія строки связывали его настоящее съ далекимъ прошлымъ исторіи его Родного края, обвѣянной такой поэтической красотой, и въ тяжелые, мрачные дни полной неизвѣстности его настоящаго они придавали бодрость и укрѣпляли вѣру въ будущее. Въ этихъ строкахъ казаки своей простой душой глубоко чувствовали, что въ ихъ многовѣковой исторіи начинается новая

страница, и что написанная ихъ слезами и кровью, — она не забудется русскимъ народомъ.

Нужно было видѣть эти вдохновенныя лица молодежи и слышать безконечныя повторенія всюду отдѣльныхъ мѣстъ изъ «Родимаго Края», чтобы понять оставленное впечатленіе въ каждомъ, прочитавшемъ его, и оцѣнить все его психологическое значеніе на поднятіе духа и настроенія въ колебавшихся народныхъ казачьихъ массахъ...

Убитая молодежь въ первомъ бою съ Мироновымъ изъ отряда партизанъ подѣсаула Алексѣева, въ числѣ 13 труповъ, была похоронена въ общей могилѣ, на высшей точкѣ горнаго берега Дона, въ четырехъ верстахъ отъ Усть-Медвѣдицкой, называющейся «Пирамидой» и на огромномъ деревянномъ крестѣ надъ этой «Братской Могилей» былъ приведенъ конецъ изъ «Родимаго Края» отъ словъ: «... Во дни безвременья въ годину смутную развала...» но по занятіи, 27 января 1919 г., Усть-Медвѣдицкой станицы красными крестъ начали рубить, — Мироновъ остановилъ и приказалъ только сорвать эту надпись.

* * *

Въ ясные лѣтніе дни, съ «Пирамиды» открывается рѣдкая по красотѣ картина безпредѣльной Донской степи, съ извивающимся на много десятковъ верстъ вокругъ нея Дономъ и красивыми степными притоками его, — Хопромъ и Медвѣдицей. По радіусу въ 80 верстъ съ «Пирамиды» видны станицы и хутора, утопающе въ зелени садовъ и левадъ, съ бѣлѣющими въ нихъ колокольнями церквей.

Легкой синеватой дымкой, среди зеленѣющихъ луговъ, отмѣчены пути Стараго Дона, Медвѣдицы и Хопра, и какой-то особой грустью вѣетъ отъ картины кажущихся безпредѣльными пустыни сыпучихъ песковъ, лѣваго берега Дона...

У подножія «Пирамиды», на берегу Дона, съ впадающей въ него съ противоположной стороны Медвѣдицей красиво расположенъ Усть-Медвѣдицкій Преображенскій монастырь, такъ много разъ воспѣтый Федоромъ Дмитриевичемъ Крюковымъ и Романомъ Петровичемъ Кумовымъ въ ихъ произведеніяхъ, придающій какую то особую мягкость и теплоту общей картинѣ...

* * *

Нужно было видѣть Ф. Д. Крюкова, присутствовавшего на похоронахъ этихъ первыхъ жертвъ «гражданской» войны, чтобы понять его душевное состояніе...

Оно вылилось во второмъ его стихотвореніи въ прозѣ, названномъ имъ: «Пирамидами», и посвященномъ героямъ «Братской Могилы».

А Р. П. Кумовъ, часто проводившій время на Пирамидахъ и особенно полюбившій ихъ, какъ онъ говорилъ, послѣ того, какъ они украсились «Исторической» Братской Могилей, — мечталъ посвятить

имъ цѣлое большое произведеніе, связанное съ пережитыми событіями, назвавъ его: «Пирамидами».

И тотъ и другой, страстно мечтавшіе найти покой среди дорогихъ братскихъ могилъ Пирамиды, унесли съ собою свою скорбь, оставивъ жизнь вдали отъ родныхъ, любимыхъ мѣстъ, вдохновлявшихъ ихъ на дивныя строки.

Федоръ Дмитріевичъ Крюковъ умеръ 20 февраля 1920 г. на Кубани.

Романъ Петровичъ Кумовъ — 20 февраля 1919 г. въ Новочеркасскѣ.

П. Скачковъ.

Бѣлградъ. 29 іюня 1923 г.

КОМИТЕТЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ.

(Очеркъ учрежденія.)

Родившись въ мукахъ эмиграціи, объединеніе южно-русскаго казачества было закрѣплено особымъ соглашеніемъ Дона, Кубани и Терека, подписаннымъ въ Константинополѣ.

Первыми шагами объединенія казачества въ эмиграціи, первыми его думами, помимо злободневныхъ вопросовъ бѣженской казачьей жизни¹⁾, были задачи въ области интересовъ государственнаго характера.

Хотя и выброшенные политической бурей за предѣлы родныхъ краевъ, казаки, вѣрные своему историческому государственному инстинкту, не примирились съ мыслью, что въ эмиграціи парализованы, что исторія отбросила ихъ отъ государственныхъ задачъ.

Объединившись политически, создавъ Объединенный Совѣтъ Дона, Кубани и Терека, казачество всю силу вниманія направило на разрѣшеніе задачи возрожденія своихъ родныхъ краевъ, какъ части общей Родины-Россіи; зная, что политическое благополучіе и строй каждой страны прежде всего зависятъ отъ ея экономическаго развитія, казачество занялось вопросами этого именно порядка.

Согласованіе дѣятельности краевыхъ казачьихъ властей по возстановленію сельскаго хозяйства и промышленности, по снабженію населенія продовольствіемъ и необходимыми товарами — вотъ что заботило казачество, вотъ въ грубой схемѣ то, что объединенному Совѣту Дона, Кубани и Терека жизнь ставить для разрѣшенія, на что должны быть заблаговременно приготовлены исчерпывающіе отвѣты и разработаны общій мобилизаціонный планъ.

Эта потребность вызываетъ Объединенный Совѣтъ на рѣшеніе создать специальный органъ временнаго характера.

18 августа 1921 года постановленіемъ Объединеннаго Совѣта кладется основаніе къ учрежденію этого органа — въ Константинополѣ создается Комитетъ Экономическаго Возрожденія Юго-Востока Россіи.

¹⁾ Донцовъ- казаковъ въ эвакуированной арміи было до 22.000 человекъ, а донцовъ-бѣженцевъ свыше 13,500 душъ.

Задачи, составъ и права Комитета опредѣлены такъ:

Въ составъ Комитета вошли:

В. А. Апостоловъ	} отъ Дона.
С. И. Бобриковъ	
А. В. Калашниковъ	
П. А. Скачковъ	
А. А. Компанеевъ	} отъ Кубани.
Н. А. Подушка	
Я. Л. Шулякъ	
В. И. Баскаковъ	
Д. С. Писаренко	} отъ Терцевъ.
И. Н. Рогожинъ	
Г. П. Кругликовъ	
С. Б. Бояновъ	} отъ Астраханцевъ.
И. Ф. Скрѣпинскій	
В. М. Красновъ	
С. Н. Сиринъ	} отъ Ставропольцевъ.
Н. П. Воробьевъ	
И. В. Арацковъ	
В. И. Карповъ	} отъ Черноморской губ.
С. В. Тюменовъ (консулт.)	
С. И. Чернышевъ	
Э. Штедингъ	отъ горной промышленности.
И. А. Маймулинъ	отъ Армавирь-Туапсинской ж. д.
А. Н. Ефремовъ	отъ Черноморской ж. д.
В. М. Бухштабъ	отъ Объединенія городскихъ гласныхъ.
Д. С. Иваненковъ	} кооптированы.
П. М. Сальниковъ	
В. П. Семеновъ	

Предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ Объединеннымъ Совѣтомъ В. А. Апостоловъ, а Предсѣдателемъ Правленія Д. С. Писаренко. Въ члены Правленія избраны: И. В. Маймулинъ и А. Подушка (послѣдній былъ секретаремъ и Комитета и Правленія).

Для выполненія поставленной ему задачи Комитетъ образовалъ шесть секцій:

1. финансовую;
2. сельско-хозяйственную;
3. транспортную;
4. продовольствія и снабженія;
5. народнаго здравія и
6. торгово-промышленную.

Численный составъ секцій былъ таковъ:

1. Финансовая (съ предсѣдателемъ Д. С. Писаренко и Н. А. Подушка секретаремъ) — 17 членовъ;

2. Сельско-хозяйственная (съ предсѣдателемъ Я. Л. Шулякомъ и секретаремъ Д. С. Иваненковымъ) — 12 членовъ;

3. Транспортная (съ предсѣдателемъ И. А. Маймулинымъ и секретаремъ А. Н. Ефремовымъ) — 9 членовъ;

4. Продовольствія и снабженія (съ предсѣдателемъ С. И. Чернышовымъ и секретаремъ В. М. Красновымъ) — 8 членовъ;

5. Народнаго здравія (съ предсѣдателемъ С. К. Каклюгинымъ и секретаремъ С. Н. Сиринымъ) — 5 членовъ;

6. Торгово-промышленная (съ предсѣдателемъ С. И. Чернышевымъ и секретаремъ В. П. Семеновымъ) — 34 члена.

Къ работѣ секцій были привлечены въ качествѣ сотрудниковъ: С. В. Верховской, А. А. Севрюговъ, В. С. Говаловъ, инж. А. А. Бѣляевъ, В. П. Марковъ, В. И. Кешилава, А. Алфераки, М. Е. Скобцовъ, Е. К. Трутовскій, Н. Н. Киселевъ, Н. А. Балбашевскій, И. Д. Теркинъ, В. П. Пятаковъ, С. А. Кривенко, М. Н. Султанъ-Гирей, Наторовъ, С. Г. Улагай.

Пять мѣсяцевъ напряженной работы секцій и комитета дали въ результатъ всестороннее освѣщеніе отраслей промышленной и торговой дѣятельности населенія всего Юго-Востока Россіи. Въ работѣ участвовали почти всѣ находившіеся въ то время въ эмиграціи силы по всѣмъ видамъ крупной и средней промышленности. Собраны доклады, записки, монографіи по вопросамъ народно-хозяйственной жизни Юго-Востока. Издана въ крупномъ масштабѣ подробнѣйшая торгово-промышленная карта Юго-Востока.

Весь этотъ матеріалъ, сведенный въ систему, открываетъ возможность Объединенному Совѣту Дона, Кубани и Терека приступить къ изысканію наилучшихъ путей къ привлеченію иностраннаго капитала, какъ для экономическаго возрожденія Юго-Востока Россіи, такъ и для снабженія населенія всѣмъ необходимымъ въ періодъ острой нужды его.

Работы Комитета были поведены энергично и широкимъ фронтомъ и нынѣ, не касаясь пока подробностей въ трудахъ Комитета, что будетъ сдѣлано позже, можно дать лишь общую оцѣнку его работъ.

Характеризуя эту работу, какъ подготовительную для Объединеннаго Совѣта Дона, Кубани и Терека, надо замѣтить, что въ ней казачество, осуществляя свое объединеніе, сопровождается недоброжелательнымъ отношеніемъ и среди шума не желающихъ понимать сущность задачи объединенія, отодвигаетъ на второй планъ вопросы политическаго характера, признавая за ними, однако, значеніе главныхъ и основныхъ.

Выбравъ такую линію въ направленіи своихъ работъ, Объединенному Совѣту черезъ Комитетъ Экономическаго Возрожденія Юго-Востока Россіи пришлось собрать и пересмотрѣть возможно полныя данныя о всѣхъ экономическихъ факторахъ Юго-Востока къ началу войны и о состояніи тѣхъ же данныхъ, относящихся ко времени гнета коммунистическаго опыта въ Россіи.

Какъ ни печальны выводы, къ которымъ приводятъ работы Комитета, они, однако, должны послужить основой для правильнаго освѣщенія въ русскихъ, а особенно въ западно-европейскихъ и

заокеанскихъ дѣловыхъ и финансовыхъ кругахъ перспективъ для капитала, который направится въ эту богатую часть Россіи и который поставитъ для себя цѣлью не только извлечь личную выгоду, но и оказать поддержку народному хозяйству Юго-Востока, ожививъ промышленную и сельско-хозяйственную работу страны.

Ф. Львовъ.

О РАБОТАХЪ КОМИТЕТА ЭКОНОМИЧЕСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ ЮГО-ВОСТОКА РОССІИ.

Вредоносность продолженія господства совѣтской власти надъ Россіей мучительно ощущается и ярко сознается русской эмиграціей. Силою вещей послѣдняя помимо заботъ о собственномъ пропитаніи поставлена передъ двумя основными задачами. Первая состоитъ въ неослабномъ внимательномъ информированіи Западной Европы и Новаго Свѣта о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Россіи, о природѣ совѣтской власти, а также въ неуклонномъ идейномъ противодѣйствіи всякимъ попыткамъ, откуда бы они не исходили, къ расхищенію Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта задача, хотя не достаточно согласованно, на разные лады, выполнялась и, можно сказать, выполнена не безъ успѣха. Въ совѣтскій міръ понялъ, наконецъ, существо дѣла и съ каждымъ днемъ все болѣе отшатывается отъ совѣтской власти, поскольку онъ не заинтересованъ въ дальнѣйшемъ ея существованіи. Истекшіи со времени Генуэзской конференціи годъ весьма убѣдительно объ этомъ свидѣлствуетъ. Страны Запада, въ лицѣ руководителей внѣшней политики, все рѣзче начинаютъ отмежевываться отъ официальной Россіи, а общественное мнѣніе, проникаясь сочувствіемъ къ страданіямъ русскаго народа, все болѣе становится на его сторону, накопляя въ себѣ негодованіе противъ рѣзкихъ приемовъ «русской власти». Другая задача, поставленная себѣ эмиграціей, состоитъ въ подготовкѣ своихъ силъ и мирового общественнаго мнѣнія и, въ особенности, финансово-торгово-промышленнаго міра къ участію въ возстановленіи Россіи.

Тема о возрожденіи Россіи не можетъ не поражать грандіозностью своего масштаба. Всѣ элементы духовной жизни, всѣ стороны культурнаго бытія, всѣ отрасли народнаго хозяйства подверглись столь всеобъемлющему губительному разгрому, что требуется напряженіе всѣхъ силъ русскаго народа и настолько значительная доля дѣйствительнаго благожелательнаго, хотя бы и не лишеннаго матеріальной заинтересованности, участія иностранцевъ трудомъ и капиталомъ, что лишь при соединеніи этихъ двухъ факторовъ окажется возможнымъ оборвать процессъ обнищанія и вымиранія Россіи и дать ей должный притокъ ресурсовъ, чтобы окрѣпнуть и вступить на путь варварски прерваннаго духовнаго роста и матеріальнаго развитія. Существенно при этомъ имѣть въ виду, что культурное развитіе въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, предпо-

лагающая наличность благоприятной материальной базы, всегда было и будет неразрывно связано с ростом производительных сил. Вне тенденции последних к действительному развитию не будет ни у государственной власти, ни у населения средств к обогащению своей духовной сферы, общим же источником этих средств может служить лишь всероссийская продукция населения.

Находящиеся за-границей русские ученые, техники, промышленники, финансисты — теоретики и практики — каждый по своей специальности и сообщая по общим вопросам неуклонно следят за процессом культурного и экономического разрушения России и столь же внимательно работают над решением проблемы ее воссоздания. Русский Париж, Лондон, Нью-Йорк, Прага и Берлин, в общей прессе и специальных изданиях, ведут разработку данной проблемы, охватывая ее со всех сторон.

Той же теме не мог не коснуться Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека, сформировавшийся еще в Константинопольский специальный Комитет Экономического возрождения Юго-Востока России. Под последним в работах Комитета разумелся край, состоявший, по дореволюционному административному делению Европейской России, из областей Донской, Кубанской и Терской и губерний: Астраханской, Ставропольской и Черноморской.

Обособленное рассмотрение процесса экономического восстановления Юго-Востока имеет свое объяснение с разных точек зрения.

Прежде всего на Юго-Восток, во время наиболее напряженной борьбы с большевизмом, быстро сформировалась и деятельно проявила себя самостоятельная государственная власть, притом построенная всецело на идеях широкого народоуправства. Войсковые Круги и Рада после овладения большевиками центральной государственной властью, оказались той высшей властью на Юго-Востоке, которая сумела быстро восстановить в этой части России полный порядок и повести планомерную военную и политическую борьбу против наседавшего большевизма. Не вина Юго-Востока, что эта борьба не привела к торжеству контр-большевизма. Местное население в этой борьбе проявило, во всяком случае, такое исключительное участие и напряжение, какого не наблюдалось ни в одной другой части Российского государства. Организация на Юго-Восток выборной власти, вместе с сформированной ею Армией, отступившей за пределы Родины, дала возможность Правительствам Юго-восточных государственных образований поставить вопрос о возрождении Юго-Востока России на очередь, как государственную задачу, входившую в круг ее компетенции и обязанностей.

Следующим основанием к выделению Юго-Востока является характер этого края в бытовом отношении и роль основного ядра его населения в истории и жизни русского государства. Юго-Восток России — край казачий, обильно политый в течение столетий кровью казачества в борьбе за занимавшиеся им с боя земли и за Россию с общими врагами. Эта военная борьба

выработала в казачестве особый склад характера, дух внутренней дисциплины и товарищеской солидарности. Стремление к простору, отсутствие крепостного права на протяжении всей истории казачества и суровая военная жизнь создали в нем тот подлинный демократический духовный облик, при котором высоко ценятся личные заслуги, а не привилегии классового происхождения. Эта жизненная школа и свободная от сословной опеки личность оказались, как это показали революционные годы, достаточными для творческого государственного строительства.

Этот край является казачьим и по имущественному положению в нем казачества. Ему принадлежат на праве собственности громадные земельные пространства с их недрами. Общая площадь этих земель равна территории острова Великобритания. Казачеству же принадлежит право пользования морскими, речными и озерными водами в пределах края.

Затем с точки зрения децентралистического метода восстановления России, Юго-Восток, являющийся обильной житницей, вывозившей за свои пределы в довоенное время до 230 милл. пудов одних только хлебов, может послужить исходной базой для общего экономического возрождения России, обеспечив для нее недостающие продукты питания.

Комитет Экономического Возрождения в течение осенних и зимних месяцев 1921—1922 года закончил свою весьма сложную работу по изучению проблемы экономического восстановления края.

Специальное «Положение» об учреждении комитета определило его задачи, в число которых вошли:

- а) разработка подробного плана восстановления сельского хозяйства и промышленности Юго-Востока России,
- б) разработка подробного плана снабжения населения Юго-Востока России продовольствием, предметами личного потребления и необходимыми орудиями труда,
- в) разработка плана восстановления жел. дор., морского и речного транспорта,
- г) изучение иностранных рынков и установление связи с различными финансовыми и торгово-промышленными организациями,
- д) подготовка условных заказов на случай возвращения в свой край,
- е) изыскание товарного кредита,
- ж) изыскание наилучших путей к привлечению иностранного капитала как для экономического возрождения Юго-Востока, так и для снабжения населения всем необходимым в период острой нужды его.

Будучи сведены к более общим группировкам, задачи Комитета могли быть определены следующим образом:

1. Разработка подробного плана восстановления всех отраслей народного хозяйства Юго-Востока России: сельского хозяйства в широком смысле этого слова, горного дела, промышленности и всех видов транспорта;

2. изыскание путей къ проведенію этого плана въ жизнь, въ частности, изученіе путей привлеченія иностраннаго капитала и иностранныхъ рынковъ, товарнаго кредита, а равно установленіе связи съ торгово-промышленнымъ міромъ и подготовка условныхъ заказовъ;

3. разработка плана снабженія населенія Юго-Востока необходимыми предметами потребленія¹⁾.

Распредѣливъ свои силы на пять секцій, комитетъ поручилъ составленіе докладовъ специалистамъ, подвергая выкладки послѣднихъ обсужденію въ общихъ собраніяхъ.

Схема каждаго доклада, естественно, слагалась по одному общему типу: каково было состояніе данной отрасли въ прошломъ, каковы размѣры происшедшихъ въ ней хозяйственныхъ опустошеній, ея состояніе къ опредѣлившемуся работами Комитета моменту, каковъ размѣръ необходимыхъ средствъ для возстановленія, гдѣ и какъ изыскать необходимыя средства.

Однако въ ходѣ своихъ работъ, Комитетъ долженъ былъ, при обсужденіи частныхъ темъ, выдвинуть и вопросъ объ общей структурѣ той экономической системы, при наличности которой возможенъ процессъ экономического возстановленія Юго-Востока. Выборъ, если не считать системъ народнаго хозяйства, отошедшихъ всецѣло въ область исторіи, могъ производиться лишь между капиталистическимъ строемъ, характернымъ для экономическихъ взаимоотношеній въ предѣлахъ цивилизованныхъ государствъ, и въ международномъ экономическомъ оборотѣ, и той системой коммунизма, который насильственно вводился въ Россію. Необходимость этого выбора должна была выводить сужденія Комитета изъ разсмотрѣнія всей совокупности чисто экономическихъ вопросовъ въ область социологическихъ идей и связанныхъ съ ними политическихъ проблемъ.

Краткія данныя и цифры о быломъ экономическомъ положеніи и тенденціяхъ хозяйственнаго развитія Юго-Востока Россіи по даннымъ Комитета таковы:

Занимая 12,4 % европейской территоріи Россіи, Юго-Восточный край охватываетъ площадь въ 632.694 кв. километровъ, превосходя своими размѣрами территорію Франціи, безъ колоній, на 157.547 кв. километровъ. Населеніе этого края по даннымъ на 1-е января 1915 года исчислялось въ 11,362.300 человекъ, къ осени же 1921 г. возросло, вслѣдствіе притока населенія изъ большевизированныхъ губерній, до 12,380.000 душъ. На долю сельскаго населенія приходилось здѣсь до 88,7 %, а остальное населеніе падало на города.

Основными промыслами Юго-Востока являются земледѣліе и животноводство, садоводство и огородничество, культура техническихъ растений (табаку, масличныхъ сѣмянъ, свекловицы), рыболовство, пчеловодство, широко представлено было на Юго-Востоку горное и отчасти горнозаводское дѣло. Значительное развитіе получили и нѣкоторыя изъ отраслей промышленности.

¹⁾ Снабженіе населенія орудіями труда, естественно, должно быть отнесено къ возстановленію сельскаго хозяйства, такъ какъ это снабженіе носитъ производительное, а не потребительное значеніе.

Производство всѣхъ хлѣбовъ на Юго-Востоку составляло, по даннымъ за пятилѣтіе 1911—1915 г. г., до 643 милл. пудовъ въ годъ, достигая 12 $\frac{1}{2}$ % ежегоднаго общероссійскаго урожая, причемъ главными хлѣбами были ячмень и пшеница, избытокъ которыхъ вывозился какъ въ предѣлы прочихъ губерній, такъ въ особенности за границу. Общая сумма зерновыхъ хлѣбовъ достигала 230 милл. пудовъ, стоимостью до 200 милл. зол. рублей. Такой результатъ получался въ 1,835.000 хозяйствахъ, при ежегодной запашкѣ во всемъ краѣ до 13 милл. десятинъ. По вычисленіямъ специалистовъ эта площадь можетъ быть увеличена, при наличности неиспользованныхъ земельныхъ пространствъ, до 20 милл. десятинъ.

Животноводство повсемѣстно представлено было здѣсь многочисленными стадами рогатаго скота, табунами лошадей, отарами овецъ. Постепенно развивалось также свиноводство и козоводство. По даннымъ 1914 года, страдающимъ въ сторону уменьшенія, число лошадей въ краѣ доходило до 3 милл., крупнаго рогатаго скота было свыше 6 милл., овецъ — свыше 10 милл., свиней свыше 1,5 милл., козъ — свыше 0,5 милл. Стоимость вывоза въ томъ же году скота и продуктовъ животноводства превышала 30 милл. золотыхъ рублей.

Садоводство культивируется на Юго-Востоку для собственнаго употребленія, такъ и съ промышленными цѣлями. Почвенныя и климатическія условія особенно благоприятствуютъ послѣднему въ Черноморской губерніи и на югѣ Кубанской Области. Общая площадь подъ садами по всему краю превосходила 47 тыс. десятинъ.

Значительное развитіе получило виноградарство и винодѣліе, пріобрѣтавшее промышленный характеръ. Площадь подъ виноградниками занимала болѣе 38.000 десятинъ, дававшихъ сборъ до 6,25 милл. пудовъ винограда, вина же изготовлялось свыше 3 милл. пудовъ.

Огородничество, которое носитъ здѣсь преимущественно потребительскій, пріусадебный, а отчасти, и промышленный характеръ, занимало территорію до 1 милл. десятинъ, съ валовымъ доходомъ до 150 милл. зол. рублей.

Культура табаку, занимая по всему Юго-Востоку, преимущественно въ Кубанской области и Черноморской губ. въ 1914—15 году до 14.230 десятинъ, давала ежегодный сборъ до 1 милл. пудовъ высокихъ его сортовъ; къ 1917 г. табачныя плантаціи по одной лишь Кубанской области возросли уже до 24000 десятинъ, съ производствомъ до 2 милл. пудовъ.

Птицеводство, будучи лишь отчасти поставлено на промышленный типъ, все же давало экспортъ однихъ яицъ до 3—4 милл. пудовъ ежегодно.

Продукты пчеловодства, по даннымъ 1914 года, составляли стоимость не менѣе $\frac{1}{4}$ милл. зол. рублей.

Крупнѣйшую роль въ экономической жизни Ю.-В. играло рыболовство. Въ Астраханскомъ, Каспійско-Терскомъ, Азовско-Донскомъ, Кубанскомъ и Черноморскомъ рыболовныхъ районахъ, еще по даннымъ 1917 г., уловъ достигалъ 65% общаго улова по Европейской Россіи, равнаго тогда 67 милл. пудовъ.

Здѣсь необходимо отмѣтить главнѣйшія особенности въ положеніи сельскаго хозяйства на Ю.-В., понимая послѣднее въ широкомъ смыслѣ слова, въ сравненіи съ прочими, въ особенности, центральными губерніями Россіи. Прежде всего два слова о технику мѣстнаго хозяйства. Будучи сравнительно мало интенсивнымъ съ точки зрѣнія преобладавшихъ здѣсь, въ массѣ, системъ полеводства, сельское хозяйство Ю.-В. Россіи характеризуется, однако, широкимъ использованием механическихъ средствъ и въ этомъ отношеніи значительно опережаетъ центральную Россію: заводскій желѣзный плугъ, желѣзныя бороны, рядовыя сѣялки, конныя грабли, жатки, паровыя молотилки и другія машины получили здѣсь, на Югѣ-Востоку большое распространеніе. Машина для казака и мѣстнаго крестьянина является въ массѣ хозяйствъ обязательной принадлежностью и желаннымъ орудіемъ труда, на приобретеніе котораго копяты средства до благопріятнаго момента. Въ этомъ создавшемся стремленіи населенія къ использованию изобрѣтеній сельскохозяйственной механики — вѣрный залогъ къ дальнѣйшей механизации Юго-Восточнаго сельскаго хозяйства. Не менѣе важна и экономическая природа послѣдняго. Юго-Востокъ, располагая, сравнительно съ остальными губерніями, большимъ земельнымъ обеспеченіемъ, имѣлъ возможность широко развивать и дѣйствительно развилъ товарное производство зерновыхъ продуктовъ, несмотря на экстенсивный характеръ удержавшихся здѣсь системъ полеводства. Въ большой степени представленная здѣсь товарная система хозяйства, съ производствомъ на широкомъ внутреннемъ и вѣншнемъ рынкахъ, свидѣтельствуешь, какъ о благопріятномъ характерѣ мѣстныхъ условій для нея (наличность судоходныхъ рѣкъ, и жел. дорогъ, близость хорошо оборудованныхъ портовъ и морскихъ путей), такъ и о тенденціи населенія къ возможно полной утилизациі земельнаго пространства не только на потребительскомъ, но все болѣе и болѣе на промышленномъ началѣ. Эта экономическая особенность края успѣла уже отчетливо выявиться какъ въ отношеніи зерновыхъ, такъ и въ быстро возростающемъ распространеніи культуръ техническихъ. Если въ значительной части Ю.-В. еще преобладали экстенсивныя системы полеводства, то причина тому больше кроется въ географическихъ и почвенныхъ условіяхъ мѣстности и недостаточности сельскохозяйственнаго образованія, чѣмъ въ косности населенія. Стремленіе же послѣдняго къ возможной интенсификаціи сельскаго хозяйства стало замѣтно усиливаться, — тѣмъ самымъ почва для улучшеній въ этомъ дѣлѣ должна быть признана въ значительной степени подготовленной.

По состоянію своего животноводства Юго-Востокъ также выгодно выдѣлялся среди губерній Европейской Россіи. Рогатый скотъ, обладавшій здѣсь самъ по себѣ высокими качествами, улучшался иностранными производителями; коневодство, какъ казачье и крестьянское, такъ особенно, частновладельческое, стояло на завидной высотѣ; тонкорунное овцеводство представлено было въ большихъ размѣрахъ специалистами овцеводами, грубошерстное — мясное было предметомъ вниманія почти каждаго сельскаго хозяина.

На Юго-Востокъ, въ указанныхъ выше предѣлахъ, падаетъ одна треть Донецкаго каменноугольнаго бассейна, приходящаяся всецѣло на Донскую Область. Здѣсь широко велась разработка какъ антрацитовыхъ, такъ и угольныхъ мѣсторожденій, съ производствомъ въ 1914 г. до 500 милл. пудовъ тѣхъ и другихъ углей, при 60.000 рабочихъ на рудникахъ. Размѣры этого производства говорятъ уже о его значеніи какъ для мѣстной хозяйственной жизни, такъ и для Россіи вообще. Въ предѣлы прочихъ губерній Юго-Востокъ по даннымъ 1914 года вывозилъ до 279 милл. пудовъ угля, используя остальное на рудникахъ и въ своихъ границахъ.

Территорія Юго-Востока богата, помимо прочаго, нефтеносными землями. Одинъ изъ нефтеносныхъ районовъ находится на Терекѣ, около города Грознаго, другой на Кубани, вблизи гор. Майкопа. Кроме того, нефтяныя источники малой пока разработки находятся въ окрестностяхъ Анапы, Крымской, Абинской, Екатеринодара и Моздока. Производительность грозненскаго района, быстро увеличиваясь, превысила къ 1917 г. 106 милл. пудовъ, въ майкопскомъ же въ 1915 году доведена была до 7 милл. пудовъ. Оба района имѣютъ всѣ основанія для дальнѣйшаго роста.

При наличности въ разсматриваемомъ краѣ зарегистрированныхъ мѣсторожденій серебра, свинца, цинка, золота, мѣди, желѣза, сѣры и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, промышленная разработка въ большомъ масштабѣ велась лишь въ Горной Осетіи, гдѣ добывались свинецъ и серебро, съ побочными продуктами.

Участіе Юго-Востока въ металлургической промышленности, составляя $\frac{1}{7}$ русскаго производства, выражалось, по даннымъ 1909 года въ выплавкѣ 26 милл. пудовъ чугуна на трехъ крупныхъ заводахъ, каждый изъ которыхъ производилъ къ тому же и стальные фабрикатъ, рассчитанные на общія и мѣстныя потребности края, — для судостроенія, нефтяной промышленности и проч.

Въ предѣлахъ Астраханской губ., относящейся къ Юго-Востоку, до войны добывалось до 80 милл. пудовъ соли, что составляло $\frac{2}{3}$ всей Россійской выработки этого продукта.

Широкое распространеніе въ связи съ состояніемъ и производностью сельскаго хозяйства Юго-Востока Россіи получило мукомольное дѣло. Число вальцевыхъ мельницъ для 1914 года достигало уже 600 предприятий съ 2.500 вальцевыми станками, перемалывавшими до 170 милл. пудовъ пшеницы и ржи, причемъ товарное мукомолье составляло 10% общероссійской производности.

Размѣры маслосбойнаго дѣла въ краѣ, еще для 1912 года, опредѣлялись 49 заводами, изъ которыхъ 34 Кубанскихъ завода производили до 7 милл. пудовъ масла.

Винокуреніе Юго-Востока измѣрялось, при двадцати ректификационныхъ заводахъ, тремя миллионами ведеръ 40° спирта.

Табачная промышленность была представлена крупными фабриками по производству высокихъ сортовъ табаку и массѣ папиросъ, продажная стоимость которыхъ въ 1912 году превосходила 10 милл.

зол. рублей. Потребление табаков этими фабриками для 1911 года выразилось величиной 462.562 пуд. русских табаков.

Кожевенное производство, будучи по размерам своей выработки в 1916 г., по абсолютным цифрам, довольно значительным, приближаясь к полумиллиону пудов, далеко не соответствовало однако количеству наличного в крае сырья, но размеры эти начинали неуклонно расти.

Из минеральных строительных материалов на Юго-Востоке в крупнейших предприятиях изготовлялось до 3,5 милл. десятипудовых бочек цемента. В крае для местных нужд производится повсюду кирпич, черепица и др. строительные материалы.

Лесные богатства Юго-Востока, включавшего наиболее лесистые районы южной России, (Черноморская губ. и Кубанская Обл.), измѣряются площадью свыше 3.4 милл. десятин, съ громадным запасом древесины. Но лесное дѣло не получило еще значительнаго развитія, сколько-нибудь отвѣчающаго этимъ богатствамъ.

Пути сообщения представлены на Юго-Востоке желѣзными дорогами общей протяженностью до 4250 верстъ и 2000 верстъ второй колѣи, шоссевыми дорогами свыше — 700 верстъ; рѣчными путями являются Донъ, Волга отъ Царицына до устья, Кубань и Протокъ; береговая линия Азовскаго, Чернаго и Каспійскаго морей на протяженіи 1300 верстъ доступна для морскаго транспорта. Первокласное значеніе среди портовъ Юго-Востока имѣютъ Новороссійскъ и Ростовъ, а затѣмъ идутъ Астрахань, Таганрогъ, Ейскъ, Туапсе, Приморско-Ахтырская, Анапа, Геленджикъ, Сочи, Адлеръ и др.

Минеральные источники, морскія купанья, соляныя рапныя озера и грязи, климатолечебные пункты на пространствѣ Юго-Востока Россіи служатъ немалозначительнымъ дополненіемъ къ общей суммѣ природныхъ богатствъ края. Группа терскихъ минеральныхъ источниковъ, такъ называемыя «Кавказскія Минеральныя Воды», Кисловодскъ, Ессентуки, Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Нальчикъ, Таберда, Мацеста, Красная Поляна, Горячеводскъ и ми. др. къ 1914 г. являлись въ значительной мѣрѣ крупнымъ факторомъ въ хозяйственной жизни Юго-Востока. Они помогали сохранить внутри страны значительную часть тѣхъ 30 милл. зол. рублей, которые ежегодно вывозились русскими на иностранныя курорты.

Размеры опустошеній въ хозяйственной жизни Юго-Востока исчислены Комитетомъ по состоянію къ началу 1922 года. Въ настоящее время они во многихъ отношеніяхъ ушли еще дальше. Приведемъ лишь главнѣйшія изъ цифръ, характерныя для паденія экономики Юго-Востока.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, занимающемъ первенственное положеніе въ краѣ, въ 1921 году, посѣвная площадь сократилась на 65% по сравненію съ довоеннымъ временемъ. Былыя запасы зерна исчерпаны до конца. Сѣменной фондъ растроченъ безъ остатка. Гибель рабочаго скота для всего края, различаясь по отдѣльнымъ территориямъ, привела къ уменьшенію его до $\frac{1}{3}$ прежняго количества. Племенной и заводской скотъ, тонкорунное овцеводство погибли совершенно, Сельско-хозяйственный инвентарь пришелъ въ

окончательный упадокъ и едва ли составляетъ 30% довоеннаго количества. Наступившій въ 1922 году голодъ въ этой житницѣ знаменовалъ собою результатъ хозяйственнаго ея упадка.

Въ промышленности разрушительный процессъ оказался столь всеобъемлющимъ, что почти все предпріятія по обработкѣ пищевыхъ веществъ прекратили свою работу по отсутствію сырыхъ материаловъ сельско-хозяйственнаго происхожденія. А между тѣмъ, такихъ предпріятій насчитывалось ранѣе до 5% общероссійскаго ихъ количества. Можно не приводить данныхъ объ упадкѣ производительности по прочимъ отраслямъ промышленности ко времени работъ Комитета. Здѣсь достаточно лишь отмѣтить общую тенденцію ея къ дальнѣйшему упадку. Промышленность все болѣе и болѣе «свертывается», подходя къ чертѣ, за которой слѣдуетъ полный параличъ.

Систематизировавъ матеріалы, относящіеся къ бывшему положенію народнаго богатства на Юго-Востоке, опредѣливъ характерныя его особенности и тенденціи его развитія, а также результаты упадка хозяйства, Комитетъ Экономическаго Возрожденія долженъ былъ перейти въ своихъ работахъ къ созидательному плану.

Учитывая первенствующее значеніе сельскаго хозяйства въ экономической жизни Юго-Востока, и сельско-хозяйственная секція Комитета и Комитетъ въ цѣломъ обсужденію способовъ возрожденія сельскаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ этого слова отвели достойное вниманіе. Исходя изъ цифръ довоенной площади запашки, Комитетъ намѣтилъ пути къ возстановленію посѣвной площади до прежнихъ размѣровъ. При исчисленномъ секціей уменьшеніи количества рогатаго скота и лошадей, являвшихся тяговою силой для сельско-хозяйственныхъ работъ, при невозможности быстрого увеличенія этого количества, Комитетъ высказался и подобно разработалъ вопросъ о широкомъ примѣненіи механической силы въ сельскомъ хозяйствѣ Юго-Востока: тракторъ, механическій плугъ и другія сельско-хозяйственныя машины должны быть введены въ предѣлы Юго-Востока въ настолько значительномъ числѣ, что бы замѣнить собою упадокъ въ рабочемъ скотѣ. Въ отношеніи возстановленія животноводства отмѣчена необходимость плановѣрности въ этомъ дѣлѣ какъ съ точки зрѣнія увеличенія количества рабочаго скота, такъ и въ смыслѣ улучшенія местныхъ его породъ соответствующими мѣстными условіямъ производителями. Намѣчены мѣропріятія по возстановленію тонкоруннаго и грубошерстнаго овцеводства, мѣры къ развитію молочнаго хозяйства, маслодѣлія и сыроваренія, мѣры по организаціи племенныхъ разсадниковъ свиней, птицы и т. д. Равнымъ образомъ намѣчены пути возстановленія садоводства, огородничества, виноградарства, табаководства. Разсмотрѣны были и вопросы по организаціи нѣкоторыхъ отраслей сельско-хозяйственной обрабатывающей промышленности. Опредѣленъ былъ и потребный капиталъ для возстановленія сельскаго хозяйства Юго-Востока, съ учетомъ стоимости $4\frac{1}{2}$ тысячъ тракторовъ для пахоты. Исчисленъ былъ также необходимый капиталъ для возстановленія рыболовства.

Равнымъ образомъ опредѣлены размѣры потребнаго капитала для возстановленія каменноугольной и антрацитової промышленности, нефтяного дѣла, соляного промысла, мукомолья, винокурения, табачной промышленности, цементнаго дѣла, а также спичечнаго и поташнаго производства.

Важность для всѣхъ отраслей народнаго хозяйства несправнаго состоянія путей сообщенія побудила транспортную секцію и Комитетъ съ особымъ вниманіемъ остановиться на вопросахъ по возстановленію жел.-дорожнаго и воднаго транспорта. Были подробно рассмотрѣны общія задачи возстановленія транспорта, вопросы желѣзно-дорожнаго и морского и рѣчнаго транспорта, а также финансированія этого дѣла.

При рассмотрѣніи темы о созданіи новыхъ производствъ, для развитія и процвѣтанія которыхъ имѣются на Юго-Востокѣ необходимыя данныя, признано было необходимымъ обратить особенное вниманіе на производство льняное, хлопчато-бумажное и суконное, исчислены потребныя для этой цѣли капиталы.

Обнищаніе края, дошедшее до всеобщаго голода и крайней нужды въ отношеніи предметовъ первой необходимости, дало основанія для исчисленій, хотя бы въ объемѣ двухмѣсячной потребности, необходимаго количества продовольствія, мануфактуры, кожевеннаго товара и проч.

Кромѣ того, опредѣлены были и необходимыя расходы на приобрѣтеніе предметовъ санитарнаго оборудованія и медикаментовъ.

Конечный итогъ общей суммы средствъ для экономическаго возстановленія выраженъ, по изслѣдованіямъ Комитета, въ слѣдующей сводкѣ:

1. Продовольствіе и снабженіе	96,026.900	зол. рубл.
2. Сельское хозяйство	266,970.864	» »
3. Промышленность	132,514.000	» »
4. Транспортъ	200,000.000	» »
5. Здравоохраненіе	5,000.000	» »
Всего	700,511.764	зол. рубл.

Эта сумма была распределена на три основныхъ категоріи. Значительная часть потребностей предполагалась къ осуществленію въ частномъ порядкѣ, при благожелательномъ содѣйствіи власти. Этотъ путь признавался открытымъ для крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, обладающихъ сохранившимся капиталнымъ имуществомъ, подѣе обеспеченіе котораго возможно полученіе средствъ; далѣе, часть сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, будучи ввозима изъ-за границы и поступаая на вольный рынокъ, могла продаваться въ кредитъ подѣе гарантію урожая; жел.-дор. общества также смогли бы подѣе обеспеченіе своимъ имуществомъ найти необходимый кредитъ для цѣлей возстановленія. Общая сумма кредита, возможная къ полученію въ частномъ порядкѣ, опредѣлена Комитетомъ въ 477 милл. зол. рублей, т. е. въ 67% общей потребности. 2. Къ второй группѣ отнесены потребности, удовлетвореніе которыхъ предполагалось въ порядкѣ товарнаго кредита за

границей подѣе правительственную гарантію. Въ эту категорію включены тракторы и различныя другія сельско-хозяйственныя машины и орудія на сумму до 55,7 милл. рубл. зол. 3. Наконецъ, третью категорію составляли потребности, удовлетвореніе которыхъ могло быть достигнуто лишь путемъ полученія непосредственнаго денежнаго кредита за-границей. Сюда вошли расходы на продовольствіе и снабженіе, здравоохраненіе, а также часть расходовъ по сельскому хозяйству и промышленности, на общую сумму до 175 милл. зол. рублей.

Но въ виду исключительной важности нормально организованнаго денежнаго обращенія для всего экономическаго оборота въ предѣлахъ края, для его связи съ международнымъ оборотомъ, а равно и для государственныхъ финансовъ края, намѣченъ былъ путь къ созданію, на золотомъ основаніи, денежной системы. Въ этомъ направленіи Комитетомъ предусматривалась организація эмиссіоннаго и ипотечнаго банковъ, перваго съ капиталомъ до 200 милл. зол. рубл., втораго — 10 милл. зол. руб.

Вмѣстѣ съ 185 милл. руб., отнесенными къ изысканію въ непосредственно денежной формѣ, необходимая для организаціи денежнаго обращенія и кредита сумма въ 210 милл. руб. доводила общій итогъ денежнаго кредита до 385 милл. зол. рублей.

Иностранный кредитъ, который потребуется непосредственно въ денежной формѣ, предполагаетъ солидное обезпеченіе. Основой довѣрія для оказанія такого кредита прежде всего служатъ тѣ экономическія возможности, которыя широко представлены на Юго-Востокѣ, составляя базу для его быстрого поступательнаго экономическаго развитія: громадныя земельныя пространства сельско-хозяйственнаго назначенія, неиспользованныя лѣсныя богатства, угольныя и антрацитовыя мѣсторожденія, нефтеносныя земли, минеральныя источники, рыболовныя воды, соляныя разработки и прочіе природныя ресурсы при возстановленіи производительности труда населенія и нормальной финансово-экономической политикѣ власти, дадутъ возможность быстро ликвидировать ничтожный, въ сущности, кредитъ въ 385 милл. зол. рублей. Неосновательность сомнѣній въ этомъ направленіи совершенно очевидна. Возможность полученія потребнаго кредита къ тому же облегчается наличностью въ распоряженіи краевыхъ Правительствъ принадлежащихъ имъ на правѣ собственности громадныхъ земельныхъ пространствъ, нефтоносныхъ источниковъ и другихъ богатствъ.

Итакъ, Комитетомъ опредѣлены необходимыя для возстановительнаго процесса средства, намѣчены каналы для ихъ привлеченія, разработаны планы возстановленія для отдѣльныхъ отраслей народнаго хозяйства. Техническо-экономическая задача Комитета тѣмъ самымъ была закончена.

* * *

По завершеніи работы съ исключительной выпуклостью должны были выдвинуться проблемы другаго порядка.

Въ началѣ настоящей статьи отмѣчено было, что основной причиной всего хозяйственного упадка и распада Россіи является водворившаяся въ ней власть. Возможность возстановленія Юго-Востока при наличности этой власти Комитетомъ рѣшительно отвергается. Тѣмъ самымъ выборъ экономической системы — капиталистической или коммунистической — былъ сдѣланъ. Первѣйшей предпосылкой возстановленія признано, что —

«Возстановленіе Юго-Востока Россіи можетъ начаться только послѣ низложенія совѣтской власти. Никакая эволюція ея экономической политики, никакія уступки здравому хозяйственному смыслу и историческому опыту со стороны этой власти еще недостаточны для дѣйствительнаго начала хозяйственнаго возрожденія».

Эта призванная Комитетомъ посылка экономического возстановленія Россіи и, въ частности, Юго-Востока ея, является основной. Лишь при соблюденіи ея Юго-Востокъ сможетъ снова войти въ нормальный для всего міра экономической оборотъ, основанный на принципѣ частной собственности и обязательности договоровъ, войти тѣмъ самымъ въ сферу международного кредита, столь необходимаго для возстановительнаго процесса. Цитированное постановленіе Комитета знаменуетъ полное отрппаніе коммунистической системы и признаніе тѣхъ основныхъ началъ, на коихъ зиждется повсюду строй экономическихъ взаимоотношеній.

Государственно-политическія проблемы, выдвинутыя Комитетомъ, охватываютъ двѣ основныя категоріи вопросовъ: 1. характеръ внутренняго политическаго строя въ предѣлахъ Юго-Востока и основы его внутренней экономической политики, и 2. вопросы о взаимоотношеніи Юго-Востока съ остальными частями Россіи, какъ въ сферѣ государственной, такъ и въ области экономической.

Въ первомъ направленіи рѣшительно выдвигается идея народоправства, а для внутренней экономической политики — свобода частной инициативы съ сохраненіемъ за государственной властью права законодательнаго ея регулированія въ общихъ интересахъ, а равно содѣйствіе развитію тѣхъ отраслей хозяйства, притокъ частныхъ средствъ въ которыя мало вѣроятенъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующіе три пункта:

1. «Только правовой и демократическій строй, подчиненный господству закона, утверждаемаго народнымъ волеизъявленіемъ и неуклонно соблюдаемаго подотчетными народному представительству органами правленія, — способенъ обезпечить за дѣломъ экономического возстановленія всѣ политическія гарантіи его прочности и дѣйствительности.»

2. «Въ соотвѣтствіи съ возстановленіемъ всѣхъ конституціонныхъ гарантій, провозглашается безусловная свобода труда, частной предпримчивости и коммерческой инициативы. Вънѣшняя и внутренняя торговля также объявляется свободной съ сохраненіемъ за объединеннымъ правительствомъ права ея регулированія таможенными пошлинами, ж.-д. тарифами и ставками прямого и косвеннаго обложенія.»

3. «Осуществляя намѣченную имъ программу экономического возстановленія, правительство Юго-Востока, помимо всемирнаго покровительства привлеченію капиталовъ въ порядкѣ частной инициативы, выдѣляетъ изъ возстановительной программы тѣ, подлежащія возстановленію или созданію отрасли народнаго хозяйства, немедленное финансированіе которыхъ можетъ не встрѣтить достаточнаго интереса съ точки зрѣнія предпринимательской прибыли, но представляется неотложнымъ въ интересахъ населенія. Расходы по возстановленію такихъ отраслей правительство принимаетъ на свои заботы, непосредственно изыскивая способы полученія для того иностраннаго кредита и организуя производство, главнымъ образомъ, путемъ содѣйствія русскимъ предпринимателямъ выдачей ссудъ на возстановленіе частично — разрушенныхъ предпріятій или учрежденіемъ акціонерныхъ компаній для созданія новыхъ и т. д.»

Вторая группа вопросовъ намѣчена къ разрѣшенію въ слѣдующихъ постановленіяхъ, опредѣляющихъ собою государственно-правовыя рамки для Юго-Востока:

1. «Немедленно по паденіи совѣтской власти на территоріи казачьихъ областей Юго-Востока возстанавливается законная и преемственная власть Атамановъ, выборныхъ Круговъ, Радъ и Войсковыхъ Правительствъ. Эта власть незамедлительно обновляетъ свой составъ въ порядкѣ новыхъ выборовъ въ соотвѣтствіи съ войсковыми конституціями. Одновременно учреждается объединеніе отдѣльныхъ войскъ въ тѣсный Юго-Восточный Союзъ, къ которому привлекается, въ соотвѣтствіи съ его интересами и желаніями, не-войсковое населеніе губерній Астраханской, Ставропольской и Черноморской. Созданное такимъ путемъ на демократическихъ основахъ правительство объединеннаго Юго-Востока и является руководителемъ единой политики экономического возстановленія края, устанавливающимъ единство финансовой системы, торговой политики, таможенныхъ законовъ и т. д.»

2. «По отношенію къ политическому и экономическому возрожденію всероссійской государственности, Юго-Востокъ считаетъ себя неразрывной частью единаго русскаго общенациональнаго организма. Экономическое возстановленіе Юго-Востока разсматривается какъ проблема всероссійскаго значенія. Правительство объединеннаго Юго-Восточнаго края опредѣляетъ себя субординированнымъ будущему законному, признанному народомъ, всероссійскому правительству въ качествѣ краевой власти автономной части государства. Только въ случаѣ, если освобожденіе Юго-Востока произойдетъ раньше освобожденія всей Россіи и образованія общепризнаннаго всероссійскаго правительства, правительство Юго-Востока, въ интересахъ населенія, временно усваиваетъ себя, впредь до образованія такого правительства, всю полноту государственной власти.»

По своей природѣ Комитетъ Экономическаго Возрожденія Юго-Востока былъ органомъ съ совѣщательными функціями. Въ силу этого намѣченный Комитетомъ планъ какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической сферахъ не можетъ почитаться окончательнымъ.

Если извлечь изъ изложенныхъ работъ Комитета наиболѣе общія центральныя идеи, то таковыми окажутся слѣдующія: 1. признаніе полнѣйшаго отрицанія коммунистической утопіи, со всею практикой террора меньшинства на пространствѣ всей Россіи и Юго-Востока, въ частности, 2. Безотговорочное признаніе необходимости правового демократическаго порядка, 3. Возстановленіе капиталистическаго строя, основаннаго на принципахъ частной собственности и экономической свободы, съ сохраненіемъ регулирующей роли государственной власти. Въ отношеніи финансово-экономической политики основными изъ выдвинутыхъ задачъ должны быть признаны: 1. уррегулированіе денежнаго обращенія и возстановленіе транспорта, необходимыхъ для всѣхъ безъ исключенія отраслей народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ, 2. всемѣрное содѣйствіе возстановленію сельскаго хозяйства и главнѣйшихъ отраслей промышленности путемъ оказанія благожелательной поддержки имъ къ привлеченію иностраннаго капитала, а равно и путемъ самостоятельнаго изысканія послѣдняго властью.

Что касается созданія новыхъ отраслей промышленности, широко развитыхъ въ центральной Россіи, но не представленныхъ на Юго-Востокѣ, то въ этомъ дѣлѣ, при наличности къ тому же конкуренціи Западной Европы и Америки, даже при полномъ признаніи желательности этого дѣла, пришлось бы преодолѣвать значительно большія трудности, чѣмъ при возстановленіи уже существующихъ промысловъ.

Правильность отправныхъ моментовъ въ работахъ Комитета въ отношеніи возстановленія Юго-Востока не вызываетъ сомнѣній и подтверждается, въ частности, и тѣмъ обстоятельствомъ, что другія русскія организаци (Парижа, Лондона и др.) въ своихъ сужденіяхъ относительно предпосылокъ для экономическаго возстановленія Россіи исходятъ изъ тѣхъ же принциповъ.

И. Мигулинскій.